МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Осипова Виктория Владимировна

Нетрадиционные религиозные движения в общественно-политической жизни России 1990-2015 гг.

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Полунов А.Ю.

МОСКВА
2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 4

Глава 1. Феномен нетрадиционных религий: историко-теоретические аспекты..... 25

1.1. Нетрадиционные религии: научно-теоретический подход к формулировке понятия 25

1.2. Исторические предпосылки возникновения и развития нетрадиционных религий в России 47

1.3. Изменение религиозной политики государства и активизация нетрадиционных религиозных движений в СССР и России 70

Глава 2. Формирование политико-правовых условий деятельности нетрадиционных религиозных движений 88

2.1. Законодательство в сфере свободы совести и вероисповедания: общественно-политические дискуссии и инициативы 1990-1993 гг..... 88

2.2. Региональные инициативы по регулированию деятельности нетрадиционных религиозных движений 1994-1997 гг. 109

2.3. Дискуссия о традиционных и нетрадиционных религиях в контексте принятия и реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1994-1999 гг. 121

2.4. Законодательные новации и правоприменительная практика в отношении нетрадиционных религиозных движений (2000-2015 гг.) 155

Глава 3. Взаимодействие институтов государственной власти с нетрадиционными религиозными движениями 186

3.1. Становление российской модели государственно-конфессиональных отношений (1990-1993 гг.) 186

3.2. Трансформация институциональной структуры государственно-конфессиональных отношений и место в ней нетрадиционных религиозных движений (1994-1997 гг.)..... 197

3.3. 1997-2015 гг.: эволюция органов власти, осуществлявших взаимодействие с нетрадиционными религиозными движениями на федеральном, региональном и местном уровнях 215
3.4. Практика включения религиозных движений в список экстремистских организаций (2003-2015 гг.) 239
Глава 4. Конструирование образа нетрадиционных религиозных движений в общественном сознании 263
4.1. Роль средств массовой информации в формировании представлений о деятельности нетрадиционных религиозных движений 263
4.2. Позиция Русской православной церкви и других традиционных религий России по отношению к нетрадиционным религиозным движениям 280
4.3. Антисектансткая (контркультовая) деятельность в Российской Федерации 306
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 322
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 326

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Российская Федерация является поликонфессиональным государством, формирование которого происходило на разных этапах истории в различных общественно-политических условиях. Религиозная сфера после изменения идеологической политики СССР в период перестройки претерпела глубокую трансформацию, что привело к утверждению новых взглядов на роль религии и религиозных организаций в жизни общества и государства. Государственно-конфессиональная политика с 1990 г. фактически начала формироваться в совершенно иных институциональных условиях, что в ряде случаев вело к конфликтам, пересмотру принципов и приоритетов во взаимоотношениях религиозных организаций и государства.

Истоки значительной части современных проблем и противоречий в государственно-конфессиональных отношениях берут свое начало в эпохе конца 1980-х – начала 1990-х гг., связанной с радикальной трансформацией религиозной жизни страны. Переосмысление роли религии в общественно-политической и духовно-нравственной жизни общества заключалось в отказе от догматически закостенелых представлений советского периода о религиозных организациях и признании позитивного влияния религии на духовное развитие общества. Изменения в общественно-политической жизни, вызванные провозглашением свободы совести и смягчением государственного контроля над духовной сферой потребовали введения нового правового регулирования и создания новых государственных институтов для взаимодействия с религиозными организациями.

Важнейшим компонентом разворачивавшихся с конца 1980-х гг. трансформаций стал выход на историческую арену нетрадиционных религиозных движений (НРД) – течений, отличавшихся по облику и вероучению от большинства укорененных в России конфессий, активно проповедовавших свои взгляды, стремившихся вовлекать в свои ряды широкие массы населения. Организация взаимодействия с НРД стала серьезной проблемой для государства,

общества и большинства традиционных религий. Столкновения с нетрадиционными движениями явились источником серьезных социальных конфликтов, сформировали негативный образ НРД в общественном мнении. В ряде случаев это вело к признанию нетрадиционных организаций экстремистскими, закреплению за ними репутации «тоталитарных сект» и «деструктивных культов». Формировалось представление о том, что приоритетной поддержкой государства должны пользоваться лишь исторически укорененные в России религии.

Настоящее исследование посвящено анализу процессов, разворачивающихся с 90-х гг. XX в. в связи с провозглашением в России религиозной свободы, появлением множества религиозных организаций и различного рода религиозных учений, поиском новой модели государственно-конфессиональных отношений. Накал дискуссий, беспрецедентный всплеск религиозной активности в обществе остро поставили вопрос о выстраивании политики, соответствующей новой системе общественных отношений. В данный период формируется законодательство, регулирующее деятельность религиозных организаций, активно начинают использоваться понятия «традиционных» и «нетрадиционных» религий. Актуальными представляются изучение социально-религиозных процессов, способных влиять на целостность и мировоззренческое единство общества, сущности конфликта между традиционными и нетрадиционными религиозными организациями. Указанное противостояние было связано с поляризацией общества и зависело от того, чью сторону поддерживали видные политические деятели того времени, экспертное сообщество или средства массовой информации.

Объектом исследования являются роль и место НРД в общественно-политической жизни России 1990-2015 гг.

Предметом исследования является деятельность государственных органов, общественных и религиозных организаций по отношению к НРД, взаимодействие нетрадиционных движений с этими институтами, восприятие данных движений общественным мнением.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1990-2015 гг. Процессы общественно-политической и социокультурной трансформации 1990-х гг. способствовали концептуальному переосмыслению места и роли религии в обществе, что проявилось в переходе к новым формам и методам взаимодействия государства с религиозными институтами, в реформировании системы государственных органов по делам религии, в демократизации правового регулирования деятельности религиозных объединений. Принятие в 1990 г. новых законов о свободе совести существенно повлияло на изменение условий функционирования религиозных институтов. Одним из последствий сложившейся ситуации стало резкое усиление активности новых для России религиозных движений. Это, в свою очередь, вызвало негативную реакцию крупнейших конфессий, части общества и политической элиты, привело к изменению законодательства в религиозной сфере, ужесточению надзора за нетрадиционными движениями. Последующие годы были отмечены острыми дискуссиями по вопросу о допустимых пределах религиозной свободы, возможности вмешательства государства в духовную жизнь общества. Определенное равновесие в области межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений было достигнуто к 2015 г. с внесением поправок в закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997), более четко определявших положение и принципы функционирования конфессиональных структур. В ходе мероприятий, посвященных отмечавшемуся в этом году 25-летнему юбилею принятия законов о свободе совести, развернулось широкое обсуждение результатов развития государственно-конфессиональных отношений за четверть века, были подведены итоги данного периода. В связи с этим 2015 г. избран в качестве верхней хронологической грани исследования.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией Российской Федерации в границах с 1990-2015 гг.

Степень изученности проблемы

Начало изучения НРД отечественными историками и религиоведами относится к 1970-80-м гг. Внимание исследователей – Е.Г. Балагушкина[1], П.С. Гуревича[2], Л.Н. Митрохина[3], Н.А. Трофимчука[4], А.И. Клибанова[5] и ряда других авторов[6] – привлек начавшийся в 1960-е гг. «религиозный бум» в США и странах Европы, выразившийся в появлении и распространении целого ряда неортодоксальных религиозных течений. В дальнейшем интерес к указанным явлениям сохранялся. Многие из ученых, работавших в 1970-80-е гг., продолжили научную деятельность в последующий период, опираясь на наработки более раннего времени[7]. Так, исследования Е.Г. Балагушкина, написанные в 2000-е гг., посвящены разработке нового теоретико-методологического подхода к изучению

[1] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. М., 1980; Его же. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984; Его же. Критика идеологии и практики современного кришнаизма. М., 1984.

[2] Гуревич П.С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире. Философско-публицистический очерк. М., 1981; Его же. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М., 1985; Гранов В.Д., Гуревич П.С., Семченко А.Т. В поисках духовной опоры: общеполитические и международные аспекты буржуазных концепций «реидеологизации». М., 1981.

[3] Митрохин Л.Н. Религиозные «культы» в США. М., 1984; Его же. Религии «нового века» 1985; Митрохин Л.Н. Баптизм. Изд. 2. М., 1974.

[4] Трофимчук Н.А. Разоблачение антисоветской буржуазно-клерикальной пропаганды-важный участок атеистической работы. М., 1986; Его же. Клерикальная радиопропаганда – орудие «психологической войны». М., 1988; Его же. Актуальные вопросы атеистического воспитания на современном этапе. М., 1986.

[5] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973; Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Крещение Руси: история и современность. М., 1988.

[6] Григулевич И.Р. Пророки «Новой Истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М., 1983; Арестов В.Н. Религиозный экстремизм. Содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков, 1987; Крестьянинов В.Ф. Книга о секте меннонитов. М., 1967; Савицкая Т.Е. Изменение роли религии в культуре буржуазного общества (60-е и 70-е, гг.), М. 1982.

[7] Митрохин Л.Н. Социально-психологическая природа «религий нового века» // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 2. М., 2009. С. 327-348; Кантеров И.Я. Деструктивные, тоталитарные... и далее везде // Религия и право: информационно-аналитический журнал. 2002. № 1. С. 27-29; Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в США и России: сравнительный анализ // Религиоведение. 2001. № 1. С. 9-19; Гуревич П.С. Религиоведение: учебник для бакалавров. М., 2014; Трофимчук Н. А., Свищев М.П. Экспансия. М., 2000; Трофимчук Н. А.Чего добиваются борцы с «сектами»? // Религия и право. 1999. № 3. С. 20-22.

нетрадиционных религий[8]. В работах Л.И. Григорьевой[9] представлен социально-философский анализ феномена НРД, методологические основания определения и классификации данного явления. Религиовед С.И. Иваненко пишет о причинах превращения НРД в значимый компонент государственно-конфессиональной политики, указывая на идеологический догматизм и конфессиональную ограниченность современной модели государственно-конфессиональных отношений[10]. Следует отметить, что разработка классификационных моделей НРД в целом является достаточно востребованной темой в современной науке[11]. Целый ряд важных для понимания сути нетрадиционной религиозности моментов рассмотрен в работах Е.Э. Эгильского и А.В. Матецкой[12], которые выявляют причины формирования и распространения НРД, рассматривают проблемы

[8] Балагушкин Е.Г. Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России. М., 2014; Его же. Религиозные искания и социальный протест (вторая половина XX века): Очерки марксистского религиоведения. Нетрадиционные религии и молодёжное движение протеста. Аспекты изучения новых религиозных движений. М., 2016; Его же. Новые религиозные движения России: структурно-функциональный и семантический анализ. М., 2013; Его же. Проблемы морфологического анализа религий. М., 2003; Его же. Сущность и структурное разнообразие мистики // Религиоведение. 2010. № 2. С. 102-113; Его же. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 81-93.

[9] Григорьева Л.И. Религии «Нового века» и современное государство». Красноярск, 2002; Ее же. Свобода совести и актуальные проблемы государственно-правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений. Красноярск, 1999; Ее же. Идея русской соборности и современное сектантство // Индивидуализм, коллективизм, соборность в структуре русской духовности. Комсомольск-на-Амуре, 1994.

[10] Иваненко С.И. Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. СПб., 2012.

[11] Неронов А.В. Социологические исследования нетрадиционной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1. С. 187-196; Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103; Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 5 (49). С. 96-112; Дринова Е.М. Национальная модель политической модернизации России и топосы политизации религии // Власть. 2014. № 11. С. 56-61; Воропаев Д.Н. Методологические проблемы исследования нетрадиционных религиозных движений // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 4 (50). С. 88-98.

[12] Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М., 2013; Эгильский Е.Э. Контркультовое движение за рубежом и в России // Ростовский государственный педагогический университет. 2007. С. 28-31; Матецкая А.В. Диффузная религиозность в современном обществе // Свеча-2013: Т.25. Религия, religio и религиозность в локальном и глобальном измерении. Владимир, ВЛГУ, 2013. С. 6-14.

построения их типологии и особенности используемой терминологии, исследуют взаимоотношения новых религий с иными конфессиями, обществом в целом.

Анализируя развитие НРД на Западе, отечественные авторы в той или иной степени затрагивали и историю религиозного нонконформизма в России. Подобный подход представляется вполне обоснованным в силу сходства между этими движениями. Обращение к историческим традициям нашей страны, присущим ей формам религиозного инакомыслия позволяет выявить основные общественно-политические тенденции, повлиявшие на генезис и эволюцию НРД в позднесоветскую и постсоветскую эпоху на территории Российской Федерации. В целях формирования объективных представлений о феномене нетрадиционной религиозности в диссертации были проанализированы работы, посвященные русским сектам и ересям[13].

В современной России НРД играют заметную роль, в связи с чем этот феномен стал предметом анализа представителей разных отраслей науки – историков, религиоведов, антропологов и этнологов. Исследователи изучают принципы функционирования, структуру, историю развития, особенности вероучения различных религиозных течений и организаций[14]. Особого внимания

---

[13] Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. 2-е изд., испр. и знач. доп. Петроград, 1915; Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Т.1. Петроград, 1915; Бон-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. СПб., 1908; Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах. //Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т.12. СПб., 1904; Ивановский Н.И. Секта хлыстов в её истории и современном состоянии. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1898; Маслов П.П. Перелом крестьянского мировоззрения // Современный мир. 1907. № 12. С. 138-160; Мельгунов С.П. Государство и церковь. М., 1907; Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905.

[14] Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2008. Вып. 207. С. 3-47; Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004; Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., 2012; Григорьева Л.И. История возникновения, особенности вероучения и культовой практики, способы воздействия на психику в религиозном движении «Белое Братство» // Религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень РАГС. 1994. №2; Григорьева Л.И. Ушедшие в город Солнца // Наука и религия. 1999. №2; Алексеев А.И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4(18). С. 22-34; Зеньковский

заслуживают монографии, статьи и диссертационные работы, посвященные исследованию региональных особенностей возникновения и распространения нетрадиционных религий[15]. Важным аспектом рассматриваемой тематики является позиция Русской православной церкви (РПЦ) в отношении НРД[16]. Ряд авторов в своих исследованиях обратил внимание на такой важный вопрос, как конструирование образа нетрадиционных религиозных движений в общественном сознании через средства массовой информации (СМИ)[17].

Рассматриваемый в диссертации период, как отмечалось выше, был отмечен не только радикальной трансформацией социально-экономического уклада

С.А. Русское старообрядчество. в 2 т. М., 2016; Коник В.В. «Истины» свидетелей Иеговы. М., 1978.

[15] Пронина Т.С. Нетрадиционные, новые религиозные движения: региональный опыт исследований. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012; Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Казан. ун-т, 2014; Копысов Д.Ю. Современные нетрадиционные религии. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2000; Воронцов В.С., Ильинский С.И., Семенов Ю.В. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. Вып. 3. С. 121-129; Арзуманов И.А. Культурно-правовые детерминанты трансформации религиозного пространства Байкальского региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. Т. 6. № 14 (54). С. 106-116; Федирко О.П. Постсоветская трансформация на Дальнем Востоке России в источниках и историографии // Электронный научный журнал «Архонт». № 3 (6). 2018. С. 77-87; Дударенок С.М. Нетрадиционные религии на российском Дальнем Востоке: История и современность: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владивосток. 2005; Фетисов А.С. Развитие конфессиональной ситуации в Горном Алтае в 1991-2001 гг.: дисс… канд.ист.наук. Горно-Алтайск, 2011; Макоева А.А. Нетрадиционные религиозные движения в современном российском обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики): дисс… канд.ист.наук. Нальчик, 2010.

[16] Чайкин В.Н. Противодействие деструктивным культам со стороны Русской Православной Церкви и реабилитация пострадавших // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 1 (13). С. 79-84; Бессонов М. Н. Православие в наши дни. М.: Политиздат, 1990.

[17] Чепкина Э.В., Автохутдинова О.Ф. Проблема другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «другой» в дискурсе СМИ // Гуманитарные аспекты современных массмедиа. 2015. С. 113-119; Фомичева И.Д. СМИ среди средств социальной коммуникации // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 1. С. 60-72; Иванова Т.Н. Религиозные СМИ в системе российской журналистики // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, журналистика. 2001. № 5. С. 73-78; Шангин Н.В., Масловский М. В Новые религиозные движения современной России в телевизионном СМИ [Электронный журнал] // Электронный научный журнал Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9030 (дата обращения: 30.04.2021); Григорьева Л. И. Русская православная церковь и СМИ на рубеже XX-XXI веков // Актуальные проблемы философии: сб. науч. работ студентов и молодых учёных по итогам межвуз. науч.-практ. конф. / Сиб. гос. технол. ун-т, Красноярск, 2006. С. 58-67.

российского общества, но и фундаментальными изменениями в конфессиональной политике государства. В связи с этим важнейшим компонентом историографии исследования являются работы, посвященные эволюции государственно-конфессиональных отношений, роли религии в жизни общества с конца 1980-х гг. – исследования М.И. Одинцова[18], Д.Е. Фурмана[19] и других современных авторов[20]. Ряд работ, рассматривающих степень влияния религиозного фактора на различные стороны общественной жизни, в том числе политическую, принадлежат отечественным религиоведам, сотрудникам научно-исследовательского центра «Религия в современном обществе» Российского независимого института социальных и национальных проблем М.П. Мчедлову и Э.Г. Филимонову[21]. Отдельную группу составляют работы, посвященные анализу современного религиозного многообразия России – публикации С.Б. Филатова,

[18] Одинцов М.И. Религиозный фактор и политический конфликт: в прошлом и настоящем России // Религия, национальное согласие и возрождение. М., 1993. С. 99-106; Его же. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М., 2010.

[19] Фурман Д.Е. Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 9-19; Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81-91; Фурман Д.Е. Трагедия Джонстауна и Американские секты // США: Экономика, политика, идеология. 1979. № 6. С. 28-29.

[20] Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985-1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 43-54; Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985-1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 109-115; Чумаченко Т.А. Государственно-церковные отношения в политической истории России. IX-XX вв. Челябинск, 2008; Быков Р.А. Исторические условия формирования новых религиозных движений в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. №360. С. 84-86; Боева Е.С. Эволюция развития сект и нетрадиционных религиозных движений в России // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. С. 1-7; Смирнова Т.С. История формирования и эволюции новых религиозных движений в России в 1990-е годы: дисс… канд.ист.наук. Воронеж, 2012; Колосова И.В. Новые религиозные движения в России и СНГ // Научно-аналитический журнал Обозреватель. 2016. №11. С. 19-35.

[21] Мчедлов М.П., Филимонов Э.Г. Социально-политические позиции верующих в России // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 103-107; Филимонов Э.Г. Социальное самочувствие и социально-политические ориентации верующих и неверующих: сходство и различия (По материалам социол. иссл. 1997 года) // Обновление России: трудный поиск решений. М., 1998; Мчедлов М.П., Нуруллаев А.А., Филимонов Э.Г., Элбакян Е.С. Религия в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 9-12; Филимонов Э.Г. Нетрадиционные религии и культы в России // Религии народов России: Словарь / Ред-кол. Мчедлов М. П. (отв. ред.), Аверьянов Ю. И., Басилов В. Н. и др. М., 2002.

Р.Н. Лункина, А.В. Малашенко[22]. В контексте задач настоящего исследования определенный интерес представляют и труды, нацеленные на осмысление исламского возрождения в постсоветский период, изучение особенностей взаимоотношений между государством и исламскими религиозными институтами[23].

Предметом активного изучения исследователей становится вовлечение религии в сферу политики, участие религиозных институтов в социокультурной и общественно-политической жизни государства. Трансформация политики в сфере свободы совести, механизмы ее формирования и реализации отражены в работах А.В. Логинова[24], А.А. Красикова[25], В.К. Пинкевича[26] и других авторов[27].

---

[22] Филатов С.Б. Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М.-СПб.: Летний сад, 2002; Филатов С.Б., Малашенко А.В. Религия и конфликт М., 2007; Филатов С.Б. Религия и российское многообразие. М., СПб., 2011; Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45; Филатов С.Б., Малашенко А.В. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия. М., 2007.

[23] Ефремов Е.Н. Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990-1993 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 62-73; Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010; Арапов Д.Ю. Ислам и советское государство (1944-1990): сборник документов. Вып. 3. М., 2011; Муртазин М.Ф. Государство и мусульманские религиозные организации Северного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 3 (32). С. 42-56; Логинов А.В. Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М., 2017.

[24] Логинов А.В. Религиозная ситуация в России и принятие закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Полития: Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 1997-1998. № 4 (6). С. 85-94. Его же. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности, М., 2005; Его же. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии, М., 2013.

[25] Красиков А.А. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М., СПб., 2007; Его же. «Три Рима» в третьем тысячелетии // Современная Европа. М.: Институт Европы РАН. 2007. № 1. С. 102-116.

[26] Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647-662.

[27] Романова Е.Г. Некоторые вопросы взаимодействия современного государства и новых религиозных организаций // Вестник МГЛУ. Вып. 11 (671). 2013. С.3-19; Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. Пятигорск, 2013; Гладышев С.В. Влияние нетрадиционных религиозных движений на общественно-политическую жизнь современного

Значительную часть работ, важных с точки зрения задач настоящего исследования, составляют публикации правоведов, изучающих особенности юридического регулирования государственно-конфессиональных отношений и правового оформления свободы совести[28]. Особое значение имеют труды, рассматривающие процесс принятия российских законов о свободе совести, в значительной степени повлиявших на условия функционирования религиозных организаций[29].

Поскольку изучением взаимодействия государства, общества и религиозных организаций занимаются представители разных общественных наук, в диссертации использовались труды, опирающиеся на социологический и философский подход к анализу роли религии в обществе. В работах классика

российского общества // Теория и практика общественного развития. 2015. №18. С. 168-171; Петрова Н.В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций: дисс… канд. соц. наук. Уфа, 2006; Бирюков В.Ю. Проблема социальной адаптации нетрадиционных религиозных объединений в Российской Федерации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. С. 239-247.

[28] Пчелинцев А.В., Ряховский В.В. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. М., 2001; Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М., 2007; Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012; Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести (вторая половина 2001 г. - конец 2004 г.). М., 2005; Исаева А.А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. №10. С. 16-20; Алдашкин М.Ю. Деятельность адептов религиозных объединений, признанных судом экстремистскими, в среде осужденных: постановка проблемы, специфика противодействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. №4. С. 23-26; Мухаметжанов Д.Р. К вопросу о криминогенных детерминантах преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера // Российский следователь. 2012. №20. С. 33-37; Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // Lex russica. 2017. № 11. С. 111-122.

[29] Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2019; Калинин В.Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. М., 1989; Ахмадулина С.З. Формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX века: исторический анализ и политико-правовой аспект // Гуманитарный вектор. 2015. №3 (43). С. 52-56; Ловинюков А.С. Закон СССР 1990 г. о свободе совести и религиозных организациях // Советское государство и право. № 4. 1991. С. 23-35; Полосин В.С. На пути к свободе совести (Российское законодательство о религии в конце 80 - начале 90-х гг.) // Свобода совести – в духовном возрождении отечества. М. 1994. С.141-152.

религиоведения П. Бергера рассматривается вопрос о секуляризации, ее значении для традиционных религиозных институтов и воздействии на обычных граждан, а также о влиянии духовного плюрализма на содержание религиозных учений[30]. Антрополог Т. Асад исследует концепции и практики секуляризма, сложившиеся в рамках современных общественных отношений[31]. Авторская критика привычной оппозиции светского и религиозного позволяет «взглянуть на секулярное, как на концепт, который связывает в себе определенные типы поведения, знания и эмоциональности современного мира». Особый интерес представляет теория политических и гражданских религий, предложенная итальянским исследователем Э. Джентиле[32]. Инструментарий, используемый автором, позволяет оценивать любое общественно значимое явление, проявленное в политическом поле, с точки зрения важных для жизни каждого человека феноменов.

Анализ причин возникновения и развития конфликтов на религиозной почве, представляющий особую важность с точки зрения задач настоящего исследования, рассматривается в работах представителей различных социальных и гуманитарных наук. Философский подход к проблеме межрелигиозного диалога представлен в работах как отечественных, так и зарубежных авторов[33]. С.В.

---

[30] Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. Р. Сафронов. М., 2019; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

[31] Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. Р. Сафронов. М., 2020.

[32] Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / пер. Ф. Станжевского. СПб., 2021.

[33] Шохин В.К. Диалог религий: идеология и практика // Альфа и Омега. 1997. №1(12). С. 281-295; Сафонов Д.В., Мельник С.В. Миротворческий потенциал межрелигиозного диалога (на примере участия религиозных лидеров в разрешении Карабахского конфликта) // Коммуникология. Т. 5. № 5. 2017. С. 116-135; Хромцова М.Ю. Тринитарный подход современного богословия и проблема межрелигиозного диалога // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 2. С. 74-86; Белорусов С.А. Психология духовности, веры и религии // Психология религиозности и мистицизма. 2001. С. 94-118; Шмидт В.В., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: принципы организации и опыт к 15-летию межрелигиозного совета России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. №2 (25). С. 5-31; Dijkhuizen P. Some Thoughts on Interreligious Dialogue // Neotestamentica. Vol. 49, No. 2 (2015), P. 227-234; Swidler L. (2015). The «dialogue of civilizations» at the tipping point: The «dialogosphere» // Journal of ecumenical Studies, P. 3-17.

Мельником сделана убедительная попытка дать классификацию разновидностей межрелигиозного диалога[34]. Подход автора, основанный на выделении четырех основных типов межрелигиозного диалога (полемического, когнитивного, миротворческого и партнерского), а также выявлении и описании их видов дает инструментарий для анализа множества проблем в области межрелигиозных отношений.

Зарубежная литература по истории НРД в России и в мире представлена работами Э.В. Баркер[35], Л.Л. Доусона[36], Д. Фейган[37] и других авторов[38], рассматривающих различные аспекты взаимоотношений данных течений с государством и обществом. В частности, в работе британского исследователя Д. Фейган дан всесторонний обзор религиозной политики в России с конца советского периода, анализируется «квазиправовая» терминология, активно используемая в медийном дискурсе, оценивается степень религиозной свободы в Российской Федерации.

Целью диссертационного исследования является анализ феномена нетрадиционных религиозных движений, его роли и места в общественно-политической жизни России в период 1990-2015 гг.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

---

[34] Мельник С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникология. 2020. Том 8. №2. С. 25-51; Его же. Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству // Вопросы теологии. Т. 1. № 3. С. 307-333.

[35] Barker E.V. Watching for Violence. A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching Groups // A paper presented at the 2001 International Conference «The Spiritual Supermarket: Religious Pluralism in the 21st Century» 19-22 April, 2001. P. 1-18.

[36] Dawson L.L. Comprehending Cults: The Sociology of New Religious Movements. Oxford, 2006.

[37] Fagan G. Believing in Russia – Religious Policy after Communism. New York, 2013.

[38] Krindatch A.D. Patterns of Religious Change in Postsoviet Russia: Major Trends from 1998 to 2003 // Religion, State & Society. 2004. Vol. 32. № 2. P. 115-136; Glanzer P.L. Postsoviet Moral Education in Russia's State Schools: God, Country and Controversy // Religion, State and Society. Vol. 33. 2005. №. 3. P. 208-210; Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York, 2015; Holland E.C. Competing Interpretations of Buddhism's Revival in the Russian Republic of Kalmykia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. № 6. P. 948-969; Beckford J. A. The Mass Media and New Religious Movements // Cresswell J., Wilson B. New Religious Movements: Challenge and Response// Routledge, 1999. P. 103-120;

1. Выявить основные научно-теоретические подходы к определению понятия «нетрадиционные религии» и определить исторические предпосылки распространения НРД на территории Российской Федерации.

2. Выявить ключевые тенденции развития российского законодательства в сфере свободы совести с конца 1980-х гг., влияние общественно-политических преобразований на этот процесс.

3. Определить основные принципы российского законодательства по отношению к НРД, практические проблемы его применения на федеральном и региональном уровнях, рассмотреть процесс формирования органов государственной власти, реализующих политику в религиозной сфере и взаимодействие нетрадиционных движений с данными органами.

4. Проанализировать соотношение государственной политики по отношению к НРД с мерами, нацеленными на борьбу с религиозным экстремизмом.

5. Выявить влияние информационной среды на изменение восприятия НРД в обществе, рассмотреть отношение к данным течениям средств массовой информации, общественных институтов и представителей иных конфессий, реакцию нетрадиционных движений на отношение к ним различных кругов общества.

Методологическая основа диссертационного исследования включает в себя принципы историзма, научной объективности, системности и применение междисциплинарного подхода. Для решения поставленных задач использовался комплекс общенаучных и специальных методов исследования.

Историко-системный метод позволил проанализировать институциональную структуру органов власти и механизмы взаимодействия с нетрадиционными религиозными движениями в рассматриваемый период.

Сравнительно-исторический метод помог проследить эволюцию развития НРД на разных этапах исследуемого исторического периода, изменения в восприятии данного феномена, его роли в общественно-политической жизни страны.

Историко-генетический метод был использован для изучения генезиса и особенностей процесса формирования и трансформации религиозной нетрадиционности, а также для выявления связи данного феномена с элементами макро- и микросреды.

При исследовании эволюции российского законодательства применялись методы юридической науки – сравнительно-правовой и историко-правовой.

Для анализа процесса конструирования образа «нетрадиционных религий» в общественно-политическом дискурсе использован метод контент-анализа печатных материалов, опубликованных в российских средствах массовой информации исследуемого периода.

Источниковая база исследования представлена обширным и разнообразным комплексом материалов, в рамках которого можно выделить следующие группы (полный перечень источников приведен в библиографии):

1. Нормативно-правовые акты, использованные в работе, включают в себя документы органов государственной власти, регулирующие сферу государственно-конфессиональных отношений (Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы, постановления и пр.)[39]. Данная группа источников позволяет проследить процесс трансформации политики в сфере религиозных отношений с 1990-х гг., правовое положение нетрадиционных религиозных организаций (условия создания, функционирования, ликвидации и др.), а также выявить правовое поле деятельности иностранных миссионеров. Отдельно можно выделить нормативно-правовые акты регионального уровня. Анализ этих документов дает возможность выявить ключевые тенденции в законотворческой деятельности органов власти субъектов Российской Федерации,

[39] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240; Закон СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 41. Ст. 813.

оказавшие влияние на выстраивание общегосударственного курса по взаимодействию с НРД[40].

2. Материалы судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также региональных судов общей юрисдикции раскрывают особенности конкретных механизмов и инструментов, используемых органами государственной власти при взаимодействии с нетрадиционными движениями.

3. Отдельную группу источников составили стенограммы заседаний Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению законопроектов, направленных на регулирование деятельности НРД[41]. Данный вид источников позволил выявить позиции различных политических сил, рассмотреть спектр мнений российских законодателей по вопросам государственно-конфессиональных отношений.

4. Материалы делопроизводства государственных учреждений представлены документами (распоряжения, приказы, соглашения, инструкции,

[40] Закон ДАССР от 05.05.1991 «О свободе совести и религиозных организациях» // Дагестанская правда. – 1991. – № 92; Закон Башкирской ССР от 20.06.91 № ВС-6/19 «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР» // Законы Республики Башкортостан. 1992. Вып. II; Закон Тульской области от 14.12.1994 № 5-ЗТО «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области» // Сборник Законов Тульской области. 1994-1995 гг.; Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Тувинская правда. 1995. 23 мая; Закон Приморского края от 20.03.1996 № 32-КЗ «О миссионерской деятельности на территории Приморского края» // Ведомости Думы Приморского края. 1996. № 17-18.

[41] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 7 октября 2014 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 6 июня 2002 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/1689/ (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 10 апреля 1998 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2581/ (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2650/ (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 18 июня 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2739/ (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 9 апреля 2013 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 3 июля 2015. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6#bh_histras (дата обращения: 17.05.2021); Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 21.05.2013. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/247831-6 (дата обращения: 17.05.2021).

межведомственная переписка, отчеты, аналитические справки, протоколы и стенограммы заседаний) Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных подразделений, Прокуратуры Российской Федерации, Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Российской Федерации, Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, Комитета по связям с религиозными организациями города Москвы и других органов[42]. В данных материалах рассматривается вопрос о том, насколько реальная деятельность НРД соответствовала их учредительным документам и действующему российскому законодательству в сфере свободы совести.

5. Источники конфессионального происхождения. К этой группе относятся как издания самих нетрадиционных движений – книги, брошюры, периодические издания, рекламные листовки и т.п. – так и материалы других, традиционных конфессий, как правило, относящихся к НРД враждебно[43]. Важнейшее место среди них занимает РПЦ. Проблема неортодоксальных течений рассматривается в сочинениях православных священнослужителей, документы

---

[42] Методические рекомендации по применению органами юстиции некоторых положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части регистрации и перерегистрации религиозных организаций» (утв. Минюстом России 27.12.1999 № 10766-СЮ) // СПС КонсультантПлюс. Заседание Совета Безопасности 20.11.2014 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47045 (дата обращения: 17.05.2021); Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 03.08.2010 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/copy/8560 (дата обращения: 17.05.2021); Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 26.09.2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/copy/19298 (дата обращения: 17.05.2021); Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" международно-правовым обязательствам Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 77; Официальное уведомление Министерства юстиции Российской Федерации № 08-217 от 19 июля 1994 г. об отмене регистрации устава религиозной организации «АУМ Синрикё». URL: http://narovol.narod.ru/_bk_ZDnZ8UGDTD/vost_s/aum/006.htm (дата обращения: 17.05.2021).

[43] Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справ. // Информационно-аналитический вестник. Ростов-на-Дону, 1998. № 1; Конь Р. М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008; Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2002; Цыпин В. Каноническое право. М., 2012; Доклад Гончарова О.Ю. Решение проблем религиозных организаций в Российской Федерации на площадке РАРС (2015). URL: https://religsvoboda.ru/ (дата обращения: 17.05.2021).

Московской Патриархии (материалы Архиерейских соборов, обращения и доклады патриархов), публикациях антисектантских центров (международного «Диалог-центра», Российской ассоциации центров изучения религий и сект, Центра реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С. Хомякова и др.).

6. Материалы российских печатных изданий. В ходе исследования был проведен контент-анализ более 150 публикаций федеральных, региональных и местных печатных средств массовой информации за период с 1991 по 1996 гг., освещавших деятельность различных нетрадиционных религиозных движений на территории Российской Федерации («Известия», «Независимая газета», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Рабочая трибуна», «Россия», «Правда», «Сегодня», «Труд» и др).

7. Архивные документы. В рамках исследования проанализированы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в частности, переписка религиозных объединений, в том числе НРД, с органами юстиции по вопросам регистрации учредительных документов[44]. Материалы к законопроектам по регулированию области религиозных отношений на федеральном[45] и региональном уровнях[46] (замечания, дополнения, информационные сведения) отражают основные направления развития государственной религиозной политики, а также специфику правового регулирования деятельности нетрадиционных религиозных организаций и иностранных миссионеров. Интерес представляют документы Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации (протоколы заседаний, переписка с федеральными органами исполнительной власти и религиозными организациями, а также другие аналитические и информационные материалы)[47], в которых отражены ключевые проблемы,

[44] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10259. Оп. 1. Д. 1672.
[45] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3108, 3109, 3125, 3126, 3149; Ф. 10026. Оп. 5. Д. 155, 363, 466; Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628; Оп. 14. Д. 229;
[46] Там же. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 82.
[47] Там же. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578.

возникавшие в период обсуждения и принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». На основе архивных материалов, представленных в фондах Р-6991[48] и Р-5446[49] (организационно-распорядительные и протокольные документы Совета по делам религий при Совете Министров СССР, записи бесед с религиозными деятелями и отчеты об их поездках в зарубежные страны, переписки с Торгово-промышленной палатой СССР по вопросам организации международных выставок и экспозиций, методические разработки об опыте и проблемах политико-воспитательной работы среди сект и др.), удалось изучить практический опыт реализации религиозной политики советских органов власти, сопоставив его с деятельностью Совета по делам религий РСФСР[50], а позже и других российских государственных органов, реализующих соответствующие функции в данной сфере.

В работе используются материалы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)[51], содержащие обращения советских граждан по вопросу о направлениях идеологической работы и роли СМИ[52].

В исследовании широко используются материалы, хранящиеся в архиве Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы). Это документы религиозных объединений, государственных органов, общественных организаций, отражающие деятельность НРД[53]. Большое значение имеют материалы Комитета по связям с религиозными организациями Правительства Москвы[54], занимавшегося обеспечением координационных, информационных и консультативных функций в отношении религиозных объединений, в том числе нетрадиционных, а также реализацией общегосударственной политики в области свободы совести и вероисповеданий на региональном уровне.

---

[48] Там же. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2917, 2918, 2919, 2923, 2930, 2946, 3193, 3381, 3579, 3580.
[49] Там же. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 951; Оп. 163. Д. 930.
[50] ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 4, 10, 17.
[51] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 008. Д. 039; Оп. 020. Д. 066.
[52] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 011. Д. 005.
[53] Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 2, 9, 13, 17, 19, 21, 29, 32, 45, 51, 52, 56, 66, 68, 70, 71, 72.
[54] ЦГА Москвы. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 1, 9.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе обширного комплекса источников, значительная часть которых ранее не была введена в научный оборот, исследовано место НРД в общественно-политической жизни России на этапе глобальных общественно-политических трансформаций, роль данных течений в рамках российской религиозной политики.

Теоретическая значимость исследования. Рассмотрение феномена нетрадиционных движений в рамках регулирования государственно-конфессиональных отношений способствует более глубокому теоретическому осмыслению данного явления в жизни общества, а также профилактике проявлений экстремизма и других форм нетерпимости по отношению к представителям нетрадиционных религий.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для экспертно-аналитического сопровождения государственно политики Российской Федерации в сфере регулирования конфессиональных отношений. Исследование может быть полезно для государственных служащих, занимающихся вопросами регулирования религиозной сферы.

Апробация результатов исследования. Всего у автора 10 опубликованных работ общим объемом 6.83 п.л., в том числе по теме диссертации 5 работ общим объемом 4.9 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология. Основные положения диссертации были представлены на международных и российских научных конференциях[55].

[55] VII Международная научно-практическая конференция «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы» 2017 г., Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018», «Ломоносов-2019», «Ломоносов-2020», научная конференция «Ломоносовские чтения» 2020 г. и «Ломоносовские чтения» 2021 г., Международная заочная научная конференция Московского педагогического государственного университета «Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время».

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период перестройки, провозгласившей гласность и новый подход к регулированию духовной сферы общества, развернулась активная деятельность различных религиозных объединений. Особый резонанс вызвали начинания религиозных структур с новыми, нетрадиционными для российского общества подходами и методами взаимодействия с населением. В ситуации, когда правовое регулирование данных явлений практически отсутствовало или только зарождалось, а наука не могла дать им внятных объяснений, в обществе возник запрос на осмысление данного феномена. Стали раздаваться и требования сохранения прежнего порядка, защиты «традиционных» российских религиозных объединений. В результате была выработана типология религий – их разделение на «традиционные» и «нетрадиционные», которое первоначально использовалось преимущественно в аналитических целях, а затем стало рассматриваться как основа для корректировки законодательства. Последняя цель была достигнута лишь отчасти, однако сами понятия заняли прочное место в общественно-политическом дискурсе.

2. Становление современной российской модели государственно-конфессиональных отношений началось в период широкого распространения демократических свобод, признания государством необходимости реального обеспечения свободы совести и снятия ограничений с деятельности религиозных организаций. Однако этап либерализации оказался непродолжительным ввиду обострения общественных противоречий, вызванных в том числе и деятельностью религиозных структур, определяемых как «нетрадиционные». Поворот в государственной политике обозначился в 1993 г. и привел к принятию в 1997 г. федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», одной из функций которого стало обеспечение правовой защиты традиционных религий от действий НРД. Можно сказать, что курс, направленный на защиту

сложившегося религиозного пространства и сдерживание нетрадиционных для России религиозных движений, остался главенствующим и в последующие годы.

3. Отсутствие единой и устоявшейся терминологии в отношении субъектов религиозной сферы стал препятствием для формирования в рамках общественно-политического дискурса объективного образа религиозных организаций, именуемых нетрадиционными, обеспечения эффективного и правового регулирования их деятельности. Интерес, который СМИ и общество проявляли на рубеже 1980-90-х гг. к НРД, стал в последующий период сменяться негативным отношением к ним. Выступления нетрадиционных движений в свою защиту не смогли изменить ситуацию.

4. Феномены нетрадиционных религий и религиозного экстремизма стали предметом изучения советских религиоведов с 1970-е гг. Активизация религиозной жизни в 90-е гг. XX в. привела к широкому распространению этих явлений в России. В силу особенностей идейно-политического развития того периода в общественном сознании произошло определенное совмещение, взаимоналожение двух феноменов. НРД и религиозный экстремизм стали восприниматься значительной частью общества и СМИ как близкие, если не тождественные явления. Подобный подход повлиял и на государственную политику. Результатом в ряде случаев стало давление со стороны государственных органов на представителей нетрадиционных религий. Разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные», а также реализуемый с 1997 г. курс, в целом направленный на ограничение деятельности НРД, остаются предметом острых дискуссий, с их влиянием связывают ограничение ряда прав граждан, в том числе, конституционного права на свободу совести и вероисповедания.

Структура диссертации сформирована на основе поставленных целей и задач и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Феномен нетрадиционных религий: историко-теоретические аспекты

1.1. Нетрадиционные религии: научно-теоретический подход к формулировке понятия[56]

Возникновение и широкое распространение в период после Второй мировой войны в странах Запада такого явления, как религиозно-мистическая волна, активизировавшего деятельность целого спектра религиозных движений, связанных с древневосточной, раннехристианской и другим религиозным традициям, обозначило новые вызовы в идеологической, политической, общественной, духовной и других сферах жизни общества различных государств. В Советском Союзе к данному феномену был проявлен особый исследовательский интерес. Несколько десятилетий спустя России также пришлось испытать на себе массовый наплыв НРД. В результате возникла необходимость анализа данного религиозного явления и выработки единой системы терминов для его описания.

Первые попытки изучения религиозно-мистического феномена, предпринятые советскими исследователями, опирались на материал США и стран Западной Европы, где в 60-70-е гг. XX в. наблюдался небывалый подъем «новой» религиозности. В стремлении описать возникший феномен, советские авторы обращались к методологии, научным подходам, терминологии, выработанным зарубежными исследователями данного периода.

Как писал отечественный исследователь нетрадиционных религий и культов Е.Г. Балагушкин, «первые книги о нетрадиционных религиях появились в начале

[56] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Понятие «нетрадиционные религии» в общественно-политическом дискурсе 1990-2010-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 133-148; Осипова В.В. Государственно-конфессиональные отношения перестроечного периода: формирование предпосылок российской религиозной политики // Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология. 2020. № 8. С. 104-116.

70-х гг. и описывали очень короткий промежуток их истории, отмеченный беспрецедентным распространением религиозно-мистических исканий в капиталистических странах Америки и Европы во второй половине текущего столетия»[57]. Несмотря на большое количество массово распространявшихся нетрадиционных движений и культов в странах Запада, зачастую стремление систематизировать и концептуально осмыслить это явление сводилось лишь к неполным классификациям и перечислению особенностей отдельно взятых движений.

В СССР ученые ставили задачу научного определения данного религиозно-мистического феномена, изучения его исторических предпосылок и социальной сущности, причин трансформации различных форм нетрадиционной религиозности, их превращения в самостоятельные религиозные движения, особенностей их деятельности в среде различных общественных групп.

В качестве причин возникновения и массового распространения нетрадиционной религиозности в капиталистических странах советскими авторами указывались следующие факторы[58]:

- общий кризис капиталистической системы и, как следствие, кризис религий, бездуховность капиталистического общества;

- падение авторитета традиционных религий;

- растущее разочарование политикой правящих кругов и всем современным буржуазным образом жизни;

- проблемы, возникавшие в результате научно-технической революции (экологические, демографические, психологические, проблемы занятости и др.).

Открытым оставался вопрос, как определить все многообразие различных форм нетрадиционной религиозности. Использовались различные понятия. «В

---

[57] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984. С. 25.

[58] Григулевич И.Р. Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М., 1983. С. 15; Гуревич П.С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире. Философско-публицистический очерк. М., 1981. С. 22; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. М., 1980. С. 80.

последнее время внимание исследователей привлекли так называемые «религии Нового века» (они именуются также религиозными «культами», «нетрадиционными», «народными» религиями, «внеконфессиональными» организациями, «неканоническими верованиями» и т.п.). Речь идет о многочисленных религиозных организациях и группах, которые за минувшие 15-20 лет возникли и действуют в США и ряде стран Западной Европы вне исторически сложившихся религий, церквей и течений. «Религии Нового века» – симптоматический и характерный продукт духовной жизни современного Запада», – писал религиовед Л.Н. Митрохин[59].

Ряд советских исследователей, в частности, Д.Е. Фурман[60], А.И. Клибанов[61], В.Ф. Крестьянинов[62], И.Р. Григулевич, П.С. Гуревич при описании данного явления, использовали термины «секта» и «культ». «Настоящий «бум сект» начался в 70-е годы нашего века. Многие секты, в том числе такие, как адвентисты седьмого дня, пятидесятники, широко распространенные сегодня в Европе, «сделаны», что называется, в США», - писал П.С. Гуревич.[63] По словам И.Р. Григулевича, «причиной, толкающей в первую очередь молодежь в объятия многочисленных современных сект и культов, является бездуховность современного капиталистического общества, его идейный маразм, свойственный ему дух наживы и обогащения, культ вещей, бесперспективность и самодовольная тупость повседневного мещанского бытия»[64].

Л.Н. Митрохин, отметив распространенность в научной литературе понятия «нетрадиционные религии», также указал на широкое применение терминов «секта» и «культ», «давно используемые в научной литературе для выделения

[59] Митрохин Л.Н. Религиозные «культы» в США. М., 1984. С. 3
[60] Фурман Д.Е. Трагедия Джонстауна и Американские секты // США: Экономика, политика, идеология. 1979. № 6. С. 28-29.
[61] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. 1973.
[62] Крестьянинов В.Ф. Книга о секте меннонитов. М., 1967.
[63] Гуревич П.С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире. С. 45.
[64] Григулевич И.Р. Пророки «Новой Истины... С. 15.

различных групп и объединений, которые возникали в рамках основных направлений христианства – католицизма, православия, протестантизма»[65].

Остановимся подробнее на истории распространения данных определений. Изначально, в античной литературе (Цицерон, Плиний, Тацит и др.) термином «секта» обозначали философский метод, школы, учения, отделившиеся от общепринятого мировоззрения, приемов, правил и господствующего философского учения[66]. Родоначальник академического изучения сект, немецкий социолог М. Вебер, определял данное явление как «общество спасенных, стремящихся отделиться и отгородиться от внешнего мира»[67]. Среди характерных признаков сект ученый выделял небольшие размеры религиозных организаций, добровольное объединение участников, высокий уровень сплоченности, наличие испытательного срока для новых членов, чувство превосходства последователей секты и др.

Немецкий теолог Э. Трёльч, автор классической типологии религиозных сообществ, развивая идеи М. Вебера, придерживался максимально нейтрального толкования данного термина: «Секты – относительно небольшие группы, которые стремятся к внутреннему совершенству личности и непосредственно-личной связи между своими членами. С самого начала они вели себя по отношению к миру, государству и обществу либо индифферентно, терпимо, либо враждебно, поскольку они не стремились контролировать их или в них включаться, но, напротив, избегали или терпели их рядом с собой или даже стремились заменить их своим собственным сообществом»[68].

Еще один классик раннего сектоведения Р. Нибур утверждал, что существует «непрерывный процесс зарождения сект в церкви путем отделения от неё и последующего постепенного превращения отколовшихся сект обратно в

---

[65] Митрохин Л. Н. Религиозные «культы» в США. М., 1984. С. 15.
[66] Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Петроград, 1915. С. 4.
[67] Чеснокова В.Ф. Язык социологии. Курс лекций. М., 2010. С. 244.
[68] Трёльч Э. Церковь и секта. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. М., 1994. С. 226.

церковь». По мнению исследователя, начало этого циклического процесса связано с «нарастающей неудовлетворенностью людей слишком сильной погруженностью церкви в «мирские» дела и отсутствием в ней высокого уровня напряженности веры. В свою очередь, секты, под влиянием успешности своей деятельности, длительности существования и сильного роста количества членов, превращаются в церкви»[69]. Автор приходит к выводу, что ни секты, ни церкви не способны продолжительное время сохранять свои характеристики, не претерпевая при этом внутренних изменений.

В работах зарубежных исследователей можно встретить указание на еще один тип религиозных организаций – «деноминацию», занимавшую промежуточное положение между церковью и сектой. Американский социолог Н.Д. Смелзер охарактеризовал «деноминацию», как «типично американское явление, выражающее стремление различных вероучений завоевать сторонников»[70]. Деноминации в отличие от сект не обосабливаются от общества и государственных институтов, стремясь привлечь как можно больше новых последователей и сформировать устойчивую социальную структуру. Другой американский социолог Г. Бекер отмечал, что «деноминации, признаваемые церковью как более или менее законные, сосуществуют рядом и довольно часто мирно сотрудничают»[71].

Последующие ученые, следовавшие парадигме «церковь-секта» (начиная с Г. Бекера, который выдвинул концепцию четырех типов религиозных организаций, добавив «культ» и «деноминацию») пытались объяснить постоянно увеличивающееся многообразие форм религиозности, расширяя количество промежуточных типов религиозных организаций, усложняя систему критериев их дифференциации. В конечном счете это привело к кризису данной концепции[72].

---

[69] Мартинович В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения: пособие для студентов Института теологии БГУ. Минск, 2008. С. 12.
[70] Смелзер Н.Д. Социология. М., 1994. С. 468.
[71] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 435.
[72] Там же.

Распространение термина «секта» в отечественном научном дискурсе берет начало в работах дореволюционных исследователей. Эти авторы, в большинстве своем – представители господствующей православной церкви подразделяли секты (или ереси) на три категории: старообрядческий раскол, секты рационалистические и мистические (тайные)[73]. В законодательстве Российской империи термин «секта» использовался по отношению к последователям вероучений, отделившихся от господствовавшего православия. С 1845 по 1883 гг. закреплялось разделение сект на «особенно вредные секты», «изуверные секты», «менее вредные» и др.[74]

Изучение сектантства в постреволюционный период переходит из богословской среды в поле социальных наук, приобретая социально-политическую направленность. Советские определения сект, подчеркивает современный исследователь Р.О. Сафронов, «немногочисленны и появляются достаточно поздно: исследования 1920-х, 1930-х и 1940-х годов обходятся как правило без строгого терминологического аппарата, и появляются они только в 1950-х годах». В 1930-е гг. возникла полемика вокруг понятия «секта», сам термин предлагалось упразднить или заменить ввиду того, что «прежний смысл, характер и значение как сами сектанты, так и слово «секты» потеряли»[75]. В советской науке определение сектантства базировалось на работах В.И. Ленина, для которых было характерно двойственное (одновременно позитивное и негативное) отношение к данному феномену. С одной стороны, сектантство – это явление классовой борьбы, «политического протеста под религиозной оболочкой, свойственное всем народам на известной стадии развития, а не одной России, и задача партии состоит в том, чтобы помочь крестьянству направить этот протест против угнетателей»[76]. С другой стороны, духовное инакомыслие было

[73] Ивановский Н.И. Секта хлыстов в её истории и современном состоянии. Киев, 1898. С. 2.
[74] Александров И.А. Категория «особенно вредные ереси» согласно уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4. С. 56.
[75] Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 5. С. 100-101.
[76] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 27.

проявлением религиозного, «ложного» мировоззрения, которое в рамках марксистских воззрений в конечном счете не заслуживало положительной оценки. В целом, как отмечает Р.О. Сафронов, понятие «секта» и для дореволюционных, и для советских исследователей имело негативный смысл: «для одних в догматическом плане, для других – в идеологическом. Столь долгая история негативного понимания термина делает очень сложным восприятие его сегодня в качестве нейтрального»[77].

По замечанию религиоведа И.Н. Яблокова, «секта возникает как оппозиционное течение в том или ином религиозном направлении» и может выступать «выразителем протеста социальных групп, недовольных своим положением в антагонистическом обществе». Ученый отмечал, что для секты «характерна претензия на исключительность своей роли, доктрин, идейных принципов, ценностей и установок, причиной чего являются настроения избранности и стремление к изоляционизму»[78].

В отличие от секты, термином «культ» обозначаются религиозные общности, которые не имеют четкой иерархической структуры, формального членства и других признаков официальной организации. Основной акцент последователи культа делают на индивидуальный опыт, что способствует объединению единомышленников, придерживающихся одних и тех же теорий или предписываемых типов поведения. Последователи культа, как правило, не ограничены внутренними установками по отношению к другим религиям и могут поддерживать отношения с другими религиозными организациями. В качестве примера можно привести группы, объединенные верой в спиритизм, астрологию или трансцедентальные медитации[79].

Американский социолог Н.Д. Смелзер определял «культ», как крайнюю форму секты, которая, отделяясь от господствующей церкви ввиду специфики религиозных ритуалов, «призывает к радикальным изменениям индивида,

---

[77] Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы. С. 109.
[78] Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979. С. 57.
[79] Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справ. // Информационно-аналитический вестник № 1. Ростов-на-Дону, 1998. № 1. С. 436.

общества или того и другого одновременно»[80]. В своей классификации религиозных организаций автор выделил характеристики объединяющие понятия «культ» и «секта» – это «братства преданных верующих, отрицающие другие религии и государственные органы власти, объединенные глубоким чувством преданности и эмоциональности». К отличительным особенностям рассматриваемых понятий отнесены причины вступления в сообщество (в случае с сектами обращение в веру происходит на основе убеждений, а для культов характерно обращение в результате эмоционального кризиса), типы руководства (непрофессиональные лидеры, имеющие слабую подготовку в сектах и харизматические лидеры, возглавляющие культы), а также типы вероучения (если в сектах акцент сводится к чистоте вероучения и возврату к изначальным принципам, то культы ориентируются на новые принципы: откровение и проникновение в духовную сущность)[81].

Попытки развести понятия «культ» и «секта» по географическому признаку предприняли в своей работе «Будущее религии» (The Future of Religion) американские социологи Р. Старк и У. Бэйнбридж. Согласно их взгляду, к сектам следует относить только те религиозные организации, которые отделились от традиционной для конкретной страны религии, а культами являются те же организации, но в странах, где они чужды религиозной традиции[82].

Таким образом, подходы к трактовке понятий «секта» и «культ» эволюционировали на протяжении длительного периода, обретая различное содержание в зависимости от исторического периода или исследуемого аспекта.

К актуальным вопросам изучения религии, привлекавшим внимание советских авторов, относилась проблема религиозного экстремизма, исследованию которого стали уделять внимание в 70-е гг. XX в. Данная проблематика изучалась в контексте политических, идеологических, правовых и иных аспектов общественной жизни. Исследования нетрадиционной

[80] Смелзер Н.Д. Социология. С. 470.
[81] Там же. С. 469.
[82] Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. Пятигорск, 2013. С. 19.

религиозности и религиозного экстремизма осуществлялись фактически параллельно. Под «религиозным экстремизмом» понималась «деятельность прикрывшихся религией антиобщественно настроенных элементов и отдельных религиозных фанатиков по внесению в сознание верующих буржуазно-клерикальных идей, возникшую на почве кризисного состояния религии в СССР, проявляющуюся в антиобщественных взглядах и поступках, инспирированную империалистической пропагандой, выражающую интересы мирового империализма в его противоборстве с социализмом»[83]. К основным проявлениям религиозного экстремизма относились «отказ группы или общины от регистрации в органах власти в соответствии с требованиями законодательства о религиозных культах» и «степень контактов зарегистрированных или незарегистрированных групп (общин) с нелегально функционирующими самозваными религиозно-экстремистскими органами»[84].

В работах данного периода указывалось на слабую изученность религиозного экстремизма. «Нет еще достаточной ясности и в определении самого понятия: является ли в данном случае экстремизм определенным феноменом собственно религиозной жизни, или мы имеем дело с экстремистами от религии, деятельность которых не определяется их религиозной принадлежностью, а религия служит лишь формой для выражения каких-то других тенденций и стремлений», - подчеркивал религиовед Э.Г. Филимонов[85]. Советские авторы употребляли данное понятие в отношении тех представителей религиозных обществ, которые, с их точки зрения вступали на путь антиобщественной, противозаконной деятельности, при этом акцент делался на сознательном нарушении законов. По мнению Э.Г. Филимонова, «религиозный экстремизм» не связан с каким-либо определенным религиозным направлением, он «интерконфессионален», может проявиться среди православного, католического духовенства или последователей ислама, свойственен лишь

[83] Арестов В.Н. Религиозный экстремизм. Содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков, 1987. С. 34.
[84] Там же. С. 36.
[85] Филимонов Э.Г. Кризис веры и религиозный экстремизм // Наука и религия. 1980. № 2. С. 26.

отдельным лицам и группам из среды религиозных активистов, священнослужителей, проповедников, которые «пытаются обойти закон, возбудить у верующих недовольство политикой Советского государства в отношении религии, преследуя карьеристские, корыстные цели и прикрываясь при этом религией»[86].

Изучение религиозного экстремизма как общественного явления станет особенно актуально в 90-е гг. XX в., когда вопросы религиозного характера начнут играть значительную роль в политической и идейной жизни. Задачи, которые ставили перед собой советские ученые при исследовании нетрадиционной религиозности и религиозного экстремизма, обретут выраженное практическое значение.

Возвращаясь к терминологии, используемой советскими авторами при описании религиозно-мистического феномена 1960-70-х гг., отметим, что в работах П.С. Гуревича[87], Т.Е. Савицкой[88], Е.Г. Балагушкина[89], помимо рассмотренных выше терминов, встречались также такие понятия, как «неомистицизм», «нетрадиционная», «новая», или «альтернативная» религиозность.

Поначалу понятие «нетрадиционные религии» употреблялось в узком смысле, характеризуя «религиозные новации второй половины XX в., проявившиеся в капиталистических странах Запада, значительно отличающиеся от господствующей здесь христианской традиции». Однако изучение вопроса об историческом происхождении и развитии нетрадиционной религиозности зарубежными теологами, религиоведами-социологами и историками (Э. Бенц, Т. Роззак, М. Элиаде и др.) показало, что подобное явление присутствовало на всем протяжении истории. «Современные нетрадиционные религии не только имеют

[86] Там же.
[87] Гуревич П.С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М., 1985.
[88] Савицкая Т. Е. Изменение роли религии в культуре буржуазного общества (60-е и 70-е гг.). М. 1982.
[89] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. 1980.

многочисленных предшественников в виде различных неортодоксальных, еретических религиозных учений, организаций и движений, но связаны с определенными социально-историческими традициями, которые могут быть прослежены, начиная с древнейших исторических эпох»[90]. Особенно важны были периоды глубоких изменений в общественной жизни. «История свидетельствует о том, что «новые» культы появляются всякий раз, когда страна переживает социально-экономические и политические потрясения, когда разрушается почва, которая питала старые убеждения. Так было, например, в 1837-1843 гг., когда Соединенные Штаты переживали один из первых затяжных промышленно-финансовых кризисов. Люди лихорадочно пытались найти какой-либо выход из создавшегося критического положения. Их взоры обращались к религии, но не к прежней, которая не оправдала себя в их глазах, а к «новой», основанной на принципах первоначального христианства»[91].

В результате сложилось широкое понимание термина «нетрадиционные религии», «указывающее на наличие множества тенденций альтернативной религиозности в разные исторические эпохи в жизни различных народов, слагающихся благодаря их преемственности на общей основе в специфическую традицию. Рассматриваемые в этом широком историческом контексте нетрадиционные религии характеризуются как типичная альтернатива господствующей религиозной традиции и представляющим ее официальным церковным институтам, выражающая в форме новой религиозной идеологии конфронтацию с существующим социальным строем»[92].

Обозначим, что термин «нетрадиционный» может, с одной стороны, выступать в значении оппозиции официальной церкви и ее догматическому вероучению, проявляться в виде формального разрыва с господствующим церковным институтом (раскол, отступничество, ересь); с другой – в значении

---

[90] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984. С. 26

[91] Григулевич И.Р. Пророки «новой истины»... С. 36.

[92] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984. С. 37.

непринадлежности, чужеродности какого-либо религиозного движения культурно-историческим особенностям общественной среды. В качестве примера можно привести распространение «экзотических» восточных культов в странах Запада[93].

Определение рассматриваемого феномена в качестве «молодежных религий» обусловлено представлением о значительном влиянии «бунтующей» западной молодежи на духовную эволюцию общества. Данное влияние привело к преобразованию нетрадиционных форм религиозности (которые могли возникнуть задолго до появления молодежного протеста на Западе) в самостоятельные НРД. «На завершающей фазе нисходящей эволюции движения молодежного протеста капиталистических стран Запада религиозные влияния реализуются в двух основных формах: становления институализированных религиозных организаций (церквей, сект, культов), а также распространения религиозно-мистических движений, культивирующих на псевдонаучной основе те или иные формы психотерапии, служащие адаптации личности к современной капиталистической действительности»[94].

По мнению Е.Г. Балагушкина, несмотря на всю пестроту и разнообразие НРД, им присущи общие черты, характеризующие их как единую тенденцию в развитии религиозной жизни общества определенного исторического периода:

- отсутствие института церкви, а также традиционных церковных богослужений, проводимых священнослужителями;

- наличие иных форм организации деятельности: центры, миссии, колонии, коммуны, «семьи»;

- активное вовлечение верующих в культовую практику;

- особый акцент на практической деятельности (миссионерская работа, пополнение бюджета религиозной организации, «совершенствование», согласно постулатам религиозного культа и образа жизни верующих).

[93] Там же. С. 64.
[94] Там же. С. 221.

- актуализация социального заказа, ориентация на земную реальность и на скорое избавление от социальных невзгод, а не обещаний личного счастья и справедливости в загробном мире;

- социальный критицизм, конфронтация с существующим общественным порядком, традиционной системой ценностей, а также институтами и организациями[95].

Проанализировав процесс развития феномена нетрадиционных религиозных движений на материале США и европейский стран 1960-70-х гг., Е.Г. Балагушкин сделал вывод о постепенной интеграции данного феномена в господствовавшую идеологическую, политическую, социальную, культурную, духовную и другие сферы жизни общества западных стран. «Оценивая в целом ассимиляцию нетрадиционных религий, можно с уверенностью утверждать, что благодаря обновлению ими форм и методов защиты существующего капиталистического строя они превратились в новые разновидности социальных институтов буржуазного общества, стали его активными идеологическими центрами, вошли в общественное сознание (в качестве важных его элементов) достаточно широких социальных групп капиталистических стран Запада (преимущественно средних слоев, особенно принадлежащей к ним молодежи и интеллигенции), глубоко проникли в повседневную психологию этой части общества. В этом заключается их возросшая роль проводников в широких общественных масштабах религиозности, иррационализма и мистики, поддержки неоконсерватизма и правых политических устремлений»[96].

При анализе рассматриваемого явления в глобальном масштабе советскими исследователями учитывалось значение не только научно-технического прогресса. Особая роль отводилась переломным моментам в периоды глубоких потрясений, стимулировавших перестройку духовно-мировоззренческой картины общества. Описывая различные религиозно-культурные концепции, получившие

[95] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. С. 14-15.
[96] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий. С. 279.

распространение на Западе, П.С. Гуревич упоминал актуализацию двух концепций – европоцентристской, предполагавшей, что неевропейские религиозные системы отражают патриархальный мир и рассматриваются как варианты древних или средневековых стадий развития, которые Европа оставила далеко позади себя. Поэтому Китай, Индия, страны ислама вынуждены догонять Запад в развитии собственной культуры. И культурно-плюралистической концепции, с точки зрения которой отстаиваются идеи плюрализма и множественности культур, признается равноценность различных религий, а уникальность мистического опыта той или иной цивилизации открывает пути для постижения своеобразия стран Востока, и вместе с тем порождает интенсивное, обостренное внимание к возможностям «духовного обновления». «Наметившаяся тенденция к усвоению ценностей других религий привела, в конечном счете, к своеобразному явлению – рождению новых духовных образований – нетрадиционных мистических культов, окрашенных в ориентальные тона»[97], – заключает автор.

Таким образом, для советских исследователей тема нетрадиционных религиозных движений была актуальна не только в плане изучения глобальных тенденций формирования массовой религиозной политики, но и с практической точки зрения – для разоблачения навязываемых «буржуазных» ценностей, «модных ориентальных культов», идей мистицизма. Оценивая вопрос о долговечности так называемого религиозного «бума» и жизнестойкости различных нетрадиционных религиозных движений, отечественные авторы писали о временном характере данного явления. Религиовед Л.Н. Митрохин полагал, что «это эфемерные образования, жизнь которых отмерена двумя-тремя поколениями. Тем более, что их основатели доживают последние годы, а некоторые, как мы видели, уже отошли от активного руководства созданными ими организациями. Также, общественность многих стран, встревоженная их деятельностью, в последние годы резко активизировала свою борьбу против них.

[97] Гуревич П.С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. С. 20.

Поэтому, как нам представляется, «звездный час» таких организаций уже миновал, и в последующие годы мы будем свидетелями отхода культов на периферию духовной жизни западных стран»[98].

Однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг. произошла актуализация проблематики НРД в связи с их распространением не только на Западе, но и в странах Восточной Европы, СССР, а затем и на постсоветском пространстве. Так, 19-21 декабря 1989 г. в СССР состоялась Всесоюзная научная конференция, в рамках которой рассматривались теоретические и практические вопросы деятельности нетрадиционных культов и неомистицизма. В качестве причин появления данного феномена в советском обществе признавались, во-первых, различного рода «контакты социально отчужденных религиозных искателей со средствами массовой клерикальной пропаганды из-за рубежа (литература, радиопропаганда, личные контакты)»; во-вторых, общее кризисное состояние, связанное с характером переходной исторической эпохи, духовный кризис (в том числе традиционной церкви) и социальная апатия, «тотальное отчуждение личности»; в-третьих, «такое социально-экономическое явление, как застой», усиливавшиеся политические, идеологические, экономические, экологические и другие противоречия; в-четвертых, неспособность господствовавшей идеологической системы создать новые, приемлемые для общества социальные ориентиры и ценности. Отмечалось также «отсутствие сильного экономического базиса атеистической пропаганды – полная экономическая и политическая зависимость профессиональных атеистов в отличие от щедро финансируемых из-за рубежа религиозных течений, действующих автономно (со своей типографией, видео- и телеаппаратурой и т.д.)»[99].

Советский религиовед В.Н. Арестов, анализируя деятельность последователей нетрадиционных культов в СССР, указывал на активизацию их деятельности в условиях демократизации и гласности, отмечал, что их тактика

[98] Митрохнин Л.Н. Религии «нового века». 1985. С. 154.
[99] Критика идеологии и практики нетрадиционных культов и неомистицизма (Тезисы Всесоюзной научной конференции 19-21 декабря 1989 г.). С. 11-17.

была рассчитана на общественное признание, расширение каналов миссионерской деятельности, создание образа привлекательной религии. В частности, «группы кришнаитов повели линию на легализацию, требуя официальной регистрации в органах власти, помимо киртан (форма духовной практики, заключающаяся в коллективном воспевании имён и славы Бога – Авт.) в закрытых помещениях, начали выходить на улицы и площади, пошли на контакты с молодежью учебных заведений, навязчиво предлагая диспуты и дискуссии»[100].

В постсоветский период в рамках становления российской модели государственно-конфессиональных отношений нетрадиционные религиозные движения стали все чаще идентифицироваться в качестве «тоталитарных сект». Широкое распространение данного термина исследователи относят к периоду 90-х гг. XX века. «На свет появился новый термин, никогда ранее не применявшийся к обозначению религиозных объединений, – писал в связи с этим отечественный религиовед И.Я. Кантеров. – Речь идет о прилагательном «тоталитарный», которое, в сочетании со словом «секта», замышлялось как наименование десятков религиозных образований, имеющих совершенно непохожие вероучения, обряды, социальные программы, численность и состав последователей»[101]. Введение в общественный оборот данного термина связывают с именем А.Л. Дворкина[102] – светского и церковного деятеля, исследователя современного религиозного сектантства, взгляды которого получили широкое распространение. По словам И.Я. Кантерова, «вводя впервые термин «тоталитарная секта», он (Дворкин) и не думал, что вводит новое понятие, – настолько само собой разумеющимся оно казалось»[103].

---

[100] Арестов В.Н. Антиобщественная направленность идеологии и практики групп последователей нетрадиционных культов в СССР // Критика идеологии и практики нетрадиционных культов и неомистицизма (Тезисы Всесоюзной научной конференции 19-21 декабря 1989 г.). С. 59.

[101] Кантеров И.Я. Деструктивные, тоталитарные... и далее везде // Религия и право: информационно-аналитический журнал. 2002. № 1. С. 8.

[102] Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2002. С. 11.

[103] Кантеров И.Я. Деструктивные, тоталитарные... и далее везде. С. 9.

При попытке разграничить понятия «секта» и «тоталитарная секта» учеными был отмечен ряд существенных различий между данными определениями. Если к «сектам» относили ту часть религиозных организаций, которая, отделившись от традиционных религий, не вступала в открытый конфликт с обществом, государством и церковью, то деятельность так называемых «тоталитарных сект» шла вразрез «с религиозными принципами и законодательством». Также эта деятельность «через свою идеологию призывает к насилию над людьми из внекультового социума»[104].

Е.Г. Балагушкин отмечал, что «термин «тоталитарные секты» служит миссионерскому обличению иноверных, поскольку недвусмысленно отождествляет религиозные объединения, весьма различные по своему характеру и средствам воздействия на личность и общество, с дискредитировавшими себя тоталитарными политическими режимами»[105], в результате чего происходит подмена религиозной специфики политической. Манипулирование подобными терминами призвано объединить в одну группу весьма разные явления – религиозные движения, особенности вероучения и внутренней структуры которых не соответствуют нормам доминирующих в обществе конфессий или тех, чья деятельность оказывает явно деструктивное воздействие на жизнь общества.

В то же время нельзя отрицать, что ряд НРД действительно носит деструктивный характер. По мнению современных исследователей, деструктивными следует признать движения и культы, соответствующие следующим критериям: негативное отношение к основам существующего конституционного строя, к традиционной этнокультуре и менталитету народа, к ценностям традиционных религий; противоправная деятельность, выражающаяся в применении современных методик психологического воздействия, гипноза, контроля сознания, мышления, поведения, употребление адептами психотропных веществ; нарушение права на свободу и независимость человеческой личности,

---

[104] Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. С. 15.

[105] Балагушкин Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 96.

разрушительная деятельность по отношению к личности посредством жесткой регламентации жизни верующих, ритуальные и массовые самоубийства адептов и т.п.[106]

Широкая трактовка понятий, обозначающих нетрадиционные религиозные движения, побудила научное сообщество выступить с предложением об использовании нейтрального описательного термина – «новые религиозные движения». Однако данное определение также не лишено недостатков. Расплывчатая характеристика «новые» по отношению к религиозным объединениям может содержать указание как на хронологическую (время их возникновения), так и на качественную (сущностные отличия от традиционных религий) новизну. Некоторые религиозные движения не согласны с характеристикой «новые», поскольку считают, что их «новшества» берут начало в одной из традиционных конфессий. Например, члены Общества Сознания Кришны считают свое движение древней и традиционной религией[107].

Рассматривая соотношение понятий «новые» и «нетрадиционные» религии, исследователи предлагают использовать первое определение в качестве разновидности второго. Новые религиозные движения, представляя собой самую многочисленную группу современных нетрадиционных религий, делятся на ряд групп по принципу их отношения к официально признанным, традиционным для данного государства религиозным институтам (движения обновленческого, оппозиционного и альтернативного характера)[108]. Феномен новых религиозных движений выступает «в качестве ответа на достаточно глубокие изменения общественной системы в целом (цивилизационные сдвиги, секуляризацию и другие социокультурные тенденции) или ее отдельных компонентов (рост индустриализации и урбанизации, изменения интересов людей, их

---

[106] Петрова Н.В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций: дис. … канд. соц. наук. Уфа, 2006. С. 15.
[107] Баркер Э.В. Новые религиозные движения. СПб., 1997. С. 168.
[108] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М., 1999. С. 17.

самосознания)»[109]. Л.Н. Митрохин приходит к выводу, что новые религиозные движения в Соединенных Штатах представляют собой форму протеста и разочарования поколения «детей» в существующем социальном порядке. Этим объясняется и достаточно молодой возраст, и обращение последователей данных движений в основном к восточным религиям, а не к христианству как религии «отцов»[110].

Британский социолог религии Э.В. Баркер пыталась отразить специфику новых религиозных движений через понятие «первое поколение верующих», предполагая, что «истины» новых движений отстаиваются более пылко и представляются гораздо проще устаревших вероучений, постоянно допускающих лавирование и двусмысленность, «особенно в глазах нетерпеливого юноши, ищущего ясного ответа на сложные вопросы сегодняшнего мира или решения своих личных проблем»[111]. В качестве основных причин, способствовавших столь массовому распространению религиозного многообразия, исследователь отмечает, во-первых, иммиграцию людей, которые принесли с собой и свои религии; во-вторых, рост и миссионерскую деятельность ряда новых религиозных движений.

При всей неоднозначности понятия «нетрадиционные религии», определяемые этим термином движения все-таки составляют определенную общность. По мнению Е.Г. Балагушкина, подобные движения – это «типологическое явление иной религиозности, радикально отличающейся от традиционной для данного общества в рассматриваемый исторический период». Для нетрадиционных религий, отмечает исследователь, «характерна интенсификация социальных функций религии, а часто и пропаганда новых социально-религиозных утопий обновленческой, оппозиционной либо

[109] Балагушкин Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен. С. 97.
[110] Митрохин Л.Н. Социально-психологическая природа «религий нового века» // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Антология отечественного религиоведения. Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М., 2009. С. 334-336.
[111] Баркер Э.В. Новые религиозные движения. С. 54.

альтернативной направленности, разработанных на основе радикально измененных (обычно нетрадиционных) вероучений»[112].

Другой известный отечественный специалист по государственно-конфессиональным отношениям Н.А. Трофимчук определял нетрадиционные религии как религиозные комплексы, которые в отличие от традиционных религий не унаследованы исторически от прошедших эпох тем или иным этносом или общностью людей в рамках определенных государственных границ, не укоренились в быту, культуре, психологии, системе обрядов и праздников, а распространились в результате миссионерской деятельности проповедников или созданы отдельной личностью. «Нетрадиционными для определенных этносов могут быть как мировые религии, традиционные для других, так и новые религиозные образования, базирующиеся на нетрадиционной основе. Например, буддизм традиционен для Бурятии, но не традиционен для Ингушетии»[113].

Анализируя причины распространения НРД, можно выделить следующие факторы. Во-первых, они могут служить знаменем протеста против исчерпавших себя, устаревших социальных порядков. Во-вторых, зачастую они быстрее, чем традиционные религиозные институты, адаптируются к меняющейся социально-политической обстановке в условиях глубоких общественных кризисов. Третья причина связана с изменениями религиозного сознания самих верующих, которые в поисках нового мироощущения и мировосприятия отказываются от изживших себя, традиционных норм и институтов. В качестве четвертой причины можно выделить процессы глобализации, способствующие проникновению и распространению религий из одной страны в различные мировые государства.

Как правило, нетрадиционные религии опираются на синкретическое объединение новых и старых мифов. Религиозные новаторы выступают не против религиозных институтов как таковых, а за наполнение их новым смыслом и значением. С течением времени установки НРД могут трансформироваться в

---

[112] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. С. 18.

[113] Трофимчук Н.А. Чего добиваются борцы с «сектами»? // Религия и право. 1999. № 3. С. 136.

зависимости от условий окружающей среды. Примером могут служить современные кришнаиты, которые отказавшись от конфронтации со светским обществом, активно выступают за диалог с христианством[114].

В ряде случаев отличительной особенностью нетрадиционных форм религиозности является стремление открыто демонстрировать нонконформистский характер своих взглядов, особенно на ранних стадиях своей эволюции. Значение придается не столько форме, сколько самому факту протеста. Подобное явление характерно для различных мировых религий на протяжении их истории. Аналогом может служить судьба суфизма – нетрадиционного течения в исламе. По словам выдающегося отечественного востоковеда В.В. Бартольда, шейхи дервишских (суфийских) орденов первоначально были защитниками интересов народных масс. «Так как представители книжного богословия сделались руководителями аристократии, борьба дервишизма с книжным богословием приняла в Туркестане иной характер, чем в западной Азии. Там представители книжного богословия требовали строгого соблюдения шариата, дервиши или суфии отстаивали более свободное толкование правил веры (известно, что в Персии слово «суфизм» постепенно сделалось синонимом религиозного свободомыслия); здесь именно дервиши отстаивали шариат и обличали в нарушении его правил как представителей верховной власти, так и официального главу мусульманского духовенства. Все это делалось во имя интересов народных масс»[115].

В Российской Федерации нетрадиционные религиозные движения сформировались либо самостоятельно, либо проникли из-за рубежа, в ходе миссионерской деятельности. Касаясь одного из нетрадиционных движений – неоязычества – известный российский этнолог В.А. Шнирельман отмечал: «Пример русского неоязычества, озабоченного не столько индивидуальным психическим самочувствием, сколько социальными проблемами, служит ярким

---

[114] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). С. 46.

[115] Бартольд В.В. Улугбек и его время // Соч. В 9 т., Т. 2. М., 1963-1977. С. 121.

образцом создания националистической идеологии, опирающейся на «изобретенное прошлое». Так случилось потому, что новые религии не были принесены в Россию миссионерами, а попали из разных источников и были здесь переосмыслены и приспособлены к местным злободневным потребностям, получив в итоге национал-патриотическую окраску»[116]. В результате к концу XX в. Россия стала ареной повсеместного распространения разнообразных НРД, что можно считать закономерным явлением для большинства стран современного мира. Возникшие в это время религиозные новообразования явились отражением процессов модернизации религиозной жизни общества, трансформации мировоззренческих парадигм, взаимовлияния и взаимообогащения различных культур.

Подводя итог, подчеркнем, что со времени начала широкого распространения на Западе нетрадиционной религиозности (1960-70-х гг.), в отечественной науке шел поиск терминологии, подходящего понятийного аппарата, способного адекватно передать суть рассматриваемого явления. В процессе поиска достаточно широко использовались наработки западных религиоведов. Впоследствии терминология будет обогащаться понятиями и трактовками из юридической и судебной практики[117]. Однако в начале радикальных преобразований второй половины 1980-х гг. в общественно-политической и духовной сферах единый понятийный аппарат так и не сложился. Как будет показано ниже, не сформируется он и впоследствии, на протяжении нескольких десятилетий постсоветского развития России, когда фактически будет

---

[116] Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., 2012. С. 8.

[117] Возможность использования термина «секта» рассматривалось Конституционном Судом Российской Федерации. Изучив выписки из словарей и энциклопедий, суд постановил, что данный термин «секта» общеизвестен и употребляется в отношении религиозных организаций, исповедующих взгляды узкой группы людей и, соответственно «не может оскорбить чьих-либо чувств». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. № 16-П По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвёртого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» // СПС КонсультантПлюс.

сохраняться пестрота и разнообразие терминов, относящихся к религиозной сфере.

1.2. Исторические предпосылки возникновения и развития нетрадиционных религий в России[118]

В рассмотренных ранее работах советских исследователей, изучавших феномен НРД 1960-70-х гг. на Западе, указывается, что «распространение нетрадиционной религиозности имеет определенное сходство и известную историческую преемственность с возникновением средневековых ересей, которые представляли собой специфическую форму социального протеста определенных общественных групп, недовольных существующим эксплуататорским строем и выступивших против, официального вероучения и господствующей церкви»[119].

В российской истории религиозные искания на разных этапах эволюции общества принимали различные формы, в основе которых, как правило, лежало стремление к религиозному самоопределению и независимости. В кризисные моменты общественного развития популярность религиозных ценностей особенно возрастала. В тот момент, когда воззрения лидера, претендовавшего на создание собственного учения, находили отклик у масс и передавались группе последователей, образовывалось новое религиозное движение со своими нормами, институтами и традициями, расходившимися с общепринятыми церковными канонами. «Наши мистические секты – явление не случайное, не мимолетное и не текущего дня. Оно уходит своими корнями в глубь прошлых

[118] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Русское сектантство как форма религиозного инакомыслия в дореволюционный период // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 136-150.

[119] Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). С. 133.

веков. Веками они слагались, веками ширились, веками дробились», – писал в начале XX в. православный богослов И.Г. Айвазов[120].

По мнению советского историка и религиоведа А.И. Клибанова, ранние формы религиозного инакомыслия в России относятся к середине XIII в. – начальному периоду движения за освобождения от монгольского ига, сопровождавшемуся духовным возрождением народных масс[121]. В это время стали возникать так называемые народные антицерковные (религиозно-реформационные) движения, в основе которых лежало стремление к религиозному самоопределению и независимости от господствовавшей веры.

В работах историков религии распространено мнение, что первой ересью, имевшей признаки массового антицерковного движения, было течение стригольников, которое появилось не позднее середины XIV в. в наиболее развитых городских центрах северо-западной Руси, имевших торговые связи с зарубежными странами – Пскове и Новгороде[122]. Участники стригольнического движения, среди которых были представители низшего духовенства, ремесленники и торговцы, выступали против корыстолюбия православного духовенства, отрицали церковные таинства, требовали для мирян права религиозной проповеди[123].

Ересь жидовствующих, которую относят к одному из крупнейших антицерковных движений русского Средневековья, сложилась в Новгороде во второй половине XV в. Ее стремительному распространению в Москве способствовало покровительство влиятельных лиц (дьяк Федор Курицын, невестка Ивана III Елена Волошанка). После церковного собора 1490 г. начались гонения на жидовствующих, им стали приписывать отступничество от

[120] Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Т. 1. Петроград, 1915. С. 3.
[121] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 43.
[122] Алексеев А.И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4. С. 22.
[123] Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 560.

православия[124]. Однако репрессии не могли остановить религиозного брожения в обществе, скорее усиливали его, окружая гонимых ореолом мученичества за правду. В последующие годы антицерковные движения уходят вглубь народных масс. Спустя некоторое время еретические движения оказались в силах создать более устойчивые и многочисленные религиозные организации, бросившие вызов господствовавшей церкви.

Во второй половине XVII в. русская православная церковь переживала глубокий кризис, образовалось новое массовое движение, выступавшее под религиозными лозунгами возвращения к «старине», к «старой вере», к «старой обрядности». Исследователь старообрядчества С.А. Зеньковский отмечал, что «именно в силу раскола в России возникла и распространилась первая массовая и непримиримая оппозиция господствующей церкви, государству и правящему слою»[125]. В работах дореволюционных авторов значение термина «раскол» трактовалось широко и включало в себя «совокупность всех вообще религиозно-этических и религиозно-бытовых протестов и разномыслий русского народа»[126], подразумевая не только старообрядчество, но и все секты, которые обыкновенно назывались ересями. Кроме того, как отмечалось выше, исследователи данного периода подразделяли секты на три категории: старообрядческий раскол, секты рационалистические и мистические (тайные)[127]. В советской религиоведческой науке возникновение сектантства, как совокупности народных религиозно-реформационных движений, относится к последней трети XVII в.[128] Современные исследователи религиозного инакомыслия отмечают, что в условиях религиозной неудовлетворенности российского общества XVII в. страна столкнулась с новыми для русской культурной традиции явлениями: религиозным сектантством,

[124] Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 382.
[125] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2016. С. 42.
[126] Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 8.
[127] Ивановский Н.И. Секта хлыстов в её истории и современном состоянии. 1898. С. 2.
[128] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. С. 55.

массовыми социально-утопическими и эсхатологическими движениями, политическим и религиозным самозванством[129].

Таким образом, со второй половины XVII в. началось устойчивое развитие религиозных сект, представлявших собой совокупность антицерковных движений с собственной институциональной структурой, с разработанными и обоснованными догмами и определенными традициями культовой практики. К ярким представителям российского религиозного сектантства можно отнести общину хлыстов, ответвлением которых считается секта скопцов. Значительное развитие получили течения, относимые к рационалистическому сектантству – молокане и духоборы.

Отмена крепостного права в России послужила новым толчком к развитию сектантских движений. В период всеобщего пробуждения русского общества, вместе со сменой крепостных отношений переживало трансформацию и религиозное мировоззрение народных масс, многие компоненты которого не соответствовали настроению людей, освободившихся от прежнего подневольного положения. Старые сектантские движения переходили от прежних пассивных и скрытных форм противостояния к открытой борьбе с противником в попытках перестроить жизнь на новых началах.

Подобную трансформацию можно проследить в институциализации ранее существовавшей секты бегунов (странников), сформировавшейся еще во второй половине XVIII в.[130] Учение странников, являвшихся разновидностью старообрядчества, опиралось на идею о необходимости избегать всяких контактов с государством и официальной церковью. Первоначально бегунство, пользуясь почитанием русскими людьми иночества, искало себе приюта в монастырях и скитах. В 60-е гг. XIX в. движение обрело новую форму, в этот период окончательный вид получили учреждения бегунской организации: центр союза образовался в селе Сопелки Ярославской губернии; каждая «пристань» (убежище

[129] Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 103.
[130] Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII - начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 436.

странников) была автономной общиной со своим советом и судом; но более важные дела переносились в Сопелки, где по временам происходили общие бегунские съезды[131]. Кроме того, в этот период в структуре секты значимую роль играла категория так называемых жиловых бегунов, главной функцией которых, помимо предоставления приюта и поддержки настоящим бегунам, стало руководство духовной и практической жизнью секты[132].

Еще одним примером может послужить сформировавшееся в пореформенной России движение штундистов. Штундизм возник в южных (малороссийских) губерниях и затем распространился на другие регионы. Современниками выдвигались разные версии причин возникновения и природы этого течения. Как отмечает историк И.В. Амбарцумов, одни современники вели происхождение штундизма от старых русских сект, тогда как другие «считали его продуктом немецкого влияния на русский народ»[133]. В конце 1860-х гг. происходит определенное сближение штундистов с баптистами (баптизм начал проникать на российскую территорию из Германии с 1850-х гг.). Общины духовных штундистов, не принявших баптизм, в 80-90-е гг. продолжали самостоятельное существование.[134]

Идеи штундизма включали в себя не только религиозные, но и социальные мотивы: в основе справедливого устройства жизни должен лежать труд, особое внимание уделялось не обрядовой стороне церковного служения, а личному благочестию. Провозглашаемые штундистами идеи о свободе, равенстве, в некоторых случаях – о совместном владении имуществом побуждали правительство и официальную церковь рассматривать данное течение как антигосударственное.

В целом, власти в ряде случаев склонны были рассматривать различные направления религиозного инакомыслия как единое течение, несущее опасность

---

[131] Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 49.
[132] Там же.
[133] Амбарцумов И.В. Русский штундизм, общество и власть в XIX - начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 30.
[134] Там же. С. 35.

существующему порядку. В отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1894-1895 гг. отмечалось перерождение некоторой части раскола, идущего по пути отрицания господствующей церкви, в рационалистическое и мистическое сектантство, которое «приобретает более и более резкий отрицательный характер и становится крайне опасным не только в церковном отношении, но еще более в государственном: политические и социалистические идеи и тенденции приобретают в нем господствующее значение»[135]. Также подмечалось, что некоторые направления сектантства еще не успели вылиться в точно определенные формы и иногда укрываются под внешней формой господствующей церкви, что представляет собой значительную угрозу (например, духоборческое движение на Кавказе). Возникало опасение объединения сект рационалистического и мистического характера в одно целое, что, по мнению обер-прокурора, «создало бы силу грозную и трудно одолимую»[136].

Согласно официальной классификации, к концу XIX в. отмечалось существование как различных направлений (толков) старообрядства, так и сект рационалистического и мистического характера. К первой группе были отнесены штунда, молокане, духоборцы, субботники, пашковцы; вторую группу составили шалопутство, хлыстовщина и скопчество[137].

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев на протяжении нескольких лет характеризовал в ведомственных отчетах штунду как наиболее вредную «в церковном и государственном отношениях, и менее всех других поддающихся миссионерскому воздействию» из всех иных сект[138]. «Последователи секты штунда, отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, но и проповедуют социалистические принципы, как например, общее

[135] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб., 1898. С. 219.
[136] Там же. С. 220.
[137] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886. С. 204-205.
[138] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 141.

равенство, раздел имущества и т.д. Учение их подрывает в корне основные начала православной веры и русской народности», – так писал об этом явлении один из исследователей дореволюционного периода[139].

К числу сект власти причисляли не только течения собственно религиозного характера, но и различные движения в среде интеллигенции, в частности, последователей Л.Н. Толстого. В отчете по ведомству православного исповедания за 1900 г. говорилось, что «никогда наша русская православная церковь не имела такого опасного врага, какого она имеет теперь в лице новейшего рационалистического сектантства, в особенности штунды и толстовства»[140]. За звание «самой вредной» секты в глазах официальных авторов со штундистами соперничали другие ветви инакомыслия. Например, протоиерей И.В. Смолин писал о иеговистах («Сионская весть», субботники, новозаветные иудеи), появившихся в середине XIX в. на Урале, как о секте самой вредной «среди других русских сект, как по своим взглядам на государственный строй, так и по возводимым клеветам и поношениям на Церковь православную»[141].

Все секты, по мнению духовного ведомства, отличались отрицательным отношением к «православной Церкви, к ее таинствам, обрядам и священству». Сектанты стали называться более опасным врагом, чем раскол[142].

Предпринимались различные меры с целью противодействия сектантству. «Для борьбы со штундою… духовное правительство и местные епархиальные начальства и братства принимают усиленные меры, организуя их в виде постоянных, систематически устроенных, способов действования для вразумления совращенных и удержания православных от совращения», – гласил отчет обер-прокурора за 1886 г.[143] Так, в Киевской епархии были учреждены

---

[139] Маслов П. Перелом крестьянского мировоззрения // Современный мир. 1907. № 12. С. 154.
[140] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903. С. 229.
[141] Смолин И.В. Краткие исторические сведения о русских сектах и их вероучении. СПб., 1911.
[142] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903-1904 годы. СПб., 1909. С. 143.
[143] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886. С. 95.

должности «четырех противоштундистских миссионеров, с возложением на них обязанностей составления и распространения в народ сочинений и печатных листов, содержащих обличение иноверческих учений, перевода с иностранных языков книг и брошюр полезных в религиозно-нравственном отношении…»[144].

Меры по борьбе с расколом и сектантством включали в себя «учреждение противораскольнических и противосектантских миссий, устройство епархиальных, окружных и церковных противосектантских библиотек, устройство при монастырях и братствах иконных и книжных складов, истовое уставное отправление богослужений, с благообразным пением, увеличение числа церковно-приходских школ и точное составление и современное, кому следует, доставление сведений о раскольниках и сектантах»[145].

Миссионерская деятельность православной Церкви была направлена на обращение сектантов в православие, при этом наибольшую долю обращенных, согласно отчету обер-прокурора, составляли штундисты[146]. Растущие количественные показатели по числу «лиц, воссоединяющихся из раскола и сектантства с православною церковью» в одном из отчетов были охарактеризованы как отрадное явление в борьбе с расколо-сектанством[147]. Предпринимались и репрессивные меры против религиозных лидеров и религиозной деятельности различных течений инаковерия, однако «двуединая программа – репрессии против вожаков и просветительские меры… на практике оказывалась недееспособной»[148].

Если у руководителей духовного ведомства, официальных миссионеров религиозное инакомыслие вызывало негативную реакцию, то представители оппозиционных общественных кругов нередко относились к нему с симпатией.

---

[144] Там же. С. 95-96.

[145] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб., 1902. С. 140.

[146] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903-1904 годы. СПб., 1909. С. 144.

[147] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 205.

[148] Полунов А.Ю. Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017. С. 226-227.

Считалось, что сектантство в определенной мере способствовало поиску путей выхода из тяжелого положения простого народа. Хотя светское оппозиционное движение того времени – народничество в ряде случаев проповедовало принципы, близкие к воззрениям сектантов (свобода, общинный уклад), более заметным успехом у народных масс пользовалось религиозное инакомыслие, так как их мировоззрение больше соответствовало представлениям народа[149]. В целом, во второй половине XIX – начале XX в. сектантство привлекало все большее внимание представителей русской социалистической мысли.

Важную роль в осмыслении феномена сектантства сыграли работы русских марксистов, в частности, В.И. Ленина. Впоследствии эти взгляды будут приняты за основу в советской науке и существенно повлияют на восприятие истории религиозного инакомыслия в СССР.[150]. В рамках марксистско-ленинского подхода сектантство рассматривалось как религиозная форма социального протеста в крестьянской среде, расценивавшееся в качестве пережитка крепостнического прошлого. В 1899 г. в работе «Проект программы нашей партии» В.И. Ленин писал: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, – а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»[151]. Поэтому «в интересах расширения союза между рабочим классом и крестьянством», в попытке «стимулировать и направить социальный протест», предполагалось проведение «систематической идеологической и просветительской работы среди сектантов»[152].

Попытки отыскать в идеологии и деятельности сектантов элементы политического протеста предпринимались не только марксистами, но и представителями других революционных и оппозиционных течений, однако чаще

[149] Маслов П. Перелом крестьянского мировоззрения. С. 138.
[150] Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2013. № 5. С. 101.
[151] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 27.
[152] Там же. С. 33.

всего эти поиски оказывались безуспешны. Как отмечает И.В. Амбарцумов, «обвинения в адрес штундистов в пропаганде социалистических и революционных взглядов не были вполне обоснованными». По мнению автора, такие антигосударственные воззрения, как негативное отношение к присяге, к военной службе, к российскому государству в целом, скорее всего разделялись только частью штундистов, но являлись обязательным элементов идейной доктрины штунды. Получив после провозглашения религиозной свободы в 1905 г. возможность легализации, большинство русских штундистов добились признания государством своего учения в качестве российского направления баптизма[153].

Хотя религиозная обстановка в России после 1905 г. существенно изменилась, нельзя сказать, что отношение к сектантству среди приверженцев господствующей церкви заметно улучшилось. «Святая Русь не знала сектантства», – говорилось в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1905-1907 гг. Глава духовного ведомства писал о неразрывной связи русского человека с православием. «На Руси не могло возникнуть сектантство; оно есть явление заносное, извне. На русской почве появился лишь раскол, а сектантство – «продукт культуры западно-европейской, мост к неверию». Перешедший в сектантство (рационалистическое) русский «теряет свои отличительные черты, национальный облик и патриотизм, а взамен этого приобретает несвойственную русскому человеку гордую самоуверенность в решении религиозных вопросов и фанатизм в распространении своего учения путем навязчивой, приправленной разными хитростями проповеди»[154].

По мнению обер-прокурора, с 1905 г. сектантство «подняло голову», активизировали свою деятельность. Созывались съезды, появлялись новые общины, прибывали из других стран миссионеры, увеличилась финансовая поддержка их деятельности, сектантская литература начала распространяться по

[153] Амбарцумов И.В. Русский штундизм, общество и власть в XIX - начале XX в. С. 46.
[154] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. СПб., 1910. С. 160.

всей России. В очередной раз обер-прокурор Святейшего Синода отмечал близость учения некоторых сект к социализму[155].

Вместе с развитием отечественного сектантства в Россию проникали и новые религиозные течения из-за рубежа. Зародившееся в XIX в. в США пятидесятничество – разновидность протестантизма – за счет активной миссионерской деятельности стало распространяться в Российской империи уже после революции 1905-1907 гг.[156].

Для борьбы с сектантством духовное ведомство в определенной степени заимствовало методики проповеднической деятельности самих религиозных меньшинств. В 1909 г. Святейший Синод определил «в борьбе с сектою штундо-баптистов и пашковцев, кроме мер общемиссионерского характера, применяемых в борьбе и с другими сектами и лжеучениями, обуревающими Церковь, а) одобрить устройство в приходах, зараженных означенными сектами, в противовес сектантским молитвенным собраниям, внебогослужебных бесед, под руководством членов причта, с чтением на этих беседах слова Божья, с произнесением проповедей и с общим пением псалмов и других церковных молитв и песнопений… в) для понимания проповеди баптистской предписать духовенству также приближать к пониманию простого народа язык своих поучений, а для наилучшего понимания богослужебного языка стараться соблюдать ясность и отчетливость в чтении и пении, … миссионерам и их помощникам лично являться на собрания баптистов и опровергать нападки на православную церковь, «в случае же невозможности или затруднительности сего, стараться парализовать значение этих собраний раздачей народу противосектанских брошюр и листовок, а где возможно, и устройством, параллельно сектантским, православных собраний».[157]

---

[155] Там же.

[156] Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой...» : история Пятидесятнической церкви в России, XIX-XX вв. СПб., 2012. С. 16.

[157] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. СПб., 1911. С. 199-200.

Таким образом, отношения между государством и сектантами в дореволюционный период было враждебным. Власть, опираясь на миссионерскую деятельность православной церкви, стремилась исключить как раскол, так и сектантство из духовной жизни общества.

Коренные изменения в религиозной политике государства наступили после падения монархии и особенно после прихода к власти большевиков. Начало советского периода оценивается некоторыми исследователями как благоприятный для сектантства в целом, однако в дальнейшем в религиозной политике наступили изменения. «Новая власть, объявив войну Православной Церкви, в то же время предоставила полную свободу религиозным меньшинствам, гонимым прежде царским режимом. В конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. ситуация изменилась: антирелигиозная политика стала тотальной, затронув в равной степени все Церкви и секты. Баптисты и евангельские христиане подверглись в этот период репрессиям, гораздо более жестким, чем те, которые имели место в конце XIX – начале XX в., в период действия противоштундистского закона»[158]. Некоторые религиозные движения, пришедшие с Запада (близкая к протестантизму Новоапостольская церковь, движение мормонов) полностью исчезли в СССР в этот период.

Однако некоторым религиозным движениям удалось сохраниться. Они продолжали вести проповедническую деятельность, несмотря на преследование. Например, протестантское движение адвентистов, пришедшее в Россию в 1880-е гг., рассматривалось советским государством ввиду некоторых особенностей доктрины (например, отказ от оружия и службы в вооруженных силах) как «враждебное социализму вероучение». В силу этого развитие движения вплоть до перестроечных времен проходило в основном в нелегальных условиях[159].

Еще одним примечательным религиозным движением, история развития которого на территории российского (советского) государства плотно

[158] Амбарцумов И.В. Русский штундизм, общество и власть в XIX - начале XX в. С. 45
[159] Конев Е.В. Адвентисты седьмого дня Западной Сибири в 40-60-е гг. XX века // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 21.

переплелась с историей страны в целом, стало Объединение Свидетелей Иеговы (Общество Сторожевой Башни). Течение, возникшее во второй половине XIX в., стало проникать на территорию России в 80-х гг. XIX в.[160] Кратковременный период относительной религиозной свободы после 1905 г. создал благоприятные условия для развития этого течения. Однако вскоре Свидетели Иеговы вновь оказались в тяжелых условиях, подверглись притеснениям со стороны государства. В 1949 и 1951 г. последователи религиозного движения подверглись высылкам в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток[161].

Отношение к Свидетелям Иеговы и последователям многих других течений, причисляемым к сектантским, на протяжении десятилетий оставалось враждебным. В конце 1970-х гг. председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В.А. Куроедов писал о том, что «уклоняющиеся от регистрации сектантские религиозные общества баптистов-раскольников, сторонники подпольного центра т.н. «Совет церквей ЕХБ» (евангельских христиан-баптистов – Авт.) и некоторые другие сектантские направления – иеговистов, адвентистов-реформистов, продолжают открыто проявлять антиобщественные действия, вредные для советского общества»[162]. За подобные действия В.А. Куроедов предлагал ввести уголовную ответственность.

На положение Свидетелей Иеговы первоначально не оказали существенного влияния и преобразования периода перестройки. Как отмечает М.И. Одинцов, «общества не регистрировались, действующие без регистрации группы и объединения преследовались, религиозную литературу не разрешали ни издавать,

---

[160] Одинцов М.И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951 - 1985 гг.). М., 2002. С. 6.

[161] Там же. С 17.

[162] Письмо председателя Совета по делам религий при СМ СССР В.А. Куроедова министру юстиции СССР В.И. Теребилову о необходимости установления ответственности за возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями [Цит. по: Одинцов М.И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951 - 1985 гг.). С. 145].

ни ввозить из-за рубежа, запрещена была и деятельность иностранных миссионеров»[163].

Так после краткого периода относительной религиозной свободы, с конца (а в некоторых случаях – с середины 1920-х гг.) возобновились гонения на религиозное инакомыслие. Под влиянием господствующей атеистической идеологии происходило вытеснение религиозных институтов из общественной жизни, ужесточалась политика со стороны органов власти по отношению ко всем религиозным учениям. Анализируя советскую модель конфессиональной политики, можно выделить периоды усиления и спада напряженности в отношениях между органами власти и религиозными объединениями. Однако в целом всегда прослеживалось главенство атеистической идеологии, происходило сужение сферы влияния религии на жизнь общества, усиливалось вмешательство государственных органов в деятельность религиозных институтов[164].

С точки зрения задач настоящего исследования особый интерес представляет собой период, предшествующий распаду Советского Союза. Именно тогда наметился поворот в религиозной политике государства, повлекший за собой переход от советской к российской модели государственно-конфессиональных отношений, либерализации религиозных прав и свобод, давший начало наплыву НРД и культов.

Глубокие общественные преобразования начались через некоторое время после прихода в 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. IX съезд Всесоюзного общества «Знание» в 1987 г. констатировал, что «сложность предстоящего периода будет заключаться в том, что одновременно придется решать крупномасштабные задачи и в социальной сфере, в перестройке государственного и общественного управления, в идеологии и культуре. Придавая исключительное значение духовной жизни общества, партия рассчитывает на активную гражданскую и социальную позицию в перестройке нашей

[163] Одинцов М.И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951 - 1985 гг.). С. 37.
[164] Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России 1985-1997 гг. М., 2010. С. 22.

интеллигенции… Поэтому все надо делать быстро, в том числе и перестройку. Очень быстро, очень мобильно»[165].

Однако в первые годы перестройки существенных перемен в конфессиональной сфере не происходило. По-прежнему в работе с религиозными структурами использовались механизмы административного воздействия и тотального контроля. В рамках надзора за религиозной сферой велся учет количества верующих, служителей культа различных конфессий и религиозных объединений во всех регионах страны; анализировались динамика финансово-хозяйственных показателей, содержание проповедей и количество обрядов, проведенных в различных религиозных объединениях (крещения, венчания, отпевания); собиралась информация о гражданах, не голосовавших на выборах по религиозным мотивам и т.п.[166] В отношении незарегистрированных религиозных объединений, определяемых, как «сектантские экстремисты», к числу которых относили сторонников «Совета церквей» евангельских христиан-баптистов, крайних пятидесятников, Свидетелей Иеговы, применялся ряд административных и воспитательных мер. Так, в Сумской области Украинской ССР силами дружинников, комсомольских оперативных отрядов города организовывалось «патрулирование улиц и дежурство в субботние и воскресные дни»; за работниками правоохранительных органов (прокуратура, КГБ, органы внутренних дел) закреплялось проведение «профилактической работы с религиозными экстремистами, фанатично настроенными проповедниками, разъяснение им законодательства о религиозных культах и склонение их к регистрации»; заведующим Районного отдела народного образования и директорам школ поручалось «с целью предотвращения возможного проведения специальных детских и юношеских молитвенных собраний под видом дня

[165] Речь первого заместителя председателя Правления Всесоюзного общества «Знание» Н.К. Головко при открытии Пленума Правления // Материалы пленума правления всесоюзного общества «Знание» 15.12.1987 г. М. 1987. С. 14.

[166] Статистические отчеты уполномоченных Совета по делам религий при СМ Украинской ССР, Белорусской ССР и Казахской ССР за 1984 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2917. Л. 49-54; Д. 2918. Л. 23-27; Д. 2919. Л. 1-3, 8.

рождения, установить дату рождения всех детей из семей верующих, входящих в состав незарегистрированной группы, после чего, в определенные дни, вести за их домами наблюдение»[167].

Контроль со стороны государственных органов осуществлялся и в отношении деятельности исламских религиозных организаций на территории их традиционного распространения[168]. В представлении властей некоторые направления ислама могли представлять угрозу для государства, создать основу для экстремизма. Предпринимались попытки упорядочить сеть неофициальных мусульманских религиозных групп, которые, как считалось, под прикрытием ислама вели экстремистскую и другую антиобщественную деятельность, например, деятельность «мюридских братств»[169] в Республике Дагестан по самовольному захвату мусульманских мечетей или акции по смещению действующего муфтия и возведению на данный пост представителя мюридов[170]. Принимались меры по ослаблению влияния на население со стороны незарегистрированных служителей культа, которые «не ограничивают свою деятельность лишь удовлетворением религиозных потребностей граждан, хозяйничают на кладбищах, организуют паломничество верующих к святым местам, выступают организаторами противозаконного строительства новых

---

[167] План мероприятий по пресечению противозаконной деятельности незарегистрированной сектантской группы «СЦ ЕХБ» в Сумской области на 1986 год // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3193. Л. 2-6.

[168] Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010. С. 169.

[169] Представители суфийского направления в исламе, распространенного на территории Северного Кавказа (Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Северо-Осетинской АССР). Истоки мюридизма как одной из разновидностей мусульманского вероучения связаны с мистическим направлением в исламе – суфизмом. «Суфизм и его основной постулат о возможности постепенного приближения человека к богу вплоть до полного слияния с ним путем внутреннего самосовершенствования определяют склад религиозного сознания и поведение каждого последователя мюридизма. В научной, исторической и пропагандистской литературе сложился стойкий стереотип образа мюрида, олицетворяющий собой все косное, антигуманное, реакционное». Подробнее о работе Совета по делам религий при СМ РСФСР по вопросу мюридизма см. «Аналитическую справку о мюридизме и мерах по нейтрализации его негативного влияния» Арапов Д.Ю. Ислам и советское государство (1944-1990): сборник документов. Вып. 3. М., 2011. С. 463.

[170] Протокол № 13 от 16.08.1990 г. заседания Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР // ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 17. Л. 78.

помещений, подстрекают население отказываться от службы в армии, запрещают своим детям вступать в пионеры и комсомол, размножают и распространяют материалы зарубежных радиостанций, разжигают религиозный фанатизм и националистические настроения»[171].

Актуализация вопроса о роли и месте религии в общественной жизни стала заметна во второй половине 1980-х гг. под влиянием изменения подхода к взаимоотношениям между государством и религиозными институтами.

Во-первых, представители религиозных объединений стали вести более активную деятельность на международной арене ввиду возраставшего интереса иностранных государств к положению религии в СССР. Среди основных направлений совместной работы государственных органов и религиозных структур можно отметить проведение международных выставок и ярмарок В 1985 г. была проведена выставка «Свобода совести в СССР» в г. Цукуба (Япония), в рамках которой освещалась деятельность Русской православной церкви и буддийских организаций в СССР[172], а также международная ярмарка в г. Триполи (Ливия), посвященная теме «Мусульмане в СССР»[173]. Организовывались официальные визиты зарубежных религиозных деятелей. Так, в 1986 г. в СССР была приглашена делегация адвентистов во главе с президентом Генеральной Конференции Адвентистов седьмого дня Нилом К. Вильсоном[174]. Проходили международные конференции и круглые столы с участием зарубежных религиозных деятелей, посвященных вопросам миротворческого служения. В

[171] Арапов Д.Ю. Ислам и советское государство (1944-1990). С. 425.
[172] Тематический план экспозиции «Свобода совести в СССР на национальной выставке СССР в г. Цукуба (Япония) в 1985 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2930. Л. 5.
[173] Письмо №0302-3/934 от 24.05.84 г. «Об участии Совета по делам религий при СМ СССР в советской экспозиции на Международной ярмарке в г. Триполи в 1985 г.» // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2930. Л. 12.
[174] Письмо № 102 от 15.04.1986 г. Председателя Адвентистов седьмого дня в РСФСФ М.П. Кулакова «К вопросу о предстоящем визите в нашу страну президента Генеральной Конференции Адвентистов седьмого дня Нила К. Вильсона и других членов делегации» // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3381. Л. 178-182.

1984 г. в Москве состоялся круглый стол «Космос без оружия», куда прибыли 58 религиозных деятелей и научных экспертов из 26 стран мира[175].

Участие религиозных деятелей в миротворческой, патриотической, благотворительной деятельности и социальном служении не только повышало международный авторитет религиозных объединений, но и имело определенное общественно-политическое значение. Оно до известной степени обеспечивало возможность представителям религиозных институтов вступить в диалог с органами власти, закрепив за собой заметную роль в общественной жизни страны.

Во-вторых, к середине 1980-х гг. в стране накопился ряд противоречий и проблем, требовавших принятия мер по стабилизации ситуации в сфере религиозной жизни. Как отмечалось в докладе Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1987 г., ввиду сокращения сети зарегистрированных религиозных обществ, проводившегося в конце 1950-х – начале 1960-х гг. без учета реального уровня религиозности населения, активизировалось так называемое религиозное подполье. Хотя в последующие годы необоснованное сокращение религиозной сети было приостановлено, сохранилась практика, ориентированная на административные методы борьбы с религией. Многие представители советских органов в республиках и на местах применяли методы грубого административного контроля и вмешательства в деятельность духовенства, приводившие к десяткам жалоб, обоснованным претензиям в адрес органов власти и острым конфликтным ситуациям[176]. Схожие недостатки отмечались в 1988 г. в работе Аппарата уполномоченного Совета по Московской области, который «не проявлял настойчивости в удовлетворении законных прав верующих, не реагировал должным образом на конфликтные ситуации в ряде населенных пунктов, занимая позицию стороннего наблюдателя, не

[175] Концепция круглого стола «Космос без оружия». Москва, 2-4 апреля 1984 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2923. Л. 3-5.

[176] О работе Аппарата Совета по осуществлению и совершенствованию контроля за соблюдением законодательства о культах и выполнением Постановлений ЦК КПСС // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3579. Л. 61.

предпринимал мер для вывода на регистрацию незарегистрированных религиозных объединений»[177].

Для решения данной проблемы в 1988 г. Советом по делам религий при Совете Министров СССР был принят ряд постановлений, обязывающих, с одной стороны, пересмотреть факты нарушения республиканскими и местными органами установленного порядка регистрации религиозных общин[178]. Было выявлено около 200 населенных пунктов, откуда в центральные органы поступали ходатайства об открытии церквей, молитвенных зданий, и которые было предложено незамедлительно рассмотреть. С другой стороны, требовалось привести ведомственные нормативные акты, нуждавшиеся в корректировке, в соответствие с действовавшим законодательством и произошедшими за последние годы изменениями в сфере религиозных отношений.

Стоит отметить, что факты признания ошибок, допущенных государственными органами в ходе реализации религиозной политики, и попытки их исправления свидетельствовали о значительных изменениях в области взаимоотношений между государственными и религиозными институтами.

В-третьих, важным фактором, способствовавшим выработке новой политической линии в отношении религиозных структур, стал целый комплекс мероприятий по подготовке к юбилейным торжествам 1988 г. по случаю празднования 1000-летия крещений Руси. Подчеркнем, что начало подготовки к празднованию юбилея было встречено настороженно. СМИ, как правило, замалчивали данную тему, если же появлялись материалы, приуроченные к юбилею, то они носили «воинствующий антирелигиозный характер, страдали односторонним, ненаучным, тенденциозным подходом к оценке значения христианизации Руси. Акцент делался на отрицательные последствия этого

---

[177] Постановление Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР о перестройке в работе аппарата уполномоченного по Московской области в реализации государственной политики в отношении религии и церкви от 05.08.1988 г. // ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 4. Л. 18-19.

[178] Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М, 2013. С. 48.

процесса. В печати допускались оскорбления чувств верующих, «уличение» представителей церкви в «приспособлении к современной действительности» и т.д.»[179]. Анализируя вопрос о противодействии зарубежной пропаганде в связи с 1000-летием принятия христианства на Руси, современный исследователь И.И. Маслова отмечает, что «первоначальные планы реформирования советского общества предусматривали не достижение диалога государства с церковью и верующими, а лишь некоторое сдерживание атеистической пропаганды в канун церковного юбилея с целью нейтрализации критики положения религии в СССР со стороны общественного мнения Запада, поскольку данный юбилей первоначально рассматривался лишь как внутрицерковное событие, малозначительное для страны»[180]. Однако впоследствии юбилейное торжество стало не только крупным церковным мероприятием, но важным событием общественно-политического значения. В апреле прошла встреча М.С. Горбачева с Патриархом Пименом, на которой Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил, что осуществлялась разработка нового «закона о свободе совести, где будут отражены и интересы религиозных организаций», что, по его мнению, свидетельствовало о новом подходе «к государственно-церковным отношениям в условиях перестройки и демократизации советского общества»[181].

В-четвертых, готовилась реформа религиозного законодательства, необходимость совершенствования которого признавалась религиозными, общественными и государственными деятелями[182]. Стоит подчеркнуть, что работа по подготовке нового общесоюзного законодательного акта о религиозных

---

[179] Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990. С. 230-231.

[180] Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985-1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 47.

[181] Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС И. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви // Правда, 1988, 30 апреля. № 121.

[182] Калинин В.Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. М., 1989. С. 4.

организациях велась с 1979 г.[183] Предполагалось, что введение нового закона создаст условия для единообразного решения основных вопросов религиозной сферы, устранит непоследовательность и противоречивость действовавших республиканских законов, которые порой вели к конфликтам и недовольству со стороны граждан ввиду непризнания прав религиозных объединений. В 1989 г. заслуженный юрист РСФСР В.Н. Калинин писал: «Предстоит разработать и принять новые законы, отвечающие требованиям правового государства, демократические по сути и вполне уважительные к правам и убеждениям членов социалистического общества, обеспечивающие не на словах, а на деле реальные гарантии гражданам пользоваться конституционным правом на свободу совести… Для многих людей, привыкших работать в командно-административном стиле и по установкам борьбы с религией любыми средствами, перестройка будет сопряжена с трудностями, однако необходимо их преодолеть, чтобы восстановить практику объективного, справедливого применения законов, не допускать ни малейшей дискриминации граждан в зависимости от их отношения к религии. Развитие общественных и правовых наук в предстоящий период позволит по-новому оценить положение религии в нашем обществе, повысить уровень общей правовой культуры и законодательной регламентации проблем свободы совести»[184].

В-пятых, процессы демократизации и гласности стимулировали религиозную активность верующих[185]. «В обществе накопилось немало недовольства, и по мере того, как становилось ясно, что либеральные реформы «всерьез» и исчезала боязнь перед возможными репрессиями, это недовольство все более выходило наружу», – отмечал российский историк Д.Е. Фурман[186].

---

[183] Справка «О подготовке проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР “О религиозных организациях СССР”» // ГА РФ Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2946. Л. 86.

[184] Калинин В. Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. С. 3.

[185] Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985-1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1. С. 110.

[186] Фурман Д.Е. Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 10.

Увеличился поток жалоб и обращений от последователей различных религий, увидевших для себя возможность полной реализации свободы вероисповедания, которая ранее ограничивалась.

Однако перемены в религиозной жизни далеко не всегда получали положительный отклик. В высшие органы власти поступало множество обращений, свидетельствовавших о непонимании гражданами причин смены государственного курса. «Забыта основа основ – воспитание патриотизма… – говорилось в таких обращениях, – допускается необоснованное искажение правды и однобокость… ставятся под сомнение наши нравственные и духовные ориентиры, социалистический выбор советского народа»[187]. Поворот в идеологической сфере привел к возникновению у населения чувства неопределенности, «взрывоопасности». С подобными настроениями до известной степени солидаризовался и Совет по делам религий РСФСР. «В связи с тем, что в центральной и местной прессе наблюдается преобладание материалов, идеализирующих роль и место церкви в отечественной истории и современной жизни, необходимо обеспечить объективность и дозирование публикуемой информации. Повысить научный и идейно-теоретический уровень атеистической литературы»[188]. Распространение религиозной литературы, массово ввозимой с Запада, использовалось, по словам Совета, в целях «евангелизационной работы среди широких кругов неверующих»[189], что фактически активизировало прозелитическую деятельность иностранных миссионеров на территории страны.

Трансформация религиозной политики проявилась не только в изменении взаимоотношений между государством и представителями религиозного сообщества. Она способствовала возникновению новых для советского общества явлений. Под воздействием нараставших тенденций к либерализации, в том числе

---

[187] Обзор поступивших в Верховный Совет СССР обращений граждан по некоторым вопросам идеологической работы в современных условиях // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 008. Д. 039. Л. 2.

[188] Информация «О работе Совета по делам религий при СМ РСФСР по совершенствованию государственно-церковных отношений в республике в современных условиях» // ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 10. Л. 216.

[189] Протокол № 12 от 22.05.1990 г. заседания Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР // ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 17. Л. 60.

в духовной сфере, отдельные религиозные движения, ранее признаваемые «враждебными», «экстремистскими», стали активно вовлекаться в правовое поле и, ввиду их адаптации к новым условиям, привлекаться к «нормальной» общественной деятельности[190]. Так, велась выработка новой политической линии по отношению к исламу с учетом его специфики и особенностей, происходил отказ от формализма и командно-административных методов работы и поиск новых форм взаимодействия с религиозными организациями и верующими[191]. Примером может послужить ситуация с мюридизмом на Северном Кавказе, в отношении которого предлагался целый комплекс мер, в том числе отказ от взгляда на представителей мюридских групп как на мусульманских сектантов. В аналитической записке о мюридизме, подготовленной Советом по делам религий при Совете Министров РСФСР за 1989 г., назывался «ошибочным и порочным» подход отнесения мюридов к сектантам, который сложился «на основе оценки обрядового ритуала, а не принадлежности к ортодоксальному исламу. В результате длительное время исключались возможности влияния на мюридов через их официально действующее мусульманское духовенство и его духовный центр – Духовное управление мусульман Северного Кавказа»[192]. В качестве положительных форм и методов работы с мюридами выделялись организация сельских сходов, приглашение наставников мюридов на мероприятия (семинары, совещания, съезды и т.п.), проводимые Духовным управлением мусульман, индивидуальная работа (беседы, встречи) с руководителями мюридских групп, назначение помощниками имамов мечетей лояльно настроенных руководителей мюридов, то есть вовлечение в сферу влияния зарегистрированного духовенства.

Процессы демократизации и гласности стимулировали религиозную активность верующих, увидевших для себя возможность полной реализации ранее ущемлявшейся свободы вероисповедания, а также привели к фактическому, а

---

[190] Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М., 2010. С. 76.
[191] О Постановлении ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием исламизма» (№ П 24/54 от 18.08.1986 г.) // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 011. Д. 005. Л. 1 (29).
[192] Арапов Д. Ю. Ислам и советское государство (1944-1990). С. 475.

позже и юридическому ослаблению не только контроля над религиозными объединениями, но и регулирования их деятельности.

Подводя итог, отметим, что феномен нетрадиционной религиозности присутствовал в российской религиозной жизни с давних времен. Оживление инаковерия, как правило, приходилось на переломные эпохи, когда представители религиозного нонконформизма выходили из подполья, стремились к институционализации своего движения, бросали вызов господствующим порядкам. В истории СССР, а затем России таким периодом была вторая половина 1980-х – начало 90-х гг., когда наблюдалось религиозное возрождение, стремление к концептуальному переосмыслению места и роли религии в обществе. Намечались пути перехода к новым формам и методам взаимодействия с религиозными институтами, к реформированию системы государственных органов по делам религии, к демократизации правового регулирования деятельности религиозных организаций, в том числе НРД. Важнейшим итогом данного процесса стало принятие в 1990 г. Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

1.3. Изменение религиозной политики государства и активизация нетрадиционных религиозных движений в СССР и России

Возвращение религиозного фактора в официальную государственную политику и общественное пространство способствовало не только легализации прежде существовавших в полуподпольном и запрещенном положении ряда религиозных движений, но и возникновению новых течений, а также массовому наплыву миссионеров и проповедников из-за рубежа.

Многие из этих религиозных движений возникли в дореволюционный или советский период и к началу пришедшихся на период перестройки реформ религиозной политики находились в разных формах взаимоотношений с властью.

Либерализация религиозной политики способствовало значительному росту количества различных сообществ верующих. В мае 1991 г. начальник отдела

регистрации религиозных объединений Министерства юстиции РСФСР А.И. Кудрявцев отметил, что «идет бурный рост образования новых объединений», «возникают религии прежде нетрадиционные для нашей страны и республики, новые образования»[193].

Согласно данным Министерства юстиции РСФСР по состоянию на 1 января 1992 г. получили права юридического лица 4843 религиозных объединения различных видов и конфессий[194]. Большую часть зарегистрированных религиозных структур составляли объединения Русской Православной Церкви – 2880, протестантских обществ различных деноминаций – 510, мусульманских – 1215, старообрядческих – 65, католических – 35, иудейских – 27, буддийских – 24, Армянской апостольской церкви – 13. Получили развития новые, нетрадиционные для России вероучения: Сознания Кришны (вайшнавы), Бахаизм, мормоны, Новоапостольская церковь. Возобновили деятельность языческие религиозные объединения. Прошли государственную регистрацию объединения Русской Православной Церкви заграницей, Истинно-православной церкви, Свидетелей Иеговы, сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов, ранее уклонявшихся от регистрации. Зарегистрировано было 66 миссий и братств. Большую заинтересованность в регистрации проявляли различные зарубежные миссии и центры, распространившие свою деятельность на территории Российской Федерации[195].

В 1992 г. количество религиозных объединений, уставы которых были зарегистрированы, оставалось на довольно высоком уровне – 3768. Значительную часть составили объединения РПЦ (1686) и мусульман (1321). Вместе с тем продолжался рост количества новых для России религиозных объединений. Например, если в 1991 г. был зарегистрирован один Управленческий центр

---

[193] Стенограмма семинара-совещания Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности с представителями краев и областей 31 мая 1991 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3109. Л. 3.

[194] Информационная записка о работе Министерства юстиции РФ и его территориальных органах по регистрации уставов религиозных объединений // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4 Д. 3149. Л. 11.

[195] Там же. Л. 12-13.

Свидетелей Иеговы и 23 религиозных общества Сознания Кришны, то в 1992 г. процедуру регистрации устава прошли 43 религиозных общества Свидетелей Иеговы, 35 – Сознания Кришны. Росло количество протестантских объединений. Пополнялся список религиозных организаций, входивших в категорию «прочие» (т.е. не принадлежавшие, с точки зрения властей, ни к одной из известных конфессий), куда вошли объединения мормонов, толстовцев, духоборцев, представителей язычества и др.[196]

Разработка унифицированной типологии религиозных объединений, которые стали регистрировать свои уставы, представлялось непростой задачей. Даже отнесение движения Свидетелей Иеговы к христианской традиции вызывало вопросы и несогласия в среде экспертов и религиозных деятелей. Множество религиозных движений классифицировать было затруднительно. В этой связи не случайно появление категории «прочие» в документах Минюста в эти годы. Еще труднее было представить строгую и выверенную классификацию или типологизацию так называемых новых или нетрадиционных религиозных движений, поскольку переплетение различных духовных традиций и практик, делало процедуру определения вероисповедной принадлежности таких движений затруднительным.

В 1990-е гг. появилось немало литературы посвященной проблематике религиозности, в том числе нетрадиционной, определенную часть которой составили справочные и аналитические материалы.

Так авторы справочника «Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России» уделяли особое внимание новым религиозным движениям. «Наряду с историческими традиционными для России религиями, - говорилось в справочнике, - в настоящее время получили значительное распространение и новые, отличные от них культы и религиозные движения»[197]. Предлагаемая авторами типология основывалась на близости этих религиозных

[196] Там же. Л. 21, 18, 24.
[197] Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. Справочник. М., 1996. С. 231.

новообразований к той или иной культурной традиции – выделялись религиозные образования восточного типа, религиозные движения западно-христианской ориентации, религиозные образования отечественного происхождения и интерконфессиональные религиозные образования. Указывались и другие специфические черты, по которым эти религиозные движения могли быть классифицированы – по идейной направленности, по характеру функционирования (мистико-экстатические или рационалистические), по типу организации (централизованные или более свободные). При этом подчеркивалось, что типология носит условный характер, поскольку иное религиозное движение может сочетать в себе черты различных типов[198].

В справочнике «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера», подготовленного миссионерским отделом Московского Патриархата Русской Православной Церкви, содержалась критика предшествующих справочных изданий, которые были «по сути своей скорее рекламными, нежели объективными». Составители выделили следующие группы рассматриваемых структур: деструктивные религиозные организации сатанистской ориентации; деструктивные религиозные организации и некоторые религиозные группы матрицы; религиозные группы и деструктивные религиозные организации восточной ориентации; деструктивные религиозные организации западной ориентации; коммерческие культы. Авторы справочника с сожалением отмечали отсутствие в российском законодательстве терминов «деструктивная религиозная организация», «тоталитарная секта», «деструктивный культ»[199].

Вопросы определений, типологии и более подробного описания нового феномена духовной жизни занимали не только умы исследователей, но были важной частью повестки религиозных деятелей, политиков и государственных служащих. Однако сложность предмета не позволяла выработать единый подход

[198] Там же.
[199] Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справ. Ростов н/Д, 1998. С. 9.

к описанию НРД, который к тому же мог бы получить законодательное закрепление. Как отмечают составители еще одного справочника, «разнообразие новых религий, сект и культов столь велико, что для них трудно подыскать общее название». «Новые религиозные объединения, - указывалось в справочнике, - порождены так называемой нетрадиционной религиозностью и принципиально отличаются от прежних сектантских движений внутри господствующих церковных организаций. Нетрадиционная религиозность представлена сегодня евангельскими учениями (неохристианством), «восточными религиями», оккультизмом и врачевательными культами»[200].

Итак, внезапно «открывшееся» духовное пространство российского общества стало наполняться самыми различными религиозными и околорелигиозными учениями. Новые явления далеко не всегда укладывались в привычные исследовательские рамки и возникали сложности при попытке дать определение возникавшему феномену. Ярким примером этого может считаться движение «New Age» (далее – «Нью Эйдж»). Исследователь В. Ханеграафф считает, что данное течение оформилось в относительно единое движение в конце 1970-х гг. и характеризовалось критикой популярной западной культуры, выраженной в терминах секуляризованного эзотеризма[201]. Иногда термин «Нью Эйдж» употребляется в широком смысле – для обозначения всех новых религий[202]. Британский религиовед Дж. Крайссайдс проводит грань между «Нью Эйдж» и такими феноменами как альтернативная духовность, новые религиозные движения, новые социальные движения[203]. По его мнению, «Нью Эйдж» вовсе не являлось религией[204]. В православной среде указанное явление воспринимается отрицательно, как соединившее «несколько верований, чуждых христианству и

[200] Новые религиозные культы, движения и организации в России. М., 1998. С. 29-30.
[201] Hanegraaff W.J. New Age religion and Western culture: esotericism in the mirror of secular thought. Leiden: Brill, 1996. P. 522.
[202] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 31.
[203] Chryssides George D. Defining The New Age / Handbook of New Age, edited by Daren Kemp and James R. Lewis. Brill. 2007. P. 5.
[204] Op. cit. P. 19.

Библии»[205]. Российский исследователь Е.Э. Эгильский характеризует данный феномен как некое идейное течение, которое по сравнению с новыми религиозными движениями лишено четкой организационной структуры и какого-либо «центра управления». «Нью Эйдж» – ярчайший пример культурной гибридизации, возникший и развивающийся в мире, где границ между культурами больше не существует», – пишет о данном явлении автор. Отмечается «мистико-экологический» и «природосообразный» аспекты учения, поскольку важная роль в формируемом мировоззрении отводится гармонии и единству человека с природой, Земля воспринимается как живой организм или божество. В практической деятельности данный аспект реализуется посредством выполнения различных оздоровительных процедур, диет, использовании преимущественно природных материалов[206].

Таким образом, вобрав в себя многообразие идей и практик традиционных религий, контркультуры 1960-х гг., европейского оккультизма и мистицизма, восточных учений, а также специфические представления отдельных идеологов (Е.П. Блаватской, А. Кроули, Р. Штейнера и др.), движение «Нью Эйдж», не имея строгой теологической доктрины, стремилось к синтезу науки, религии и философии, где «каждый искатель «духовного» может найти в идейном арсенале движения нечто свое»[207].

Стоит отметить, что после изменения идеологической политики в период перестройки вновь проявился интерес к философско-религиозным течениям более раннего периода, что нашло отражение в появлении соответствующих движений с организационной структурой, часть из которых стремилась получить официальный статус религиозного объединения. К этой группе можно отнести теософские движения, магические и иные течения, религиозная составляющая которых является предметом дискуссии.

---

[205] Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. С. 172.
[206] Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М., 2013. С. 64.
[207] Там же. С. 68.

Теософия представляет систему «оккультных учений о скрытых возможностях человека, предлагающая путь к достижению абсолютного знания, абсолютной власти и бессмертия». Теософское движение породило антропософию – оккультно-мистическое учение о человеке, согласно которому «человек обретает наиболее полное знание и могущество не с помощью разума и чувств, а благодаря развитию скрытых в нем таинственных духовных сил».

В России еще в дореволюционный период сложилось теософское сообщество, а теософские идеи зарождались в XVIII в. на волне нехристианского мистицизма. Как некое учение теософия оформилась в конце XIX в. Деятельность теософов в России была прекращена с 30-х гг. XX в. и возобновилась после 1991 г., когда было зарегистрировано Российское теософское общество в качестве республиканской общественной организации. «Особую роль в сохранении идей теософии и ее последующем возрождении сыграла семья Рерих. Благодаря ей распространились и укрепились теософские идеи и литература в эмиграции, а в ходе “перестройки” – и в самой России»[208]. Также семья Рерих выступила создателем течения Агни-йога (живая этика) – «учение о первооснове и принципах бытия, строительстве макро- и микрокосмоса, а также о целях и задачах человечества в процессе творческой эволюции Вселенной»[209].

Всплеск религиозной активности способствовал появлению немалого количества последователей магических и оккультных ритуалов. Примером того, как движение, считавшее себя религиозным, не было зарегистрирована в качестве такового, может служить Храм белой магии, начавший свою деятельность в 1996 г. в Санкт-Петербурге. В марте 1996 г. Управлением юстиции Санкт-Петербурга было направлено письмо члену Экспертно-консультативного Совета по вопросам свободы совести при Комитете Государственной Думы РФ по делам общественных и религиозных объединений А.И. Кудрявцеву с просьбой проведения религиоведческой экспертизы в отношении религиозной организации

[208] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 59, 227, 229-230.
[209] Там же. С. 51.

«Храм белой магии»[210]. По результатам проведенной экспертизы были даны разъяснения о несоответствии отдельных положений учредительных документов религиозной организации российскому законодательству[211], данное движение характеризовалось как внеконфессиональное культовое объединение[212].

Помимо религиозных движений и различного рода философских учений, связанных с духовными практиками, в этот период получили массовое распространение и популярность так называемые целители, оказывающие психическое воздействие на людей и использующие в своей практике околомедицинские методы для помощи страдающим от того или иного недуга (алкоголизм, наркомания и т.д.).

В число подобных движений входила Школа (группа) Столбуна, названная по имени своего основателя В.Д. Столбуна. Данное движение упоминалось в справочнике «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера», как деструктивный культ[213]. Деятельность организатора этой группы была предметом неоднократных проверок и экспертиз, по результатам которых используемые движением методы признавались не соответствующими медицинским стандартам и запрещались[214].

«Нью Эйдж» и иные упомянутые выше движения, чья религиозная составляющая ставится под сомнение некоторыми исследователями, составили лишь часть меняющегося религиозного ландшафта советского, а после российского государства. Для понимания того, когда и какие религиозные движения появились в советском (российском) обществе, следует обратиться к рассмотрению конкретных движений с подразделением их на группы в зависимости от времени начала их активной деятельности в России.

---

[210] Письмо № 407 от 07.03.96 Управления юстиции Санкт-Петербурга // ГА РФ. Ф. 10259. Оп. 1. Д. 1673. Л. 34.
[211] Приложение к письму № 407 от 07.03.96 Управления юстиции Санкт-Петербурга // ГА РФ. Ф. 10259. Оп. 1. Д. 1673. Л. 35.
[212] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 285.
[213] Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. С. 156.
[214] Там же. С. 161.

После изменения религиозной политики государства во второй половине 1980-х гг. в открывшуюся для миссионерской деятельности Россию направились представители новых религиозных движений, которые появились в зарубежных странах в XX в. Теперь они получили возможность для свободного отправления своих духовных потребностей и проведения миссионерской деятельности на территории СССР. Данные религиозные движения составили первую группу.

Одним из таких религиозных движений стала Сайентологическая церковь, зарегистрированная в США в 1954 г. ее создателем Л.Р. Хаббардом. Она начала свою активную миссионерскую деятельность в России в 1991 г., спустя некоторое время после официального провозглашения нового курса в религиозной политике[215]. Вероучение Сайентологической церкви «имеет собственную концепцию сотворения мира, антропологию и эсхатологию, а также свой чин богослужения»[216]. Активная миссионерская деятельность позволила сайентологам за несколько лет создать масштабную сеть религиозных центров, благотворительных и социальных организаций, заручиться поддержкой в предпринимательских и политических кругах. Однако с усилением миссионерской активности и общественного веса репутация этого религиозного движения стала портиться, чему в немалой степени способствовала активная позиция Русской православной церкви[217].

Также внимания заслуживает религиозное движение АУМ Синрикё, созданное проповедником Сёко Асахара (Шоко Асахара) в 1986 г. в Японии[218]. В России последователи этого религиозного движения появились в конце 1980-х гг. Вероучение этого движения описывается исследователями как «политизированная версия буддизма со значительными заимствованиями из индуизма (в основном различные медитативные и обрядовые практики) и

[215] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 314.
[216] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV. М., 2006. С. 231.
[217] Там же. С. 238-239.
[218] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 274.

напряженным эсхатологизмом, который можно объяснить влиянием христианства»[219].

Особый интерес данное движение вызывает в связи с тем, что его создатель неоднократно встречался с представителями российской власти. Так, весной 1992 г. состоялась встреча Сёко Асахара с председателем Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатовым. В стенограмме встречи зафиксированы предложения, высказанные религиозным лидером. Он пригласил Р.И. Хасбулатова на свою встречу с учениками, которая должна была пройти в Большом Кремлёвском Дворце Съездов, а также предложил передать медикаменты и построить на собственные средства больницу в Москве для оказания бесплатного лечения. Р.И. Хасбулатов воспринял такое предложение с энтузиазмом и назвал ряд должностных лиц, которые могли бы оказать содействие в реализации данного проекта. В заключении председатель Верховного Совета отметил: «Я рад встречи с вами, знаю вашу выдающуюся роль в деле организации, распространения чистого буддизма»[220].

В справке, подготовленной для встречи, была дана следующая информация о проповеднике: «Асахара является руководителем религиозной организации АУМ Синрикё – одного из направлений чистого буддизма в Японии. Характерной чертой данной организации является ее ориентация на интеллектуальную молодежь… организация быстро растет и приобретает все больший вес как в политической, так и экономической областях… В религиозных кругах Асахара считается авторитетом, первым из японцев достигших высших ступеней буддизма»[221]. Основная цель АУМ Синрикё «в соответствии с учением буддизма – достижение человеком счастья и мира с окружающими». Отмечалось, что религиозная организация «обладает достаточной финансовой мощью, чтобы

[219] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III. М., 2005. С. 315.
[220] Стенограмма встречи председателя ВС РФ Хасбулатова Р.И. с руководителем японской религиозной организации «АУМ Синрикё» Асахуро (Мацумото) 11 марта 1992 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 466. Л. 1-3.
[221] Там же. Л. 7.

строить на свои средства больницы, учебные центры, производственные объекты, оснащая их современным оборудованием». Помимо этого, в справке говорилось и о таких предложениях-пожеланиях со стороны Асахары: «оснастить за счет японской стороны в г. Москве 2 предприятия по переработке пищевых продуктов», оказать «финансовую помощь в реставрации объектов, представляющих большую художественную ценность, а также ряду учебных заведений г. Москвы», открыть в России несколько центров по профессиональной подготовке молодежи[222].

Отношение к этому религиозному движению (и не только) изменилось после события в марте 1995 г., когда его последователи осуществили террористический акт в метрополитене г. Токио[223]. История религиозного движения АУМ Синрикё в России достаточно показательна. Она оказала значительное влияние на формирование отношения государства и общества к НРД, стала одним из аргументов при внесении изменений в государственно-конфессиональную политику в последующие годы[224].

Вторую группу составляют религиозные движения, имеющие определенный исторический опыт существования на территории России, активизировавшие свою деятельность в результате трансформации государственно-конфессиональной политики.

Примером такого движения может выступить Международное общество Сознания Кришны, которое было зарегистрировано в Нью-Йорке в 1966 г.[225] В СССР Сознание Кришны появилось в 1971 г., но свободно осуществлять свою деятельность его последователи могли только после 1988 г. после регистрации

---

[222] Там же. Л. 7-8.

[223] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III. С. 313.

[224] Примечательна реакция Р.И. Хасбулатова на замечание муфтия мусульман Европейской части стран СНГ, стран Балтии и Сибири Т. Таджутдина относительно встреч представителей власти с делегациями различных культурных центров, выступающих от лица ислама. Хасбулатов признал недостаток в практике взаимодействия органов власти с религиозными организациями, отметив и свои ошибки в этом, предположив, что это происходит «скорее всего из-за нашего незнания» (Стенограмма встречи Председателя Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатова с Муфтием мусульман Европейской части стран СНГ, стран Балтии и Сибири Талгатом Таджетдином 13 мая 1993 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 363. Л. 7).

[225] Новые религиозные культы, движения и организации в России. С. 178-179.

Советом по делам религий при Совете Министров СССР в качестве первой вайшнавской религиозной общины в Москве Общества Сознания Кришны[226].

В 1989 г. последователи движения Харе Кришна направили в Верховный Совет СССР обращение, в котором излагались текущие проблемы. Авторы обращения напоминали об обещанных переменах в связи со взятыми ранее советской властью международными обязательствами по защите прав человека. Верующие описывали свое нынешнее положение как «долгожданное, но незначительное улучшение», жаловались на отсутствие возможностей открыть храм в городах Советского Союза, нехватку литературы и ограничения на получение из-за рубежа соответствующих книг, продолжающуюся дискриминацию в том числе и в трудовой деятельности. В своем обращении последователи Харе Кришна выдвинули ряд требований, в частности, зарегистрировать все общины последователей Сознания Кришны, дать возможности открыть храмы и духовные центры, снять ограничения по отношению к снабжению общин литературой, исключить возможность профессиональной и иной дискриминации в СССР, а также провести реабилитацию осужденных в прежние годы участников движения Харе Кришна с возмещением материального ущерба, причиненного вследствие незаконных приговоров судов[227].

Несмотря на то, что власти пошли навстречу религиозному движению, реабилитировали ранее осужденных, настороженное отношение к нему как к явлению, «чуждому» России, сохранится и в последующие годы.

Еще одним религиозным движением, возобновивших свою деятельность после изменения государственной политики в сфере конфессиональных отношений, стало движение мормонов, исторический путь которого начался в США с 1820-х гг. В Российской империи существенного развития это движение не получило ввиду активного противодействия властей и особенностей

[226] Там же. С. 182-183.
[227] Обращение последователей движения Харе Кришна к Верховному Совету СССР, народным депутатам СССР // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 3887. Л. 190, 193.

вероучения. Новый этап деятельности мормонов в России начался в 1990-е гг. с появлением первых миссионеров. В 1991 г. была зарегистрирована религиозная Ассоциация Церкви Иисуса Христа святых последних дней, однако фактическое управление общинами осуществлялось через миссии[228].

В определенной степени схожий путь прошла Новоапостольская церковь. Данная протестантская церковь начала свою историю во второй половине XIX в., в России же новоапостольские общины (в официальной документации именуемые ирвингианами) появились на рубеже XIX-XX вв., основную массу прихожан составляли немцы[229]. В 1920-1930-е гг. все российские общины прекратили свою деятельность[230]. Возобновление миссионерских предприятий начиналось с середины 1980-х гг., а существенный рост количества общин и верующих пришелся на 1992-1993 гг.[231]

Следует отметить, что распространение протестантизма в 90-е гг. XX в. было одним из главных проявлений наплыва из-за рубежа новых религиозных течений. Как отмечает Р.Н Лункин, активная деятельность зарубежных проповедников привела к существенным изменениям в положении и деятельности церквей протестантского сообщества, которые существовали подпольно или полуподпольно в Российской империи и СССР (лютеране, баптисты, евангельские христиане, пятидесятники). Возрождались фактически уничтоженные церкви (Армия Спасения, методисты, реформаты и т. д.). Появлялись новые миссии и движения (харизматы, евангелисты-кальвинисты, церкви уэслианской традиции и т. д.)[232].

Значительно увеличилось количество последователей движения христиан веры евангельской (пятидесятников). По словам Р.Н. Лункина, «пятидесятничество, включающее в себя как консервативных пятидесятников, так

---

[228] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. 2003. С. 451-452.
[229] Там же. С. 406.
[230] Там же.
[231] Там же. С. 407.
[232] Лункин Р.Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. № 3. С. 134-135.

и харизматические церкви, является самым многочисленным и многообразным движением»[233]. В конце периода перестройки миссионерская деятельность пятидесятников в СССР повлекла за собой создание различных миссий и групп. Одной из них стала организованная в 1991 г. в Москве община под названием «Эммануил»[234]. Эксперты отмечают, что эта община сложилась главным образом на российской почве, исповедует умеренные взгляды[235].

В январе 1993 г. был зарегистрирован Христианский Миссионерский центр «Эммануил» под руководством президента Центра епископа П.В. Сердиченко, в состав которого первоначально входили церкви и миссии из России и стран СНГ. Деятельность центра была направлена на открытие пятидесятнических церквей по всей территории России и стран Содружества.[236]

Третью группу составляют религиозные движения, ранее не существовавшие и возникшие на рубеже 80-90-х гг. XX в. на территории СССР (России).

Богородичный центр как религиозное движение возникло в конце 1980-х гг. Вероучение было тесно связано с российской народной православной традицией, с «миром старцев и стариц, легендами и пророчествами, постоянно возникающими в околомонастырской среде»[237]. Богородичная церковь в начале 90-х гг. «представляла собой систему замкнутых полуподпольных общин с жестким распорядком дня, аскетической молитвенной практикой и изнуряющими постами. В такого рода общинах все члены считались богородичными монахами, к которым предъявлялись строгие требования»[238]. В дальнейшем религиозное движение постоянно эволюционировало, его вероучительные положения менялись.

---

[233] Там же. С. 136.
[234] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II. С. 376-377.
[235] Там же. С. 377.
[236] Справка: Московская Центральная церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Эммануил». URL: https://credo.press/54710/ (Дата обращения 31.05.2021).
[237] Лункин Р.Н. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. М., 2009. С. 344.
[238] Там же. С. 345.

Еще одним религиозным движением, зародившимся на территории Советского Союза, стало Белое Братство (ЮСМАЛОС), появившееся в 1990-1991 гг. Проповедники Белого Братства демонстрировали «свои связи с православной и общехристианской традицией, претендуя на возрождение подлинной христианской веры и даже на статус единственной истинной религии современности». Религиовед Е.Г. Балагушкин характеризовал Белое Братство как сектантское милленаристское движение, принадлежащее к группе неохристианских новых религиозных движений, с присущими радикальными альтернативными установками и экстремистской религиозной активностью[239].

Самобытным религиозным явлением в России стала Церковь последнего Завета, которая также предлагала «альтернативную направленность в отношении существующего общественного строя и образа жизни людей, а также традиционных, официально признанных религиозных объединений». «Культовая практика этого движения представляет собой переосмысление традиционной христианской обрядности с использованием также нетрадиционных ритуалов, обрядов и символов»[240].

Отдельно стоит отметить движения, связанные с неоязычеством. Интерес к язычеству и дохристианскому прошлому Руси проявился еще в дореволюционный период и был распространен в среде писателей, деятелей культуры. В советский период схожий проявляли исследователи фольклора, любители истории[241]. Указанные настроения были связаны со стремлением сформировать систему воззрений, альтернативную государственной идеологии, поисками национальной идеи, ростом недоверия к Русской православной церкви как к фактически государственному институту.

После начала изменений в идеологической политике государства по всей стране стали появляться различные неоязыческие движения. В учении некоторых

---

[239] Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 1. М., 1999. С. 160, 115.
[240] Там же. С. 160-161.
[241] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV. М., 2006. С. 159-160.

из них наблюдался синтез идей из теософских и неоиндуистских трудов, использовались приемы парапсихологии и нетрадиционной медицины. Одним из таких движений стала Древнерусская инглиистическая церковь православных староверов-инглингов, созданная в Омске А.Ю. Хиневичем в начале 90-х гг. XX в. Основатель движения, писал В.А. Шнирельман, «отвергает термин «язычество» как связанный с представлением о «невежестве» и «варварстве» предков, ибо такие предки его не устраивают. Кроме того, термин «язычество» звучит для него чересчур обобщенно, скрывая локальную специфику. Поэтому он говорит о «древней вере славянских и арийских народов», называя ее “инглиизмом”»[242]. Относительно того, к какой категории религиозных движений отнести данное сообщество, ведутся дискуссии. Зарегистрированный в 1992 г. Министерством юстиции Орден-миссия «Джива-Храм Инглии» из Омской области (предшественник Древнерусской инглиистической церкви православных староверов-инглингов») попал в категорию «прочие религиозные объединения»[243].

Таким образом, перемены в государственной политике по отношению к религиозной сфере повлекли за собой кардинальное изменение конфессиональной карты страны. Перед россиянами предстал калейдоскоп активизировавшихся религиозных движений, значительная часть которых была прежде либо совсем им незнакома, либо была забыта, находилась в подпольном положении. В новых условиях, стремясь занять свое место в освободившемся идеологическом и духовном пространстве общества, деятельность прибывших из-за рубежа миссионеров и собственных «пророков» способствовала повышению актуальности и значимости религиозного вопроса. В религиозных учениях зачастую стали видеть основу национальной идеи и путь к национальному спасению.

---

[242] Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., 2012. С. 12.

[243] Сведения о регистрации уставов религиозный объединений в Российской Федерации по состоянию на 01.01.1993 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3149. Л. 27.

***

Подводя итоги первой главы, обозначим нетрадиционную религиозность как проявившуюся в определенный исторический период в силу ряда причин специфическую форму религиозной жизни. При сопоставлении с понятием «традиционный», значение нетрадиционности, с одной стороны, может иметь конфронтационный характер, т.е. вступать в противоборство с официальными религиозными традициями и ценностями, с другой, – выступать в качестве чужого, несвойственного явления сложившемуся культурно-историческому укладу жизни определенного социума. В ходе внутренних процессов эволюции нетрадиционная религиозность может находить воплощение в НРД – социально-религиозном явлении, характеризующемся совокупностью определенных признаков и черт, суть которого состоит в распространении среди группы лиц определенных установок, не привычных для устоявшихся традиций и ценностей общественной среды.

В Российской Федерации нетрадиционные религиозные движения наиболее ярко проявили себя с начала 1990-х гг., однако попытки их научного анализа и определения предпринимались советскими учеными гораздо раньше на примере изучения небывалого подъема нетрадиционной религиозности в западных странах, наблюдаемого в 60-70-е гг. XX в. Опираясь на работы зарубежных исследователей, советскими авторами разрабатывались научные подходы и методы изучения нетрадиционных религий, выделялись критерии систематизации и типологизации НРД, определялись исторические предпосылки и причины распространения данного религиозного явления, оценивался уровень влияния и потенциальных угроз на жизнь общества в связи с деятельностью нетрадиционных религиозных движений.

Выявление определенного сходства нетрадиционных религий с особой формой социального протеста, свойственного для средневековых ересей, побудило обратиться к проявлению различных форм религиозного инакомыслия в истории России. В ходе исторического обзора было выявлено, что процессы

религиозных исканий проявлялись на различных этапах становления российского государства, принимая различные формы, в основе которых, как правило, лежало стремление к религиозному самоопределению и независимости. Особую популярность религиозные взгляды и ценности приобретали в переломные моменты развития общества.

Для описания рассматриваемого религиозного явления предпринимались попытки выработки единой системы терминов, которые имели свою специфику в зависимости от научного, юридического, общественно-политического дискурса. Несмотря на обращение в поисках подходящего понятийного аппарата к исследованиям отечественных дореволюционных и советских авторов, заимствование и адаптацию западных понятий и попытки сформулировать новые дефиниции, единой терминологии, описывающей взаимоотношения государства с нетрадиционными религиями, выработано не было.

Глава 2. Формирование политико-правовых условий деятельности нетрадиционных религиозных движений

2.1. Законодательство в сфере свободы совести и вероисповедания: общественно-политические дискуссии и инициативы 1990-1993 гг.[244]

Феномен «религиозного возрождения» был тесно связан с процессом обновления правового регулирования деятельности религиозных организаций в России, принятием в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях»[245] и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»[246]. Оформление нового законодательства существенно повлияло на изменение условий функционирования конфессиональных структур. Был отменен ряд ранее существовавших ограничений на деятельность религиозных организаций; созданы предпосылки для возврата верующим культовых зданий и религиозного имущества; предоставлен статус юридического лица религиозным организациям, которые, освободившись от идейно-политического давления, обрели более широкие возможности для активного участия в общественной жизни[247].

Всплеск религиозной активности и подъем общественного интереса к религии, снятие существовавших прежде государственных барьеров на пути распространения религиозных учений и массовое появление самых различных движений и проповедников – эти факторы способствовали радикальному изменению конфессиональной карты страны. Забегая вперед, отметим, что некоторыми государственными деятелями, политиками и представителями общественных институтов подобное развитие ситуации оценивалось негативно,

---

[244] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Проблемы правового регулирования нетрадиционных религиозных движений: исторический анализ // Клио. 2020. № 10 (166). С. 80-87.

[245] Закон СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 41. Ст. 813.

[246] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

[247] Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Казань, 2014. С. 91.

поскольку оно отражалось не только на духовной жизни общества, но существенным образом оказывало влияние на иные сферы. Попытки снизить или полностью исключить влияние иностранных проповедников на религиозную жизнь России предпринимались как на федеральном, так и региональном уровнях. Этот процесс напрямую отражался на деятельности религиозных организаций, в том числе нетрадиционных религиозных движений, особенно в связи с попытками предоставить определенные правовые преференции религиям, которые стали расцениваться как «традиционные». Вопросы существования НРД, возможности их деятельности в России оказались в центре политической борьбы, в которой законодательный процесс играл немаловажную роль.

В связи с принятием Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» нормативно-правовые акты всех министерств и ведомств СССР и РСФСР, противоречившие закону, были объявлены недействующими на территории РСФСР. Утратившим силу признавался первый нормативный акт в этой сфере – декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[248].

Сопоставляя союзный и российский законы, регулировавшие религиозную сферу, Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в одном из интервью 1990 г. отметил, что данные акты схожи в ключевых принципах, соответствуют международным соглашениям, что, в целом, они дополняют друг друга. «Есть лишь три несовпадающих момента – порядок регистрации уставов, экспертно-консультативный совет и преподавание религии в школе»[249]. Глава Исламского центра Равиль Гайнутдинов назвал законы «детьми своего времени». По его мнению, «союзный закон открыл процессы обретения свободы религиозными организациями и центрами, а российский закон более конкретно определил наши права в некоторых вопросах. Хотя следует подчеркнуть, что это только начало на пути обретения подлинной свободы. Поэтому я бы не стал делать между ними большие различия: они весьма похожи друг на друга, как первые шаги в начале

[248] Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
[249] Алексеев В.А. Постперестройка: несвободная совесть? М., 1992. С. 15.

длинной дороги»[250]. На «временный, транзитный характер» нового законодательства также указывали руководители Союза евангельских христиан-баптистов[251].

В статье главного редактора журнала «Наука и религия», социолога В.Ф. Правоторова «Станем ли жить по совести?» говорилось об опасениях и надеждах, которые связывались с принятием нового закона. Автор отмечал, что данный акт «открывает путь к признанию церкви равноправным партнером государства, порывает с укоренившимся предрассудком, будто отделение церкви от государства означает отлучение ее от жизни общества, социального служения обществу. Мы стали свидетелями явно демонстративной кампании массового братания государственных, партийных лидеров с церковью, за которой отчетливо видятся и попытки властей укрепить пошатнувшийся авторитет, и попытки оппозиции получить поддержку на выборах в предстоящих парламентских схватках. Пойдет ли это на пользу как государству, так и церкви, или, напротив, приведет к церковному расколу, добавит новые очаги конфронтации?»[252]. Если еще недавно политика преследования со стороны официальных властей как бы уравнивала конфессии – все они были одинаково бесправны, то теперь ситуация, по мнению автора, изменилась.

Различные мнения относительно законодательных новаций высказывались в журнале «Советское государство и право». Так, старший научный сотрудник Академии МВД СССР, юрист А.С. Ловинюков, рассуждая о необходимости консолидации и объединения людей, воспитании патриотизма и уважительности в условиях общественного кризиса, писал, что «правильно понимаемая свобода совести, ставшая в наш век одним из показателей подлинной цивилизованности, отвергает деление людей по вероисповедальному признаку на «своих» и чужих», «верных» и неверных»[253].

---

[250] Там же. С. 31.
[251] Там же. С. 10, 24.
[252] Правоторов В.Ф. Станем ли жить по совести? // Наука и религия. 1990. № 11. С. 2.
[253] Ловинюков А.С. Закон СССР 1990 г. о свободе совести и религиозных организациях // Советское государство и право. 1991. № 4. С. 27.

В августе 1991 г. Идеологический отдел ЦК КПСС подготовил записку «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях»[254]. В документе был отражен анализ текущей ситуации в религиозной сфере, обозначены тревожные тенденции и возможные меры по улучшению положения в проводимой государственно-конфессиональной политике. Среди тревожных тенденций были отмечены следующие:

1) Использование религии в политических целях деструктивными, антиперестроечными силами. Выступление части духовенства и верующих различных конфессий с националистических, а порой и с антикоммунистических позиций, участие в межнациональных и межконфессиональных конфликтах. Тенденция смыкания клерикализма с национализмом. Формирование новых религиозно-политических объединений и партий, которые стремятся к активному использованию в политике религиозного фактора;

2) Стремление зарубежных клерикальных центров и тесно связанных с ними религиозных экстремистов политизировать деятельность церквей, втянуть их в борьбу за власть, внести раскол в религиозные организации, стоящие на позициях лояльности по отношению к советскому государству, дискредитировать патриотически настроенных священнослужителей;

3) Массовый наплыв в условиях кризисного состояния общества волны вневероисповедной мистики, астрологии, оккультизма, демонизма, спиритизма и т.п., подхваченный и распространяемый в погоне за коммерческим успехом некоторыми средствами массовой информации;

4) Чрезмерное возвышение роли церковных институтов в жизни общества, возрастающее служение в ряде регионов страны новой политической власти и тех сложных, нередко негативных процессов, которые связаны с религией или протекают под ее прикрытием.

Также отмечалось, что КПСС «решительно осуждает любые попытки дискриминации по религиозным признакам, отстаивает свободное

[254] Постановление Секретариата ЦК КПСС «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях» 07.08.1991 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 020. Д. 066. Л. 2-3.

мировоззренческое самоопределение человека, выступает за равенство всех религий, против предоставления какой-либо религиозной организации односторонних преимуществ, считает недопустимым использование религии в политических целях, для разжигания межнациональных конфликтов, мировоззренческой нетерпимости, вражды и ненависти между верующими различных конфессий, а также между верующими и неверующими»[255].

В 1991 г. заведующий отделом Института религиоведения АОН при ЦК КПСС Ю.П. Зуев отмечал, что «повышенная общественно-политическая активность религиозных организаций – одно из проявлений исключительно высокой политизации всего нашего общества. Это симптом его кризисного состояния»[256]. По его мнению, «в дальнейшем религиозные организации страны будут стремиться выступать прежде всего как нравственная сила в обществе. Нравственность – это та универсальная основа, которая определяет поведение человека в его непосредственных межличностных отношениях, во многом влияет на его качества труженика, гражданина, носителя определенных национальных традиций, в его отношении к природе. Это универсальное значение нравственности делает реальной опосредованную включенность религиозных организаций во все сферы жизни общества, не связывая их в то же время с конкретной политической деятельностью и ответственностью»[257].

В.С. Полосин, занимавший в 1990-е гг. должность председателя Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности, высказывал мнение, что принятие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» положило конец «легитимному» ущемлению прав верующих, вернуло им естественные и гражданские права, дало определенные льготы там, где это связано с «деликатнейшей сферой человеческих чувств и с благородной социальной деятельностью», дало юридические и практические гарантии невмешательства государства в дела церкви, позволило верующим

[255] Там же. Л. 6-7.
[256] Зуев Ю. Церковь и государство: новые акценты старой темы // Наука и религия. 1991. № 6. С. 4.
[257] Там же.

строить свою жизнь так, как они сами хотят согласно своим убеждениям. «Эпоха гонений ущемлений верующих кончилась. Начался отсчет времени периода поиска симфонии церкви и государства, который должен привести к окончательному соответствию основополагающим международно-правовым принципам в области религиозной свободы»[258].

Однако о необходимости изменения законодательства стали говорить вскоре после принятия. Так, в мае 1991 г. Комитетом был проведен семинар-совещание по поводу исполнения законодательства о свободе совести и вероисповедании и проблем, связанных с практикой его применения, «так как готовятся изменения и в Закон СССР о свободе совести, и на четвертую сессию, то есть на осень, мы также включили в повестку дня вопрос об изменении в Законе РСФСР, о свободе вероисповеданий»[259]. В.С. Полосин в своем вступительном слове отметил, что в условиях «религиозного бума» «происходит возврат к традиционным религиозным формам». В сложившейся ситуации, по его словам, «возникает масса проблем, и в первую очередь это проблема формирования новой государственной идеологии, так как на сегодня идеологии, которая интерпретировала бы отношения религии и государства, сейчас нет, то, что раньше казалось естественным, сейчас уже неприемлемо, а нового не создано. То есть, образовался определенный вакуум». Отсутствие идеологии и теории, которые могли бы выступить основой для построения государственно-церковных отношений способствовало возникновению вопросов и противоречий на практике и при применении законодательства[260].

Говоря о традиционных религиях, В.С. Полосин отметил православие и ислам, упомянул и буддизм. В ходе совещания выступил представитель подкомиссии по связям с религиозными организациями Ярославского областного

---

[258] Полосин В.С. На пути к свободе совести (Российское законодательство о религии в конце 80 - начале 90-х гг.) // Свобода совести – в духовном возрождении отечества. М., 1994. С. 152.

[259] Стенограмма семинара-совещания Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, и благотворительности ВС РФ с представителями краев и областей 30 мая 1991 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3108. Л. 3.

[260] Там же. Л. 8.

Совета протоирей М.М. Перегуда, выразивший обеспокоенность появлением конфессий, «которых не существовало в данной местности, но которые поглощают молодежь, уничтожая самое главное – это нравственность нашего общества»[261]. Уточняя какую из новых конфессий, он имел ввиду, М.М. Перегуда привел в пример кришнаитов, но затруднился указать на какие-либо конкретные факты противоправных действий со стороны последователей этой религии, отметив наличие проблемы выработки единой нравственной программы в регионе[262]. Свой комментарий по этому поводу дал священник Г. Якунин, сказав, что кришнаиты были зарегистрированы при «старом Совете по делам религии», а «в наших условиях, нравится нам это или не нравится, эта религия или секта, которая имеет полное право на существование. У нас точка зрения православная. Надо проявить нашу конкурентоспособность. Мы, русский народ, должны убеждать, что православная церковь более гуманная, более соответствует нашим историческим корням, но государство обязано зарегистрировать кришнаитов»[263]. В выступлениях отмечалось, что «ряд сект выходят за рамки общечеловеческой нравственности, и когда у нас будет создан экспертный орган, может быть, их нельзя будет разрешать». Указывалось, что «еще в царской Руси были у нас секты, которые творили свальный грех»[264].

Принятие закона не положило конец дискуссиям по поводу о том, каким образом должны строиться отношения государства с религиозными структурами, какое место религия должна занять в публичной и частной сфере. Напротив, изменение законодательства стало началом нового этапа поиска оптимальной модели взаимоотношений с религиозными институтами в изменившихся идеологических и политических условиях, после провозглашения курса на демократические переустройства.

После того, как Советский Союз в 1991 г. прекратил свое существование, перед руководством Российской Федерации встало множество проблем,

[261] Там же. Л. 105-106.
[262] Там же. Л. 111.
[263] Там же. Л. 112.
[264] Там же. Л. 113.

обозначилась задача создания фактически новой государственной системы. В сфере государственно-конфессиональных отношений накапливался практический опыт реализации положений законодательства 1990 г. Религиозные институты и органы государственной власти осваивались в новых условиях. Постепенно начали формироваться новые интересы в отношении различных аспектов организации религиозной жизни, которые аккумулировались в форме требований к государству о необходимости изменения законодательства.

В государственных органах, занимавшихся религиозными вопросами, также начали формироваться предложения по изменению закона 1990 г. Так, в Министерстве юстиции в 1992 г. в результате анализа практики правоприменения пришли к выводу о том, что Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» «содержит ряд пробелов и неточностей, что диктует необходимость внесения в него определенных изменений и дополнений»[265]. Министерством юстиции и Комитетом Верховного Совета Российской Федерации по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию были «внесены по этому вопросу соответствующие предложения»[266].

В перечне предметов, чье регулирование подлежало пересмотру, находился вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство в части ограничения деятельности нетрадиционных религиозных организаций. В ноябре 1992 г. председатель Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности В.С. Полосин информировал Патриарха Русской Православной Церкви Алексия II о проектах нововведений в закон «О свободе вероисповеданий». В.С. Полосин указал, что планируется «введение ряда ограничений и восстановление разрешительного порядка (вместо нормативно-явочного) регистрации для зарубежных религиозных объединений и для российских, руководство которых назначается зарубежными религиозными объединениями – в целях укрепления национальных интересов

[265] Информационная записка о работе Министерства юстиции РФ и его территориальных органах по регистрации уставов религиозных объединений // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3149. Л. 13-14.
[266] Там же.

России»[267]. «Необходимость усиления юридического контроля диктуется многочисленными нарушениями закона и авантюризмом различных, особенно новых, деноминаций и отдельных проповедников, и миссионеров».

Поясняя целесообразность введения именно такого регулирования начинаний зарубежных религиозных организаций, В.С. Полосин отмечал, что законодательное запрещение их деятельности «в настоящее время в нашем многоконфессиональном, а по большей мере неверующем обществе нереально и невозможно». По его словам, это означало бы внесение существенных изменений в закон, где на тот момент не было вообще никаких ограничений, «на сегодня это максимум, чего можно достичь, если удастся достичь»[268]. В своем письме председатель Комитета призывал к выработке «максимально согласованной с традиционными российскими конфессиями позиции» по вопросу о замене «нормативно-явочной регистрации зарубежных религиозных организаций на разрешительную». «Было бы очень огорчительно, если бы руководство Русской Православной Церкви оказалось дезинформированным и упустило благоприятный шанс к усилению, и даже ослабило положение традиционной религии в обществе»[269].

В 1993 г. процесс внесения поправок в Закон «О свободе вероисповеданий» перешел в активную фазу. Несколько изменились акценты в проектах предлагаемых поправок. Так, в апреле 1993 г. В.С. Полосин в письме Патриарху признался в том, что «сам недооценивал опасность религиозной экспансии с запада. Увы, под крылом «команды реформ» уже идет религиозно-идеологическая интервенция, в результате которой Русская Православная Церковь должна быть либо ликвидирована, либо уменьшена до уровня музейного экспоната и составной части фольклора. Рискну предположить, что в этих условиях Церкви следует активнее участвовать в любых органах власти, в мероприятиях, противостоящих мировым врагам православия. Сейчас угроза самому существованию церкви в

[267] Письмо от 11.11.92 №7.18-1191 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3125. Л. 111-112.
[268] Письмо от 16.12.1993 №7.18.1253 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3125. Л. 121.
[269] Там же. Л. 122.

России велика и, видимо, не меньше, а то и больше, чем в годы «безбожной пятилетки». Подавляющее большинство членов нашего комитета готовы активнейшим образом поддерживать позицию Русской православной церкви в отношении западной религиозной интервенции, если она будет официально высказана»[270].

В письме митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну председатель комитета сообщал: «С глубокой тревогой мы прочитали стенограмму радиопередачи по “Маяку”, где были раскрыты подлинные планы США в отношении России и Русской Православной Церкви. Вместо 11-12 тысяч православных приходов в СНГ США планируют создать 200 тысяч евангелических приходов для воспитания «капиталистической психологии» и космополитизма. По сути это – идеологическая и духовная интервенция, которая уже началась»[271].

В государственные структуры стали поступать обращения граждан относительно деятельности нетрадиционных религиозных движений, таких, например, как Белое Братство, Церковь Божией Матери Преображающейся (Богородичный центр) и др. В апреле 1993 г. по одному из таких обращений прокуратурой г. Москвы было дано разъяснение, что «в настоящее время прокуратура лишена возможности проведения проверки законности деятельности указанных религиозных объединений, поскольку законом не предусмотрена уголовная, административная или иная ответственность за посягательство на личность и права граждан под предлогом исполнения религиозных обрядов»[272]. Далее сообщалось, что в Комиссию Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности направлено письмо с предложениями о дополнении законодательства о свободе совести положениями, предусматривавшими возможность прекращения на основании решения суда деятельности религиозных организаций или сект, систематически нарушавших

[270] Письмо от 03.04.1993 № 7.18-14/127 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3126. Л. 26.
[271] Письмо от 03.04.1993 № 7.18-14/122 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3126. Л. 27.
[272] Ответ на запрос Прокуратуры г. Москвы (отдел по надзору за исполнением законов в социальной сфере) №32-93 от 23.04.93 г. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

Конституцию и законодательство Российской Федерации, а также о введении в уголовный и административный кодексы статей, предусматривавших ответственность физических лиц за организацию и руководство деятельностью религиозных организаций и сект, деятельность которых прекращена по решению суда.

В Верховном Совете 23 июня 1993 г. в первом чтении был принят законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»[273]. Основной смысл поправок сводился к жесткому ограничению деятельности зарубежных религиозных миссионеров, введению цензуры на издание религиозной литературы и законодательному признанию особого статуса «традиционных конфессий».

Журналист А.И. Нежный писал, что в случае принятия данного закона произойдет не смягчение межконфессиональных противоречий, а их обострение, «распахнутся двери для произвола чиновников». Вместо обеспечения равенства конфессий, закон «недвусмысленно выделяет из всех – одну»[274]. Обличая предлагаемые поправки, журналист предполагал, что рассматриваемая процедура аккредитации приведет к произволу.

Иную точку зрения отстаивал вице-премьер В.Ф. Шумейко. Он подчеркивал необходимость внесения изменений и дополнений в законодательство, предусматривавших ограничения на деятельность зарубежных миссионеров: «На мой взгляд, свобода всегда должна быть ограничена. Безбрежной свободы быть не может. Такие ограничения существуют во всех цивилизованных странах»[275].

14 июля законопроект был принят. Наибольший резонанс вызвала новая редакция ст. 14, в которой устанавливались ограничения для зарубежных религиозных организаций и лиц, не имеющих российского гражданства. Таким лицам предлагалось во время пребывания на территории России удовлетворять

[273] Постановление ВС РФ от 23.06.1993 № 5231-1 «О проекте Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 29. Ст. 1117.
[274] Нежный А.И. Кто боится человека с Евангелием // Известия. 1993. 15 июля.
[275] Вершилло Р. Свобода совести должна быть ограничена // Сегодня. 1993. 25 июня.

свои религиозные потребности в действующих в Российской Федерации религиозных организациях или представительствах зарубежных религиозных организаций. Под зарубежными религиозными организациями понимались «организации, официально признаваемые религиозными в иностранных государствах». Зарубежные религиозные организации могли создавать представительства при российских религиозных организациях, в которых лица без российского гражданства могли действовать в качестве религиозных служителей. Но для осуществления религиозной деятельности таких лиц требовалась государственная аккредитация. «Правом на занятия религиозно-миссионерской, издательской и рекламно-пропагандистской деятельностью зарубежные религиозные организации, их представительства и представители, а также лица без российского гражданства не пользуются»[276].

В ходе дискуссии прозвучали голоса противников принятия данных нововведений, указывавших, что последние противоречат международным правовым актам. «Независимая газета» писала о том, что депутат М.А. Митюков вынес предложение о снятии с обсуждения законопроекта, поскольку 70% поправок были предложены РПЦ, не являющейся субъектом законодательной инициативы. Однако данное предложение было отклонено, поскольку за принятие поправок выступил Комитет по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности, возглавляемый В.С. Полосиным[277]. Депутатам было адресовано письмо Патриарха Алексия II, в котором сообщалось: «От лица РПЦ, к которой принадлежит большинство верующих россиян, свидетельствую, что предлагаемые изменения и дополнения вполне отвечают чаяниям и потребностям православного клира и церковного народа». Патриарх выразил поддержку «стремлению авторов законопроекта упорядочить деятельность в России зарубежных религиозных организаций», отмечая, что «выбор религии и мировоззрения не должен навязываться извне, особенно через использование

[276] Сироткин В. Свобода совести без православия и ислама // Независимая газета. 1993. 20 августа.
[277] Родин И. ВС РФ решил проблему прозелитизма // Независимая газета. 1993. 15 июля.

трудного материального положения нашего народа или через грубое давление на человеческую личность, лишающее ее богодарованной свободы»[278].

С критическими комментариями в адрес одобренного законопроекта выступил председатель Экспертно-консультативного совета при Комитете Верховного Совета по свободе совести и связям с общественностью, религиозными и благотворительными организациями, доктор юридических наук Ю.А. Розенбаум. Он также обратил внимание на то, что ряд положений (в особенности вводящие ограничения деятельности религиозных организаций) противоречат международным соглашениям о правах и свободах человека и гражданина и «представляется на фоне вхождения России в сообщество цивилизованных государств каким-то средневековым анахронизмом, чем-то вроде государственной борьбы с ересью»[279].

В прессе сообщалось о том, что в адрес Президента России было направлено открытое письмо, подписанное представителями евангельских христиан-баптистов, адвентистов, Международной ассоциации религиозной свободы, в котором выражалась обеспокоенность развитием ситуации в религиозной сфере и опасением в том, что «Церковь вновь зависит от государства»[280]. Указывалось, что к Б.Н. Ельцину обратились сенаторы и конгрессмены США по поводу обеспечения свободы совести в России.

Озвучивались мнения и в поддержку закона со стороны различных общественных и государственных структур. Религиозной ситуации в России была посвящена опубликованная в «Независимой газете» статья «Государство не может быть нейтральным», написанная начальником отдела регистрации религиозных объединений Министерства юстиции Российской Федерации А.И. Кудрявцевым[281]. В статье были приведены данные о статистике

---

[278] Там же.
[279] Васильев Ю. Свобода совести в России с изменениями и дополнениями // Независимая газета. 1993. 23 июля.
[280] Буйда Ю. Раздавите гадину! // Независимая газета. 1993. 28 июля.
[281] Кудрявцев А.И. Государство не может быть нейтральным // Независимая газета. 1993. 30 июля.

зарегистрированных религиозных объединений, отмечалось, что благодаря деятельности зарубежных миссионеров на территории России появились Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), Церковь Объединения (Муна), Новоапостольская Церковь, Вера Бахаи, Общество Сознания Кришны. А.И. Кудрявцев отметил, что иностранные миссионеры «представляют древние восточные и иные традиции в весьма упрощенной форме, шокирующей людей и попирающей традиционные для России нормы морали и нравственности», и что государство не должно оставаться «нейтральным, если попираются права личности, разрушаются мораль и здоровье подрастающего поколения». Начальник отдела Министерства юстиции выразил мнение о том, что при решении вопроса о регистрации, а следовательно, государственной поддержке нетрадиционных, впервые начинающих свою деятельность на территории России конфессий, наряду с рассмотрением чисто формальных учредительных документов, предусмотренных законом, следует анализировать характер вероучения и практическую деятельность религиозного движения, их соответствие закрепленным в Конституции и законодательстве Российской Федерации нормам, защищающим права, свободу, здоровье и мораль гражданина и общества. В качестве отрицательного примера была приведена обрядовая практика Московской тантрической общины, которая «весьма сомнительна с точки зрения современной морали и закона». Закон, по мнению чиновника, должен «ограничить стихийную миссионерскую деятельность, прозелитизм и в то же время гарантировать религиозным организациям право устанавливать международные контакты, приглашать для постоянного и временного служения и проповедования зарубежных единоверцев».

Отметим реакцию на эту публикацию, последовавшую со стороны духовного руководителя религиозного объединения тантристов «Тантра-Сангха» (г. Москва, устав религиозного объединения зарегистрирован в 1992 г.). В статье «Правда о тантре» отмечалась недостаточная изученность тантризма российскими индологами и религиоведами, способствующая распространению сплетен и слухов. Выражалось недоумение упоминанием тантристов в ряду «приверженцев

неканонической веры… Белого Братства, Богородичного центра и др.»[282]. Духовный руководитель «Тантра-Сангха» отметил, что тантристы являются последователями «древней восточной религии, исповедующими ее в ортодоксальной форме, имеющими строгую иерархию духовных лиц, находящимися в канонической преемственности по отношению к другим направлениям традиционной Тантры», а также указал на то, что ортодоксальные тантристы не имеют никакого отношения к деятельности «различных нео- и псевдотантрических групп и сект», равно как «Русская Православная Церковь или евангельские христиане-баптисты не виновны во всех злоупотреблениях и изуверствах новоявленных неканонических христианских сект».

В поддержку новой редакции закона в прессе выступил В.С. Полосин, указав на лежащий в ее основе идейный замысел. «Когда Верховный Совет России впервые принял закон в поддержку дела возрождения традиционного российского уклада жизни, нашей народной культуры и духовности, конгрессмены США своими протестами демонстрируют свою досаду на то, что приготовленные для вторжения в Россию легионы миссионеров не смогут осуществить свой план»[283].

Своего рода информационную поддержку статье Полосина оказала опубликованная в ближайшем номере «Российской газеты» заметка «Помогите вернуть сыновей», в которой описывалась история несовершеннолетних жителей г. Донецка, вовлеченных в «псевдорелигиозную секту “Белое братство”». Вовлекаемых в секту гипнотизировали, снабжали наркотиками, надолго увозили за пределы области. Упоминалось, что отсутствие на Украине закона, защищающего от псевдорелигиозных сект, не позволяет привлечь к уголовной ответственности ложных проповедников. В заключении авторы обращались с призывом о помощи от лица матерей, «потерявших своих детей из-за беззакония и долгого раздумывания над созданием необходимых актов (этой проблеме в

[282] Лобанов С.В. Правда о тантре // Независимая газета. 1993. 26 августа.
[283] Полосин В.С. О чем шумите заморские мессии // Российская газета. 1993. 4 августа.

Украине уже около 3 лет), так как каждый день промедления приближает обманутых подростков к физической и духовной гибели»[284].

Деятельность законодателей по введению нового правового регулирования религиозной сферы совпала с проявлением особой активности некоторых групп деструктивного характера. В публикациях «Московских новостей» указывались различные провокационные акции, предпринимавшиеся представителями Белого братства и связанные с насилием и угрозой для жизни других граждан[285]. Приводилось мнение заведующего сектором Комитета Верховного Совета по свободе совести И. Хаманева о том, что «негативная деятельность религиозных союзов околоправославного толка (Белое братство и Богородичный центр)» побудила Верховный Совет включить в августе 1993 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 143.1, которая предусматривала для лиц, ответственных за организацию религиозных организаций или общественных объединений, деятельность которых «сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, посягает на их права, препятствует выполнению гражданских обязанностей, наказание в виде лишения свободы до 3 лет или штрафа в размере 16 минимальных месячных окладов»[286]. Помимо этого, была введена норма, предусматривавшая наказание за активное участие в деятельности такого объединения и систематическую пропаганду, направленную на совершение указанных деяний.

Общественная дискуссия вокруг резонансного закона продолжала набирать обороты. На примере печатных изданий можно проследить раскол общества на два противоборствующих лагеря. Дискуссия рассматривалась как «старый спор российских “западников” и “славянофилов”», получивший второе дыхание, «причем в этих спорах все большее внимание уделяется традиционным

[284] Сиделева С., Батракова А., Левченко О. Помогите вернуть сыновей // Российская газета. 1993. 6 августа.
[285] Колосовская С. До конца света осталось три месяца // Московские новости. 1993. 29 августа.
[286] Закон РФ от 27.08.1993 № 5668-I «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 37. Ст. 1466.

конфессиям (прежде всего православию и исламу) как духовно-объединяющим факторам народов бывшего СССР»[287]. Отмечалось, что предпринимаются только «первые робкие шаги по защите традиционно преобладающих у нас конфессий». Однако звучали и более громкие заявления. Б.Н. Ельцина критиковали за отказ подписать новый закон. Этот шаг расценивался как враждебный по отношению к «национальным интересам России». Выдвигалось предложение о создании Комитета обороны Русской Православной Церкви, задачей которого объявлялось «пресечение незаконной деятельности нетрадиционных для России конфессий и сект, а также различного рода сатанинских изуверских культов»[288].

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн заявил, что «против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Уничтожению подлежит страна в целом. Народ как таковой – за верность своему историческому призванию и религиозному служению»[289].

Однако православные церковные деятели высказывали и иные мнения. Например, архиепископ Михаил Вологодский на вопрос об опасности миссионерства для России и Русской Православной Церкви отмечал, что «всякого рода ограничения выставляют православие в очень дурном свете перед всем христианским миром… Ограничения, которые, как нам известно были в царской России, себя не оправдали. Единственно правильно обоснованной является внешняя полная свобода»[290].

В связи с тем, что Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «О свободе вероисповеданий» не был подписан Б.Н. Ельциным, Верховным Советом было назначено его повторное рассмотрение. По мнению юристов Администрации Президента Российской Федерации, закон не только противоречил международным правовыми документами, но в его тексте

[287] Сироткин В. Свобода совести без православия и ислама // Независимая газета. 1993. 20 августа.
[288] Там же.
[289] Калинин А. И пришел некто по имени Иоанн // Российская газета. 1993. 21 августа.
[290] Бабасян Н. Духовенство идет на поводу у мирян // Независимая газета. 1993. 30 июля.

присутствовали и нестыковки между различными статьями. Наибольшее количество возражений вызвала статья 14 закона[291].

27 августа Верховный Совет повторно принял закон после отклонения Президентом. «Независимая газета» писала о том, что новая редакция закона подверглась существенной переработке, были исключены положения статьи 14 об обязательной государственной аккредитации зарубежных религиозных организаций и запрет для них и их представителей на занятия религиозно-миссионерской, издательской, рекламно-пропагандистской деятельностью[292]. Однако запрет на религиозно-миссионерскую деятельность иностранных граждан присутствовал в другой статье, посвященной международным связям и контактам. В ходе заседания Верховного Совета представитель Президента высказал возражения и замечания по поводу новой редакции[293]. Таким образом, последнее слово по принятию закона оставалось за Президентом. Как известно, Б.Н. Ельцин вновь не утвердил закон.

После подписания Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»[294] Верховный Совет в рамках разворачивавшегося конфликта предпринял со своей стороны целый комплекс мер, направленных на отстранение Б.Н. Ельцина от должности и недопущении реализации президентского сценария развития событий. В ходе этого противостояния было принято Постановление «О введении в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”», подписанное Председателем Верховного Совета Р.И. Хасбулатовым[295]. 24 сентября было принято Постановление Съезда народных депутатов, в соответствии с которым принимался Закон Российской Федерации

---

[291] Родин И. Ельцин закон не подписал // Независимая газета. 1993. 12 августа.
[292] Родин И. Итог парламентского лета // Российская газета. 1993. 28 августа.
[293] Там же.
[294] Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
[295] Постановление ВС РФ от 27.08.1993 «О введении в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 39. Ст. 1648.

«О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”»[296]. Согласно справке, сопровождавшей реконструированное (неофициальное) издание выпуска «Ведомостей Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации» закон был подписан исполняющим обязанности Президента А.В. Руцким 26 сентября 1993 г.[297]

Упомянутое Постановление Верховного Совета содержало комплекс мероприятий, которые должны были осуществить различные государственные структуры. Перечислим некоторые из этих мероприятий:

- Верховным Советам республик в составе Российской Федерации поручалось привести республиканское законодательство в соответствие с положениями обновленного законодательства.

- Правительству Российской Федерации поручалось разработать с участием соответствующих комитетов Верховного Совета Российской Федерации порядок рассмотрения заявлений религиозных организаций о приглашении к ним иностранных граждан и лиц без гражданства; а также «порядок согласования с государством Ватикан вопросов назначения (утверждения) данным государством лиц для занятия в Российской Федерации профессиональной религиозной деятельностью»[298].

- Министерству культуры Российской Федерации совместно с соответствующими постоянными комиссиями палат и комитетами Верховного Совета Российской Федерации поручалось разработать программу оказания поддержки традиционным конфессиям Российской Федерации, а также порядок

---

[296] Постановление СНД РФ от 24.09.1993 «О принятии Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // СПС КонсультантПлюс.

[297] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации № 39. Реконструкция невышедшего номера. М. 2013. URL: https://constitution.garant.ru/files/961/39.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

[298] Постановление ВС РФ от 27.08.1993 «О введении в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 39. Ст. 1648.

совместного с религиозными организациями использования памятников истории, культуры и архитектуры, имеющих мировое значение.

- Министерству печати и информации Российской Федерации при участии представителей соответствующих постоянных комиссий палат и комитетов Верховного Совета Российской Федерации разработать и утвердить порядок предоставления эфирного времени на государственном телевидении и радиовещании общероссийским религиозным организациям с учетом общественных запросов и сложившихся национально-культурных традиций.

- Министерству юстиции Российской Федерации и его органам на местах поручалось перерегистрировать уставы (положения) религиозных организаций.

Однако ход конфликта между Президентом и Верховным Советом и последовавший силовой разгон российского парламента не позволили реализовать на практике нормы данного закона. Вместе с тем проблематика, вокруг которой разворачивалась острейшая общественно-политическая дискуссия на протяжении двух месяцев, не утратила свою актуальность. Сторонники положений, которые были прописаны в инициированном законодательном акте, от своих идей не отступили и начали искать иные варианты решения проблем. Однако ход дискуссии во время летней кампании по принятию антимиссионерских поправок показал, насколько мощным могло быть сопротивление подобным инициативам.

Существенное влияние на регулирование сферы религиозных отношений, законодательное оформление свободы совести оказало принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации. Религиозная свобода находилась «в системной связи с закрепленным в качестве основ конституционного строя России принципом светскости государства, включающим запрет установления какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, равенство всех религиозных объединений и их отделение от государства (ст. 14), и принципом

идеологического многообразия (ст. 13)»[299]. Гарантировалось равенство граждан независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, право на свободу мысли и слова и недопустимость быть принужденным к выражению своих мнений, убеждений и отказу от них, а также право на объединение и недопустимость принуждения к вступлению в какое-либо объединение или пребывание в нем[300]. Кроме того, закреплялись права на альтернативную гражданскую службу: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой»[301].

Законотворческий процесс в религиозной сфере развивался на новом этапе по двум параллельным линиям – на федеральном и региональном уровне. Федеральная линия была связана с законодательной деятельностью, развернувшейся в новом парламенте после принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г., и формированием новых органов законодательной ветви власти.

Вторая линия была связана с деятельностью региональных органов власти. Именно на законодательстве субъектов в наибольшей степени отразилась широта дискуссионной разноголосицы, впервые проявившейся в июле-августе 1993 г., а затем (1994-1997 гг.) проявившаяся на региональном уровне.

Таким образом, 1990-1993 гг. представляли собой важнейший этап формирования религиозной политики в России. На волне широких общественных преобразований политические деятели СССР и Российской Федерации предлагали новые подходы к регулированию религиозной сферы. Изменением правовых условий поспешил воспользоваться широкий круг лиц, проявивших интерес к завоеванию духовного пространства, оказавшегося фактически свободным после радикального изменения государственной идеологии. Новые

[299] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е издание / под ред. В.Д. Зорькина // СПС КонсультантПлюс.
[300] Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
[301] Там же.

религиозные движения в рамках стремительно менявшейся ситуации получили широкое распространение. Опираясь на значительный объем законодательно закрепленных в 1990 г. религиозных свобод, они развернули активную деятельность. В результате уже по прошествии менее чем трех лет громко зазвучали голоса о необходимости введения более жесткого регулирования и ограничения свободы миссионерства. В условиях глубоких государственных преобразований на фоне политического кризиса осени 1993 г., угрожавшего перейти в полномасштабный конфликт, принять поправки в специальный закон в ускоренном режиме не удалось. Тем не менее вопросы, поставленные законопроектом 1993 г., в дальнейшем все равно пришлось решать, но решение это было принято уже в несколько иных политических условиях.

2.2. Региональные инициативы по регулированию деятельности нетрадиционных религиозных движений 1994-1997 гг.

После принятия российского закона «О свободе вероисповеданий» в регионах постепенно стали приниматься собственные правовые акты, регулировавшие религиозную сферу[302]. Положения о свободе совести и вероисповедания включались в конституции российских республик[303]. Поначалу данные законодательные акты не вводили принципиально иного по сравнению с законом 1990 г. регулирования в область религиозных отношений, однако в последующие годы тенденция менялась. С 1994 г. в разных субъектах Российской Федерации стали приниматься документы, в которых устанавливалось

[302] Закон ДАССР от 05.05.1991 «О свободе совести и религиозных организациях» // Дагестанская правда. 1991. № 92; Закон Башкирской ССР от 20.06.91 № ВС-6/19 «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР» // Законы Республики Башкортостан. 1992. Вып. II; Закон ЧР от 20.01.1994 «О свободе вероисповеданий в Чувашской Республике // Советская Чувашия». 1994. № 22.

[303] См. напр.: Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) // Якутские ведомости. 1992. № 7; Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // СПС КонсультантПлюс; Конституция (Основной Закон) Кабардино-Балкарской Республики (с изменениями и дополнениями, внесенными на второй, третьей, четвертой, пятой, шестой сессиях Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики двенадцатого созыва 29 августа 1990 г., 31 января 1991 г., 17 мая 1991 г., 26 сентября 1991 г., 10 марта 1992 г.) // СПС КонсультантПлюс.

регулирование деятельности миссионеров, иностранных граждан и религиозных организаций.

Одним из первых регионов, который ввел новые правила регулирования отношений в религиозной сфере, стала Тульская область. В конце 1994 г. был принят закон «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области»[304], устанавливавший правила и порядок аккредитации, получения разрешения, проведения и прекращения миссионерской (религиозной) деятельности на территории области иностранными организациями, представительствами и представителями, прибывающими в регион. Процедура аккредитации становилась обязательным условием для осуществления какой-либо деятельности в регионе иностранными религиозными организациями и миссионерами. За невыполнение правил осуществления миссионерской (религиозной) детальности был предусмотрен целый ряд санкций.

Аккредитацию и выдачу разрешения на открытие представительства в Тульской области должен был осуществлять уполномоченный губернатора (главы администрации) по вопросам религии. Разрешение выдавалось сроком на один год с возможностью бесплатного продления. В соответствии с принятым законом представительство иностранной религиозной организации не признавалось юридическим лицом, но имело право распространять религиозную литературу и предметы культовой принадлежности по своему месту нахождения, а также в местах проведения служб и отправления обрядов.

Миссионерскую деятельность могли проводить сотрудники аккредитованных представительств и сотрудники иностранных религиозных организаций, прибывших в область по приглашению представительства, только после согласования программы пребывания с органом аккредитации. Самостоятельно прибывшие в область зарубежные миссионеры были обязаны пройти аккредитацию. Ограничения также касались круга участвующих в

[304] Закон Тульской области от 14.12.1994 № 5-ЗТО «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области» // Сборник Законов Тульской области. 1994-1995 гг.

миссионерской деятельности лиц и мест ее проведения. Население должно было «добровольно изъявить желание присутствовать на проводимых миссионерами мероприятиях в свободное от учебы и работы время». В случае с несовершеннолетними лицами требовалось получение «письменного согласия родителей или лиц, их заменяющих»[305].

Попытка принять аналогичный закон в Санкт-Петербурге стало поводом для дискуссии. Законодательное собрание города приняло закон, в котором «вместо функции «регистрация», закрепленной, согласно федеральному закону «О свободе вероисповеданий», за Минюстом России, было решено использовать понятие «аккредитация», подразумевая при этом процедуру согласования в Управлении юстиции мэрии всех организаций, в том числе иностранных и уже зарегистрированных в Минюсте России»[306].

Противники регионального закона полагали, что «права граждан на исповедание религиозных взглядов и их проповедь могут быть урезаны только в судебном порядке», а мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак выразил поддержку «петербургской традиции веротерпимости», заявил о недопустимости ограничения деятельности религиозных организаций, в связи с чем ожидалось, что на закон будет наложено вето[307].

В 1995 г. в Хабаровском крае также был принят закон, регламентировавший миссионерскую и иную религиозную деятельность иностранных граждан и организаций. Оригинальность данного закона заключалась в попытке уточнить круг лиц, подпадающих под регулирование, за счет введения в закон следующей формулировки – «объединение, вероучение которого не было ранее известно в крае и чей духовный центр не зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации, как Российский». Для того, чтобы такое объединение могло получить статус юридического лица и начать свою деятельность на территории края, была обязательна экспертиза, проводимая «Экспертно-

[305] Там же.
[306] Архипов И. Депутаты радеют о чистоте веры // Коммерсантъ. 1995. 2 декабря.
[307] Там же.

консультационным Советом Государственной Думы или соответствующим органом, образованным в крае»[308].

Схожее положение было включено в закон Липецкой области, в соответствии с которым религиозное движение, исповедующее нетрадиционное вероучение, ранее не существовавшее в России, должно было направить свои учредительные документы для проведения религиоведческой экспертизы в Экспертно-консультативный Совет по вопросам свободы совести Комитета Государственной Думы по делам общественных и религиозных объединений[309]. В этой формулировке примечательно использование терминологии, связанной с понятием традиционности и указание на конкретный орган федерального уровня.

Практика принятия собственных актов, регулирующих религиозную сферу, приобрела широкое распространение на региональном уровне. При этом законодательные акты субъектов, за некоторыми исключениями, были весьма схожи. В большинстве случаев законы были направлены на ограничение миссионерской деятельности иностранных религиозных организаций и проповедников и внедрение практики полноценного учета их деятельности и контроля за ней. В 1996 г. такие акты были приняты в Белгородской области[310], Приморском крае[311], Орловской области[312], Саратовской области[313].

В Тверской области Законодательным Собранием был принят не закон, а постановление, согласно которому фактически запрещалась «миссионерская, проповедническая и иная публичная религиозная деятельность представителей

---

[308] Закон Хабаровского края от 28.06.1995 № 14 «О религиозной деятельности на территории Хабаровского края» // Вестник Хабаровской краевой Думы. 1995. – Апрель-июнь.

[309] Закон Липецкой области от 06.11.1996 № 53-ОЗ «О религиозной (миссионерской) деятельности на территории Липецкой области» // Липецкая газета. 1996. № 215.

[310] Закон Белгородской области от 02.12.1996 № 95 «О миссионерской деятельности религиозных организаций и проповедников на территории Белгородской области» // Бюллетень Белгородской областной Думы. 1996. № 17.

[311] Закон Приморского края от 20.03.1996 № 32-КЗ «О миссионерской деятельности на территории Приморского края» // Ведомости Думы Приморского края. 1996. № 17-18.

[312] Закон Орловской области от 22.07.1997 № 41-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Орловской области» // Ведомости Орловской областной Думы. 1998. № 10-11.

[313] Закон Саратовской области от 25.07.1997 № 48-ЗСО «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Саратовской области» // Саратовские вести. 1997. № 33.

религиозных объединений (организаций), не зарегистрированных в установленном порядке, а также зарубежных религиозных организаций, не имеющих документа о государственном признании в стране нахождения»[314].

В январе 1996 г. Калининградская областная Дума приняла постановление, в котором говорилось, что действующее законодательство призвано обеспечивать как права верующих, так и интересы общества в целом, однако Закон «О свободе вероисповеданий» «не в полной мере соответствует этому требованию, новый же федеральный закон до настоящего времени не принят»[315]. Главная проблема, по мнению региональных депутатов, заключалась в отсутствии должного правового регулирования «деятельности на территории Российской Федерации зарубежных религиозных организаций, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации». На территории Калининградской области отмечалась «тенденция образования объединений верующих граждан, лиц без гражданства и иностранцев не по вероисповеданию, а по принадлежности к зарубежным религиозным организациям, находящимся вне юрисдикции Российской Федерации». В связи с этим в отношении религиозных объединений как «структурных подразделений зарубежных религиозных организаций, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации», предусматривалось введение следующих ограничительных мер:

1) «не подлежат регистрации уставы;

2) не допускать передачу в собственность либо в безвозмездное пользование зданий, строений, предметов культа, находящихся в собственности государства;

3) привести в соответствие с данным Постановлением «деятельность ранее зарегистрированных религиозных объединений»[316].

---

[314] Постановление Законодательного Собрания Тверской области от 15.06.1995 № 219 «Об упорядочении миссионерской и проповеднической деятельности на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 1995. № 54.

[315] Постановление Калининградской областной Думы от 11.01.1996 № 1 «О религиозных объединениях, входящих как структурные подразделения в религиозные зарубежные организации, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации» // Янтарный край. 1996. № 38.

[316] Там же.

В Сахалинской области постановлением губернатора были введены схожие ограничительные меры, которые обосновывались тем, что «в связи с возрастающим притоком иностранных граждан, миссионеров на территории Сахалинской области растет число нарушений порядка и правил их въезда и пребывания»[317]. Определялся порядок легализации и проведения миссионерской деятельности на территории Сахалинской области иностранными религиозными организациями, их представительствами и представителями, а также прекращения их деятельности в случае нарушения законодательства.

Особый интерес представляет ситуация, развернувшаяся вокруг принятия закона «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики»[318]. С 1990 г. республику захлестнула волна иностранных миссионеров. Как отмечают региональные исследователи, в рамках программы глобальной евангелизации России в Уральский регион были направлены проповедники из США, Канады, Швеции, Финляндии, представлявшие миссии «Восток-Запад», «Урал-Сибирь», «Возможность», «Ко-Миссия» и др. В результате были созданы базовые церкви неопятидесятников («харизматов») «Дело Веры», «Филадельфия», «Ижевская христианская община», «Церковь Божья»[319]. По словам авторов, для поддержки новых общин зарубежные центры устраивали праздники-шоу, семинары, конференции, способствовали созданию местных протестантских СМИ, пропаганде своей идеологии через ряд коммерческих телекомпаний («Альва», «Новый регион») и сайты в сети Интернет.

Ответным шагом стало принятие регионального закона, который, как и в других регионах России, где принимались подобные акты, был призван ограничивать миссионерскую и иную религиозную деятельность иностранных

---

[317] Постановление Губернатора Сахалинской области от 04.07.1996 № 315 «Об упорядочении миссионерской деятельности различных религиозных конфессий на территории Сахалинской области» // Губернские ведомости. 1996. № 52.

[318] Закон УР от 28.05.1996 № 221-I «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1996. № 124-125.

[319] Воронцов В.С. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии / В.С. Воронцов, С.И. Ильинский, Ю.В. Семенов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. Вып. 3. С. 125.

граждан и организаций, представлявших угрозу физическому, психическому и нравственному здоровью граждан. Однако уже на стадии разработки и обсуждения законопроекта в Удмуртии развернулось массовое противодействие со стороны представителей религиозных организаций, рискующих попасть под ограничения после принятия данного закона.

Представители евангельских церквей и жители республики неоднократно обращались в федеральные и региональные органы власти - в рабочую группу по подготовке проекта закона, к Председателю Государственной Думы Российской Федерации, Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики, Прокурору и Министру юстиции республики, к депутатам Госсовета - с собственными предложениями по законопроекту и просьбой обсуждения и включения представителей протестантских церквей в комиссию по подготовке данного проекта, заявляя о своей непричастности к таким тоталитарным сектам и движениям, как «АУМ Синрикё», «Свидетели Иеговы», «Белое братство» и т.п. В СМИ участились публикации, которые по мнению верующих, дискредитировали деятельность Евангельских Церквей Удмуртии и освещали деятельность евангельского движения в субъективном свете. Согласно статистическим данным (по состоянию на 1996 г.), в Удмуртии евангельское движение было представлено 21 зарегистрированной церковью, более 10 филиалами с числом постоянных членов около 7 тыс. человек и более 50 тыс. прихожанами[320].

В результате данный закон получил широкую огласку. Представители евангельско-баптистских церквей России обратились к Президенту Российской Федерации и другим высшим должностным лицам, выразив глубокую озабоченность по поводу принятого закона «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», охарактеризовав его как «антиконституционный», «возвращающий в доперестроечные времена, когда

[320] Обращение межконфессиональной конференции Удмуртской Республики // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 90.

верующие для осуществления своих прав, закрепленных в Конституции, должны были вступать в конфликт с местным законодательством»[321].

Ассоциация юристов на запрос депутата Госсовета Удмуртской Республики А.Б. Михалькова пришла к выводу о том, что текст закона «противоречит действующему российскому законодательству, ущемляет права верующих, носит неконституционный характер»[322], а также содержит ряд неправомерных положений, порождая коллизии республиканского законодательства с нормативными актами федерального уровня.

Группа граждан обратилась в Верховный суд Удмуртской Республики с жалобой и иском к Государственному Совету Удмуртской Республики о нарушении конституционных прав и свобод граждан и несоответствии республиканского закона Конституции и другим правовым актам Российской Федерации. Согласно опубликованному решению суда, представитель Государственного Совета отметил, что принятие резонансного закона «вызывалось объективной необходимостью, в связи со значительной активизацией религиозной деятельности в стране, распространением нетрадиционных религий, миссионерского движения, активно поддерживаемого и финансируемого из-за границы, возникновением необходимости защиты граждан от деятельности тоталитарных, деструктивных сект». Однако суд встал на сторону истцов, установив, что после принятия и введения в действие соответствующего закона конституционные права на свободу вероисповеданий были нарушены. В результате Закон «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики» был признан недействительным и не подлежащим применению с момента его принятия[323].

---

[321] Письмо об отношении к Закону «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики». № 1.1.-7930 от 12.11.96 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 97-99.

[322] Ответ «Ассоциации юристов» на запрос депутата Государственного Совета Удмуртской Республики А.Б. Михалькова от 15.11.95 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 94-95.

[323] Решение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.03.1997 «О признании недействующим Закона УР от 28.05.1996 № 221-I "О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики"» // СПС КонсультантПлюс.

Как отмечают исследователи, дальнейшее развитие конфессиональной ситуации в Удмуртии сопровождалось широким распространением объединений пятидесятников и баптистов. Развернулась «агрессивная миссионерская деятельность, которая отнюдь не способствовала повышению авторитета протестантов. Помимо того, что эта работа раздражала население и органы власти, имели место явные нарушения закона со стороны приезжих проповедников, которые не регистрировались в миграционной службе»[324].

Отдельно стоит упомянуть закон Архангельской области «О регулировании деятельности религиозных сект, представительств (филиалов) иностранных религиозных организаций, отдельных проповедников и миссионеров на территории Архангельской области». В этом документе были даны определения понятий, широко распространенных в общественном дискурсе, но ранее не закрепленных в законе:

традиционные религии – «религии, исторически преемственные для большей части населения, проживающего на конкретной территории;

религиозная секта – «религиозное объединение граждан для совместного исповедания и распространения вероучения, отличного от учений традиционных религий»[325].

В ст. 5 регионального закона приводился подробный перечень характеристик, на основании которых создание и деятельность религиозных сект, представительств иностранных религиозных организаций, отдельных проповедников и миссионеров могла быть ограничена: «призывают к войне и физическому насилию, ненависти по отношению к группам граждан и отдельным лицам, разжигают социальную, расовую, национальную, политическую или религиозную рознь; нарушают общественный порядок, безопасность и общепринятые нормы поведения; используют в своей деятельности

[324] Воронцов В.С. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии. С. 125.
[325] Закон Архангельской области от 30.01.1997 № 19-6-ОЗ «О регулировании деятельности религиозных сект, представительств (филиалов) иностранных религиозных организаций, отдельных проповедников и миссионеров на территории Архангельской области» // Волна. 1997. № 12.

противоправные меры принуждения, совершают посягательства на личность и права людей; привлекают для участия в деятельности несовершеннолетних без письменного согласия родителей (лиц, их заменяющих)»[326].

Понятие «традиционные религиозные организации (религии, конфессии)» вводилось в правовые акты российских республик. Например, в Республике Тыва к традиционным конфессиям были отнесены шаманизм, буддизм и православие. При Правительстве Республики Тыва предполагалось создание экспертно-консультативного совета, который на основании заключения мог вынести решение о запрете на осуществление «деятельности тоталитарных сект, которые используют методы психологического воздействия, являющиеся психонасилием, приводящим к навязыванию нетрадиционных религиозных воззрений, разрушению личности и сознания человека, а также имеют деструктивный характер в отношении семьи, общества и государства в целом»[327]. В законе указывалось, что деятельность иностранных граждан не должна быть «направлена против традиционных конфессий, нести вред психическому здоровью нации».

В Республике Ингушетия аналогичный закон предусматривал осуществление какой-либо публичной религиозной деятельности представителями зарубежных религиозных организаций, а также иностранными религиозными деятелями только по приглашению традиционных религиозных организаций Республики Ингушетия, зарегистрированных в установленном порядке и в рамках проводимых ими мероприятий[328].

В законе Республики Калмыкия, принятом в октябре 1995 г., к традиционным религиям были отнесены буддизм и православие[329]. Примечательно, что республиканские законодатели решили определить статус этих двух конфессий в статье, посвященной вопросам собственности религиозных

---

[326] Там же.

[327] Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Тувинская правда. 1995. 23 мая.

[328] Закон Республики Ингушетия от 23.08.1996 № 13-РЗ «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» // Ингушетия. 1996. № 96.

[329] Закон Республики Калмыкия от 31.10.1995 № 31-I-З «О свободе совести и вероисповеданий» // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. 1997. № 2.

организаций. Данный закон, как и ранее упоминавшиеся региональные акты других субъектов, также вводил ограничения в отношении религиозной деятельности иностранных граждан и зарубежных религиозных организаций.

В Республике Бурятия была принята Концепция государственно-церковных отношений[330], отмечавшая присутствие в республике «широкого спектра религиозных объединений как традиционных, так и нетрадиционных вероучений». К числу традиционных были отнесены: буддизм (представлен Центральным Духовным Управлением буддистов России), шаманизм, православие (Русская православная церковь), древлеправославие или старообрядчество (представлено несколькими согласиями и направлениями).

К числу нетрадиционных вероучений были отнесены «церкви баптистов, пятидесятников, Христиан Адвентистов Седьмого дня, Божией матери Преображающей, поместная христианская церковь «Слово Жизни», Новоапостольская церковь, общество сознания Кришны, Апостольская православная церковь и общины последователей веры Бахаи и “Полное Евангелие”».

Общая религиозная ситуация в регионе характеризовалась следующими тенденциями. Между двумя основными конфессиями – православием и буддизмом – сложились «корректные отношения». Отмечалось, что историческое значение каждой из этих религий для определённой этнической группы и оценка «своей религии» как национально-культурного достояния позволяют избежать ситуации, в которой «другие народы» становятся «объектом своей религиозной миссии и не опасаются «религиозной экспансии» с их стороны». В то же время были зафиксированы разногласия между РПЦ и старообрядческими общинами. Также указывалось на «негативное отношение практически всех традиционных конфессий к новым нетрадиционным религиозным объединениям как зарубежного, так и отечественного происхождения».

---

[330] Указ Президента РБ от 21.05.1996 № 183 «О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» // СПС КонсультантПлюс.

Концепция также отмечала, что «из-за отсутствия научно обоснованной политики в сфере государственно-церковных отношений реализация конституционного права граждан на свободу совести, особенно после принятия Закона «О свободе вероисповеданий», получила одностороннее и зауженное толкование, а на практике свелась исключительно к свободе вероисповеданий, свободе религий. Религиозная свобода, зачастую трактуемая как право на никем и ничем не контролируемую деятельность, изменяла смысл этого конституционного права и приводила не к свободе, а к насилию над совестью, к ущемлению прав неверующих граждан и атеистов». Упоминались последствия демократизации общественно-политической жизни, сопровождавшиеся интенсивным процессом возрождения традиционных конфессий и появлением новых религиозных движений в Республике Бурятия. Ввиду активизации религиозной жизни оговаривалась необходимость законодательного закрепления представлений о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений. «В конечном итоге весь комплекс законодательных, организационных и иных мер должен быть направлен на межрелигиозную гармонизацию, поддержание мира и согласия, на предупреждение эскалации религиозного экстремизма, предотвращение самой возможности возникновения очагов религиозных конфликтов на территории Республики Бурятия», – заключалось в документе.

Таким образом, на региональном уровне в 1994-1997 гг. наблюдалась активизация законотворческой деятельности в сфере религиозных отношений. Ввиду отсутствия соответствующего регулирования на федеральном уровне законодательные органы некоторых субъектов принимали собственные правовые акты, которые в большинстве случаев были схожи друг с другом. Они затрагивали вопросы регулирования и ограничения миссионерской и иной религиозной деятельности, осуществляемой представителями НРД. Иногда к подобному регулированию возникали вопросы и претензии со стороны верующих и правозащитников. Далеко не все субъекты пошли по этому пути, однако

определенная тенденция, проявившаяся на региональном уровне в этот период, очевидна.

Другой тенденцией, постепенно получавшей все большее распространение, стала практика включения в региональное законодательство терминологии «традиционных» и «нетрадиционных» религий, а также введения специального регулирования на основе данного признака.

2.3. Дискуссия о традиционных и нетрадиционных религиях в контексте принятия и реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1994-1999 гг.[331]

В 1994-1995 гг. велась подготовка внесения изменений в федеральный закон «О свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях», который активно обсуждался на заседаниях рабочей группы с участием представителей Администрации Президента и различных правительственных ведомств, на публичных мероприятиях, организованных религиозными, научными и правозащитными организациями[332].

В 1994 г. по словам разработчиков закона, концептуальной основой проекта выступали материалы, подготовленные в 1993 г. рабочей группой Аппарата Правительства Российской Федерации и Комитета Верховного Совета по свободе совести[333]. Авторы законопроекта в пояснительной записке отмечали такую особенность современной религиозной ситуации, как рост популярности нетрадиционной религиозности. «Бесконтрольная деятельность приверженцев различных неканонических верований, - говорилось в записке, - вызывает

---

[331] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Проблемы правового регулирования нетрадиционных религиозных движений: исторический анализ // Клио. 2020. № 10 (166). С. 80-87.

[332] Одинцов М.И. Об истории принятия Закона о свободе совести // Российское объединение исследователей религии. URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-273/ (дата обращения: 17.05.2021).

[333] Пояснительная записка к проекту Закона РФ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях». Вариант Правительства РФ (01.06.94). // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 17.

необходимость законодательно урегулировать вопросы государственной регистрации таких религиозных объединений, контроля за их деятельностью»[334].

Особый интерес представляет изучение процесса обсуждения законопроекта представителями государственных ведомств и религиозных объединений. В Государственно-правовом управлении Президента законопроект был воспринят критически – отмечалось, что он «имеет ряд недостатков как по содержанию, так и в редакционном плане»[335]. По словам авторов подготовленного в управлении заключения, «серьезные возражения» вызвала «сама концепция законопроекта, который заведомо направлен на отступление от конституционного принципа равенства всех общественных объединений, в том числе и религиозных, перед законом (ч. 4 ст. 12 Конституции), ограничения права лиц не являющихся гражданами РФ, исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, а кроме того ставит представительства зарубежных религиозных организаций, либо иностранцев, намеревающихся осуществлять публичную религиозную деятельность, в прямую зависимость от отношения к ним российских религиозных организаций». В заключении говорилось о необходимости обеспечения равенства всех религиозных организаций перед законом, о чем ранее уже заявлял Президент, дважды отказывая подписать принятый Верховным Советом Российской Федерации Закон «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» как противоречащий Конституции и общепринятым международно-правовым нормам[336].

В адрес Председателя Государственной думы И.П. Рыбкина было направлено письмо от имени начальника управления по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и

---

[334] Там же.

[335] Письмо от 19.01.95 №А19-1-141. Заключение на проект ФЗ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях» от 19 января 1995 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 21.

[336] Там же.

депутатами палат Федерального Собрания А.В. Логинова, к которому была приложена аналитическая записка, посвященная проблеме упорядочения деятельности на территории Российской Федерации иностранных некоммерческих организаций и их представительств[337].

В записке говорилось о том, что началась «кампания по дискредитации» законопроекта, которая «инспирируется отдельными околоцерковными деятелями как внутри Государственной Думы, так и за ее пределами с тем, чтобы заблокировать принятие этого важного законодательного акта и не допустить реализации ряда заложенных в нем правовых норм, в том числе и относительно правового положения и деятельности в нашей стране иностранных религиозных организаций»[338].

В документе указывалось, что отсутствие обязательной регистрации и деятельности иностранных религиозных организаций и регулирования порядка открытия и функционирования их представительств и филиалов привело к тому, что в стране «фактически бесконтрольно действуют сотни иностранных миссий и неизвестное количество иностранных миссионеров и проповедников, получивших въездные визы в самом различном качестве». При этом в некоторых регионах «количество таких конфессиональных образований достигает 50-60% от числа функционирующих там религиозных организаций»[339].

В аналитической записке было выделено три основных вида иностранных религиозных структур: организации, тесно сотрудничавшие в своей евангелической деятельности с российскими религиозными объединениями и оказывавшими им всестороннюю помощь; организации, ставившие перед собой прозелитские, а также определенные политические цели, проводившие «активную работу по созданию в России своих структур, в ряде случаев инициируют и

---

[337] Письмо от 10.02.95 №А53-03/19 И.П. Рыбкину от начальника управления по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат ФС А.В. Логинова // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 27.

[338] Аналитическая записка «К вопросу об упорядочении деятельности на территории РФ иностранных некоммерческих организаций и их представительств» // // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 28.

[339] Там же. Л. 29.

распространяют крайне фундаменталистские, сепаратистские и националистические взгляды и настроения, причем для финансирования этой деятельности привлекаются спонсорские средства различных зарубежных фондов, коммерческих организаций и исследовательских центров»; организации, представленные сомнительными личностями и невостребованные за рубежом, преследовавшие в России под видом религиозной деятельности чисто материальные цели.

В этот период широкую огласку получила ситуация вокруг религиозной организации «АУМ Синрикё». В адрес Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы поступило обращение с просьбами «оградить молодежь от влияния японской секты АУМ, которая втягивает несовершеннолетних подростков в свою веру»[340].

Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций подготовил заявление, в котором указывалось на события, связанные с деятельностью этой организации в Японии, и поступавшие «многочисленные жалобы от российских граждан на деятельность указанной организации в России», а также отмечалась готовность нового законопроекта «О свободе совести и религиозных организаций», содержащего «комплексный правовой механизм недопущения использования религиозного фактора для посягательства на здоровье, личность и права граждан»[341].

Также была выражена поддержка предложению о внесении изменений в «действующий закон, позволяющий правоохранительным органам принимать эффективные меры в отношении организаций, практикующих под видом специфических религиозных ритуалов посягательство на здоровье граждан, в том числе с использованием наркотических, отравляющих и одурманивающих веществ». Комитет призывал Правительство Российской Федерации в «безотлагательном порядке рассмотреть подготовленный с участием Комитета

[340] Письмо от 6.02.95 №5.5-715 // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 54-55.
[341] Заявление №3.20-340 от 23.03.95 // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 86.

порядок аккредитации в России отделений и представительств иностранных религиозных и некоммерческих организаций»[342].

17 июля 1995 г. было принято распоряжение Правительства о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона по изменению и дополнению закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»[343]. В законопроектной деятельности рабочей группы Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций принимали участие представители Русской Православной Церкви: советник Патриарха Алексия II по правовым вопросам В.Н. Калинин, а также представители Отдела внешне церковных связей – Архиепископ Калужский и Боровский Климент (Г.М. Капалин), Епископ Дмитровский Иннокентий (В.Ф. Васильев) и священник В.А. Чаплин[344].

В июле 1996 г. в Государственной Думе состоялось обсуждение законопроекта, в рамках которого с докладом выступил председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций В.И. Зоркальцев[345]. В своем выступлении он отметил, что «в Российской Федерации церковь отделена от государства, но она не отделена от общества и значительной частью нашего общества востребована». Представляемый проект закона – «плод совместной работы и консолидированное мнение заинтересованных сторон». По его словам, ключевые задачи нового законопроекта заключались в создании благоприятных условий для законопослушных религиозных организаций в их «благородной деятельности»; наведении порядка в области регистрации новых религиозных объединений; правовом отличии религиозных организаций от псевдорелигиозных;

---

[342] Там же.

[343] Распоряжение Правительства РФ от 17.07.1995 № 971-р «О проекте Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2857.

[344] Письмо Патриарха Алексия II об участии представителей РПЦ в законопроектной работе (Председателю ГД – Г.Н. Селезневу) // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 1.

[345] Здесь и далее выступления участвовавших в обсуждении приводятся по следующему изданию: Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» в первом чтении // Бюлл. 1996. № 38. Ч.1: С. 5-63.

установлении действенного государственного контроля и запрещении религиозного экстремизма; защите брака, семьи, детства от псевдорелигиозного фанатизма; введении тщательного контроля и разрешительного порядка регистрации для иностранных религиозных миссионеров.

В своем выступлении полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Федеральном Собрании А.Е. Себенцов остановился на предлагаемых ограничениях по отношению к некоторым религиозным организациям, «о которых у нас часто пишут в газетах с большим волнением, в связи с которыми обращаются матери, так как их дети вовлечены в те или иные секты». Рассматриваемый закон, по мнению выступавшего, вводил «вновь определенные ограничения, вполне соответствующие законам, вполне соответствующие Конституции, позволяющие государственным органам решать вопросы и запрещать деятельность религиозных организаций, которая противоречит нашим законам и нашей Конституции».

Также в заседании приняли участие представители религиозного сообщества в лице Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и муфтия Равиля Гайнутдинова. В своем выступлении Митрополит Кирилл, озвучивая позицию не только РПЦ, но и представителей мусульман, и «большинства исторических традиционных конфессий», подчеркнул, что «в обществе сегодня высокий уровень согласия, высокий уровень консенсуса относительно категорической необходимости введения законодательных норм, регулирующих религиозную деятельность иностранцев в области религии». Представитель РПЦ отметил, что в рассматриваемой редакции законопроекта отсутствует норма, регулирующая профессиональную деятельность иностранцев на территории Российской Федерации, поэтому никаких изменений в данном вопросе не произойдет: «как множились эти группы, так они и будут множиться». Для решения проблемы предлагалось «привязать деятельность религиозных иностранных организаций к деятельности российских религиозных организаций». Митрополит в качестве примера привел российских баптистов и мусульман, которые «имеют право пригласить к себе иностранцев для совместной

религиозной деятельности: молиться, проповедовать, работать». В то же время, отметил представитель РПЦ, «если у нас нет ни одного представителя тех, кто поклоняется облику крокодила, на всей территории России, ну почему же мы будем давать такое право лицам, приехавшим, не знаю, из Папуа-Новой Гвинеи, создавать у нас эти организации?!»

К рассмотрению законопроекта во втором чтении (18 июня 1997 г.) текст был существенно переработан, появилось новое название закона – «О свободе совести и религиозных объединениях», к парламентскому обсуждению также были приглашены «представители всех основных российских конфессий»[346].

С докладом выступил председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций В.И. Зоркальцев, фактически обрисовав концептуальную программу религиозной политики на ближайшие годы. Предстоит принять, отметил председатель комитета, «закон для России, для всех ее верующих граждан с учетом ее национальных традиций, государственных интересов и современных реалий. Закон устанавливает отношения между государством и церковью, церковью и обществом, обществом и государством». Подчеркивалось полное соответствие законопроекта Конституции Российской Федерации, международным нормам по свободе совести. Законопроект, отметил В.И. Зоркальцев, является результатом «коллективного труда Правительства, Государственной Думы и представителей подавляющего большинства конфессий России. Постоянные совет и деловое сотрудничество на протяжении почти уже двух лет – залог общественного согласия как в органах власти, так и в религиозных организациях».

По мнению докладчика, закон обладал следующими преимуществами:

- создает благоприятные условия для духовно-нравственного служения;

- защищает и поддерживает религиозные традиции России, уходящие в глубь веков, и как бы отражает ее религиозное многоцветие;

---

[346] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 18 июня 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2739/ (дата обращения: 17.05.2021).

- дает гарантии свободы совести и свободы вероисповедания, вводит норму, не допускающую дискриминацию граждан по признаку отношения к религии и оскорбление религиозных чувств верующих.

- подчеркивает необходимость законодательного единообразия в области свободы совести, раскрывает смысл конституционного понятия отделения от государства;

- прописывает конкретный механизм, гарантирующий невмешательство государства в дела верующих, в вопросы веры, в вопросы совести;

- предоставляет налоговые и иные льготы (в том числе студентам духовных учебных заведений), оказывает помощь не только в реставрации, но и в содержании и охране зданий и памятников культуры, содействует благотворительной и социально значимой деятельности религиозных объединений. По сути, речь идет об установлении некоего социального партнерства государства и религиозных объединений.

- гарантирует право создавать собственные предприятия по производству богослужебной литературы и предметов культового назначения, право на создание собственных культурно-просветительных, образовательных учреждений, включая профессиональные и духовные, а также средств массовой информации;

- сохраняет право на собственность религиозных объединений, в том числе и за рубежом, определяет социальные гарантии работников религиозных предприятий, священнослужителей.

В отношении общества закон:

- вводит нормы охранительного плана, призванные защитить российских верующих от экспансии псевдорелигиозных организаций и от деструктивных культов, наносящих серьезный урон как духовному, так и физическому здоровью граждан и дискредитирующих, по существу, само понятие религии. В.И. Зоркальцев отметил, что в обществе существует достигшее критической точки и угрожающее общественным взрывом «серьезное отторжение вновь создаваемых и непривычных для России религиозных групп». Он уточнил, что речь идет о

«законодательном, правовом протесте, борьбе на основе конституций республик и уставов областей. Законодательные собрания субъектов Федерации уже сейчас принимают законы о запрещении религиозных новообразований, что, в общем-то, противоречит Конституции Российской Федерации. И промедление с принятием этого закона может привести к непоправимому и способствовать сначала религиозному, национальному, а затем и государственному сепаратизму». В предлагаемом же законопроекте предусматривались не ограничительные, а напротив, «защитительные нормы», например «новые правила регистрации, позволяющие оценить и вероучение, и культовую практику».

Отмечалось, что закон вводит три основных термина: «религиозное объединение», «религиозная группа», «религиозная организация» в связи с необходимостью «различения религиозных объединений, действующих века и даже тысячелетия в России, и недавно появившихся, о которых, по сути, ничего не известно обществу» (по мнению В.И. Зоркальцева это и есть «соблюдение равноправия на практике»). Как отмечал выступавший, «такая градация вводит более тщательный механизм регистрации религиозных организаций». Вводимого законом «испытательного срока» (15 лет) «достаточно для того, чтобы религиозная группа стала религиозной организацией де-факто и де-юре, адаптировалась к обществу и общество уже безболезненно воспринимало бы ее». Это, по словам докладчика, «позволит решить самую наболевшую проблему, связанную с многочисленными скандалами и судебными разбирательствами вокруг ряда новых религиозных образований».

Указывалось также, что закон:

- определяет ответственность религиозных организаций. В качестве обоснования данной меры приводились слова Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – указание на необходимость «сделать реальной ответственность за наносимый под видом религиозной деятельности ущерб жизни, здоровью, правам и достоинству личности, общественной нравственности и гражданскому миру».

- вводит запрет на принуждение к разрушению семьи, на использование психотропных средств и гипноза, склонение к самоубийству или к отказу по

религиозным мотивам от медицинской помощи, на принуждение к отчуждению имущества в пользу религиозной организации;

- предусматривает нормы, требующие от религиозных объединений маркировки на выпускаемой ими литературе, печатных, аудио- и видеоматериалах в целях повышения ответственности за публичную деятельность;

- закрепляет право приглашения иностранных религиозных деятелей и открытия представительств иностранных религиозных организаций только за российскими религиозными объединениями.

Также подробно был рассмотрен вопрос о том, какие именно религиозные объединения можно считать традиционными. Отмечалось активное взаимодействие государства с крупнейшими религиозными объединениями, для характеристики которых можно было использовать ряд признаков - «давние традиции, и известные обществу сложившиеся вероучения, географический охват, значительную численность местных общин и мощный социальный массив верующих». «Собственно, по этим признакам религиозные объединения и называют традиционно существующими, исторически сложившимися. Реально в России мы имеем сейчас огромное религиозное многоцветие – около 15 тысяч зарегистрированных религиозных организаций и несколько тысяч незарегистрированных. Однако в этом безбрежном море существует несколько крупных социальных массивов в религиозной сфере: это миллионы верующих Русской православной церкви, этой религии большинства, миллионы мусульман, сотни старообрядцев, буддистов, иудеев, баптистов, пятидесятников, католиков. Практически государство стоит перед проблемой необходимости учитывать эту реальность при взаимодействии, де-факто оценивая реальный социальный массив, социальную значимость, сферу распространения данной религии, но руководствуясь при этом пока неофициальными критериями, что чревато ошибками, перекосами и определенным дисбалансом. Мы формализуем такой подход, введя через закон объективные критерии учета массовости и границ

распространения религии». Таким образом, очерчивался круг традиционных религиозных организаций.

Завершая доклад, председатель Комитета Государственной Думы указал на общественный резонанс, возникший вокруг законопроекта. Существующее положение, отметил докладчик, «не устраивает никого, кроме псевдорелигиозных организаций, которые в этой сумятице расцветают махровым цветом. На наш взгляд, этот законопроект представляет собой абсолютный максимум того, что можно сделать сегодня с точки зрения нахождения компромисса… Если же мы не примем закон, ситуация может выйти из-под контроля».

В ходе обсуждения законопроекта были затронуты терминологические аспекты. В частности, депутат от фракции ЛДПР Н.В. Кривельская обратилась к докладчику с вопросом о возможности закрепления в тексте закона понятия «деструктивной религиозной организации», поскольку «само явление у нас есть на территории России, а определения мы не имеем». В.И. Зоркальцев, отвечая на это предложение, отметил, что «многие определения и понятия, которые мы с вами употребляем, достаточной проработки не имеют (деструктивная секта, традиционная религия и так далее). Поэтому сейчас, может быть, еще не настало время вводить эти понятия в закон, но над их разработкой и совершенствованием необходимо работать. Когда будет четко определен этот понятийный аппарат, можно будет уже внести поправки в существующий закон».

По итогам обсуждения законопроект был принят во втором чтении. 23 июня 1997 г. прошло рассмотрение законопроекта в третьем чтении.

В связи с принятием законопроекта в адрес Президента России поступило множество обращений. Серьезную озабоченность выразил Иоанн Павел II, отметив в обращении к Б.Н. Ельцину, что принятие законопроекта представляет для католической церкви в России «реальную угрозу для нормального осуществления ее пастырской деятельности и даже для ее выживания»[347].

[347] Письмо от 24 июня 1997 г. Иоанн Павел II Б.Н. Ельцину (Получено 1 Европейским Департаментом МИД России из Представительства России при Ватикане 3 июля 1997 г.) // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 9.

Позже письмо Б.Н. Ельцину направил Президент США Б. Клинтон, в котором также выражал озабоченность по поводу законопроекта, принятие которого «повлечет ограничение свободы вероисповедания для относительно новых религий и конфессий путем введения обременительных требований, касающихся регистрации». Б. Клинтон упомянул опыт недавнего прошлого и надеялся на схожее развитие событий: «Благодаря тебе подобная инициатива не стала законом в 1993 году. Я вспоминаю, как ты смело выступил за свободу совести, несмотря на давление поступить иначе. Уверен, что ты выступишь в защиту религиозных свобод также и сейчас» [348].

В адрес российского Президента направили коллективное обращение 11 сенаторов и 15 конгрессменов, целью которых было убедить Б.Н. Ельцина выступить против законопроекта, который «представляет серьезную угрозу столь трудно завоеванной свободе», и «предпринять все необходимые действия для того, чтобы данный законопроект не стал законом». По их мнению, принятие закона «резко урезает религиозные свободы, завоеванные после крушения коммунизма, и подчиняет религиозную деятельность жёсткому и беспрецедентному по нынешним временам государственному контролю».

Несмотря на выступления зарубежных лидеров, в России к этому времени сложился достаточно широкий круг лиц, выступавших в поддержку законопроекта. Так, занимавший в то время пост полномочного представителя Президента в Конституционном Суде Российской Федерации С.М. Шахрай предостерегал Б.Н. Ельцина от наложения вето на законопроект. Юрист раскритиковал решение Сената США о приостановке экономической помощи России в случае подписания закона, назвав это недопустимым «по форме и несправедливым по содержанию вмешательством во внутренние дела нашего государства»[349]. Закон, отмечал С.М. Шахрай, станет «реальным барьером на пути

[348] Письмо Б.Н. Ельцину от Б. Клинтона (Получено в ДСА МИД России 8 июля 1997) // ГАРФ. 10100. 13. Д. 120. Л. 11.
[349] Шахрай С.М. О законе «О свободе совести и религиозных объединениях» 19.07.1993 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 119. Л. 84.

распространения тоталитарных сект в России», защитит «традиционные для России религии и духовно-культурные ценности народа».

Представитель Президента в Конституционном Суде отметил, что «проблема закона о свободе совести создана искусственно и может послужить детонатором серьезного социально-политического взрыва, небывалого по масштабам и катастрофического по последствиям. По его мнению, отказ от подписания закона «резко обострит общественно-политическую ситуацию в России, противопоставит Президента России почти всем его избирателем, даст в руки оппозиции уникальные козыри для решительной борьбы с Президентом и Правительством России». «В любом случае негативные последствия экономического давления США на Россию будут временными и менее существенными, чем необратимые последствия внутрироссийского политического кризиса».

С.М. Шахрай предлагал Президенту подписать закон и обратиться к российским гражданам с разъяснением своей позиции, а также направить запрос в Конституционный Суд по поводу проверки соответствия положений закона Конституции Российской Федерации и общепризнанным международным нормам. Кроме этого, предлагалось подготовить «законопроект о внесении поправок в закон о свободе совести, касающихся норм, допускающих различные толкования при применении их на практике».

Однако Президент отклонил принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации закон ввиду «существенных расхождений закона с Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом и другими федеральными законами».

РПЦ выразило сожаление по поводу данного шага. В официальном заявлении Московской Патриархии отмечалось, что новый закон должен был создать «предпосылки для действенного ограждения личности и общества от произвола деструктивных псевдорелигиозных культов и иностранных миссионеров». «Дифференциация религиозных объединений по времени их создания, численности и распространенности, вводимая новым Законом, является

весьма справедливым шагом и наличествует в законодательстве многих стран Европы и мира, причем в которых из них существует особое правовое положение одной или нескольких конфессий, чего нет в вышеуказанном Законе», – отмечалось в документе[350].

Представители РПЦ направляли письма в Думу, выражая негодование и защищая отклоненный законопроект. Архиепископ Тверской и Кашинский Виктор указывал, что, по мнению православных верующих «отвергнутый президентом Закон… должен был покончить с недифференцированным подходом в области правоотношений ко всем, без разбора, религиозным (в том числе и мниморелигиозным) объединениям под лицемерным предлогом «обеспечения прав человека», а на деле ведущим к поощрению психологической (слово «духовной» в этом контексте едва ли подходит) экспансии Запада, искусственному насаждению авторитарных сект, легализации, в религиозном обличии, группирований антиобщественных элементов»[351].

Недопустимым считал настоятель Свято-Троицкого храма А. Валевский «ставить в равные условия как РПЦ, своим тысячелетним бытием и неустанными трудами на благо отчизны, доказавшей свою необходимость и полезность русскому народу, так и вновь появляющиеся псевдо-религиозные организации разрушающие нравственную и духовную основы русского человека и тем самым разрушающие основы Российского государства»[352].

Архиепископ Ростовский и Новочеркасский приветствовал закон «в тех его положениях, которые направлены на ограждение личности и общества от разрушительной деятельности деструктивных псевдорелигиозных культов и пришлых лжемиссионеров, наносящих несомненный вред духовному и

[350] Заявление в связи с ситуацией, сложившейся вокруг нового Закона « О свободе совести и религиозных объединениях» от 24 июля 1997 г. № 2971 // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 18.
[351] Открытое обращение архиепископа Тверского и Кашинского Виктора к Председателю ГД России Селезневу Г.Н. от 25.07.1997 // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 21.
[352] Письмо настоятеля Свято-Троицкого храма свщ. О. Андрея Валевского от 28.07.97 // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 29.

физическому здоровью граждан Росси, национальной самобытности нашего народа, стабильности и гражданскому миру в нашем Отечестве»[353].

Настоятель Спасского Храма г. Лобни в своем обращении к Председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу фактически обвинял Президента в том, что он действовал в соответствии с мнением американского конгресса, а не российских депутатов[354].

В адрес органов государственной власти были направлены обращения не только от представителей РПЦ, но и от других религиозных объединений и иных заинтересованных лиц.

Позицию, противоположную взглядам представителей РПЦ, отстаивало Российское Библейское Общество. В своем обращении к Президенту России оно отмечало, что законопроект разжигает религиозную рознь в российском обществе[355]. По мнению авторов письма, всем участникам дискуссии следует задуматься о том отношении, которое возникнет «в обществе к членам религиозных объединений, выпавших из списка «уважаемых», если государство само разделяет своих граждан по религиозному признаку, и как на это будут реагировать те, кого сочтут «неуважаемыми»». Также авторы письма подвергли критике тезис о том, что закон направлен против тоталитарных и деструктивных религиозных групп. Законопроект, говорилось в письме, не содержит определения такого рода групп, тем самым открывая «широчайшие возможности для произвола чиновников, многие из которых вряд ли утратили инстинкт приверженности к «единственно верному мировоззрению» и навыки борьбы с «проявлениями религиозных предрассудков»». Закон не станет преградой для деятельности тоталитарных групп, «поскольку их руководители, по определению обладающие всей полнотой власти в общении, могут легко осуществлять любого

[353] Письмо Селезневу Г.Н. от Архиепископа Ростовского и Новочеркасского // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 71.
[354] Письмо настоятеля Спасского Храма г. Лобни Московской области Селезневу Г.Н. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 53.
[355] Письмо от 14.08.1997 Президенту от Российского Библейского Общества // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 83

рода деятельность как частные лица, что, собственно, и имело место в случае с «Белым братством». Более того, данный закон только укрепит их реальную власть»[356].

Высказались против законопроекта и представители других религиозных структур. Так, Председатель Высшего Координационного Центра Духовных управлений мусульман России, муфтий мусульман Сибири и Дальнего Востока шейх Нафигулла Аширов в письме Г.Н. Селезневу отметил, что законопроект закрепляет за конфессиями различный статус, давая преимущество одним перед другими, «разделяет религиозные организации по выслуге лет». Он напомнил, что в исламской традиции отсутствует принцип строгой иерархической подчиненности, и призвал не допустить принятие «дискриминационного закона»[357].

О том, что поддержка законопроекта со стороны основных российских конфессий не является безусловной, говорилось также в заявлении новообразованной Российской Православной Кафолической Церкви. Авторы отмечали, что одобряющие закон «представители буддизма, ислама и иудаизма даже не представляют интересы всех последователей этих исторических религий на территории РФ»[358]. «События последних месяцев показывают, что определенные круги хотят превратить Московскую Патриархию в националистическую церковь, т.е. в религиозный департамент государства за счет приобретения нового официального государственного статуса – доминирующей “традиционной конфессии”»[359].

Центр общества создания Кришны в России обратился к Г.Н. Селезневу, отметив, что кришнаиты были лишены возможности принять участие в консультациях по проекту Закона, ущемляющему «права приверженцев этой

[356] Там же. Л. 84.
[357] Письмо от 29.08.1997 Г.Н. Селезневу // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 161-162.
[358] Заявление Священного Синода Российской Православной Кафолической Церкви в связи с принятием ГД РФ Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 64.
[359] Там же. Л. 65.

древнейшей индуисткой традиции, признанной во всем мире и входящей в десятку крупнейших религиозных конфессий нашей страны»[360]. По их мнению, «заложенные в проекте Закона ограничения, отрицательно скажутся и на внутренней обстановке в России, и на ее международном положении. Конфронтация, вызванная поспешными решениями, внесет разлад в возобновившийся диалог двух государств, нанесет урон традиционной дружбе Индии и России, которая развивалась трудами не одного поколения». Отмечались нападки на индуизм в СМИ, приводившие к погромам и насилию над верующими в Ростове-на-Дону и Краснодаре. «Это производит, – говорилось в обращении, – самое гнетущее впечатление на мировую общественность. Просим Вас, пока не поздно употребить свое влияние, чтобы воспрепятствовать принятию закона, который в Индии будет однозначно расценен как недружественный»[361].

Обеспокоенность характером законопроекта высказал также координатор руководящего комитета Управленческого центра региональной религиозной организации Свидетелей Иеговы В.М. Калин. Он указал, что ранее в Думу уже было передано письмо протеста, подписанное 142882 российскими гражданами. В письме отмечалось, что рассматриваемый законопроект «имеет те же основные недостатки, что и ранее поспешно принятый закон». «В частности, это введение «15-летнего ценза» в совокупности с понятиями «религиозной группы» и «религиозной организации, не имеющей документа, подтверждающего ее существование не менее 15 лет», члены которых фактически лишаются прав и свобод, предоставленных им статьями 28, 29, 30 Конституции РФ (примечательно, что Свидетели Иеговы, существующие в России порядка 100 лет, могут предоставить только судебные приговоры, решения правоохранительных органов и свидетельства о реабилитации в качестве лиц, подвергшихся политическим репрессиям, т.к. неоднократные попытки получить

[360] Письмо от 3.09.1997 Г.Н. Селезневу от Председателя исполкома ЦОСКР С.В. Зуева // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 185.
[361] Там же. Л. 186.

государственную регистрацию в 1928, 1949, 1957 годах оказались безрезультатны)»[362].

Обилие писем, обращений во властные органы и те полярные точки зрения, которые в них были представлены, говорили об остро дискуссионном характере вопросов, связанных с религиозной сферой. Проблема участия в общественной жизни НРД, иностранных религиозных организаций и миссионеров стал не столько вопросом духовной жизни общества, она имела явное политическое звучание. Это проявилось в ходе законотворческого процесса 1993 и 1997 гг. Конфликтогенность религиозной проблематики проявилась не только в сфере внутрироссийских социально-политических отношений, она «выплеснулась» на международную арену, воспринималась как камень преткновения на пути движения постсоветской России к демократическому идеалу.

Возможность представления свободы деятельности нетрадиционным, новым, иностранным религиозным организациям и миссиям стала одним из ключевых вопросов общественных дискуссий 1990-х гг. Столкновения различных точек зрения выражались не только в межрелигиозной полемике, но и в политическом и идеологическом противостоянии, борьбе по вопросам законотворчества и даже перерастали в насильственные акции, направленные против оппонентов.

19 сентября прошло повторное рассмотрение законопроекта Государственной Думой. Обновленный вариант представляли два докладчика. Первым выступил полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе А.А. Котенков, отметивший, что в результате проведенных согласительных процедур «удалось найти компромиссные решения, которые устраивали все стороны, участвующие в процессе доработки закона, включая и большинство религиозных конфессий, действующих на территории

[362] Письмо от 16.09.97 от В.М. Калина // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 13. Д. 120. Л. 208.

Российской Федерации»[363]. Он остановился на некоторых изменениях, которые были внесены в текст:

- в новом варианте преамбулы было зафиксировано уважительное отношение государства к различным мировым религиям: христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим. В то же время выделена особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры;

- приведено в соответствие с Конституцией РФ положение о светском характере государства;

- указано, что единственным ограничением для членства в религиозных объединениях являлся факт незаконного пребывания на территории Российской Федерации;

- введено определенное ограничение на учреждение религиозных организаций. Предусмотренный в редакции, представленной Президентом, пятнадцатилетний срок, необходимый для регистрации религиозной организации, не распространялся на религиозные объединения, уже зарегистрированные до вступления в силу настоящего закона. В то же время на организации, действующие на территории Российской Федерации менее 15 лет и зарегистрированные до вступления в силу этого закона, налагался ряд ограничений. «На наш взгляд, это справедливо, поскольку закон говорит о том, что на территории Российской Федерации должны действовать прежде всего религиозные организации, признаваемые обществом, а признание обществом дается только по прошествии определенного срока, то есть они должны доказать свою, если можно так сказать, лояльность к обществу, отсутствие антизаконных и антигуманных идей в своей деятельности и так далее», – отметил выступавший.

Содокладчиком выступил председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций В.И. Зоркальцев. Если А.А. Котенков в своем выступлении останавливался на конкретных положениях закона и

[363] Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в связи с отклонением Президентом Российской Федерации) // Бюлл. 1997. № 117. Ч.1: С. 4-61, Ч.2: С. 62-63.

новациях, внесенных после доработки, то В.И. Зоркальцев посвятил свое выступление главным образом политическому и идеологическому аспекту факта принятия закона. Суть закона, по его мнению, состояла «в создании барьера на пути религиозной экспансии в Россию, препятствовании развитию тоталитарных сект, ограничению действий иностранных миссионеров и создании условий для деятельности наших традиционных религий и конфессий». Особо подчеркивалась возможность соблюсти баланс между позицией традиционных конфессий и их сторонников в обществе, с одной стороны, и поправками, внесенными Президентом, не изменившего ни концепцию, ни структуру закона. В то же время указывалось на моменты, по которым не удалось прийти к консенсусу. «Мы не согласились, к примеру, с тем чтобы религиозные организации, как юридические лица, учреждались иностранцами, а также с исключением из закона понятия государственной экспертизы новых религий, ну и с рядом положений в преамбуле, что по существу и сохранило концепцию закона». В.И. Зоркальцев отметил поддержку закона со стороны «исконно российских религиозных организаций: Русской православной церкви, духовных управлений мусульман, Конгресса еврейских религиозных общин, Буддийской сангхи», оговорившись, что некоторые из религиозных организаций, ранее подписавшие заявление о поддержке закона, позднее объявили в СМИ о своем несогласии с последней редакцией (католики, баптисты, адвентисты седьмого дня и пятидесятники). С протестом обратились и представители церкви Муна, а Свидетели Иеговы прислали требование объявить их неотъемлемой частью русского духовного наследия.

В качестве примера несогласия с законопроектом приведем выдержки из письма представителей одного из НРД - Епископа Афанасия (Калинкина Н.Н.) и прихожан Церкви Божией матери «Державная» (так называемого «Богородичного центра»): «Изучив проект федерального закона, мы считаем, что в данном виде этот закон не послужит делу благочестия, мира, межцерковного сотрудничества в многонациональной России и приведет к напряженности, дестабилизации… В проекте закона искусственно выделяют одни церкви за счет подавления других,

такой подход – наследие сталинского периода... Закон в настоящей редакции позор для церквей и для государства, провозгласившего уважение к нормам международного права в области прав человека… Мы предлагаем отменить дискриминационные поправки к федеральному закону и подготовить закон в духе диалога и сотрудничества всех конфессий, вероисповеданий и церквей»[364].

Возвращаясь к докладу председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, необходимо отметить, что он еще раз подчеркивал положительное значение закона. Новый правовой акт «улучшает положение традиционных религий и берет под государственный контроль деятельность организаций, законность которых вызывает большое сомнение. Жизнь покажет потом, какие нормы закона будут работать во благо, а какие необходимо будет скорректировать. Но скорректировать впоследствии поправками принятый закон будет уже гораздо легче, чем это можно сделать сейчас, да и ситуация вокруг закона это наглядно подтверждает. Уж очень много противников у этого закона как в нашей стране, так и за рубежом, и настораживает их активное сближение на основе антироссийской позиции… С учетом этого я прошу вас его поддержать. Нашего решения ждут и миллионы российских верующих, и также все те, кому дорога судьба России»[365].

Несмотря на выявившиеся разногласия и дискуссии, осенью 1997 г. закон «О свободе совести и религиозных объединениях» был принят без обсуждения («за» проголосовало 357 чел. 79,3%, «против» – 6 чел. 1,3%, воздержалось – 4 чел. 0,9%)[366]. Попытки некоторых депутатов задать вопросы, выступить по рассматриваемому закону не были допущены, что вызвало ряд протестов, в

---

[364] Письмо Председателю Государственной Думы РФ Селезневу Г.Н. от священства и прихожан православной Церкви Божией матери «Державная» от 28.06.1997 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 18-19.

[365] Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в связи с отклонением Президентом Российской Федерации).

[366] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

частности, со стороны В.В. Жириновского[367]. Президент России подписал закон в обновленной редакции[368].

При сопоставлении законов 1990 и 1997 гг. следует указать на отсутствие в новом правовом акте ряда действовавших ранее положений. В частности, уже не говорилось о том, что «ни одна религия или религиозное объединение не пользуются никакими преимуществами и не могут быть подвергнуты никаким ограничениям по сравнению с другими. Государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения»[369]. В Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1278 (2002) отмечалась «определенная озабоченность в отношении содержания нового закона (1997 г.) и практики его применения», заменявшего религиозный закон 1990 г., который «в целом характеризовался как весьма либеральный»[370].

После принятия нового закона характер правового регулирования религиозной сферы существенно изменился. Рассмотрение закона сопровождалось широкой общественной дискуссией и серьезным противостоянием, между сторонниками и противниками ужесточения контроля за религиозной сферой. Требовались дальнейшие шаги по формированию системы реализации нового законодательства. Вероятно, у авторов закона была надежда восполнить имеющиеся пробелы и усовершенствовать правоприменительный механизм посредством принятия правительственных подзаконных актов, что позволило бы сгладить остроту противостояния.

17 декабря 1997 г. было принято Обращение Государственной Думы «К Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину», в

---

[367] Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в связи с отклонением Президентом Российской Федерации).

[368] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[369] Ст. 10 Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий».

[370] Брычева Л.И. Совет Европы и Россия: Сборник документов / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. М.: Юридическая литература, 2004. С. 1.

котором сообщалось о «многочисленных жалобах граждан на засилье на территории Российской Федерации иностранных, в том числе южнокорейских, религиозных сект»; ставился вопрос об «обеспечении конституционного права граждан Российской Федерации на получение объективной информации о новых религиозных объединениях»[371].

В обращении упоминалась необходимость разработки положения о порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы и введения нового порядка регистрации, открытия и закрытия на территории Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций в связи с принятым законом. Государственная Дума сообщала о готовности содействовать Правительству в подготовке упомянутых документов, а также обращала внимание на следующие моменты:

1. «Проведение религиоведческой экспертизы следовало оставить исключительно на федеральном уровне, учитывая отсутствие в субъектах подготовленных специалистов-экспертов в области религиоведения. Требовалось создать единый федеральный экспертный религиоведческий орган, осуществляющий государственную религиоведческую экспертизу не только по запросам органов юстиции, но по запросам органов исполнительной власти субъектов, прокуратуры, внутренних дел и судов. Этот орган должен действовать открыто и не вмешиваться в деятельность зарегистрированных религиозных организаций.

2. В связи с установлением обязанности проведения государственного контроля органами юстиции за порядком деятельности религиозных объединений, необходимо внести соответствующие изменения в перечень полномочий этих органов. При этом требовалось наладить координацию действий органов юстиции, правоохранительных органов и Министерства иностранных дел Российской Федерации.

---

[371] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.12.1997 № 1995-II ГД «Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "К Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину"»// Ведомости ФС РФ. 1998. № 1. Ст. 60.

3. Новый порядок регистрации и перерегистрации религиозных организаций не должен оставлять лазеек для псевдорелигиозных организаций. Регистрация представительств иностранных религиозных организаций носит… разрешительный характер. Это означает, что государство вправе отказать иностранной религиозной организации в легализации ее деятельности в России – по аналогии с дипломатическими и консульскими службами – без объяснения мотивов отказа. В порядке регистрации представительств иностранных религиозных организаций это должно быть отражено»[372].

В Государственной Думе при обсуждении вопроса о принятии постановления по вышеуказанному обращению выступил В.И. Зоркальцев. Он пояснил, что появление этого документа связано с заявлением депутата Н.В. Кривельской, заявившей, что «на восток России неоправданно быстро проникают и там развиваются всевозможные секты, новые религиозные образования». Как разъяснил В.И. Зоркальцев, после проведённой проверки этот факт подтвердился, и в качестве дальнейших действий было решено подготовить соответствующее обращение к Правительству, поскольку после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» возник ряд проблем: «Во-первых, вакханалия на местах, религиозный сепаратизм и то, что называется «кто во что горазд», плюс отсутствие на местах квалифицированных экспертов. Во-вторых, это вообще проблема федерального уровня – определить направление религии, ее деятельность в соответствии с законом». Решение в том числе терминологических вопросов, а именно формулировка корректных с юридической точки зрения понятий (поскольку термин «тоталитарные секты», который ранее предложил внести в законодательство депутат В.В. Борщев «в какой-то степени неправомерен»), возлагалось на экспертный совет, который, как предполагалось, будет создан Правительством[373].

---

[372] Там же.

[373] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2650/ (дата обращения: 17.05.2021)

О том, до какой степени нетрадиционная религиозность вызывала отторжение, свидетельствует попытка дискредитации С.В. Кириенко при утверждении его кандидатуры на должность председателя Правительства Российской Федерации. Кандидата на пост главы Правительства обвиняли в связи с сайентологами. Отвечая на вопрос депутата Е.В. Паниной о том, посещал ли он курса сайентологии в «Хаббард-колледже» в период руководства банком «Гарантия» в Нижнем Новгороде, Кириенко ответил: «Не очень хорошо себе представляю, что это такое, но никаких контактов я с ними никогда не имел»[374].

В конце декабря 1997 г. Министерством юстиции Российской Федерации были подготовлены Методические рекомендации по осуществлению органами юстиции контрольных функций в отношении религиозных организаций и Методические рекомендации по применению органами юстиции некоторых положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В рекомендациях отмечалось, что принятый закон «не содержит конкретных указаний на формы и методы осуществления регистрирующими органами контрольных функций в отношении религиозных организаций»[375], поэтому в правоприменительной практике следует руководствоваться и иными актами законодательства.

Правила осуществления контроля за деятельностью религиозных организаций регистрирующими органами предполагали его реализацию по двум направлениям:

- контроль за соблюдением устава религиозной организации относительно целей ее деятельности;

- контроль за соблюдением устава религиозной организации относительно порядка ее деятельности.

При этом отмечалось, что регистрирующие учреждения не должны подменять органы прокуратуры и иные государственные институты, которые

[374] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 10 апреля 1998 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2581/ (дата обращения: 17.05.2021).
[375] Письмо Минюста РФ от 24.12.1997 // Бюллетень Минюста РФ. 1998. № 7.

осуществляют надзорные и контрольные функции в рамках установленных компетенций. Отмечалась целесообразность практики «проведения комплексных проверок деятельности религиозных организаций с участием соответствующих надзорных и контрольных органов по предварительной договоренности с ними».

На вопрос о том, какие требования предъявляются к документу, подтверждающему существование религиозной группы не менее 15 лет, и что может послужить доказательством достоверности этого срока был дан ответ, что «целесообразно урегулировать этот порядок соответствующим нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации», а доказательством срока служат данные «государственной регистрации и местного учета бывшего Совета по делам религий при СМ СССР, архивные материалы, судебные решения, свидетельские показания и иные формы доказательства».

В соответствии с комментариями Минюста России, требование подтвердить 15-летний срок существования религиозных организаций при регистрации и перерегистрации относилось только к местным религиозным организациям, которые не имели подтверждения о вхождении в соответствующую централизованную религиозную организацию. Требование о 15-летней продолжительности деятельности не распространялось на централизованные религиозные организации.

В методических рекомендациях Минюста России, выпущенных по прошествии более двух лет, были даны разъяснения относительно ограничения деятельности представительств на занятие культовой и иной религиозной деятельностью. Сославшись на существующее в религиоведческой литературе определение понятия «культ», обозначающее «совокупность определенных сакральных традиций, обрядов, церемоний и действий, присущих любой религии», Минюст России отметил, что «под культовой и религиозной деятельностью понимается деятельность, связанная с основанием молитвенных зданий, проведением культовых (религиозных) обрядов и церемоний, религиозным обучением и воспитанием, распространением веры (миссионерская

деятельность), паломничеством к святым местам и иная деятельность, относимая соответствующим вероучением к культовой»[376].

Таким образом, пользуясь достаточно общими формулировками закона, Минюст России сформулировал более конкретные положения, налагающие ограничения на религиозную деятельность представительств иностранных религиозных организаций. Так, в перечень недопустимых действий была включена миссионерскую деятельность. Сам закон не содержал никакого упоминания миссионерской деятельности и, тем более, не вводил прямых ограничений в данной сфере.

В 1999 г. было подготовлено заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации»[377]. Доктор юридических наук О.О. Миронов, занимавший эту должность, отметил, что принятый в 1997 г. закон «в основном отвечает международно-правовым обязательствам России, взятым ею на себя в качестве государства-участника Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите основных прав и свобод человека». Однако ряд положений, по его мнению, находились в противоречии с принципами международного законодательства. По сути дела, указал О.О. Миронов, «эти нормы и не могут действовать на территории Российской Федерации, исходя из примата над внутренним законодательством правил, установленных международными договорами, что предусмотрено Конституцией РФ». Среди конкретных замечаний Уполномоченный по правам человека обратил внимание на то, что закон проводит различие между «традиционными» религиозными организациями и религиозными организациями, у которых

---

[376] Методические рекомендации по применению органами юстиции некоторых положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части регистрации и перерегистрации религиозных организаций (утв. Минюстом России 27.12.1999 № 10766-СЮ) // СПС КонсультантПлюс.

[377] Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" международно-правовым обязательствам Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 77.

отсутствует «документ, подтверждающий их существование на соответствующей территории не менее 15 лет», и в соответствии со ст. 27 «нетрадиционные» религиозные организации оказались лишены многих прав. Дискриминационным положением О.О. Миронов назвал норму, запрещавшую представительству иностранной религиозной организации заниматься культовой и иной религиозной деятельностью, не дававшую ему возможности иметь статус религиозного объединения.

Спустя несколько лет, в 2009 г., О.О. Миронов, уже не будучи Уполномоченным по правам человека, отмечал, что права верующих и права религиозных объединений ущемлялись со стороны местных властей, и что в этом «не последнюю роль играла и Русская православная церковь, которая действительно доминирует в общественном сознании, поэтому многие чиновники полагали, что эта церковь и должна существовать, а все остальные нет». По его мнению, формулировка об особой роли православия, сыграла свою роль в установлении неравенства религий, поскольку преамбула «дает ключ к пониманию всего закона. Если в преамбуле выделить только одну цепь, то чиновник, который не очень разбирается в этих вещах, будет считать, что вот это и есть самое главное. А все остальное – ненужное и второстепенное»[378].

Уже в 1999 г. Конституционным судом Российской Федерации рассматривалось дело о проверке конституционности абз. 3 и 4 п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» Конституции Российской Федерации[379]. Данные нормы устанавливали ограничения в адрес религиозных организаций, не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет. Жалобы поступили от религиозного

[378] Чиновник для борьбы с чиновниками. Беседа с Олегом Мироновым. 29 сентября 2009. URL: https://polit.ru/article/2009/09/29/mironov/ (дата обращения: 17.05.2021).

[379] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения "Христианская церковь Прославления"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

общества Свидетелей Иеговы (г. Ярославль) и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» (г. Абакан). В постановлении по данному делу Конституционный суд РФ акцентировал внимание на том, что «государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т.п.». При этом Конституционный суд ссылался на ряд документов Совета Европы и Европейского суда по правам человека.

По итогам рассмотрения дела суд признал не противоречащими Конституции оспариваемые положения. Было дано толкование, согласно которому местные религиозные организации, входящие в структуру централизованной религиозной организации, и организации, учрежденные до вступления данного Федерального закона в силу, пользуются правами юридического лица в полном объеме, без подтверждения пятнадцатилетнего минимального срока существования на соответствующей территории, без ежегодной перерегистрации и без ограничений, предусмотренных абз. 4 п. 3 ст. 27 данного закона. Данный конституционно-правовой смысл был признан общеобязательным и исключал любое иное истолкование соответствующих положений в правоприменительной практике.

Таким образом, разъяснением смысла норм законодательства о свободе совести занялся и Конституционный суд Российской Федерации. Как отмечает

российский юрист А.Р. Султанов, суд, давая такое толкование, «практически лишил адресата этих норм, сделав данные нормы излишними»[380].

Проблемы, возникавшие в ходе прохождения процедуры перерегистрации, поставили под сомнение эффективность существующего в данной сфере механизма. В феврале 2000 г. в связи с этим пришлось в экстренном порядке принимать закон, продлявший срок, установленный для перерегистрации в 1997 г. Председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций В.И. Зоркальцев, обозначив проблему «жесткости сроков» перерегистрации (до 31 декабря 1999 г.), установленных ранее в законе, отметил, что «ввиду масштабов территории Российской Федерации, слабой юридической подготовки священнослужителей, а также недостаточной численности специалистов органов юстиции перерегистрация религиозных организаций затянулась… а те, кто не прошел эту процедуру могут быть ликвидированы в судебном порядке по обращению регистрирующего органа. К сожалению, не спешили с подачей документов как раз те конфессии, которые упомянуты в преамбуле нашего закона как традиционные и роль которых в истории России особо отмечена»[381]. Всего не прошли перерегистрацию 52% религиозных организаций, подавляющее большинство которых составляли мусульманские общины и приходы РПЦ, а также старообрядческая церковь, Армянская апостольская и лютеранская церкви. Докладчик подчеркнул, что перерегистрация «не имеет никакого отношения к борьбе с так называемыми сектами и деструктивными культами, так как, во-первых, по новому закону деструктивные культы могут быть ликвидированы при наличии основания в судебном порядке, вне зависимости от их перерегистрации, и во-вторых, огромное количество религиозных организаций не прошли перерегистрацию не по причине отказа со стороны государства по мотивам, скажем, вероучения или культа, а по причинам сугубо формальным. В то же время большинство

[380] Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика // СПС КонсультантПлюс.
[381] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации 18 февраля 2000 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2243/ (дата обращения: 17.05.2021).

организаций, которые общественность именует сектами, располагая значительными средствами и квалифицированными юристами, успешно прошли перерегистрацию и пользуются благами этого закона».

Ряд депутатов выразил несогласие с позицией докладчика. «Ради чего тогда перерегистрация затеивалась, – заявил, в частности, депутат А.Н. Грешневиков, – если, как вы сказали, перерегистрация не станет преградой на пути недопущения к регистрации и деятельности сектантских организаций, деструктивных сил. На мой взгляд, именно перерегистрация должна была способствовать тому, чтобы такие организации, как «АУМ Синрикё», «Белое братство», которые сегодня более активны, чем традиционные конфессии, и больше вреда наносят нашему общественному сознанию... И вдруг вы говорите, что все это будет вне рамок этого закона. Тогда каким же образом будет вестись борьба с тоталитарными сектами? Как вы говорите – только через суды?». «Главный смысл перерегистрации, – подчеркнул депутат, - оставить традиционные конфессии и не дать возможности зарегистрироваться тоталитарным сектам».

В.И. Зоркальцеву пришлось дополнительно разъяснить свою позицию. «Когда мы говорили о том, что закон имеет не ограничительное действие, а регулирующее, мы с вами вели речь о том, что ввели срок в 15 лет на регистрацию вот этих тоталитарных сект, вновь образованных, – подчеркнул председатель комитета. – И в этом отношении закон несет очень серьезную нагрузку. Эти секты сейчас не имеют права зарегистрироваться. Вот это первое. Второе. Ни «АУМ Синрикё», ни другие организации, ни церковь последнего завета Виссариона, ни церковь сайентологии Хаббарда – они как раз не зарегистрированы. И в этом сила закона».

По итогам заседания закон был принят сразу в трех чтениях, а срок перерегистрации был продлен на год[382]. Однако сама дискуссия в очередной раз выявила не только негативное отношение значительной части политиков к НРД,

[382] Федеральный закон от 26.03.2000 № 45-ФЗ «О внесении изменений в пункт 4 статьи 27 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях”» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1430.

но всю сложность законодательного регулирования религиозной сферы, разрыв между теоретико-правовыми концепциями и реальной жизнью конфессий и верующих.

Отдельно стоит отметить принятия нового федерального законодательства о свободе совести на уровне регионов. Напомним, что при рассмотрении законопроекта в Государственной Думе обращалось внимание на то, что регионы стали самостоятельно решать проблемы в религиозной сфере и принимали достаточно спорные правовые акты.

Еще до принятия Федерального закона, в марте 1997 г. Президент Республики Башкортостан в своем послании заявил о намерении «всячески поддерживать исторически сложившиеся в Башкортостане религиозные конфессии» и выразил надежду на «их позитивный вклад в повышение нашей духовности и нравственности, сохранение и укрепление гражданского согласия»[383]. Также была отмечена целесообразность обновления республиканского закона «О свободе совести и религиозных организациях в Республике Башкортостан». В 1998 г. в республике приняли новую редакцию закона, в которую добавили преамбулу, включавшую слова об уважении «ислама, христианства и других традиционных для народов Башкортостана религий, составляющих неотъемлемую часть их исторического, духовного и культурного наследия»[384].

В принятой в сентябре 1997 г. Конституции Кабардино-Балкарской Республики говорилось о поддержке государством традиционных для народов Республики религиозных конфессий и движений[385].

---

[383] Послание Президента РБ от 31.03.1997 «Новый Башкортостан формируется сегодня (о положении в республике и программе действий на предстоящий период)» // Советская Башкирия. 1997. № 66.

[384] Закон Республики Башкортостан от 20.06.1991 № ВС-6/19 (ред. от 16.07.1998) «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1998. № 17. Ст. 1090.

[385] Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 № 28-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. 1997. № 177.

Администрацией Ростова-на-Дону в 1998 г. было принято решение «О деятельности иностранных проповедников и миссионеров на территории г. Ростова-на-Дону»[386]. Отмечалось, что «полная открытость России для обмена духовными ценностями способствовала росту активности иностранных проповедников и миссионеров» и привела к расширению сферы деятельности религиозных организаций, усложнению взаимоотношений в гражданско-правовой сфере, усилению межконфессиональной напряженности. В качестве преимуществ нового закона «О свободе совести и религиозных объединениях» называлась предоставляемая органам местного самоуправления возможность эффективно влиять на религиозную ситуацию, а также введение существенных ограничений на деятельность религиозных организаций. Было решено «обратиться в городскую Думу с предложением выступить с законодательной инициативой перед Законодательным Собранием Ростовской области о принятии областного Закона “О деятельности религиозных объединений в Ростовской области”»[387].

Региональный закон Свердловской области, принятый в 1999 г., содержал преамбулу, в которой также говорилось о подтверждении со стороны Законодательного Собрания Свердловской области «исторически сложившегося определения православия, ислама и иудаизма как традиционных религий для Урала, выражающих историческое, духовно-культурное, социальное наследие населения Свердловской области» и признание «традиционными религиозными организациями Свердловской области: Русскую Православную Церковь (Московский Патриархат), мусульманские общины Духовного управления мусульман Свердловской области, православные старообрядческие общины, религиозные организации иудаизма, приходы евангелическо-лютеранской и римско-католической церкви»[388].

---

[386] Решение Коллегии администрации г. Ростова н/д от 12.02.1998 № 7 «О деятельности иностранных проповедников и миссионеров на территории г. Ростова-на-Дону» // Ростов Официальный. 1998. № 10-11.

[387] Там же.

[388] Областной закон от 12.07.1999 № 16-ОЗ «Об осуществлении деятельности религиозных объединений и их представителей на территории Свердловской области» // Областная газета. 1999. 16 июля.

В целом же после принятия федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в регионах ситуация продолжала складываться по различным сценариям. В некоторых субъектах существовавшие на тот момент законы, касавшиеся религиозной сферы, были отменены[389], а в других – принимались новые правовые акты, регулировавшие миссионерскую деятельность[390]. Однако значительная часть субъектов осталась в стороне от законотворчества в данной сфере. В итоге после принятия нового федерального закона не удалось достичь единообразия на региональном уровне.

Таким образом, принятие нового федерального законодательства сопровождалось острой общественной дискуссией, в центре которой стояла проблема определения статуса различных религиозных организаций, ограничения деятельности представителей нетрадиционных религий в России. Вступивший в силу закон не привел к ожидаемым результатам и не создал эффективный механизм регулирования религиозной сферы. Более того, закон содержал серьезные пробелы, создававшие затруднения для правоприменительной практики. Попытка создать преграду для НРД не удалась в полной мере, в том числе, по причине несовершенства законодательного акта, а утвержденная на федеральном уровне стратегия ограничительного характера была воспринята далеко не однозначно российской и мировой общественностью. Впоследствии порожденные этим законом проблемы станут причиной множества судебных процессов и конфликтных ситуаций в религиозной сфере.

---

[389] Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 23.11.2000 № 537-пс «О проекте закона Липецкой области "О признании утратившим силу Закона Липецкой области от 06.11.1996 N 53-ОЗ "О религиозной (миссионерской) деятельности на территории Липецкой области"» // Липецкая газета. 2000. № 242; Закон Вологодской области от 30.10.1998 № 307-ОЗ «О признании утратившим силу Закона области "О религиозной миссионерской деятельности на территории Вологодской области"» // Красный Север. 1998. № 220-221.

[390] Закон Воронежской области от 30.04.1999 № 87-II-ОЗ «О порядке осуществления миссионерской деятельности на территории Воронежской области» // Коммуна. 1999. № 87; Закон Белгородской области от 19.03.2001 № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» // Белгородские известия. 2001. № 41; Постановление Главы Администрации Астраханской области от 28.06.2001 № 328 «Об упорядочении деятельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий на территории Астраханской области» // Астраханские известия. 2001. № 28.

2.4. Законодательные новации и правоприменительная практика в отношении нетрадиционных религиозных движений (2000-2015 гг.)

Новый этап развития российского государства во многом связан со сменой высшего руководства страны. В 2000 г. во время предвыборной кампании В.В. Путин опубликовал «Открытое письмо» избирателям. В тексте документа говорилось о борьбе с преступностью, упоминалась ситуация в Чечне, которая «была оккупирована криминальным миром и превращена в его крепость. Но стоило нам вступить в прямую схватку с бандитами, разгромить их – и сделан реальный шаг к верховенству права, к диктатуре равного для всех закона». Далее упоминалось о том, что за первым шагом последуют другие: «этого нельзя было сделать, сидя в Москве и сочиняя очередные «программы борьбы с преступностью». Надо было принять вызов на поле противника и именно там его разгромить»[391]. В качестве другой проблемы обозначалось «отсутствие твердых и общепризнанных правил», а в рамках государственной системы правила – «это закон, это конституционная дисциплина и порядок[392].

В предвыборной статье были озвучены некоторые принципы, на которые стала ориентироваться российская власть – решительное противостояние вызовам экстремистов, жесткая борьбы с ними, «диктатура закона».

Один из системных ответов на возникавшие для российского общества угрозы был дан в рамках борьбы с экстремизмом. В июне 2002 г. Государственная Дума приступила к рассмотрению проекта федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». В первом чтении законопроект представил полномочный представитель Президента Российской Федерации А.А. Котенков. В своем докладе он отметил, что «в целях более полного регулирования противодействия экстремистской деятельности законопроектом на

[391] «Открытое письмо» избирателям. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24144 (дата обращения: 17.05.2021).
[392] Там же.

государственные органы возлагается обязанность предпринимать необходимые меры по противодействию экстремизму, в частности объявлять предостережения руководителям политических партий, общественных и религиозных объединений о недопустимости совершения действий, могущих повлечь за собой экстремистские действия. В случае осуществления общественным, религиозным объединением экстремистской деятельности, в результате чего причинен вред интересам личности, общества, государства или создана реальная угроза причинения такого вреда, государственные органы вправе приостанавливать деятельность такого общественного, религиозного объединения до рассмотрения судом заявления о его ликвидации»[393].

Одним из первых, кто выступил с критикой законопроекта, был В.И. Зоркальцев. Он обратил внимание на то, что экстремизм по отношению к власти, «исходя из смысла представленного законопроекта, формируется в недрах гражданского общества», поскольку в нем «основные субъекты экстремистской деятельности определены: политические партии, общественные объединения и религиозные организации». Также он отметил, что в специальных законах уже установлены нормы, предполагающие пресечение подобной деятельности. В частности, закон «О свободе совести и религиозных объединениях» направлен на недопущение экстремистских проявлений в религиозной среде, тогда как «само понятие «религиозные экстремисты» вообще является некорректным, не научным, употребление которого по меньшей мере может вызвать серьезные последствия. Законопроект, утверждал В.И. Зоркальцев, не предусматривает «нормы, позволяющие привлечь к ответственности басаевых, грачёвых, хаттабов, террористов, захватчиков заложников, торговцев людьми, наркодельцов». Данный акт предназначен «не для демократического общества, а для общества, опасающегося развития гражданских инициатив, политика которого направлена не на взаимодействие основных сил страны, а на их разъединение и противостояние».

[393] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 06 июня 2002 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/1689/ (дата обращения: 17.05.2021).

Схожее мнение выразил депутат от фракции КПРФ А.И. Лукьянов, также отметив, что предлагается принять «глубоко антидемократический закон, который фактически объявляет войну гражданскому обществу, является угрозой правам человека и гражданина, вводит люстрацию, фактически внесудебную расправу с оппозицией».

Отвечая на критику, А.А. Котенков обозначил круг проблем, которые не решало действовавшее законодательство: отсутствие определения понятия «экстремистская организация», положений о запрете или ликвидации организации за экстремистские действия, возможность противодействия только физическим лицам. Рассматриваемый законопроект предусматривал борьбу со всеми видами экстремизма (политическим, религиозным, национальным), предполагал запрет деятельности, ликвидацию организаций, которые ставят экстремистские действия своей целью.

Актуальность борьбы с религиозным экстремизмом подтвердил депутат Г.К. Сафаралиев, отметив рост по всей стране «организаций под разными названиями, под религиозными названиями, исламские организации и разные другие. Весь тот экстремизм, который проповедуют эти организации, выливается потом в терроризм, и этот терроризм мы можем наблюдать». Присутствовавший на заседании министр юстиции Ю.Я. Чайка также подтвердил, что «сегодня серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности в стране представляет рост экстремизма. Это факт».

Однако у многих депутатов сохранялись опасения по поводу предлагаемого закона. Например, Н.Г. Денисов выразил недоумение по поводу того, что не существует ни определения, ни критериев экстремистской организации, в связи с чем казалось непонятным, чем будет руководствоваться суд при вынесении решения.

В результате развернулась достаточно острая дискуссия, но результат голосования позволил принять законопроект в первом чтении – «за»

проголосовало 274 депутата, «против» – 137[394]. Это обсуждение выявило не только противоречия предлагаемого закона, но также – в определенной степени – смену позиций ряда законодателей. В частности, представители фракции КПРФ, а также В.И. Зоркальцев выступили против нового правового акта именно в силу содержащихся в нем ограничительных тенденций, хотя в 1997 г. они были сторонниками закона о религиозных объединениях, подвергавшегося критике на тех же основаниях.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» был принят в конце июля 2002 г.[395] Дискуссии вызвал введенный законом термин «экстремизм», развернутое определение которого нередко используется как основание для преследования НРД. В отчетном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в качестве одной из проблем соблюдения конституционных прав граждан была отмечена неопределенность используемого в законе понятия «экстремизм» и, как следствие, отсутствие четких критериев квалификации публичной деятельности или информации как «экстремистской»[396]. На многозначность и неопределенность данного понятия указывали и другие эксперты, подчеркивая необходимость введения юридически более четкой и точной дефиниции, в которой «заинтересованы государство, и политические партии, и отдельные граждане, и общество в целом»[397].

Одновременно с принятием нового правового акта были внесены поправки в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которыми «деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация может быть ликвидирована, а деятельность религиозного объединения, не являющегося религиозной организацией, может

---

[394] Там же.

[395] Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета. 2002. № 142-143.

[396] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г. // Российская газета. 2011. № 101.

[397] Выжутович В.В. Экстремизм - понятие не растяжимое. URL: https://rg.ru/2011/06/24/extremism.html (дата обращения: 17.05.2021).

быть запрещена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом “О противодействии экстремистской деятельности”»[398].

Законодательство вводило новые механизмы, предусматривавшие государственное участие в религиозной сфере – судебный механизм ликвидации религиозных объединений и внесение религиозной литературы в список экстремистских материалов.

В период обсуждения и принятия закона о борьбе с экстремизмом было выдвинуто множество инициатив, которые не получили в дальнейшем реального воплощения. В Государственной Думе несколько раз поднимался вопрос о законодательном введении понятия «традиционные религии»[399], но до реализации этой идеи дело не дошло. В частности, в 2002 г. подобные проекты вносились депутатами С.Ю. Глазьевым и А.В. Чуевым. По мнению директора информационно-аналитического центра «Сова» А.М. Верховского, у этих инициатив не было реальных шансов, их целью являлось «только продвижение идеи введения в правовое поле названного понятия»[400]. В 2003 г. было создано межфракционное депутатское объединение «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей в России», одной из задач которого являлось предоставление традиционным религиозным организациям «возможности участвовать в работе современного парламента»[401].

Новые инициативы проявились и на региональном уровне. Депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края приняли Обращение к Президенту Российской Федерации, депутатам Государственной Думы и Совета Федерации в связи с попытками зарубежных религиозных центров расширить

---

[398] Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"» // Российская газета. 2002. № 138-139.

[399] Петров С. Религиозные организации и законотворческий процесс в России 13.10.2003. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/10/d1123/ (дата обращения: 17.05.2021).

[400] Верховский А. Битва за привилегии. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-06-18/4_privileges.html (дата обращения: 17.05.2021).

[401] В Госдуме создано межфракционное объединение «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей в России». URL: https://ria.ru/20030122/303710.html (дата обращения: 17.05.2021).

свое влияние на территории России. В документе отмечалось усиление «миссионерской деятельности религиозных организаций, центры которых находятся далеко за пределами нашей Родины», активизация деятельности неорелигиозных групп восточной направленности, рост за последние пять лет протестантских, римско-католических религиозных организаций, строительство двух католических соборов, пяти «залов царств» Свидетелей Иеговы, множества культовых сооружений других конфессий.

Депутаты выразили отрицательное отношение к каким-либо попыткам разделения по религиозному признаку народов России, являющихся приверженцами традиционных, исторически сложившихся религий и конфессий, и выступили с поддержкой действий Кубанского казачьего войска, общественных организаций, населения Кубани, направленных «против экспансии деструктивных религиозных культов».

Предлагалось внести изменения в Конституцию Российской Федерации, федеральное законодательство, запрещающие на территории Российской Федерации деятельность иностранных религиозных организаций. В качестве примера приведем некоторые из предложенных ограничений: «Запрет на территории Российской Федерации регистрации религиозных организаций, чьи центры находятся за ее пределами; запрет финансирования местных религиозных организаций из-за рубежа; запрет навязывания гражданам по месту их жительства либо в иных местах религиозной литературы и убеждений против их воли» [402].

С официальной поддержкой этого обращения выступили депутаты Республики Адыгея[403]. Но на федеральном уровне инициатива не была одобрена.

---

[402] Постановление ЗС Краснодарского края от 27.03.2002 № 1422-П «Об Обращении депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края к Президенту Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в связи с попытками зарубежных религиозных центров расширить свое влияние на территории Российской Федерации» // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. 2002. № 36.

[403] Постановление СП ГС - Хасэ РА от 17.04.2002 № 168-1СП, СР ГС - Хасэ РА от 24.04.2002 № 257-1СР «Об обращении депутатов Законодательного собрания Краснодарского края к Президенту Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в связи с попытками зарубежных

В октябре 2002 г. Законодательное Собрание Краснодарского края приняло в первом чтении проект закона Краснодарского края «Об упорядочении миссионерской деятельности религиозных организаций на территории Краснодарского края»[404]. Однако дальше первого чтения законопроект не продвинулся.

В последующие годы в нескольких субъектах Российской Федерации были приняты законодательные акты, регулировавшие миссионерскую деятельность[405].

В 2004 г. советник Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций С.В. Медведко говорил про интенсивный рост нетрадиционных религиозных движений, инициированный миссионерской деятельностью из-за рубежа. Это явление «нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает возрастание межконфессионального соперничества и недовольство основной части населения»[406]. Ссылаясь на целесообразность «усиления мер по противодействию экстремизму», он предлагал «расширить полномочия регистрирующих органов, предоставив им возможность полноценного контроля за соблюдением религиозной организацией уставных целей и порядка деятельности»[407].

Стоит отметить, что большинство подобных инициатив так и осталось на бумаге. Тем не менее дискуссии шли острые. Продолжалось обсуждение государственной политики по отношению к религиозной сфере, вопроса о

религиозных центров расширить свое влияние на территории Российской Федерации» // Советская Адыгея. 2002. № 92-93.

[404] Постановление ЗС Краснодарского края от 23.10.2002 № 1757-П «О проекте Закона Краснодарского края "Об упорядочении миссионерской деятельности религиозных организаций на территории Краснодарского края"» // СПС КонсультантПлюс.

[405] Закон Республики Северная Осетия-Алания от 30.12.2004 № 38-РЗ «О миссионерской деятельности на территории Республики Северная Осетия-Алания» // Северная Осетия. 2005. № 12; Закон Костромской области от 11.04.2005 № 259-ЗКО «О порядке и условиях осуществления миссионерской деятельности на территории Костромской области» // Северная правда. 2005. № 44; Закон Курской области от 18.06.2004 № 23-ЗКО «О миссионерской деятельности на территории Курской области» // Курские ведомости. 2004. № 7.

[406] Медведко С.В. Религиозная ситуация и законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в России 02.12.2004. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/12/d3053/ (дата обращения: 17.05.2021).

[407] Там же.

делении религий на традиционные и нетрадиционные, соблюдении свободы совести[408]. Так, один из авторов закона 1997 г. А.Е. Себенцов обратился в 2004 г. к анализу проблемы «религиозных новообразований». «Государственными гонениями религиозных меньшинств наша история так же богата, как история любой другой страны, - отметил автор. - Действующая Конституция РФ и международные обязательства России требуют уравнения в правах последователей всех религий. Но такое равенство вызывает недовольство и даже возмущение, возникают и поводы для судебных процессов, длящихся годами. В их ходе выявляется и несовершенство законодательства, и противоречивость в правосознании судей. Однако новые религиозные явления возникали всегда и, очевидно, будут возникать и в будущем. А в периоды общественных катаклизмов, переломов – Россия сейчас как раз в таком периоде – особенно интенсивно» [409]. Элементы социального протеста, с которыми связано развитие НРД, по мнению А.Е. Себенцова, можно расценивать не только как угрозу для государства, но даже как «определенный элемент пользы». При этом «протестная основа появления указанных новообразований требует особого внимания к ним и некоторого сдерживания их развития»[410]. Противодействие НРД со стороны традиционных религий имеет принципиальный, непримиримый характер и может, в свою очередь, приобретать недопустимые формы, доходящие до экстремистских. Поэтому применение сдерживающих мер как к той, так и к другой стороне возникающих конфликтов – это вопрос государственной политики, в рамках которой должны быть использоваться необходимые законные инструменты.

В последующие годы отношение к нетрадиционным движениям определялось действующим законодательством с учетом развития

[408] См.: Градировский С., Малахова Е. Противоречия статусности религиозных организаций и объединений. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/02/d1697/ (дата обращения: 17.05.2021).
[409] Себенцов А.Е. Противоречия в законодательстве о свободе совести. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/02/d1716/ (дата обращения: 17.05.2021).
[410] Там же.

правоприменительной и судебной практики. Органы государственной власти осуществляли свою деятельность согласно выстроенным законодателями в 1997-2002 гг. механизмам, что зачастую приводило к судебным разбирательствам разного уровня, в которых государству не всегда удавалось обосновать действия государственных органов по отношению к верующим.

В Москве в 2004 г. был завершен судебный процесс в отношении местной религиозной общины Свидетели Иеговы. Данная община была зарегистрирована Управлением юстиции г. Москвы в конце декабря 1993 г., и судебные дела в ее отношении возбуждались и раньше. Начиная с 1995 г., в органы прокуратуры неоднократно обращался Московский Комитет по спасению молодежи, созданный на волне растущего недовольства деятельностью НРД, с просьбой рассмотреть вопрос о противоправных действиях общины. В апреле 1998 г. Прокурор Северного административного округа г. Москвы на основании проверки, проведенной прокуратурой округа, внес представление о ликвидации общины. В качестве конкретных фактов нарушения закона со стороны общины прокурор указывал на содержание в печатных изданиях, распространяемых московской общиной признаков разжигания религиозной розни, вовлечение подростков и несовершеннолетних детей в деятельность общины, случаи разрушения семейных отношений, отказы от переливания крови по религиозным мотивам, негативное влияние от пребывания в организации на психологическое здоровье граждан, пропаганду отказа от прохождения обычной и альтернативной воинской службы, отказ от чествования флага и гимна страны. 26 марта 2004 г. в ходе судебного процесса доводы прокурора об экстремистской деятельности организации были сочтены обоснованными. «Представленные доказательства подтверждают, - говорилось в решении Головинского суда Москвы, - что религиозная община Свидетели Иеговы г. Москвы допускала грубые и неоднократные нарушения прав и свобод граждан, что является основанием для ликвидации и запрета деятельности этой организации». Суд удовлетворил представление прокурора Северного административного округа г. Москвы, ликвидировав религиозную организацию «Религиозная община Свидетели

Иеговы в г. Москве» как юридическое лицо, а также запретив ее деятельность в г. Москве[411].

Примечательно, что в этот же день Президент России В.В. Путин, выступая на форуме народов Кавказа и Юга России, затронул тему государственно-конфессиональных отношений, отметив, что нужно преследовать любой экстремизм, в том числе и «прикрывающийся религиозной фразеологией, не скатываясь в сферу нарушений прав человека»[412]. Президент предложил начать дискуссию по этому поводу в рамках Государственной Думы. Также подчеркивалась, что государство должно «найти формы поддержки духовных деятелей, особенно традиционных конфессий» и принять решения в «области собственности»[413].

27 мая 2004 г. Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы провел слушания «Совершенствование законодательства о свободе совести и о религиозных организациях: практика применения. Проблемы и пути решения». На слушаниях выступил А.В. Логинов, занимавший должность представителя Правительства в Государственной Думе. В своей речи он обратил внимание, что развитие в рамках «либерального стандарта», начало которому было положено в 1990-е гг., вело ко все «более глубокой секуляризации, когда традиционные религиозные ценности замещаются религиозным плюрализмом, альтернативной религиозностью, что создает угрозу обществу и у нас, и на Западе». По его словам, «в середине 1990-х удалось переломить наступление «либерального стандарта». В то же время выступающий признал, что России не удастся построить «идеальную симфонию государства и церкви». Наиболее предпочтительной для страны была бы кооперационная

[411] Решение Головинского районного суда Северного АО г. Москвы от 26 марта 2004 г. по религиозному объединению «Свидетели Иеговы». URL: http://stolica.narod.ru/pseudo/jw/120.htm (дата обращения: 17.05.2021).
[412] Путин, В. В. Заключительное слово на общественном форуме народов Кавказа и Юга России 26 марта 2004 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22397 (дата обращения: 17.05.2021).
[413] Там же.

модель государственно-конфессиональных отношений, предполагающая разный социальный статус религиозных организаций[414].

В ходе слушаний А.Е. Себенцов, назвав закон 1997 г. плодом тяжелого компромисса, выступил с предложением отменить 15-летний испытательный срок для регистрации местных структур, оставив его для централизованных организаций[415]. Против этого выступил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, заявив, что это приведет к умножению числа нетрадиционных религиозных движений, притеснению традиционных религий, к конфликту и нарушению «межрелигиозного баланса»[416].

В целом изменения в государственно-конфессиональных отношениях назревали постепенно. По мнению Р.Н. Лункина несмотря на то, что в начале 2000-х гг. «“традиционные религии” время от времени противопоставлялись сектам в риторике политиков и чиновников, на официальном уровне борьба с инаковерием не провозглашалась в качестве задачи. Первые признаки перехода от аморфной политики декларативной поддержки «традиционных» религий в противовес сектам к контролю религиозной жизни и, в частности, христианских конфессий и НРД, обозначились в 2009-2011 гг., когда были предложены законопроекты Министерства юстиции о регулировании миссионерской деятельности и о ликвидации такой формы, как «религиозные группы», которые действуют без регистрации»[417].

Действительно, в 2009 г. работа государственных органов по регулированию миссионерской деятельности и проведению государственной регистрации религиозных организаций заметно активизировалась. Во исполнение положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием

---

[414] Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах РФ в 2004 году. Т. 1. М., 2005. С. 79.
[415] Там же. С. 78.
[416] Там же. С. 79.
[417] Лункин Р.Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2014. С. 106.

осуществления полномочий Правительства Российской Федерации»[418] приказами Минюста России были утверждены Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы[419] и Порядок регистрации, открытия и закрытия представительств иностранных религиозных организаций, открытых в Российской Федерации[420].

Также, по поручению Президента Российской Федерации при Минюсте России был образован научно-консультативный совет по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма[421]. Активную общественную дискуссию вызвал состав Экспертного совета при Минюсте России по проведению религиоведческой экспертизы под председательством президента Российской Ассоциации центров изучения религий и сект, профессора православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А.Л. Дворкина. В Москве в связи с этим прошла конференция на тему «Нужен ли в России суд инквизиции?», в ходе которой с резкой критикой принятых решений выступили специалисты в области религиоведения, представители мусульман и протестантов. В частности, недовольство вызвал «непрофессиональный состав» Экспертного совета, включавший «журналистов, инженеров, людей весьма далеких от науки» и даже «экстремистов»[422]. Сомнению была подвергнута компетенция руководителей

---

[418] Федеральный закон от 23.07.2008 № 160-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 30. Ст. 3616.

[419] Приказ Минюста РФ от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» (вместе с «Порядком проведения государственной религиоведческой экспертизы», «Положением об экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации») // Российская газета. 2009. № 43.

[420] Приказ Минюста РФ от 03.03.2009 № 62 «Об утверждении Порядка регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 13.

[421] Приказ Минюста РФ от 22.07.2009 № 224 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма» // Российская газета. 2009. № 141.

[422] Шакиров, М. Экспертов подвергли анализу. 10 апреля 2009. URL: https://www.svoboda.org/a/1606433.html (дата обращения: 17.05.2021).

Экспертного совета – А.Л. Дворкина, человека, известного своей «неоднозначной деятельностью в области “сектоведения”», тесно связанного с руководством Русской православной церкви; Р.А. Силантьева, сотрудника Отдела внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ, известного «критическими высказываниями в адрес ряда исламских деятелей»; В.М. Якупова, который «вызвал протесты многих мусульман своим благожелательным отношением к идее сжигать книги, признанные судом экстремистскими»[423].

В Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» неоднократно вносились поправки с момента его принятия. Существенные изменения в правовое регулирование деятельности религиозных организаций были внесены в 2013 г. Поправки касались ограничения круга лиц, которые могут выступать в качестве учредителя (участника, члена) религиозной организации. К таковым лицами были отнесены:

- иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации;

- лицо, включенное в перечень в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

- религиозная организация, деятельность которой приостановлена в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

[423] Собакина Д. Совет при Минюсте и его критики. 04 апреля 2009. URL: http://politcom.ru/8099.html (дата обращения 17.05.2021).

- лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности»[424].

В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что «отсутствие правового механизма, препятствующего лицам, осуществляющим экстремистскую деятельность, участвовать в деятельности религиозных организаций, аналогичного действующему запрету на участие таких лиц в деятельности иных форм некоммерческих организаций, нарушает конституционный принцип равенства общественных объединений перед законом и создает предпосылки для распространения на территории Российской Федерации религиозного экстремизма»[425].

Представляя законопроект в Государственной Думе, заместитель министра юстиции Ю.С. Любимов, отметил, что закон «О некоммерческих организациях» запрещает участие в деятельности некоммерческой организации нескольких типов противозаконных групп граждан. В ходе обсуждения законопроекта некоторыми депутатами были заданы вопросы, касавшиеся деятельности по распространению «сектантской литературы» и пропаганды религиозных убеждений. Депутат М.Ю. Маркелов отметил, что при Комитете по делам общественных объединений и религиозных организаций «создаётся рабочая группа по изучению деятельности на территории Российской Федерации представителей нетрадиционных религий, а также общественных объединений религиозного толка, зарубежных религиозных общественных организаций. Эта рабочая группа как раз таки призвана и будет заниматься вопросами противодействия сектам»[426].

---

[424] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[425] Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях"» (подготовлен Минюстом России) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.08.2012) // СПС КонсультантПлюс.

[426] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 21.05.2013. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/247831-6 (дата обращения: 17.05.2021).

На региональном уровне также выдвигались законодательные инициативы. Например, в конце 2014 г. был принят областной закон «О миссионерской деятельности на территории Новгородской области»[427], который послужил поводом для обращения в суд прокурора. Некоторые нормы данного правового акта, по мнению прокурора, не соответствовали федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» и нарушали право граждан на свободу совести.

В частности, ст. 3 указанного закона регламентировала условия и порядок осуществления миссионерской деятельности и в ч. 1 устанавливала, что миссионерскую деятельность на территории области имеют право осуществлять лица, имеющие документ, удостоверяющий их принадлежность к религиозному объединению, либо документ, подтверждающий наличие полномочий на распространение религиозной литературы и иных предметов религиозного назначения, произведенных религиозным объединением. Часть 2 названной статьи предписывала осуществлять миссионерскую деятельность в культовых зданиях, сооружениях и на относящихся к ним территориях, принадлежащих религиозному объединению, в жилых помещениях только с согласия граждан, в них проживающих, а также в иных местах, отвечающих требованиям проведения массовых зрелищных мероприятий, – в порядке, установленном для проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций[428].

Однако по результатам рассмотрения дела в удовлетворении требований прокурору было отказано. Судом было установлено, что «миссионерская деятельность как деятельность религиозной организации, осуществляемая вне религиозно-обрядовой сферы, направленная на создание и распространение религиозных канонов, догм, на федеральном уровне не урегулирована»[429], что

[427] Областной закон Новгородской области от 26.12.2014 № 681-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Новгородской области» // Новгородские ведомости (официальный выпуск). 2014. № 28.
[428] Там же.
[429] Определением Верховного Суда РФ от 18.11.2015 № 84-АПГ15-8 данное решение оставлено без изменения.

позволяло субъекту Российской Федерации принимать собственные правовые акты. Суд признал, что оспариваемые нормы, «с одной стороны, направлены на охрану религиозных организаций, а с другой – на охрану прав жителей Новгородской области»[430].

Прокурор обжаловал это решение в Верховном суде. Однако судебная коллегия подтвердила выводы областного суда, указав на то, что в федеральном законодательстве не используется термин «миссионерская деятельность» и привела определение, закрепленное в Модельном законе о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях), принятом в 2014 г. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. В законе под такой деятельностью понималась «деятельность лиц, осуществляемая от имени религиозной организации (объединения), направленная на распространение вероучения и увеличение числа его последователей»[431].

Верховный суд подтвердил правомерность утверждения суда первой инстанции о «необходимости правового регулирования порядка осуществления миссионерской деятельности в целях защиты прав и свобод человека от злоупотребления правом со ссылкой в обоснование правовой позиции на положения части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» и, отклонив остальные доводы прокурора, признал решение суда законным[432].

Отметим отсылку в судебном решении к «Модельному закону о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)», в

Решение Новгородского областного суда от 07.07.2015 по делу № 03-55/15 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими частей 1, 2 статьи 3 областного закона от 26.12.2014 № 681-ОЗ "О миссионерской деятельности на территории Новгородской области"» // СПС КонсультантПлюс.

[430] Там же.

[431] Модельный закон о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях) (Принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-22 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС КонсультантПлюс.

[432] Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2015 № 84-АПГ15-8 // СПС КонсультантПлюс.

преамбуле которого указано, что закон является «концептуальной и правовой основой для разработки и совершенствования системы национального законодательства государств, регулирующего свободу совести, вероисповедания и деятельность религиозных организаций (объединений)». В законе описывался терминологический аппарат, подробно раскрывались содержание права на свободу совести и свободу вероисповедания, присутствовали статьи, посвященные вопросам образования и взаимоотношения религии и государства, статусу религиозных организаций и религиозных групп, миссионерской деятельности, имущественным вопросам и т.д.

Примечательно появление в Модельном законе о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях) определения понятия «секты», под которым понималось «религиозное течение (община), отделившееся от какой-либо конфессии основного вероучения и не согласующееся с ним, проявляющее безразличие и противоречие интересам общества». Также было дано определение понятию «вероисповедание», которое подразумевало «разработанное и понятийно-осмысленное вероучение, принадлежащее какой-либо религии с традиционной культовой практикой». В целом Модельный закон дополнял российский закон о свободе совести по целому ряду сфер регулирования.

К практике принятия нормативных правовых актов о миссионерской деятельности начали присоединяться региональные законодатели в других субъектах. В 2015 г. подобные законы были приняты в Ставропольском крае[433] и Архангельской области[434]. Региональные законодательные акты вводили определенные ограничения на осуществление миссионерской деятельности, однако в Ставропольском крае закон устанавливал их действие только в отношении миссионеров, начинающих «осуществление миссионерской

[433] Закон Ставропольского края от 30.12.2015 № 153-кз «О миссионерской деятельности на территории Ставропольского края» // Ставропольская правда. 2016. № 1-2.
[434] Закон Архангельской области от 18.12.2015 № 384-22-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов шестого созыва. 2015. № 22.

деятельности на территории Ставропольского края после вступления в силу настоящего Закона».

Практика подобного регионального законотворчества воспринималась неоднозначно. Например О.Ю. Гончаров, пастор, генеральный секретарь Совета Российской ассоциации защиты религиозной свободы отмечал, что проблемы, связанные с законодательством в сфере свободы совести возникают в основном в регионах. Упомянув практику применения законов, прежде всего касавшихся миссионерской деятельности, он отметил, что они, «будучи приняты, не работают, потому что они вступают в противоречие с основными правовыми документами нашей страны, такими как Конституция РФ и Закон о свободе совести и о религиозных объединениях. Но тем не менее сам факт принятия на региональном уровне подобных законов создает ненужную напряженность в государственно-конфессиональных отношениях». По его словам, «подобные вещи происходят из-за неграмотности законодателей и чиновников в регионах, отсутствия эффективных площадок для диалога между представителями региональной власти и религиозными организациями в регионах» [435].

Можно отметить, что перечисленные причины появления подобных законов, возможно, и имели место. Однако главную роль в развитии подобной практики, начало которой было положено еще в 1994 г., играл не столько непрофессионализм чиновников, сколько совершенно сознательное стремление ограничить миссионерскую деятельность и присутствие на территории региона «нежелательных» проповедников. При этом очевидно, что заинтересованы в этом были не только местные законодатели и чиновники. Учитывая достаточно широкую географию принятия данных нормативных актов и устойчивый характер указанной практики, можно видеть здесь определенную стратегию в области регулирования религиозной сферы.

[435] 25 лет по пути свободы совести : материалы научно-практической конференции. М., 2015. С. 53-54.

В 2015 г. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» претерпел множество изменений (4 редакции). В частности, было изменено правило о 15-летнем сроке существования религиозной организации.

В пояснительной записке к законопроекту (подготовленному еще весной 2014 г.) было указано, что одной из основных целей законопроекта является «отмена противоречащего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод требования о необходимости подтверждения пятнадцатилетнего срока существования религиозной группы на данной территории для ее государственной регистрации в качестве религиозной организации»[436].

Непосредственным поводом для такой инициативы послужило решение Европейского Суда по правам человека по делу «Кимля и другие против России» от 10 марта 2010 г.[437]. В данном решении указывалось, что требование подтвердить существование религиозной группы на протяжении 15 лет, выдвигаемое как обязательное условие регистрации, противоречит положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Европейский Суд указал, что названная норма не отвечает критерию необходимости в демократическом обществе, который является одним из условий правомерного ограничения прав и свобод человека»[438], – говорилось в пояснительной записке.

Первоначальная редакция законопроекта устанавливала следующие условия для регистрации местной религиозной организации. В качестве учредителей организации могли выступать граждане России, достигшие восемнадцати лет и «постоянно проживающие в одной местности либо в одном городском или сельском поселении, объединенные в религиозную группу, ранее уведомившие орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, о создании религиозной группы или имеющие

---

[436] Пояснительная записка к законопроекту № 480736-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и признании утратившими силу положений отдельных законодательных актов Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

[437] Постановление ЕСПЧ от 01.10.2009 «Дело "Кимля и другие (Kimlya and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 4.

[438] Там же.

подтверждение о вхождении религиозной группы в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией»[439]. В таком варианте это положение было принято 7 октября 2014 г. в первом чтении. В этой связи примечательны мнения депутатов, прозвучавшие в ходе рассмотрения законопроекта.

Председатель Комитета Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций Я.Е. Нилов выразил поддержку данной законодательной инициативы, выделив при этом ряд замечаний, представленных экспертами и представителями традиционных религиозных организаций. Он обратил внимание на то, что так называемое правило пятнадцати лет на практике не соблюдается. Учитывая «решение Европейского Суда по правам человека, религиозные организации регистрируются и так, и поэтому введение определённых ограничений после вступления предлагаемой инициативы в законную силу, наоборот, будет ограничивать новые религиозные организации, которые не будут входить в централизованные религиозные организации, в проведении определённых видов деятельности»[440]. Я.Е. Нилов предложил поддержать законопроект в первом чтении, а также заверил, что ко второму чтению он будет доработан совместно с представителями религиозных организаций.

В ходе обсуждения законопроекта развернулась примечательная дискуссия. Депутат М.В. Емельянов выразил мнение, что «этим законом вы, по сути, опять открываете дорогу в Россию и облегчаете жизнь различным сектам. Неужели опыт 90-х годов нам ни о чём не говорит? Вспомните: «АУМ Синрикё», «живой бог» Мария Цвигун и так далее... Ведь если мы примем этот законопроект, эти секты опять расцветут на территории Российской Федерации». Депутат задал вопрос о том, какова позиция РПЦ относительно данного законопроекта.

---

[439] Текст внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций) от 25.03.2014 г. https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

[440] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 07.10.14 URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

На критику М.В. Емельянова ответил депутат Ю.С. Любимов. Отметив, что РПЦ проект одобрила, он заявил, что «возвращения сект» можно не опасаться. «Мы не думаем, что это произойдёт, – отметил депутат, – потому что, строго говоря, мы этот законопроект разрабатывали при наличии уже существующего решения ЕСПЧ на эту тему, поэтому, как уже было сказано совершенно справедливо, де-факто эта норма о пятнадцати годах уже не действует, и мы как бы уравновешиваем её, балансируем механизмом, который вводится дополнительно в части отдельных ограничений для этих религиозных организаций».

А.Н. Грешневиков заявил, что ему непонятен смысл термина «религиозная группа», отметив, что для него – это «как раз некая секта». Депутат указал, что «у нас есть четыре традиционные конфессии: хотелось бы не просто услышать, что Русская православная церковь поддерживает данный законопроект, а иметь на руках заключения наших традиционных конфессий – и представителей Русской православной церкви, и представителей ислама, буддизма, с тем чтобы прояснить, что же они понимают под религиозной группой? Вот в моём понимании это секта».

М.Ю. Маркелов протестовал против апелляции к решению ЕСПЧ. Это «не совсем правильно с учётом того, что эта организация далеко не всегда, точнее, почти никогда не защищает интересы наших граждан и не всегда решения, которые принимает ЕСПЧ, являются объективными». Он обратил внимание на необходимость юридического определения понятия «секта», предложив трактовать его как «деструктивная религиозная организация». По его словам, «нынешняя борьба с сектами даёт обратные результаты, очень трудно привлечь за те деяния, которые совершают отдельные представители этих сект в отношении граждан, если эти действия не носят явный насильственный характер».

Завершая дискуссию, председатель комитета Я.Е. Нилов постарался разъяснить депутатам, что именно в законе понимается под религиозной группой и чем она отличается от религиозной организации. Он подтвердил отсутствие в законодательстве понятия «секта», отметив в то же время, что «новые

религиозные образования, которые в народе называют сектами, действуют в стране». По его признанию, предлагаемый законопроект был «направлен на закручивание гаек, как раз регулирует создание этих так называемых сект, потому что хотя норма в пятнадцать лет отменяется, мы вводим ограничения на десять лет для тех новых религиозных организаций, которые будут образовываться».

При обсуждении законопроекта во втором чтении дискуссии фактически не было[441]. По сравнению с вариантом, принятым в первом чтении, законопроект был существенно изменен и принят в июле 2015 г. В новой редакции исключалось требование о подтверждении 15-летнего срока существования при регистрации местной религиозной организации[442]. Одновременно с этим в ст. 27 было включено положение, согласно которому местные религиозные организации, не входящие в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, при создании ограничиваются в целой группе прав в течение десяти лет со дня их регистрации. Таким образом, исключая требование о 15-летнем сроке для регистрации местной религиозной организации, законодатель вводил ограничения для структур, существующих менее 10 лет.

В юридической литературе отмечается, что таким образом была введена «двухуровневая система» религиозных объединений, в рамках которой «нижний уровень» прав (достаточно ограниченных) религиозная группа могла получить достаточно свободно, тогда как «верхний уровень» достигался при выполнении условия по десятилетнему сроку существования[443].

Кроме этого, закон предусматривал порядок уведомления о начале деятельности религиозной группы. Уведомлять следовало орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, по месту осуществления религиозной деятельности. В

---

[441] Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 03.07.2015. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6#bh_histras (дата обращения: 17.05.2021).

[442] Федеральный закон от 13.07.2015 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях"» // Российская газета. 2015. № 154.

[443] Исаева А.А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 16-20.

письменном уведомлении необходимо было указывать: сведения об основах вероисповедания, о местах совершения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, руководителе (представителе), гражданах, входящих в религиозную группу, с указанием их фамилий, имен, отчеств, адресов места жительства. О продолжении своей деятельности религиозная группа должна была уведомлять регистрирующий орган раз в три года.

Последний законопроект, принятый в 2015 г., касался введения «особого механизма контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, позволяющего своевременно выявлять и реагировать на факты причастности религиозных организаций к экстремистской и террористической деятельности, а также на иные нарушения религиозными организациями законодательства Российской Федерации»[444]. Как отмечалось в пояснительной записке, «за основу приняты применяемые в настоящее время формы и методы контроля за деятельностью некоммерческих организаций». Законопроект касался вопросов проведения проверок соответствия деятельности религиозных организаций нормам права в целях контроля за соблюдением ими законодательства о свободе совести, целей и порядка их деятельности, предусмотренных их уставами, а также правил предоставления отчетности при иностранном финансировании. Законопроект был достаточно быстро рассмотрен и принят[445], не вызвав дискуссий в Государственной Думе[446].

Анализ стенограмм заседаний, зафиксировавших высказывания депутатов нескольких созывов, выявил путаницу в терминологии, сложности в понимании тонкостей религиозного законодательства и государственно-конфессиональной

---

[444] Пояснительная записка к законопроекту № 781271-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и иные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/781271-6 (дата обращения: 17.05.2021).

[445] Федеральный закон от 28.11.2015 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Российская газета. 2015. № 270.

[446] Законопроект № 781271-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/781271-6 (дата обращения: 17.05.2021).

политики в целом. Можно сделать вывод, что в рамках постсоветского периода сложился определенный общественный дискурс, касавшийся религиозных вопросов. Законодатели и политики стремились не столько обеспечить равноправие религиозных организаций, сколько гармонизировать межконфессиональные отношения. Однако в рамках этой гармонии различного рода религиозные новообразования – секты, культы, НРД – должны были отсутствовать (по крайней мере в публичном пространстве), а отношения с традиционными конфессиями стать предсказуемыми и в некоторых сферах партнерскими. Несмотря на то, что терминология, связанная с делением религий на «традиционные» и «нетрадиционные» не была закреплена в нормах законодательства, она пронизывала всю политическую и государственную практику. А события 1990-х гг., связанные с деятельностью таких религиозных организаций, как «АУМ Сенрикё», «Белое братство» и «Богородичный центр», сформировали яркие образы и клише, которые на долгие годы остались ключевыми маркерами, влияющими на восприятие нетрадиционной религиозности.

Одним из громких событий 2015 г. стала ликвидация религиозной организации сайентологов. Московский городской суд, рассматривая дело, подтвердил то, что было установлено предыдущими судебными решениями. «Будучи созданным и зарегистрированным в качестве религиозной организации фактически не осуществляет религиозную деятельность, деятельность носит не религиозный, а социальный характер и не соответствует формам и методам, сведениям об основах вероучения. Тем самым Сайентологическая церковь Москвы на постоянной основе осуществляет свою деятельность, противоречащую задекларированным при ее создании целям»[447]. В соответствии с законодательством Российской Федерации нерелигиозный характер деятельности является нарушением закона о некоммерческих организациях и весомым препятствием к перерегистрации структуры в качестве религиозного

[447] Решение Московского городского суда от 23.11.2015 по делу № 3а-0001/2015 // СПС КонсультантПлюс.

объединения. Проанализировав представленные сторонами доказательства, суд констатировал отсутствие религиозных компонентов в деятельности Сайентологической церкви Москвы. Незаконная деятельность организации была признана основанием для ее ликвидации как представляющей угрозу публичному порядку и обществу[448].

Судебное решение вызвало бурную дискуссию, но особый резонанс вызвало экспертное заключение в отношении Сайентологической церкви Москвы, подготовленное Л.С. Астаховой. Данный документ вызвал волну критических откликов со стороны специалистов в области философии, религиоведения, юриспруденции[449].

В своем заключении Л.С. Астахова отвечала на три вопроса. На первый – «Осуществляет ли религиозное объединение «Сайентологическая церковь Москвы» религиозную деятельность?» – был дан отрицательный ответ ввиду того, что «деятельность организации носит явно выраженный социальный характер, то есть, направлена на повышение социального статуса и общественную реализованность членов объединения»[450]. На вопрос о наличии в деятельности рассматриваемой структуры признаков религиозного объединения, а именно: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей, было отмечено наличие «схожих признаков», «однако сущностно все признаки религиозного объединения не свидетельствуют о религиозном характере деятельности, и носят не религиозный, а социальный характер. Аналогичные признаки присутствуют и в социальных организациях. Отсутствует четкая

---

[448] Там же.

[449] Тихонравов Ю. Отзыв на судебно-религиоведческую экспертизу Астаховой Л.С. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33476/ (дата обращения: 17.05.2021); Сорокотягин И. Рецензия специалиста в области теории и практики назначения и производства судебных экспертиз по гражданскому делу о соответствии религиозного объединения «Сайентологическая церковь Москвы» религиозной деятельности. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33462/ (дата обращения: 17.05.2021).

[450] Заключение судебной религиоведческой экспертизы по гражданскому делу № 2-5387/14 г. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=434&ELEMENT_ID=6532 (дата обращения: 17.05.2021).

корреляция между всеми указанными признаками, и основами вероучения». Отвечая на третий вопрос – о соответствии фактической деятельности религиозного объединения формам и методам, сведениям об основах вероучения, заявленным при его регистрации, Л.С. Астахова указала на отсутствие такого соответствия[451].

В целом, судебный процесс по делу сайентологов и религиоведческая экспертиза вызвали оживленное обсуждение в научном сообществе. Широкий круг вопросов религиозной жизни общества стал предметом общественно-политической дискуссии, был рассмотрен в научном контексте. Обсуждались самые разные проблемы – от философских и мировозренческих трактовок религиозности и юридических нюансов таких понятий как «свобода совести», «свобода мысли» и т.д., до научно-прикладных вопросов проведения экспертиз и оценки того, что можно считать религией.

В год 25-летия принятия закона «О свободе вероисповеданий» 1990 г. было проведено множество мероприятий, посвященных этому юбилею. Одним из них стала научно-практическая конференция «25 лет по пути свободы совести». В адрес участников было направлено приветствие руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванова, который отметил, что принятие законодательных актов в 1990 г. не только юридически закрепило гарантии прав граждан на свободу совести и религиозных действий, но и сыграло огромную роль в жизни общества, в возрождении многовековых духовных, нравственных ценностей, открыло принципиально новые возможности для соработничества государства и религиозных организаций»[452]. В телеграмме отмечалось участие представителей традиционных религий страны в просветительской, образовательной, благотворительной деятельности, внесение серьезного вклада в гармонизацию межрелигиозных и межнациональных отношений.

В ходе конференции выступали представители органов государственной власти, религиозных организаций и научного сообщества. Выступления отразили

[451] Там же.
[452] 25 лет по пути свободы совести : материалы научно-практической конференции. С. 3.

различные оценки 25-летнего периода существования религиозной сферы в новых условиях. Особое внимание обращают на себя оценки А.Е. Себенцова, разработчика законов 1990 г. и 1997 г., одного из архитекторов законодательства в этой сфере. Обращаясь к предыстории законов, выступавший отметил: «В советское время сложности испытывали все религии, но особую подозрительность государство испытывало к тем религиозным объединениям, которые имели управленческие центры за рубежом. Соответственно, их образ с помощью соцреализма чернился самым жестоким образом, что оставило прочный след в массовом менталитете»[453]. А.Е. Себенцов выделил две особенности массового сознания россиян, проистекавшие из советского опыта. Первая – представление об однозначном совпадении этнической и религиозной принадлежности («русский – значит православный» и др.). Отсюда - недоверие и неприязнь к инаковерующим и «сектантам», восприятие атеистов как «заблудших». Вторая особенность заключалась в «высоком авторитете Русской Православной Церкви, ее самоощущении как главенствующей, и высокой степени примыкания к светской власти, с некоторым давлением на власть в направлении от светскости к православной конфессиональности. Видение своей исторической миссии в качестве культурно- и государствообразующей религии приводит РПЦ к отрицанию равенства с новыми религиозными движениями, которые воспринимаются как «духовные агрессоры»[454]. Автор подчеркнул, что эта позиция Церкви воспринимается значительной частью общества как легитимная, влияет на действия властей, хотя с конституционными нормами не сходится.

Также А.Е. Себенцов отметил, что «предоставленные законом свободы способствовали появлению на российской почве множества новых религиозных движений как отечественного, так и зарубежного происхождения, деятельность которых не укладывалась в представлениях о норме поведения… появление на почитаемой своей собственностью «канонической территории» нежелательных,

[453] Там же.
[454] Там же. С. 64.

часто неплохо финансируемых из-за рубежа конкурентов в борьбе за души возмутило руководителей традиционных российских конфессий»[455].

В декабре 2015 г. в стенах Государственной Думы состоялся круглый стол на тему «Секты и деструктивные культы как вызов национальной безопасности России», организованный Комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций[456]. Первый заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций М.Ю. Маркелов отметил, что несмотря на отсутствие юридического определения «секты», такое понятие активно используется в общественном дискурсе. По мнению докладчика, с деятельностью сект был связан антиконституционный государственный переворот на Украине. Один из докладчиков указал, что участники мероприятий – «одни из лучших борцов с сектами в стране» и, обращаясь к аудитории отметил, что «у нас с вами одна цель – противодействие сектам и деструктивным культам»[457]. Начальник аналитического отдела Экспертно-правового управления Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации С.В. Лобырев также отметил, что обращения в Аппарат Уполномоченного свидетельствуют об участии в военных действиях на Донбассе, в Луганской области и на Северном Кавказе членов организаций, которые придерживаются экстремистской религиозной идеологии, ведут деструктивную деятельность. Выступавший предложил разработать Федеральный закон «О противодействии деятельности тоталитарных и деструктивных культов», внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях или в Уголовный кодекс и другие законодательные акты, которые позволили бы предотвратить негативное влияние экстремистских групп на общую правозащитную ситуацию в стране и в евразийском сейчас экономическом сообществе. Адвокат Д.Н. Бахарев указал на

[455] Там же. С. 71-72.

[456] 8 декабря состоялся круглый стол на тему «Секты и деструктивные культы как вызов национальной безопасности России». URL: http://duma.gov.ru/news/11595/ (дата обращения: 17.05.2021).

[457] Реабилитация» жителей России по сектантскому сценарию. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/13/28/reabilitaciya_zhitelej_rossii_po_sektantskomu_scenariyu (дата обращения: 17.05.2021).

недостатки действующего российского законодательства, которые привели к возможности проведения крупного мероприятия представителями движения «Общество сознания Кришны». Докладчик выразил недоумение тем фактом, что мероприятие официально проводилось при поддержке Правительства Москвы.

Подводя итог, следует отметить, что меры, принимавшиеся властями в год 25-летия законов о свободе совести, подтвердили приверженность государства курсу, намеченному не в 1990, а в 1997 г. Вместе с тем в ходе мероприятий, посвященных юбилею, были не только подведены итоги пройденного пути, но и поставлены вопросы, требующие разрешения, намечены определенные направления деятельности в отношении НРД и государственно-конфессиональной политики в целом.

***

Принятие законов 1990 г. стало важной вехой на пути развития государственно-конфессиональных отношений в России, закреплявшей право на свободу совести и вероисповеданий, свободу выражать и распространять свои убеждения, свободу деятельности религиозных объединений, гарантии невмешательства государства во внутрирелигиозную жизнь. В результате принятия значительно возросла активность различных религиозных деятелей, принявшихся регистрировать организации различной конфессиональной направленности. Однако практический опыт реализации нового законодательства выявил ряд нерешенных проблем. Например, неурегулированным оставался вопрос о деятельности иностранных миссионеров и ответственности религиозных организаций за нарушение законодательства. После распада Советского Союза органам власти Российской Федерации пришлось выстраивать систему государственного регулирования религиозной сферы, учитывая новые общественные тенденции. В условиях кризисного состояния общества наблюдался массовый наплыв НРД из-за рубежа. С 1993 г. развернулся процесс доработки и внесения изменений в российский закон «О свободе вероисповеданий», предполагавший введение значительных ограничений на

деятельность зарубежных миссионеров, издание религиозной литературы, а также законодательное закрепление особого статуса «традиционных религий». Несмотря на то, что внутриполитический конфликт, развернувшийся сентябре-октябре 1993 г. не позволил реализовать на практике нормы принятого законопроекта, наметившиеся тенденции нашли отражение в последующем законотворческом процессе.

Начиная с 1994 г. в регионах из-за отсутствия должного правового регулирования деятельности зарубежных религиозных деятелей и организаций на федеральном уровне стали приниматься собственные нормативно-правовые акты. В частности, внедрялась практика постоянного учета и контроля миссионерской деятельности, вводился ряд ограничений в отношении лиц, осуществлявших данную деятельность, мест проведения религиозных мероприятий и др. Другая тенденция была связана с использованием в региональных правовых актах терминологического разграничения конфессий по признаку традиционности и соответствующего регулирования отношений с представителями «традиционных» и «нетрадиционных» религий.

На федеральном уровне после принятия Конституции Российской Федерации и формирования новой системы государственной власти велась подготовка закона, регулировавшего сферу религиозных отношений. В развернувшейся дискуссии по поводу выявившихся проблем, помимо политиков и государственных деятелей активное участие принимали представители религиозного и академического сообщества, члены общественных и правозащитных организаций и ряд других специалистов в области религиозных отношений. Новый закон был призван утвердить механизм государственного контроля за деятельностью иностранных миссионеров, создать благоприятные условия для «законопослушных» религиозных структур, урегулировать процедуру государственной регистрации новых религиозных организаций и др. Отдельно подчеркивалась роль фактора традиционности, выделялся ряд признаков, характеризовавших традиционные для России религии. В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»,

однако данный акт не стал финальной точкой в процессе формирования законодательства, регулирующего религиозную сферу.

Дальнейшее развитие законодательства шло в русле поиска ответов на вызовы, заявившие о себе в 1990-е гг. Одним из таких ответов стало принятие правовых актов, нацеленных на противодействие экстремизму, которое существенным образом повлияло и на религиозную сферу. В 2000 г. руководство страны объявило о решительной борьбе с экстремизмом, необходимости укрепления государственной власти, утверждения «диктатуры закона». Косвенным образом подобный курс сказался на положении НРД, публичная деятельность которых начала существенно ограничиваться. Иная политика проводилась по отношению к конфессиям, признанным «традиционными». С ними развивались контакты в духе партнерства и соработничества. Тем не менее, в сфере регулирования государственно-конфессиональных отношений сохранялось много проблем. Эффективность законодательства в данной области оставалась под вопросом, порождала критику со стороны самых разных представителей общества и власти. Острота дискуссии вокруг российских законов в религиозной сфере не снижалась на протяжении всего исследуемого периода.

Глава 3. Взаимодействие институтов государственной власти с нетрадиционными религиозными движениями

3.1. Становление российской модели государственно-конфессиональных отношений (1990-1993 гг.)[458]

Одним из факторов, оказывающих существенное воздействие на развитие НРД, является система институтов государственной власти, нацеленных на регулирование религиозной сферы. Опыт 1990-х гг. наглядно показал: чем выше активность нетрадиционных движений, шире размах их деятельности и сильнее оказываемое ими влияние на общество, тем скорее они привлекут внимание общественных институтов и государственных органов, тем острее будет реакция (положительная и отрицательная) с их стороны.

Создание государственных институтов, регулировавших религиозную сферу общества, оказалось в условиях меняющейся политической системы крайне непростым вопросом. При этом особенности периода 1990-х гг. – коренное изменение идеологической политики государства, рост роли НРД, появление и усиление религиозного экстремизма, политизация религиозности – отражались на государственно-конфессиональной политике, и даже во многом стали предпосылками для изменений в институциональной системе государства. Этот процесс был взаимопроникающим – государственные и религиозные институты оказывали влияние и давление друг на друга, при этом религиозная сторона оказалась разделена. Если традиционные религиозные организации постепенно укрепляли свое общественное положение и строили партнерские отношения с государством, то НРД оказались в ином положении. Начиная преобразования в 1990 г., государственные деятели стремились прежде всего уйти от советской

[458] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России (1990-1997 гг.) // Вестник Московского университета. Серия XXI. Управление (государство и общество). 2020. № 3. С. 76-93.

модели взаимоотношений власти и общества. Дальнейшее развитие государственных институтов пошло по-особому, самостоятельному пути, специфика которого во многом определялась необходимостью дать ответ на вызовы современного мира, новые условия политической жизни. Одними из таких вызовов стало усиленное развитие нетрадиционных движений.

В августе 1990 г. Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР был ликвидирован, а годом позже был упразднен союзный Совет по делам религий при Совете Министров СССР[459]. Процессы общественно-политической и социокультурной трансформации 1990-х гг., отмеченные стремлением к демократизации, идеологическим и политическим плюрализмом, борьбой за права и свободы, свидетельствовали о необходимости перемен в сложившейся модели государственно-конфессиональных отношений. Изменения религиозной политики проявились в концептуальном переосмыслении места и роли религии в обществе, переходе к новым формам и методам взаимодействия государства с религиозными движениями, в том числе нетрадиционными, в реформировании системы государственных органов по делам религии, в демократизации правового регулирования деятельности религиозных институтов.

В соответствии с Законом РСФСР «О свободе вероисповеданий», «государственный контроль за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий в РСФСР осуществлялся Советами народных депутатов, а также соответствующими правоохранительными органами согласно установленной им законом компетенцией»[460].

В Верховном Совете РСФСР вопросами вероисповедной политики с 1990 г. ведал Комитет по вопросам свободы совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности (далее – Комитет), одной из ключевых функций которого являлась подготовка нового российского законодательства о свободе совести. По

[459] Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.
[460] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

оценкам историка М.И. Одинцова, в деятельности Комитета доминировало «“ликвидаторское” направление, целью которого являлось разрушение прежней системы взаимодействия государства и религиозных организаций»[461].

В структуре Комитета действовал Экспертно-консультативный совет, состоявший из специалистов в области свободы совести и вероисповеданий – представителей религиозных объединений, общественных организаций, государственных органов, религиоведов, юристов и др.[462] Ключевые функции экспертно-консультативного органа сводились к созданию банка данных о зарегистрированных на территории РСФСР религиозных движениях, консультированию органов власти по вопросам применения религиозного законодательства, проведению юридической и религиоведческой экспертизы и подготовке официальных заключений.

Отметим, что экспертный совет появился спустя некоторое время после принятия закона 1990 г., что вызывало трудности в работе Министерства юстиции. В частности, это приводило к тому, что министерству приходилось брать на себя функции, не предусмотренные законодательством о свободе вероисповеданий[463].

В соответствии с Законом «О свободе вероисповеданий» функции по регистрации учредительных документов религиозных объединений были закреплены за Министерством юстиции РСФСР и его территориальными органами[464]. Именно Министерство юстиции одно из первых столкнулось с новыми реалиями религиозной жизни страны. В ходе реализации нового законодательства, оценки выявлявшихся противоречий и проблем формировался опыт, нарабатывалась правоприменительная практика. Действительность требовала находить механизмы для реализации государственных функций в сфере

---

[461] Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М., 2010. С. 100-101.
[462] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий».
[463] Информационная записка о работе Министерства юстиции РФ и его территориальных органах по регистрации уставов религиозных объединений // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3149. Л. 13.
[464] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий».

обеспечения прав и свобод в религиозной сфере, что в свою очередь ставило вопрос не только о внесении изменений в законодательство, но и о корректировке функций и полномочий государственных органов.

Согласно Положению о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденному в 1992 г. Правительством, на данный орган были возложены функции по контролю за соответствием конституционным требованиям уставных положений общественных и религиозных объединений. В компетенцию органа также входило осуществление государственной регистрации общероссийских, международных, межреспубликанских и межрегиональных общественных объединений, религиозных объединений, ведение государственного реестра общественных и религиозных объединений[465].

В 1993 г. был принят новый подзаконный акт, регламентировавший деятельность Министерства юстиции, в котором были скорректированы положения, касавшиеся религиозных объединений, сформулирована задача регистрации уставов общественных и религиозных объединений. Указывалось, что в целях реализации возложенных на него задач Министерство «регистрирует уставы общероссийских, международных и межрегиональных общественных объединений, контролирует соблюдение их положений относительно целей деятельности объединений, а также регистрирует уставы (положения) религиозных объединений»[466]. Функция контроля за соблюдением положений уставов религиозных объединений в этом документе отсутствовала (но такой контроль осуществлялся по отношению к иным общественным объединениям).

---

[465] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 1992 г. № 299 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102016100&rdk=&backlink=1 (дата обращения: 17.05.2021).

[466] Постановление Правительства РФ от 04.11.1993 № 1187 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 48. Ст. 4650.

Годом позже были разработаны Правила регистрации уставов (положений) религиозных объединений[467]. В документе указывалось, что «в качестве религиозных признаются добровольные объединения совершеннолетних граждан, образованные для совместного исповедания и распространения веры и имеющие соответствующие цели, и признаки (наличие вероучения и религиозной догматики; совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний; проповедническая деятельность, религиозное обучение, воспитание и иные формы распространения вероучения)»[468]. Если региональное или централизованное объединение не подтверждало, что регистрируемая структура является его частью, Министерство юстиции должно было обращаться за заключением в Экспертно-консультативный совет по вопросам свободы совести при Комитете по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы. Отказ в регистрации устава религиозного объединения допускался в случае, если его цели и деятельность оказывались сопряжены с нарушением Конституции и действующего законодательства, если на основании учредительных документов создаваемого объединения оно не признавалось религиозным (отсутствие соответствующих целей и признаков), устав и другие учредительные документы не соответствовали требованиям российского законодательства. Также причинами для отказа служили недостоверность представленных документов, неправомочность учредителей, наличие в государственном реестре другого религиозного объединения с аналогичным наименованием.

Напомним, что закон «О свободе вероисповеданий» предусматривал возможность отказа в регистрации устава «только в том случае, если его содержание противоречит требованиям настоящего Закона и другим актам законодательства РСФСР»[469].

---

[467] Приказ Минюста РФ от 30.11.1994 № 19-01-159-94 «Об утверждении Правил регистрации уставов (положений) религиозных объединений» // Российские вести. 1995. № 53.
[468] Там же.
[469] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий».

Таким образом, представляется, что принятые правила регистрации уставов (положений) религиозных объединений не только уточняли законодательную норму об основаниях для отказа в регистрации, но и давали возможность для более «гибкого» использования этой меры, в том числе посредством использования такого основания как «отсутствие соответствующих целей и признаков» в уставе.

Важное место в системе государственных институтов занимала прокуратура, представлявшая особую федеральную централизованную систему органов. В Федеральном законе 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» на данный орган возлагалась деятельность по «обеспечению прав и свобод гражданина», осуществление надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, принятие мер, направленных на устранение их нарушений, привлечение виновных к ответственности и осуществление уголовного преследования[470].

Закон прямо устанавливал запрет на создание исполнительных и распорядительных органов государственной власти и государственных должностей, специально предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания. В целях утверждения демократической системы государственно-конфессиональных отношений, органы власти стремились максимально отойти от существовавшей в СССР модели, в центре которой находился Совет по делам религий. Поэтому к определению функций, которые необходимо было сохранить за государственными органами, подходили крайне осторожно.

Распад Советского государства в конце 1991 г. стал важной вехой на пути формирования российской модели религиозной политики – процесса, ранее существенно осложнявшегося противостоянием союзного и республиканского центров власти. Решение религиозного вопроса оценивалось российским руководством «как крупномасштабная консолидирующая основа, поле

[470] Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ.1992. № 8. Ст. 366.

притяжения и единения всех поколений, возрастных и социальных групп, их духовного и нравственного сближения и на этой основе преодоления сепаратизма, национализма и всяких форм шовинизма»[471]. Обсуждалось создание в структурах исполнительной или законодательной власти специального экспертного органа, который бы занимался изучением и прогнозированием ситуации как в сфере межнациональных, так и межконфессиональных отношений[472]. В Верховный Совет РСФСР поступали письма с предложениями о создании министерства по делам религий[473]. Отсутствие центрального органа, ведавшего вопросами религиозной политики, не позволяло в полной мере реализовывать нормы законодательства о свободе вероисповеданий[474] и решать ряд вопросов, связанных с религиозной сферой, например, о паломничестве и др.

Помимо институтов, о которых говорилось в законодательстве, в рассматриваемый период создавались различные органы, деятельность которых так или иначе касалась сферы религиозной политики.

В 1992 г. была предпринята попытка организовать работу отдела культурных, языковых и религиозных проблем в структуре Государственного комитета по национальной политике. Однако впоследствии данная структура подвергалась критике за «декоративную» роль и отсутствие квалифицированных кадров[475].

В апреле 1992 г. при Правительстве Российской Федерации была сформирована Координационная комиссия по вопросам вероисповеданий (далее –

---

[471] Ефремов Е.Н. Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990-1993 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 66.

[472] Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. Заседание Совета Национальностей ВС РСФСР от 27 декабря 1991 г. Бюлл. № 9. М., 1991. С. 9-10.

[473] Письмо управления внешних связей мусульманских организаций СССР от 19.12.1991 № 545 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 155. Л. 10.

[474] Королев А.А., Мельниченко О.В. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991-2000 гг.) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 725.

[475] Отчет Комитета о работе по основной деятельности за 1992 г. // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 82. Л. 65-71.

Комиссия)[476], перед которой ставились задачи по координации деятельности государственных органов с целью выработки единой религиозной политики, разработке нормативных актов, информационных и аналитических материалов, оказанию религиозным движениям содействия во взаимодействии с органами государственной власти по таким спорным вопросам, как передача культовых зданий, имущества, религиозных памятников и иных объектов, имеющих культурно-историческую ценность. В состав Комиссии входили представители органов исполнительной власти, научного сообщества, СМИ, некоммерческих организаций для всестороннего обсуждения и согласования вопросов, связанных с деятельностью и потребностями религиозных институтов. Работа Комиссии предполагала взаимодействие с религиозными центрами и объединениями, общественными организациями, научными учреждениями. На ежегодные пленарные заседания по подведению итогов о проделанной работе и определению новых направлений деятельности Комиссии приглашались главы церквей и руководители религиозных движений. Однако, просуществовав с апреля 1992 г. по май 1994 г. и проведя всего два заседания, Комиссия была упразднена ввиду «малоэффективной, не отвечающей текущим требованиям» деятельности[477].

В 1992 г. на одной из пресс-конференции Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности Председатель Экспертно-консультативного совета Комитета Ю.А. Розенбаум отметил, что общество в настоящее время находится в стадии перехода «от тоталитарного режима, от государственного управления церковью к новому этапу государственно-церковных отношений». Несмотря на «прекращение вмешательства государства в дела религии и провозглашение полной свободы религиозной деятельности», отметил правовед, сохраняются пробелы в сфере законодательства и особенно в практике его применения. «Можно ли сегодня сказать, что наше законодательство решило все вопросы и практика пошла по пути действительно демократического

[476] Постановление Правительства РФ от 03.04.1992 № 214. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.05.2021).
[477] Шахрай С.М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). М., 2013. С. 55.

государства, в котором религиозные объединения и верующие имеют все права для удовлетворения своих религиозных чувств и потребностей? В принципе да, теоретически так сказать можно, но практически мы еще не вышли на тот уровень, который бы требовался нам в соответствии с законом»[478]. В качестве причин сложившейся ситуации выступавший отметил, во-первых, давление традиций старого времени, стремление государственных органов к постоянному вмешательству в религиозную жизнь. На местах по-прежнему действовали кадры из числа бывших сотрудников уполномоченных Совета по делам религии и упраздненного Комитета государственной безопасности, которые продолжали осуществлять деятельность по управлению религиозными институтами. Во-вторых, сами религиозные движения, служители культа, верующие, не привыкли и не научились защищать свои права и законные интересы, используя юридические методы, такие, как обращение в органы прокуратуры, рассмотрение дел судебными органами, обращение к услугам адвокатов.

Ввиду актуализации религиозного вопроса, возникновения проблем, в решении которых органы исполнительной власти разных уровней не имели значительного опыта, Правительство Российской Федерации проводило активную информационно-аналитическую работу. В частности, Отдел по взаимодействию с федеральными органами представительной власти и общественными организациями Аппарата Правительства в целях составления и мониторинга общей конфессиональной картины, выявления специфики религиозной ситуации в регионах, а также объединения возможных предложений по совершенствованию государственно-конфессиональных отношений, собирал информацию из различных субъектов Российской Федерации по следующим вопросам:

- «о количестве религиозных организаций в целом и по конфессиям (приходы, монастыри, региональные духовные центры, представительства, учебные заведения, миссии и т.п.);

[478] Стенограмма пресс-конференции Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности 27 ноября 1992 г. // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2978. Л. 4-5.

- о новых религиозных движениях и их влиянии на религиозную обстановку в регионе, о миссиях и объединениях, учреждённых (или инициированных) зарубежными религиозными организациями;

- о социальном служении и хозяйственной деятельности религиозных организаций (благотворительные организации, предприятия, банки, больницы, детские дома, дома престарелых и т.п.);

- о движениях и объединениях мирян разных конфессий;

- о проблемах межконфессиональных отношений в республике, крае, области».

Предполагалось, что подготовленный на основе полученных сведений информационно-аналитический обзор позволит «высветить наиболее острые проблемы, лучше ориентироваться в нынешних сложных обстоятельствах» [479].

В марте 1993 г. Государственный комитет по национальной политике (Госкомнац) был заменен Государственным комитетом Российской Федерации по делам федерации и национальностей, в рамках которого был сформирован отдел по связям с религиозными конфессиями. Ключевые направления деятельности отдела заключались в обеспечении свободы вероисповедания и укреплении дружеских отношений между конфессиями; изучении практики применения законодательства о свободе совести и разработке предложений по его совершенствованию; информировании Правительства о состоянии религиозной обстановки в субъектах Российской Федерации; содействии религиозным движениям в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, укреплении дружбы между народами, достижении национального согласия и добрососедства. В целях анализа религиозной ситуации в стране сотрудниками отдела проводились встречи с представителями синодальных учреждений РПЦ, мусульманских центров России. «В настоящее время отдел поддерживает тесный контакт со всеми епархиями Русской Православной Церкви, Духовными

[479] Письмо заведующего Отделом по взаимодействию с федеральными органами представительной власти и общественными организациями Аппарата Правительства Российской Федерации В.М. Астапченко. № ВШ-П36-36502 от 23.10.1993 г. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2809. Оп. 2. Д. 14. Л. 23.

Управлениями мусульман европейской части России и Сибири, Северного Кавказа… и другими конфессиями», – отмечал в своем докладе первый заместитель руководителя Аппарата Правительства РФ А.Е. Себенцов[480].

Выстраивание тесного сотрудничества с православными и мусульманскими организациями позволило Государственному комитету по национальной политике обеспечить социальное партнерство между федеральными органами власти, с одной стороны, и религиозными структурами – с другой. Площадкой для такого рода взаимодействия выступали научно-практические конференции, международные семинары и другие мероприятия, посвященные широкому кругу социальных проблем.

В динамично меняющихся условиях общественно-политической жизни шел поиск оптимальной формы взаимодействия государства с различными религиозными организациями. Акцент в работе уже существовавших властных структур, как правило, был сделан либо на решение вопросов имущественного характера, либо на определение концептуальных основ отношений между государственными и религиозными институтами. В обществе же сформировался запрос на решение гораздо более широкого круга проблем[481], касавшихся взаимодействия государства не только с православной церковью, но и другими конфессиями.

Таким образом, вся система государственной политики, начиная от принятия законов до текущей деятельности государственных органов, была подчинена задаче ее радикальной трансформации – отказа от советской модели государственно-конфессиональных отношений. По замечанию М.И. Одинцова, к 1993 г. «деструктивные тенденции в государственно-церковных отношениях и религиозной ситуации стали очевидными»[482]. Выявился ряд проблем, связанных с

---

[480] Ефремов Е.Н. Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990-1993 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 68.

[481] Муртазин М.Ф. Государство и мусульманские религиозные организации Северного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 3. С.51.

[482] Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. С. 186.

практикой применения норм законодательства о свободе совести, ослаблением взаимодействия между органами власти и религиозными институтами, обострением межконфессиональной и внутрицерковной борьбы, активизацией НРД, перераспределением религиозного имущества и др. В связи с этим происходил поиск государственной институциональной модели, обеспечивающей реализацию политики по взаимодействию с религиозными объединениями.

3.2. Трансформация институциональной структуры государственно-конфессиональных отношений и место в ней нетрадиционных религиозных движений (1994-1997 гг.)[483]

В начале 1994 г. попытки преобразования структуры государственных органов, занимавшихся сферой религиозных отношений, продолжились. На базе Госкомнаца и Госкомитета по социально-экономическому развитию Севера было учреждено Министерство по делам национальностей и региональной политики Российской Федерации, в структуре которого был создан отдел по связям с религиозными организациями[484]. За период своего существования (с 1994 по 2001 гг.) данная структура переживала несколько реорганизаций, переименований и смену руководства[485].

Весной 1994 г. представители религиозного сообщества, в частности РПЦ, указывали на недостатки в работе Экспертно-консультативного совета при

---

[483] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Осипова В.В. Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России (1990-1997 гг.) // Вестник Московского университета. Серия XXI. Управление (государство и общество). 2020. № 3. С. 76-93

[484] Заметина Т.В. Вопросы компетенции федеральных органов исполнительной власти в сфере федеративных и национальных отношений в постсоветской России // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 180.

[485] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.01.1994 № 10-1 ГД «Об образовании комитетов Государственной Думы» // Ведомости ФС Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 41; Какие государственные органы регулируют вопросы межнациональных отношений в РФ с 1991 г. URL: https://tass.ru/politika/1825929 (дата обращения: 17.05.2021).

Комитете Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, преемником которого стал Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Российской Федерации. «Сложным остается вопрос о будущем экспертно-консультативного совета при Комитете Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций, – говорилось в Меморандуме РПЦ. – Думается, что если этот совет будет занят специфическими проблемами взаимоотношений государства с религиозными объединениями, то при обсуждении соответствующих вопросов в работе совета должны на равных правах с остальными его членами работать полномочные представители крупнейших российских религиозных объединений, без учета интересов которых данный орган вряд ли сможет стать действенным и конструктивным средством государственной политики в области связей с религиозными структурами»[486]. Характеризуя работу данного органа, заместитель председателя Союза евангельских христиан-баптистов СНГ А.М. Бычков писал о нем как о структуре, «полностью вовлеченной в политику, лавирующей между лидерами и складывающейся конъюнктурой» и предлагал его упразднить[487].

Летом 1994 г. члены Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций совместно с Комитетом по экономической политике Государственной Думы вели работу над проектом Федерального закона «Об имущественных правах и хозяйственной деятельности религиозных организаций, предприятий и учреждений в Российской Федерации». К деятельности данных органов было немало претензий. По словам депутата Г.П. Якунина Совет Государственной Думы одобрил законопроект и направил на рассмотрение в первом чтении без учета замечаний религиозных организаций, хотя текст закона

[486] Меморандум РПЦ к вопросу о рассмотрении в ГД ФС РФ вопроса о совершенствовании Российского законодательства о свободе совести и деятельности религиозных организаций // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628. Л. 23.
[487] Алексеев В.А. Постперестройка: несвободная совесть? М., 1992. С. 24.

ранее был направлен им для рассмотрения[488]. Впрочем, некоторые организации – такие, как Католическая Церковь – так и не получили текст упомянутого законопроекта и не были приглашены для участия в его обсуждении[489]. На то, что проект закона нуждается в серьезной доработке в части обеспечения имущественных прав религиозных организаций, говорили также главы протестантских конфессий.

С мая по июль 1994 г. в Правительстве была сформирована Комиссия по вопросам религиозных объединений (далее – Комиссия)[490], основные функции которой заключались в подготовке предложений по урегулированию проблем в сфере государственно-конфессиональных отношений, соблюдении и развитии законодательства о свободе совести. Блок вопросов, касавшихся передачи культового имущества религиозным организациям, контроля за сохранностью культовых ценностей, а также выделения средств из федерального бюджета на восстановление и реставрацию культовых зданий, переданных религиозным организациям, также находился в введении правительственного органа. Для урегулирования сложных ситуаций формировались отдельные рабочие группы, в том числе и выездные, призванные решать спорные вопросы на местах. За период 1994-1997 гг. «решениями Правительства РФ и местных органов власти религиозным организациям было передано свыше 4 тыс. культовых зданий, а также по инициативе Комиссии из федерального бюджета было выделено несколько сотен миллиардов рублей (в цифрах 90-х гг. XX в.) на восстановление и реставрацию возвращенных сооружений религиозного назначения»[491].

Комиссия тесно взаимодействовала с федеральными органами исполнительной власти (Минюстом России, Минкультуры России, Минобороны

---

[488] Записка депутата Государственной Думы Якунина Г. о внесении в Государственную Думу для рассмотрения в первом чтении // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628. Л. 19.

[489] Письмо Архиепископа Т.И. Кондрусевича Апостольского Администратора для католиков латинского обряда Европейской части России // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628. Л. 25.

[490] Постановление Правительства РФ от 06.05.1994 № 466 «О порядке передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества религиозного назначения, относящихся к федеральной собственности» // Российская газета. 1994. 10 июня.

[491] Шахрай С.М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). С. 58.

России, Госкомимуществом России и др.). На уровне большинства министерств существовали подразделения, курировавшие работу с религиозными организациями.

Взаимодействие между федеральными органами власти и религиозными институтами приобрели новую форму в виде соглашений о сотрудничестве. В качестве примера можно привести Соглашения о сотрудничестве между Московской Патриархией и Министерством культуры от 3 марта 1994 г., Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 12 марта 1996 г., Министерством образования Российской Федерации от 2 августа 1999 г. и др.[492]

На заседаниях Комиссии обсуждались вопросы налогообложения религиозных организаций, организации в системе Российской академии наук научного института по изучению религии, создания в системе здравоохранения реабилитационных центров для жертв, пострадавших от деятельности деструктивных культов, а также ряд финансовых вопросов, связанных с поддержкой религиозных организаций, с выделением средств из федерального бюджета на восстановление и реставрацию культовых зданий, переданных религиозным организациям[493].

Касаясь деятельности НРД, Комиссия обсуждала вопросы, связанные с поиском правового регулирования данной сферы, порядка регистрации представительств иностранных религиозных организаций. Так, в марте 1995 г. в рамках заседания Комиссии обсуждался доклад Минобразования России о практике применения Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в общеобразовательных школах России. В ходе обсуждения участники заседания признали, что влияние нетрадиционных движений распространяется и на высшую школу. «Используя слабую осведомленность руководителей и преподавателей

[492] Федирко О.П. Постсоветская трансформация на Дальнем Востоке России в источниках и историографии // Архонт. № 3. 2018. С. 80.

[493] Стенограмма заседания Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации от 30 июля 1996 г. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578. Л. 51-53.

многих государственных образовательных учреждений относительно деятельности и действительного характера тех или иных религиозных и псевдорелигиозных организаций, а также тяжелое материальное положение этих учреждений, новые религиозные движения при попустительстве должностных лиц проникают в систему государственного образования. Высшие учебные заведения, включая МГУ, превращаются в центры миссионерской работы различных деноминаций. Учитывая опыт деятельности японской религиозной корпорации «АУМ Синрикё», нетрудно представить возможные негативные последствия их проникновения в систему государственного образования»[494].

В повестку дня одного из заседаний Комиссии вошел вопрос, посвященный работе органов здравоохранения и социальной защиты по оказанию помощи лицам, пострадавшим из-за деятельности некоторых религиозных движений. По итогам обсуждения доклада, подготовленного Министерством здравоохранения, участники заседания пришли к выводу, что целью деструктивных религиозных движений является «формирование зависимого расстройства личности, что превращает вовлечённых в секту в фанатичных носителей и распространителей идей, направленных на разрушение основополагающих ценностей – личности, семьи, общества, государства». Ключевые риски, по мнению участников заседания, были связаны с тем, что в последние годы значительно усилилась не только культурно-просветительская и миссионерско-проповедническая, но и незаконная медицинская и фармацевтическая деятельность так называемых «нетрадиционных религий». Главная опасность заключалась в том, что «российская психологическая, педагогическая, юридическая наука и практика законодательной, административной и правовой систем почти не имеют опыта анализа и противодействия деструктивным группам»[495]. Для организации комплексной и доступной помощи лицам, пострадавшим от деструктивных религиозных образований планировалось, во-первых, «внести предложения по

[494] Шахрай С.М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). С. 350.
[495] Справка Министра здравоохранения и медицинской промышленности РФ Царегородцева А.Д. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578. Л. 64.

изменению и дополнению закона «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». Во-вторых, обсуждалось «создание подразделений по связям с религиозными организациями и специальной службы помощи пострадавшим, которая по типу наркологической должна осуществлять свою деятельность на условиях доступности в стенах психиатрических учреждений, а также пунктов медико-психологической помощи лицам, пострадавшим в связи с деятельностью некоторых религиозных движений» и, в-третьих, – «разработать при участии общественных и религиозных организаций программу реабилитации пострадавших лиц» [496].

Отдельного внимания заслуживает доклад, подготовленный Министерством социальной защиты населения. В документе отмечалось, что при подготовке политических решений, направленных на действенную и адресную поддержку лиц, пострадавших в связи с воздействием нетрадиционных религиозных (псевдорелигиозных) движений, необходимо четко определить проблемную область работы, уточнив при этом компетенцию государственных органов, а также характер и степень возможных рисков, чтобы устранить опасность нарушения гражданских прав и свобод. К наиболее значимым условиям принятия политических решений по оказанию помощи пострадавшим должны быть отнесены:

– «государственный подход к классификации религиозных объединений, как исторически представленных на территории России (субъектов Российской Федерации) и, следовательно, неразрывно связанных с культурным наследием народов России, национальными и семейными укладами, так и нетрадиционных, новообразованных или привнесенных культов, деятельность которых в ряде случаев сопровождается возникновением социальных напряжений между социальными и этнокультурным группами, насилием и купированием доступа к культурному наследию своего народа, что не может оставаться вне поля зрения государственных органов;

---

[496] Шахрай С.М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). С. 264.

– методология отделения религиозных и псевдорелигиозных движений, а также методология классификации деструктивных культов и тоталитарных сект (как свидетельствует опыт многих стран мира, выработка методологии такого типа – прерогатива высших органов власти в демократическом обществе. Например, во Франции этой работой занимается специальная комиссия, возглавляемая премьер-министром)»[497].

Отдельно отмечалась необходимость налаживания взаимодействия с неправительственными организациями социальной направленности и традиционными религиозными объединениями, которые способны координировать свою деятельность с работой государственных органов, поскольку защита отдельных групп риска мало эффективна вне единой стратегии и вне объединения всех сил общества.

Значительное место в рамках заседания заняло обсуждение вопроса о повышении квалификации кадров государственных и муниципальных служащих, осуществлявших на практике взаимодействие с различными религиозными движениями. Согласно данным Н.А. Трофимчука, заведующего кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, «уровень знаний большинства государственных служащих, отвечающих за связи с религиозными организациями в вопросах, касающихся истории, особенностей вероучения, культа, организационного строения, социальных ориентаций конфессий, а также принципов и правовых основ взаимоотношений государственных органов, учреждений культуры и образования с религиозными организациями на данный момент невысок и фрагментарен»[498].

Параллельно с правительственными ведомствами вопросы межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений решались подразделениями Администрации Президента Российской Федерации. В 1994-1997 гг. Управление Президента по вопросам взаимодействия с политическими

[497] Аналитическая записка к докладу Министерства социальной защиты населения Российской Федерации № 3868/1-10 от 29.08.96 г. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578. Л. 73.

[498] Стенограмма заседания Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ от 15 октября 1996 г. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578. Л. 146-149.

партиями, общественными объединениями, фракциями, депутатами Государственной думы обеспечивало взаимодействие с религиозными конфессиями и их региональными структурами, осуществляло мониторинг религиозной ситуации и межконфессиональных конфликтов на территории Российской Федерации, а также готовило предложения главе государства по совершенствованию политики в сфере государственно-конфессиональных отношений[499].

Известны случаи, когда представители религиозных организаций или отдельные верующие в целях оперативного решения возникающих вопросов использовали такой канал прямой связи, как «телефон доверия Президенту Российской Федерации». Примером может послужить обращение администратора религиозного объединения «Христианской Конгрегации Божественной Любви» Д.В. Ушакова из г. Ставрополя с жалобой на органы юстиции и суда Ставропольского края, отказавших в регистрации религиозного движения. В результате рассмотрением данного вопроса совместно с Минюстом России занималось Главное управление Президента по вопросам конституционных гарантий прав граждан[500].

В апреле 1995 г. Президент распорядился образовать новый консультативный орган – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями (далее – Совет), осуществлявший предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для Президента, в целях обеспечения взаимодействия главы государства с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества[501]. Первоначально Совет состоял главным образом из представителей различных конфессий, действовавших на территории

---

[499] Указ Президента РФ от 23.08.1994 № 1724 «Об Управлении Администрации Президента Российской Федерации по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания» // СЗ РФ. 1994. № 18. Ст. 2068.

[500] Обращение № А5-1-08-91816 от 05.05.96 г. Главное управление Президента РФ по вопросам конституционных гарантий прав граждан // ГА РФ. Ф. 10259. Оп. 1. Д. 1672. Л. 159.

[501] Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.04.1995 № 192-рп // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1644.

Российской Федерации. В марте 1996 г. состав Совета был расширен: «В настоящее время в состав Совета уже включены руководящие деятели всех основных конфессий страны. Президент пришел к выводу о желательности пополнить его руководителями ряда государственных структур», – говорилось в письме начальника Управления по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания Администрации Президента Министру юстиции[502].

В период активного обсуждения предложений и поправок к законодательству о свободе совести поднимался вопрос о создании государственного органа по делам религий. Представители религиозного сообщества отмечали, что данный орган не должен иметь никаких распорядительных полномочий, т.е. призван выступать в роли экспертно-консультативного и информационно-аналитического центра. «Он будет консультировать исполнительную вертикаль власти и осуществлять официальную религиоведческую экспертизу. При наличии информации о нарушениях она передается в прокуратуру для действий в законном порядке. В этом случае возможностей для вмешательства во внутри религиозные дела не будет. Однако лучше, чтобы статус такого органа был определён законом. Что не позволит затем действовать по “телефонному праву”», – говорилось в письме Отдела внешних церковных сношений РПЦ Председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу[503]. Вопрос о создании специального государственного органа по делам религий обсуждался на протяжении нескольких лет. При этом оговаривалась необходимость «не повторять негативную практику прежнего Совета по делам религий при Совете Министров СССР, когда дублировались порочные методы

[502] Письмо из Администрации Президента РФ. Управление по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания № А53-02/06 от 15.01.96 г. от Начальника Управления Министру юстиции РФ // ГА РФ. Ф. 10259. Оп. 1. Д. 1672. Л. 13.

[503] Письмо Отдела внешних церковных сношений Председателю Государственной думы РФ Г.Н. Селезневу с предложениями к проекту Федерального закона «О свободе вероисповеданий» // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 8.

командно-административной системы в данной области специфических отношений»[504].

В рамках одного из семинаров, организованного при поддержке Совета Государственной Думы и посвященного проблемам «тоталитарных сект» было выдвинуто предложение о создании такого органа, экспертная оценка которого позволяла бы вычленять среди религиозных движений псевдорелигиозные образования, представляющие угрозу для общества. Кроме того, предлагалось создание банка данных по всей религиозной ситуации в стране. Это исключало бы возможность ведения подпольной деятельности деструктивными религиозными движениями и, тем самым, лишало их возможности использовать ореол религиозных гонимых, который всегда вызывал сочувствие со стороны населения[505].

Общественно-просветительский фонд «Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов» предложил законодательно предусмотреть возможность создания федерального органа при Правительстве. «Государство, – говорилось в документе, – проводит свою политику в области религиозной деятельности через Федеральный комитет по делам религии при Правительстве РФ, действующий на основании настоящего Закона и других законодательных актов Российской Федерации. Проводя политику в области религиозной деятельности, государство реагирует на деятельность религиозных организаций в той мере, в какой эти организации оказывают влияние на жизнь общества»[506]. Необходимость создания данного органа обосновывалась тем, что в условиях массового распространения многочисленных, в том числе нетрадиционных религиозных движений, необходим орган, отслеживающий социальные последствия их деятельности,

---

[504] Письмо Председателю Правительства РФ Примакову Е.М. от Селезнева Г.Н. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 221. Л. 75.

[505] Стенограмма семинара по теме «Тоталитарные секты и проблемы защиты интересов и прав семьи, детей и молодежи России». Заседание Совета федерации. 07.12.1995 г. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 71. Л. 83-84.

[506] Проект поправок к Федеральному закону о внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О свободе вероисповедания», предложенный «Комитетом по спасению молодежи» // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

поскольку, согласно закону, прокуратура призвана отслеживать соответствие деятельности религиозных организаций действующему законодательству, а органы юстиции – соответствие формальных признаков уставных документов. «Государство должно реагировать на возможное влияние со стороны религиозных организаций на общество и может оказывать поддержку религиозным организациям, чья деятельность направлена на стабилизацию и гармоничное развитие общества и выражать свое негативное отношений к культам, несущим деструктивные последствия для жизни общества»[507], – отмечалось в пояснительном комментарии.

В 1996 г. в Правительство обратился заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы В.В. Борщев с просьбой предоставить информацию об известных федеральным ведомствам фактах разжигания межрелигиозной розни, подстрекательства к гражданскому неповиновению со стороны иностранных религиозных организаций[508]. Депутат отметил, что Федеральной целевой программой по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 гг. предусматривалось «обобщить материалы о влиянии социальных и медицинских последствий деятельности в России иностранных религиозных организаций, подготовить предложения о порядке осуществления деятельности таких организаций на территории России». По мнению В.В. Борщева, согласно формулировкам программы, «все «иностранные» религиозные организации являются потенциальными преступными группировками, дестабилизирующими ситуацию в стране». Депутат также обратил внимание на отсутствие законодательного разделения религиозных объединений на «иностранные» и «российские», что делает невозможным определение круга структур, в отношении которых предусмотрено установление особого порядка деятельности. Сам депутат

[507] Там же.
[508] Письмо от 23.09.1996 В.С. Черномырдину от В.В. Борщева // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 221. Л. 11.

привел в качестве примера объединение «Учение истины АУМ», чья доктрина имела иностранное происхождение[509].

Правительство поручило МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуре, Минздраву и Минтруду России подготовить соответствующую информацию. По результатам проведенной совместной работы была подготовлена «Справка о деятельности в России некоторых иностранных религиозных организаций».

Согласно данному документу, в России «получили распространение религиозные организации, в том числе незарегистрированные секты, представители которых культивируют асоциальность, отрицание конституционных обязанностей, подвергают риску нравственное, психическое и физическое здоровье граждан»[510]. Было сказано о семейных проблемах в связи с вовлечением людей в деятельность сект, нанесении психического и физического ущерба, уклонении от уплаты налогов, антиобщественных и антигосударственных действиях. Говорилось об усилении просветительской и миссионерско-проповеднической, незаконной медицинской и фармацевтической деятельности религиозных организаций, а также течений, относящихся к так называемым «нетрадиционным религиям».

В справке МВД были названы и конкретные религиозные объединения: «Церковь Христа», «ассоциация Святого Духа», «За объединение Всемирного христианства Преподобного Муна», «Общество Сознания Кришны», «великое Белое Братство», «Ассоциация студентов по исследованию принципа «Карп», «Объединение Фонд Новой Святой Руси «Богородичный Центр», «Учение Истины АУМ» (АУМ Синрикё), «Церковь Последнего Завета», «Единая Вера отца Виссариона». Кроме перечисленных, отдельно указывались «Свидетели Иеговы», «Церковь объединения Муна», «Церковь Иисуса Христа святых последних дней», «Новоапостольская церковь», «Истинно Православная Церковь», которые пользовались пробелами правового регулирования, обладали

[509] Там же. Л. 10-11.

[510] Справка о деятельности в России некоторых иностранных религиозных организаций (по материалам МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, Минсоцзащиты, Минздрава России) // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 221. Л. 13.

значительными финансовыми возможностями и активно вовлекали в свою деятельность российских граждан, особенно молодежь. Отдельно говорилось о том, что иностранные представители этих организаций, используя религиозное прикрытие, создают «управляемые структуры, позволяющие собирать социально-политическую, экономическую, военную и иного рода информацию о процессах, определяющих стратегическое положение России».

Особое внимание в информационной справке (помимо «АУМ Синрикё») было уделено нескольким религиозным организациям:

- «Вузовская ассоциация по изучению Принципа», чье «вероучение направлено на полное изменение у людей системы моральных ценностей». «Вовлечение молодых людей в асоциальные религиозные группы приводит к разрушению семейных отношений, тормозит их психическое и социальное развитие, деформирует структуру личности, восстановление которой требует специальной психологической и социальной коррекции».

- Религиозный центр «Юнивер». Его последователи организовывали в ряде школ Москвы «различные нетрадиционные курсы, программы которых представляют собой псевдонаучное и эклектическое обобщение различных оккультных учений, в связи с чем включение их в учебные планы может нанести существенный ущерб как психологическому развитию личности ребенка, так и системе образования в целом».

- «Свидетели Иеговы», за 4 года заполонившие «сетью своих центров всю Россию, организовав сотни общин в различных городах и областях страны». Как отмечалось в справке, «эта секта имеет сильную антигосударственную, антисоциальную и антитрадиционную, в том числе и антихристианскую направленность, накладывает запреты на участие человека в жизни государства и общества, по религиозным соображениям запрещает своим адептам переливание крови даже в случаях, угрожающих жизни члена секты или его ребенка, что уже привело к смертельным исходам».

- «Сайентологическая церковь», «считающаяся одной из наиболее агрессивных тоталитарных сект в мире. По мнению некоторых экспертов,

Церковь сайентологии является одной из разновидностей сатанинских сект, имеющих явно криминогенную направленность и активно применяющей психотропные вещества в целях получения управляемого типа личности у своих адептов (рядовых членов)».

В справке говорилось о том, что «рассматриваемая проблема носит комплексный характер и требует скоординированных действий специалистов разного профиля (включая психиатров, психологов и юристов). На уровне государственных властных структур требуется координация деятельности законодательных, правоохранительных и судебных органов»[511].

Материалы аналитического характера, схожие с процитированным выше, получили широкое распространение. В 1996 г. вышел выпуск Аналитического вестника, куда вошел меморандум «О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций», подготовленный депутатом Н.В. Кривельской. Актуальность темы была обусловлена предстоящим рассмотрением в Государственной Думе изменений в законодательство о свободе вероисповеданий[512]. В публикации было сказано о том, что в России «действует множество сект, в том числе тоталитарных и жестко руководимых из-за рубежа». Ссылаясь на исследования экспертов МВД, автор писала о растущем количестве правонарушений со стороны тоталитарных сект. Были приведены некоторые цифры – «более 50 крупных сект», «6000 сект зарегистрированы официально», «в Москве действуют 80 сект только корейского происхождения». Также указывалось на опасность «активных попыток проникновения сектантов или их сторонников в государственные структуры»[513].

Согласно закону 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» «надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях

[511] Там же. Л. 14-16.
[512] Аналитический вестник. Выпуск 28. Серия : Оборона и безопасность – 8. Москва, 1996. Информационно-аналитический материал: «О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций». // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 221. Л. 43.
[513] Там же. Л. 44.

осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации»[514]. В законе говорилось о том, что на основании требования прокурора в рамках надзора за исполнением законов в отношении религиозных организаций может быть проведена внеплановая проверка по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям. Органы прокуратуры наряду с федеральным органом государственной регистрации и его территориальными органами, а также органами местного самоуправления вправе вносить в суд представление о ликвидации религиозной организации либо о запрете деятельности религиозной организации или религиозной группы[515].

В качестве примера деятельности прокуратуры в этом направлении можно привести историю проверки организации «АУМ Синрикё», активно осуществлявшей свою деятельность на территории Российской Федерации. «Российский филиал религиозной организации АУМ Синрикё»[516] был официально зарегистрирован в 1992 г. Министерством юстиции (свидетельство о регистрации №152 от 18.06.1992 г.). В 1994 г. в результате проведенной прокуратурой г. Москвы проверки было установлено, что «список лиц-учредителей Российского Филиала Японской религиозной корпорации «АУМ Синрикё» фальсифицирован. Большинство подписавшихся под учредительным документом (8 из 11) учредителями себя не считают, с содержанием устава не ознакомлены, никакого участия в деятельности филиала не принимали и считают, что их подписи получены обманным путем»[517]. Решением Минюста России регистрация религиозной организации была отменена в связи с обнаружением подлога документов. Однако, как отмечается в письме председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации В.И. Илюхина,

---

[514] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[515] Там же.

[516] Лебединец И.Н. Свобода совести – абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 170.

[517] Официальное уведомление Министерства юстиции Российской Федерации №08-217 от 19 июля 1994 г. об отмене регистрации устава религиозной организации «АУМ Синрикё». URL: http://narovol.narod.ru/_bk_ZDnZ8UGDTD/vost_s/aum/006.htm (дата обращения: 17.05.2021).

незадолго до этого Управлением юстиции г. Москвы была зарегистрирована «Московская организация учения истины АУМ»[518]. 21 февраля 1994 г. Генеральной Прокуратурой было возбуждено уголовное дело в отношении организаторов «Российского филиала религиозной секты “АУМ Синрикё”» и «Московской организации учения истины АУМ» по признакам преступлений, предусмотренных ст. 113 (истязание), ст. 143-1 (организация объединений, посягающих на личность и права граждан), ст. 148-3 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) УК РСФСР[519]. В ряд регионов страны Генпрокуратурой были направлены указания о необходимости проведения прокурорских проверок деятельности местных отделений «АУМ Синрикё», проводились различные экспертизы и исследования с участием специалистов по психиатрии. Параллельно шло судебное разбирательство на основании гражданского иска общественного фонда «Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов» в отношении «Московской организации АУМ Синрикё», обвиняемой в совершении актов психического насилия. В апреле 1995 г. было вынесено судебное решение о прекращении деятельности данной структуры, на нее был наложен штраф на сумму 20 млрд. руб. за причиненный моральный и материальный ущерб, а также запрещена теле- и радиотрансляция передач[520].

Отдельно упомянем о введенном в 1997 г. в систему государственных органов институте Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, основной задачей которого являлось «обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и

---

[518] Официальный ответ председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации В.И. Илюхина депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации №3.14-708 от 3 апреля 1995 г. на поручение от 24 марта 1995 г. URL: http://narovol.narod.ru/_bk_ZDnZ8UGDTD/vost_s/aum/003.htm (дата обращения: 17.05.2021).

[519] Там же.

[520] Пронина Л. Эти благочестивые пострашнее мафии // Рабочая трибуна. 1995. 20 мая // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45. Л. 15.

должностными лицами»[521]. Особенностью данного института в отличие от рассмотренных ранее, является «отсутствие исполнительных функций», «публично-правовой характер, основанный на авторитете конкретного человека», а также «открытость, политическая нейтральность и самостоятельность»[522]. В условиях отсутствия федерального государственного органа, осуществлявшего в масштабе всей страны мониторинг нарушений прав граждан в сфере свободы совести, процессы, происходившие в данной области, отслеживал институт Уполномоченного по правам человека. Рассмотрением жалоб и обращений представителей религиозных объединений и верующих из различных субъектов Российской Федерации, в которых сообщалось о нарушениях прав граждан на свободу совести и неправомерном ограничении деятельности религиозных объединений, занимался специальный отдел, выделенный в структуре аппарата Уполномоченного по правам человека. Анализ информации, содержавшейся в жалобах и обращениях граждан, материалах неправительственных правозащитных организаций, сообщениях СМИ, позволяет выделить группу наиболее распространенных нарушений прав в области свободы совести, к которым относятся:

– отказ в регистрации или перерегистрации религиозных объединений;

– отказ в строительстве или передаче ранее изъятых в административном порядке культовых зданий и другого религиозного имущества;

– распространение в средствах массовой информации ложных или непроверенных материалов о деятельности религиозных объединений, способствующую разжиганию религиозной розни и нетерпимости;

– неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности отдельных религиозных движений;

---

[521] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[522] Ухтияров А.И. Уполномоченный по правам человека как публично-правовой институт защиты прав граждан // Омбудсмен. 2013. № 1. С. 29-33.

– несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений и использование бюджетных средств для строительства культовых зданий;

– превышение полномочий сотрудниками правоохранительных органов и др.[523]

Таким образом, на федеральном уровне сформировалась группа ключевых государственных институтов, осуществлявших координационные и консультативные функции в сфере государственно-конфессиональных отношений. К их числу относились Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений (ранее – Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций) Государственной Думы, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте. Сопоставляя деятельность рассматриваемых институтов, подчеркнем законотворческий, координационный и консультативный характер выполняемых ими функций. Комитет Государственной Думы вел работу по разработке федерального законодательства в области свободы совести и религиозных объединений, а также организовывал парламентские слушания и другие формы обсуждения проектов. Основной задачей двух последних структур являлась разработка рекомендаций и предложений в области государственно-конфессиональных отношений в одном случае – для Правительства, в другом – для Президента. Различается роль представителей религиозных организаций в данных структурах: если в Комиссии они выступали в качестве приглашенных гостей и экспертов, то в Совете являлись членами-участниками с правом решающего голоса. При этом Комиссия должна была функционировать постоянно, ее функции - охватывать широкий круг проблем, а Совет - собираться несколько раз в год для обсуждения наиболее важных вопросов. Комиссия,

[523] Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году» // Российская газета. 2002. 25 июня; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. 2006. 21 июня.

помимо своих основных функций, совместно с Комитетом Государственной Думы могла создавать рабочие группы для проработки проектов профильных законов.

Контрольно-надзорные функции по обеспечению защиты прав и свобод граждан, соблюдению российского законодательства о свободе совести и его соответствию международно-правовым обязательствам Российской Федерации, организации деятельности по государственной регистрации и др. закреплялись за Министерством юстиции, органами прокуратуры, правоохранительными и судебными органами, а также иными органами исполнительной власти Российской Федерации (Министерством внутренних дел, Министерство иностранных дел, Федеральной миграционной службой, Федеральной службой безопасности и др.), которые в рамках своей сферы деятельности сталкиваются с различными аспектами религиозной жизни общества.

По мнению С.М. Шахрая, период 1994-1997 гг. являлся важным «этапом становления новой модели государственно-конфессиональных отношений в России», пришедшим на смену «ликвидаторскому этапу» 1990-1993 гг. и характеризовавшимся возобновлением контроля государства за состоянием религиозной ситуации[524]. В этот период были сформированы основные институты государственной власти, реализовывавшие религиозную политику и обеспечивавшие контроль за сферой государственно-конфессиональных отношений, предпринята попытка ограничения миссионерской активности и деструктивной деятельности НРД, принято новое законодательство в сфере свободы совести.

3.3. 1997-2015 гг.: эволюция органов власти, осуществлявших взаимодействие с нетрадиционными религиозными движениями на федеральном, региональном и местном уровнях

[524] Шахрай С.М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). С. 52.

После принятия нового законодательства о свободе совести и создания системы федеральных институтов, регулировавших данную сферу, необходимо было обеспечить координацию деятельности государственных органов всех уровней власти. По мере определения стратегического вектора развития и корректировки политики в сфере государственно-конфессиональных отношений расширялись и дополнялись функции федеральных институтов государственной власти. Немаловажная роль в регулировании религиозной жизни общества отводилась региональным властям и органам местного самоуправления, поскольку именно на местах можно было своевременно предотвратить назревающий конфликт, принять решение о передаче культовых сооружений или имущества религиозного назначения и разрешить другие практические вопросы.

Начиная с 1996-1997 гг. в целях координации взаимоотношений государственных и религиозных институтов (в соответствии с федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы»[525], Распоряжением Президента Российской Федерации «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями»[526], Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г.[527] и др.) на региональном и местном уровнях началось создание консультативно-совещательных органов в виде советов, комиссий и комитетов по межнациональным и межконфессиональным отношениям при главах субъектов и главах муниципальных образований[528].

---

[525] Постановление Правительства РФ от 03.06.1998 № 565 «О Порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» // СЗ РФ. 1998. № 23. Ст. 2560.

[526] Распоряжение Президента РФ от 24.04.1995 №92-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1644.

[527] Постановление Правительства РФ от 01.05.1996 № 547 «Об одобрении и представлении на утверждение Президента Российской Федерации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2312.

[528] Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан от 03.11.1998 № 247 «О совершенствовании форм и методов работы Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1999. № 4. Ст. 305; Указ Президента Республики Бурятия от 19.08.1997 № 201 «Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной

Общей целью создания данных консультативных органов было обеспечение взаимодействия органов власти, органов местного самоуправления, национальных, общественных и религиозных организаций при рассмотрении вопросов, касающихся передачи культовых зданий и иного религиозного имущества, соблюдения законодательства о свободе совести, сохранения межконфессионального мира и согласия. Иногда перед подобными консультативными советами ставились более конкретные задачи, например, «принятие решения об отнесении вероучения к нетрадиционному или традиционному»[529], «решение вопросов, связанных с преподаванием религиоведческих учебных дисциплин»[530], «проведение религиоведческой экспертизы»[531].

В Республике Бурятия сложилась практика обсуждения вопросов межнационального и межрелигиозного взаимодействия и согласования с представителями общественности деятельности республиканских органов власти. Поэтому в состав совета были включены не только представители государственных и религиозных институтов, но и специалисты в области

деятельности при Президенте Республики Бурятия» // СПС КонсультантПлюс; Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 04.08.1998 № 236 «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями в Чувашской Республике» // Собрание законодательства ЧР. 1998. № 7-9. Ст. 334; Постановление Администрации Красноярского края от 06.03.1996 № 151-П «Об образовании совета по взаимодействию с религиозными объединениями при администрации края и утверждении Положения о нем» // СПС КонсультантПлюс; Постановление Мэра города Томска от 30.06.1999 № 454 «О создании координационного совета по вопросам религиозных объединений» // Томский вестник. 1999. № 127; Постановление Губернатора ХМАО от 09.09.1998 № 381 «Об утверждении Положения об экспертно-консультативном совете и его персональном составе» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа 1998. № 9. Ст. 791.

[529] Постановление Администрации Алтайского края от 27.06.1997 № 392 «Об утверждении Положения об экспертно-консультативном Совете» // Сборник законодательства Алтайского края. 1997. № 14.

[530] Постановление Мэра города Томска от 30.06.1999 №454 «О создании координационного совета по вопросам религиозных объединений» // Томский вестник. 1999. № 27.

[531] Постановление Губернатора ХМАО от 09.09.1998 № 381 «Об утверждении Положения об экспертно-консультативном совете и его персональном составе» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 1998. № 9. Ст. 791.

религиоведения, медицины, педагогики и правоведения[532]. В результате совет выступал в качестве «открытой площадки» для осуществления диалога и взаимодействия со структурами гражданского общества в целях создания условий по достижению межнационального и межконфессионального согласия.

Председателем совета, как правило, назначался глава субъекта или муниципального образования, либо его заместитель. Состав советов в основном формировался из представителей исполнительных органов государственной власти, территориальных органов федеральных органов власти, местного самоуправления, Общественной палаты, национальных и общественных объединений, религиозных, культурных и образовательных организаций, ученых и других специалистов. Среди представителей различных конфессий наиболее часто встречались члены православных и мусульманских религиозных организаций. В ряде регионов в состав совет помимо представителей РПЦ входили представители католичества (Псковская и Орловская области)[533]; старообрядчества (Республика Алтай)[534]; адвентистов седьмого дня (Оренбургская область); баптистов (Тамбовская[535], Псковская области);

[532] Указ Президента Республики Бурятия от 19.08.1997 № 201 «Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия» // СПС КонсультантПлюс.

[533] Указ Губернатора Орловской области от 23.10.2014 № 390 «О создании координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области». URL: https://orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&docid=6165 (дата обращения: 17.05.2021); Постановление Администрации Псковской области от 29.03.2011 № 109 «О создании Совета по межнациональным и межрелигиозным отношениям при Администрации области» // Псковская правда. 2011. № 56-57.

[534] Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 31.12.2015 № 411-у «О Совете по межрелигиозным отношениям при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2015. № 130.

[535] Постановление администрации Тамбовской области от 31.10.2014 № 1334 «О межведомственной комиссии по вопросам межнациональных (межэтнических) отношений, укрепления гражданского единства, этнокультурного развития народов, населяющих Тамбовскую область, при главе администрации области». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6800201411060006 (дата обращения: 17.05.2021).

пятидесятников (Оренбургская область[536], Республика Алтай); буддистов (Республика Алтай); иудеев (Воронежская, Тюменская области)[537].

Чтобы подробнее рассмотреть работу органов, осуществлявших координационные, информационные и консультативные функции в религиозной сфере на региональном уровне, остановимся на деятельности Комитета по связям с религиозными организациями Правительства Москвы. Пережив ряд структурных преобразований с момента создания[538], данный орган сосредоточился на осуществлении таких функций, как проведение на территории Москвы единой религиозной политики, укрепление контактов и координационных связей с представителями религиозных движений различный конфессий. Задачи данного органа заключались в создании банка данных о религиозных объединениях по городу Москве, оказании по просьбе религиозных движений содействия в установлении контактов с государственными органами и необходимой помощи по вопросам, требующим их решений, а также в обеспечении соблюдения законодательства о свободе совести.

Для работы с религиозными объединениями, в том числе с НРД, в структуре Комитета были созданы отдел по связям с православными религиозными

---

[536] Указ Губернатора Оренбургской области от 17.09.2009 № 204-ук «Об образовании совета при Губернаторе Оренбургской области по взаимодействию с религиозными объединениями» // Оренбуржье. 2009. № 149.

[537] Постановление Администрации городского округа город Воронеж от 05.03.2012 № 163 «О создании координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при администрации городского округа город Воронеж» // Берег. 2012. № 24; Распоряжение Правительства Тюменской области от 31.03.2011 № 349-рп «О создании Координационного совета по вопросам гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений в Тюменской области» // СПС КонсультантПлюс.

[538] Распоряжение Вице-мэра г. Москвы от 04.10.1991 г. № 295 РВМ «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями» // ЦГА Москвы. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Постановление Правительства Москвы от 25.05.1993 № 505 «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями Правительства Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 1993. № 14; Распоряжение Мэра Москвы от 30.09.1996 г. №335/1-РМ «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями Правительства Москвы» // СПС КонсультантПлюс; Постановление Правительства Москвы от 16.09.2003 № 770-ПП «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями города Москвы» // СПС КонсультантПлюс; Постановление Правительства Москвы от 21.12.2010 № 1081-ПП «О создании Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 1.

организациями и отдел по связям с христианскими, мусульманскими, иудейскими, буддистскими и другими религиозными организациями[539].

В случае возникновения конфликтных ситуаций между различными конфессиями, перед городскими органами власти стояла задача по удержанию ситуации в правовом поле и не допущению вовлечения широких масс верующих в открытое противостояние. Одной из проблем, которая могла привести к обострению религиозной ситуации в Москве, являлось отсутствие собственных культовых зданий у религиозных объединений. Возможности города в этом аспекте были ограничены ввиду отсутствия свободных земель, поэтому вопросы землеотвода под указанные цели решались непросто (длительные сроки рассмотрения просьб о выделении земельных участков, их неоднократная замена, предложение участков, непригодных для размещения культовых зданий). Например, Церкви «Эммануил» был выделен земельный участок под строительство молитвенного дома в парке около станции метро «Проспект Вернадского». Но в период согласования всех необходимых документов, эта территория вошла в состав природоохранного комплекса. После чего Префектура ЗАО и Управа района «Проспект Вернадского» выступили категорически против строительства здания на этом месте. Верующие, затратившие в течение нескольких лет средства на разработку проекта, проводили пикеты и настаивали на размещении церкви на ранее отведенном участке[540].

Подобные конфликтные ситуации возникали в связи с требованиями общины Духовных христиан молокан в Южном административном округе города Москвы и Московского Общества Сознания Кришны в Молжаниновском районе Северного административного округа города Москвы[541].

---

[539] Распоряжение Мэра Москвы от 30.09.1996 г. № 335/1-РМ «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями Правительства Москвы» // СПС КонсультантПлюс.

[540] Отчет о работе Комитета по связям с религиозными организациями Правительства Москвы в 2001 г. // ЦГА Москвы. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

[541] Там же. Л. 4.

Необходимо отметить, что зачастую представители различных религиозных объединений стремились отвечать на несправедливые, с их точки зрения, решения проведением массовых акций протеста. Нередки были случаи прекращения или непродления договоров по предоставлению помещений религиозным организациям, в результате чего богослужения проводились в квартирах или на улицах, что неизбежно вызывало недовольство. В подобных случаях предпринимались попытки урегулировать ситуацию посредством диалога между религиозными активистами и местными органами власти.

Помимо строительства новых религиозных зданий, остро стояла проблема содержания уже имеющихся культовых сооружений: расходы на текущий ремонт, ремонтно-реставрационные работы и оплата коммунальных платежей поглощали значительную часть пожертвований прихожан, в то время как большинство храмов являлись объектами культурного наследия. Правительство Москвы активно взаимодействовало с религиозными организациями по вопросу сохранения исторического облика города, неотъемлемую частью которого составляют старые храмы различных конфессий.

Одно из направлений деятельности Комитета заключалось в работе с обращениями граждан, а также оказании консультативной помощи, что обеспечивало возможность представителям различных религиозных объединений, в том числе нетрадиционных конфессий, вести диалог с представителями властных структур через официальные каналы. В подобных обращениях верующие нередко затрагивали вопросы, связанные с обострением межконфессиональных отношений. В 1997 г. в адрес мэра Москвы массово поступали письма от членов религиозной организации «Свидетели Иеговы», представителей различных профессий (врачей, архитекторов, предпринимателей, юристов) из различных стран мира – Чехии, Польши, Австрии, Канады и др.[542] Письма были посвящены «разгоревшейся в России кампании клеветнической пропаганды, направленной против Свидетелей Иеговы». Авторы выражали

[542] Обращения к Мэру Москвы Ю.М. Лужкову членов религиозной организации «Свидетели Иеговы» // ЦГА Москвы. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-40.

беспокойство тем фактом, что «вместо дискуссии на тему мировоззрения этой христианской конфессии, имеет место безосновательная их дискредитация», имеет место «ограничение права свободно исповедовать эту религию». В письмах к мэру Москвы отмечалось, что «Свидетели Иеговы не являются сектой или организацией тоталитарного характера, их деятельность носит открытый характер, направленный прежде всего на пользу общества, семьи и отдельной личности», высказывались просьбы обеспечить поддержку данной религиозной организации[543].

Одним из важнейших направлений работы государственных органов всех уровней со второй половины 1990-х гг. становится борьба с экстремизмом. Ключевым фактором, активизировавшим данное направление деятельности, послужил военный конфликт на Северном Кавказе. Одним из трагических событий в рамках этого противостояния стало вооруженное нападение в 1995 г. на г. Буденновск (Ставропольский край), последствия которого имели огромное значение для государства и общества.

В дни, когда террористы еще продолжали удерживать заложников, Государственная Дума Российской Федерации приняла постановление, содержавшее рекомендации и предложения по принятию безотлагательных мер. Комитетам Государственной Думы по делам национальностей, по делам Федерации и региональной политике, по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками во взаимодействии с Министерством по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации поручалось «разработать дополнительные срочные меры по достижению на Северном Кавказе межнационального согласия и недопущению экстремизма на национальной и религиозной почве»[544].

---

[543] Обращения к Мэру Москвы Ю.М. Лужкову членов религиозной организации «Свидетели Иеговы» // ЦГА Москвы. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 9. Л. 38, 40.

[544] Постановление ГД ФС РФ от 16.06.1995 № 893-1 ГД «О мерах по недопущению проявлений терроризма в Российской Федерации (в связи с трагическими событиями в городе Буденновске Ставропольского края)» // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2444.

В 1997 г. была образована Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации[545]. Комиссия являлась «консультативным органом, образованным в целях согласованного осуществления органами государственной власти мер по предупреждению и пресечению политического экстремизма в Российской Федерации». Используемый в тексте указа термин «политический экстремизм» толковался достаточно широко, его содержание определялось прежде всего через перечисление последствий его деятельности: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»[546].

В том же году была принята Концепция национальной безопасности Российской Федерации – «политический документ, отражающий совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей»[547]. Документ принимался, согласно преамбуле соответствующего президентского указа, «в целях консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и граждан Российской Федерации по обеспечению национальных интересов и безопасности Российской Федерации»[548].

---

[545] Указ Президента РФ от 27.10.1997 № 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 211.
[546] Там же.
[547] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 247.
[548] Там же.

В 1999 г. в послании Президента «Россия на рубеже эпох» неоднократно звучало определение «религиозный экстремизм». Б.Н. Ельцин использовал данный термин в следующих контекстах:

- указывая, что Министерству юстиции в рамках предвыборного периода необходимо «активно использовать предусмотренные законом меры предупреждения и даже аннулирование регистрации за действия, нарушающие Конституцию, провоцирующие национальный, социальный и религиозный экстремизм»;

- говоря об укреплении взаимодействия с Центрально-Азиатскими государствами СНГ, необходимости осуществления политики, нацеленной «на поддержание безопасности в этом регионе, противодействие политическому и религиозному экстремизму»;

- говоря о необходимости осуществления решительных мер «по борьбе с терроризмом и распространением наркотиков. Только объединение усилий всех государств мира позволит эффективно противодействовать негативным тенденциям интернационализации такого рода деятельности. Считаем, что на пороге нового тысячелетия необходима разработка международных правовых норм, предусматривающих ответственность за использование религии и религиозных объединений в целях политического экстремизма»[549].

Представляет интерес статистика уголовных дел по преступлениями, связанными с проявлением политического экстремизма за 1998-1999 гг., представленная в материалах Генеральной прокуратуры[550]. Уголовные дела, связанные политическим экстремизмом, относились к нескольким статьям УК РФ – ст. ст. 136, 148, 239, 280, 282, 354. В 1998 г. органы прокуратуры расследовали 25 уголовных дел по ст. 282 УК РФ («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»): в Москве – 8 дел, в Республике Дагестан – 3, в

[549] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1999. № 60.

[550] Краснов М. Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. 2000. № 1.

Ставропольском крае – 2, в Республике Алтай – 2, в Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Московской, Архангельской, Томской, Нижегородской, Челябинской, Читинской, Смоленской и Вологодской областях – по 1. В 1999 г. количество дел составило 10. За два года до рассмотрения судом этих дел доходила меньшая часть (6 – направлено в суд, 11 – прекращено, 13 – находятся в производстве следователей).

Также были возбуждены дела и по другим статьям УК РФ, связанным с политическим экстремизмом. В Москве по результатам проверки деятельности региональной общественной организации «Гуманистический центр Л.Р. Хаббарда» и Сайентологической церкви г. Москвы прокуратурой было возбуждено дело по ст. 171 и 239 УК РФ. В Нальчике было возбуждено уголовное дело по ст. 115, 119 и 148 УК РФ в отношении двух граждан, причинивших телесные повреждения членам общины Свидетелей Иеговы[551].

Таким образом, количество уголовных дел, а также география их распространения не дают оснований говорить о широте распространения политического экстремизма или его однозначной связи с теми или иными религиозными течениями.

Летом 1999 г. была предпринята попытка принять закон «О противодействии политическому экстремизму»[552]. Правительство внесло в Государственную Думу соответствующий законопроект, однако до его рассмотрения в то время дело не дошло.

Правовые акты, нацеленные на борьбу с проявлениями религиозного экстремизма, разрабатывались и вводились в действие в тот период органами власти субъектов Российской Федерации. Особую активность проявляли республики Северного Кавказа, где были приняты законы и подзаконные акты, касавшиеся ограничения деятельности миссионеров и сторонников экстремистских религиозных течений. Устанавливались различного рода санкции

---

[551] Там же.

[552] Проект Федерального закона № 99058804-2 «О противодействии политическому экстремизму» // СПС КонсультантПлюс.

за нарушения вводимых норм[553]. В 1999 г. Республике Дагестан был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»[554], в соответствии с которым запрещались:

- создание и функционирование ваххабитских и других экстремистских организаций (объединений), деятельность которых направлена на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства, нарушение общественной безопасности и общественного порядка, создание вооруженных формирований, пропаганду войны, разжигание национальной, расовой и религиозной розни, посягательство на права и свободы граждан, побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий;

- деятельность религиозных миссий, их филиалов, религиозных учебных заведений, благотворительных и других фондов, военно-спортивных и других лагерей, отдельных миссионеров, физических лиц, проповедующих идеи экстремистского толка;

- изготовление, хранение и распространение печатных изданий, кино-, фото-аудио-, видеопродукции и других материалов, содержащих идеи экстремизма и сепаратизма, противопоставление людей по национальному или конфессиональному признаку, призывы к насильственному изменению конституционного строя[555].

---

[553] Напр.: Постановление Правительства КБР от 27.10.1998 № 540 «О мероприятиях по взаимодействию с религиозными конфессиями и их государственной поддержке» // СПС КонсультантПлюс; Закон Карачаево-Черкесской Республики от 04.05.2000 № 6-РЗ «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. 2000. № 52; Закон Республики Ингушетия от 08.12.1998 № 18-РЗ (ред. от 10.08.2000) «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в Республике Ингушетия» // Ингушетия. 1999. № 41.

[553] Закон Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» // Кабардино-Балкарская правда. 2001. № 112.

[554] Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 1999. № 9. Ст. 3290.

[555] Там же.

Добиться перелома в борьбе с экстремизмом, однако, не получалось. Беспокойство нарастало в связи с новыми террористическими актами (серия взрывов жилых домов в российских городах осенью 1999 г.), география которых выходила за пределы Северного Кавказа и приграничных территорий. В сентябре 1999 г. депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края и Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея выступили с совместным обращением, выражая особую тревогу и глубокую озабоченность «взрывоопасной ситуацией, сложившейся на Северном Кавказе. При попустительстве и фактическом бездействии федеральных властей один из важнейших для России регионов превращен в полигон для экстремистских выходок, нагнетания религиозной и межнациональной вражды. Гибнут ни в чем не повинные люди в Чечне и Дагестане. Эхо бездарной внутренней политики разносится по всей России, гремят взрывы в Москве и Буйнакске, Владикавказе и Черкесске. В Карачаево-Черкесии зреет напряженность, способная перерасти в очередной кровопролитный конфликт, который сегодня еще можно предотвратить»[556].

Региональные власти фактически обвинили «официальный Кремль» в том, что он «занимает выжидательную позицию и, по сути, выступает в роли стороннего наблюдателя». Президент Российской Федерации, говорилось в обращении, «бросил на самотек положение дел в Карачаево-Черкесской Республике, где на протяжении длительного времени царит безвластие, оказывающее разрушительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие народов республики. Возрастает опасность непродуманных шагов, опрометчивых поступков и политических провокации»[557].

Ситуация в республиках Северного Кавказа и соседних регионах, подвергавшихся военной и террористической угрозе, требовала принятия более решительных мер со стороны федеральных органов власти. Озабоченность

[556] Постановление ЗС Краснодарского края от 13.09.1999 № 263-П, ГС - Хасэ Республики Адыгея от 13.09.1999 № 584-1 «Об обращении депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края и Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея» // Советская Адыгея. 1999. № 178.
[557] Там же.

данной проблемой проявляла общественность многих регионов России, власти которых принимали схожие нормативно-правовые акты[558] и создавали специальные структуры по противодействию религиозному экстремизму[559]. Закон Кабардино-Балкарской Республики[560] запрещал осуществление экстремистской религиозной деятельности, под которой понималась «деятельность религиозных объединений и отдельных лиц, религиозная миссионерская деятельность, прямо или косвенно пропагандирующие насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности Кабардино-Балкарской Республики (и) или Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание незаконных вооруженных формирований, религиозную нетерпимость, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, разрыв семейных или родственных отношений, а также сопровождающиеся нанесением ущерба психическому, нравственному состоянию человека». Под религиозным миссионерством понималась «деятельность по проповедованию и распространению религиозного вероучения, в том числе посредством религиозной просветительской и благотворительной деятельности, привлечению граждан к религиозной практике»[561]. В некоторых регионах под влиянием принятых мер намечались положительные сдвиги. Об этом, в

---

[558] Закон Карачаево-Черкесской Республики от 04.05.2000 № 6-РЗ «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. 2000. № 52; Закон Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» // Кабардино-Балкарская правда. 2001. № 112.

[559] Приказ Минюста РБ от 27.04.2000 № 81 «О создании Совета при Министерстве юстиции Республики Башкортостан по взаимодействию правоохранительных и контролирующих органов в области деятельности религиозных и общественных объединений» (вместе с «Составом Совета при Министерстве юстиции Республики Башкортостан по взаимодействию правоохранительных и контролирующих органов в области деятельности религиозных и общественных объединений») // СПС КонсультантПлюс; Распоряжение Президента Республики Адыгея от 20.11.2000 № 191-рп «О рабочей группе Совета безопасности при Президенте Республики Адыгея по противодействию религиозному экстремизму» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2000. № 11.

[560] Закон Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» // Кабардино-Балкарская правда. 2001. № 112.

[561] Там же.

частности, говорилось в отчете Министерства юстиции Республики Башкортостан за 1999 г.[562] Президент Республики Башкортостан оценивал 2000 г. как «год начала подъема экономики, улучшения условий жизни населения, новых достижений в сфере культуры, духовной жизни общества». Глава субъекта отмечал, что «сложившиеся за последние годы социально-политическая стабильность, межнациональный мир, отсутствие религиозного экстремизма являются надежной основой устойчивого прогресса Башкортостана»[563].

Реакция федерального центра на возникавшие угрозы и вызовы была многомерной и включала меры как силового, так и правового характера. В 2000 г. были внесены изменения в упоминавшуюся ранее Концепцию национальной безопасности[564], продемонстрировавшие изменение приоритетов в сфере противодействия экстремизму. В частности, говорилось, что задачей является не только борьба с радикальными проявлениями насилия, но и нейтрализация «причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий – социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма»[565].

Таким образом, усиление «антиэкстремистского» вектора государственной политики способствовало более глубокой законодательной проработке мер по борьбе с экстремизмом. Задача не только противодействия данному явлению, но и его «нейтрализации», устранения его причин отразилась в новом правовом акте – Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»[566].

---

[562] Постановление Кабинета Министров РБ от 25.10.1999 № 338 «О деятельности Министерства юстиции Республики Башкортостан по выполнению задач, поставленных в Послании Президента Республики Башкортостан Государственному Собранию Республики Башкортостан» // СПС КонсультантПлюс.

[563] Послание Президента РБ Государственному Собранию РБ от 07.04.2001 «К рубежам устойчивого развития (О положении в республике и программе дальнейших действий)» // Республика Башкортостан. 2001. № 72.

[564] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 247.

[565] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[566] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

С принятием в 2002 г. данного закона круг полномочий органов, осуществлявших контрольно-надзорные функции в религиозной сфере, существенно расширился. Так, органы прокуратуры стали рассматриваться как один из главных инструментов противодействия экстремизму, что выражалось в предоставлении прокурорам дополнительных полномочий, направленных как на пресечение, так и на устранение проявлений религиозного экстремизма при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях.

В совместном распоряжении Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД, ФСБ «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» прокурорам субъектов Российской Федерации было поручено «по каждому задокументированному факту существования организаций экстремистской направленности рассматривать вопрос о подготовке в суд заявлений об их ликвидации и (или) запрете деятельности. При направлении в суд таких заявлений выносить решения о приостановлении деятельности указанных в обращении объединений»[567].

Таким образом, правовой статус органов прокуратуры не только определял их роль в борьбе с нарушением российского законодательства, в том числе в религиозной сфере, но и давал им возможность действовать совместно с контролирующими и надзорными органами на всех уровнях управления и на всей территории Российской Федерации.

Так, в Оренбургской области в 2005 г. было проведено совещание представителей органов власти и правоохранительных органов региона по поводу активизации «деятельности деструктивных религиозных организаций». Отмечалось, что «противодействие правоохранительных органов по сковыванию

[567] Распоряжение Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // СПС КонсультантПлюс.

активности и локализации нетрадиционных религиозных течений не в полной мере отвечает сложившейся оперативной обстановке в регионе». На территории субъекта функционировал ряд объединений, «принцип деятельности которых позволяют отнести их к деструктивным религиозным организациям экстремистской направленности». В качестве примера приводилась община Свидетелей Иеговы, активная миссионерская деятельность которой вызывала «резко негативную реакцию со стороны представителей традиционных для нашей страны конфессий». Указывалось также на начинания Оренбургского отделения «Русской Церкви христиан веры евангельской» (пятидесятников), которые вели активную религиозную пропаганду «в среде военнослужащих и гражданского персонала, направленную на вовлечение в секту, а также сбор информации, характеризующей обстановку среди верующих и сочувствующих в воинских частях». Проявляли активность религиозное сообщество «Слово жизни», ориентированное на привлечение «активных сторонников из числа предпринимателей, управленцев и других социально перспективных слоев населения», а также региональное отделение «Церкви Иисуса Христа святых последних дней» (мормонов). Последнее, впрочем, «ввиду явно проамериканского характера учения и его неадаптированности к российской действительности» не пользовалось массовой поддержкой среди населения[568].

«Оценивая угрозообразующие факторы со стороны действующих в регионе религиозных организаций деструктивной направленности, в порядке совершенствования работы по борьбе с проявлениями религиозного экстремизма, наносящими ущерб безопасности России, в целях «сковывания» их активности», Координационное совещание приняло решение о создании при заместителе прокурора Оренбургской области постоянно действующей межведомственной рабочей группы, в состав которой были включены представители УФСБ, УВД, ПУ ФСБ, военных прокуратур, органов юстиции, администрации области,

[568] Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Оренбургской области от 22.09.2005 «О состоянии взаимодействия правоохранительных органов области по противодействию угрозам, связанным с деятельностью нетрадиционных религиозных объединений» // СПС КонсультантПлюс.

образования и здравоохранения. В рамках реализации межведомственной работы различных правоохранительных органов и служб предполагалось проведение на плановой основе комплексных проверок деятельности деструктивных религиозных структур, обеспечение своевременного информирования о прибытии иностранных миссионеров на территорию региона (сроках, целях приезда, принимающей стороне), о фактах подачи документов на регистрацию, об оформлении въездных документов, а также усиление контроля за паспортно-визовым режимом пребывания иностранных миссионеров на территории области.

Противодействие экстремисткой деятельности в этот период фактически стало повседневной частью функционирования государственной системы. При этом механизм осуществления антиэкстремистской деятельности нельзя было охарактеризовать, как закостеневший, напротив развивались новые методы противодействия, увеличивалось количество выявленных случаев и лиц причастных к экстремизму, уточнялись государственные цели и задачи по данному направлению. Так, в 2009 г. на высшем государственном уровне обсуждались проблемы, связанные с молодым поколением. Совместное заседание Государственного Совета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации было посвящено вопросам взаимодействия государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодёжи. Глава государства Д.А. Медведев в ходе своего выступления обозначил важность рассматриваемой проблемы. «Истоки общественной морали, – говорил Президент, - в религиозных традициях народов нашей страны, в их гуманистической направленности… Ценностный вакуум, который образовался и в советский период, и в 90-е годы, негативно сказался на молодом поколении. Молодёжь, естественно, оказалась более уязвима перед лицом различного рода деструктивных идейных течений, в том числе и псевдорелигиозных. Она оказалась подвержена влиянию тех, кто разжигает

национальную и религиозную нетерпимость в нашей стране»[569]. Президент перечислил несколько задач, к решению которых призвал присоединиться общественные организации. К числу этих задач была отнесена деятельность по пресечению экстремизма. Следовало подавлять «и действия, и пропаганду экстремизма»[570].

В начале 2012 г. в рамках предвыборной кампании кандидат на пост Президента В.В. Путин опубликовал несколько программных статей («Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить»[571], «Россия: национальный вопрос»)[572]. В них были обозначены, в частности, такие цели как выработка «стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме», создание «специальной структуры, отвечающей за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов». Был озвучен призыв к обсуждению и формированию национальной политики, отдельно обращалось внимание на участие в решении этой задачи «традиционных религий России»[573].

В феврале 2012 г. прошла встреча В.В. Путина с руководителями традиционных религиозных общин России, в ходе которой он отметил, что после «развала Советского Союза» моральной опорой стали религиозные ценности. «И церковные организации, Русская Православная Церковь, традиционные конфессии, да и все другие религиозные организации сыграли очень большую положительную роль в возрождении нашей страны, и, что самое главное, в том, что люди наши, граждане Российской Федерации, приобрели какую-то моральную, нравственную основу, почву под ногами, что чрезвычайно важно для

---

[569] Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте «О взаимодействии государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодёжи» 11 марта 2009 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3403 (дата обращения 17.05.2021).
[570] Там же.
[571] Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января.
[572] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
[573] Там же.

стабильности общества, для будущего государства и для каждого конкретного человека»[574]. Отметив, что Россия остается светским государством, В.В. Путин подчеркнул: «Между государством и религиозными организациями должен установиться совершенно другой режим взаимоотношений – режим партнёрства, взаимной помощи и поддержки»[575]. В ходе встречи представители религиозных организаций затрагивали социальные проблемы современного российского общества, вопросы ценностей и традиций. Многократно упоминалось понятие «традиционные конфессии (религии)». Генеральный секретарь Конференции католических епископов России И.Л. Ковалевский в своем приветственном слове счел необходимым уточнить, что «мы – община немногочисленная на территории Российской Федерации, однако традиционная».

В 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.[576] В рамках нового направления государственной национальной политики Российской Федерации уделялось внимание и проблемам религиозного характера. Указывалось, что актуальность сохраняют вопросы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

Религиозный фактор отразился на формулировке целей и задач государственной национальной политики, среди которых особый интерес представляют задачи, связанные с противодействием религиозному экстремизму, например, организация противодействия пропаганде идей экстремизма в социальных сетях с участием институтов гражданского общества и интернет-провайдеров; предотвращение и пресечение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, разжигание расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды и др.[577]

---

[574] Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России 8 февраля 2012 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html (дата обращения 17.05.2021).
[575] Там же.
[576] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
[577] Там же.

В 2013 г. Руководитель Администрации Президента С.Б. Иванов во время проведения заседания Совета по взаимодействию с религиозными объединениями отметил, что в «условиях глобальных вызовов современности, когда религиозный фактор используется деструктивными силами для решения политических задач, в том числе экстремистского характера, партнёрство и сотрудничество между традиционными религиями в России приобретает особое значение». Успешное противодействие экстремизму во многом зависит от наличия «консолидированной позиции религиозных лидеров, от способности традиционных религий действовать сообща для сохранения суверенитета и единства государства, вместе отстаивать ценности, которые разделяются большинством российских граждан»[578].

В 2014 г. задача борьбы с проявлениями радикального насилия, в том числе на религиозной почве, была актуализирована в связи с принятием «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)[579]. Президент России В.В. Путин представил проект Стратегии на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, охарактеризовав цель этого документа и основные направления будущей работы в рамках его реализации. Глава государства отметил, что «противодействие экстремизму не имеет ничего общего с борьбой с инакомыслием», призвал к пониманию того, что «разжигание конфликтов между людьми разных национальностей и верований, пропаганда националистической идеологии, массовые нарушения общественного порядка на этой почве, тем более призывы к насильственному свержению существующего строя, – это прямое проявление антинародного мышления, это прямые проявления экстремизма»[580].

---

[578] Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 26.09.2013. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/copy/19298 (дата обращения 17.05.2021).

[579] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС КонсультантПлюс.

[580] Заседание Совета Безопасности 20.11.2014 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47045 (дата обращения 17.05.2021).

В качестве наиболее опасных видов экстремизма в Стратегии были обозначены националистический, религиозный и политический. Отмечалось, что религия используется экстремистскими организациями в качестве инструмента для вовлечения в свои ряды новых членов, обострения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, а это создает угрозу территориальной целостности Российской Федерации. В Стратегии указывалось, что «особую тревогу вызывает проникновение из других государств радикальных течений ислама, проповедующих их исключительность и насильственные методы распространения. Идеологами радикальных течений ислама в России являются прежде всего члены международных экстремистских и террористических организаций и выпускники зарубежных теологических центров, где преподаются основы этих религиозных течений». Подчеркивалась опасность, исходящая от экстремистов, «которые не относятся к представителям народов, традиционно исповедующих ислам, однако отличаются религиозным фанатизмом, вследствие чего их легко склонить к совершению террористических актов, в том числе в качестве смертников» [581].

Стоит обратить внимание на количество преступлений экстремисткой направленности в рамках рассматриваемого периода. Так, по информации МВД, в 2013 г. было зарегистрировано 896 преступлений экстремистской направленности, по 743 было закончено расследование, в суд направлены уголовные дела по 612 преступлениям. В 2014 г. выявлено 692 преступления экстремистской направленности: 879 – окончены расследованием, в суд направлены уголовные дела по 724 преступлениям[582]. По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2013 г. в суд было

[581] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // СПС КонсультантПлюс.

[582] Отчет о ходе выполнения мероприятий Плана деятельности МВД России по реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. на 2013 г. и плановый период 2014 – 2018 гг., утвержденного 27 июня 2013 г. № 1/6020 (на 30 июня 2015 г.). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/plan_mvd_2018/Hod_vipolnenija_Plana_dejatelnosti_MVD_R/Otchet_o_realizacii_Plana2015/Cel_lV_Zashhita_naselenija_ot_organizova (дата обращения 17.05.2021).

направлено 369 уголовных дел экстремистской направленности, а в 2014 г. – 453 дела[583]. Учитывая приведённые ранее показатели относительно количества уголовных дел, связанных с экстремисткой деятельностью за 1998-1999 г., отметим, что антиэкстремистская деятельность в рамках изучаемого периода приобрела широкий размах.

К числу основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму было отнесено «создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму».

В конце марта 2015 г. «в целях совершенствования структуры федеральных органов исполнительной власти» было образовано Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации (далее – ФАДН России), осуществляющее деятельность по «проведению государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактике любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также предупреждению попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды»[584].

Постановлением Правительства Российской Федерации были определены полномочия ФАДН России. Указывалось, что агентство:

1) участвует в оценке эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике национального и религиозного экстремизма;

2) организует проведение научных и научно-практических, в том числе социологических, исследований в сфере государственной национальной политики, в том числе по вопросам противодействия национальному и религиозному экстремизму[585].

---

[583] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2014 г. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/602117/ (дата обращения 17.05.2021).

[584] Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2106.

[585] Постановление Правительства РФ от 18.04.2015 № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СЗ РФ. 2015. № 17. Ст. 2564.

Создание ФАДН России в целом оценивалось российскими экспертами как своевременное решение. Так, генеральный директор Центра политической информации А.А. Мухин заявил: «Проблемы множатся, а координирующего органа, где были бы соединены усилия многочисленных советов и комиссий, нет. Новое федеральное ведомство должно быть наделено чрезвычайными полномочиями в оперативном разрешении конфликтов». Президент Института национальной стратегии М.В. Ремизов отметил, «что одно ведомство – будь то министерство или агентство – не в состоянии решить весь комплекс проблем в этой сфере, поскольку это требует координации работы целого ряда органов власти – от Министерства образования до Министерства внутренних дел, а то и Федеральной службы безопасности. Поэтому приоритетной задачей агентства должны стать вопросы мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений как по регионам, так и на федеральном уровне» [586].

Предполагалось, что информационная система мониторинга, разработанная ФАДН России, займет особое место среди новых механизмов государственной политики, охватывая все субъекты Российской Федерации и обеспечивая формирование единого информационного пространства для принятия управленческих решений в том числе в религиозной сфере[587].

Подводя итог, необходимо отметить, что сложившаяся к середине 1990-х гг. группа государственных институтов, занимавшихся реализацией политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, переживала в последующие годы существенную трансформацию. Состав данных органов изменялся и дополнялся.

Меры по совершенствованию системы государственных органов, ответственных за регулирование государственно-конфессиональных отношений,

[586] Цит. по: Марданов М.Х. Федеральное агентство по делам национальностей как инструмент общественной безопасности // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма (г. Мелеуз, 17 мая 2016 г.). Уфа, 2016. С. 119.

[587] Зорин В.Ю., Орешин С.А. Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2019. С. 33.

принимались как на федеральном, так и на региональном уровне. Налаживалась кооперация между различными уровнями власти с учетом региональных особенностей. Разрешение проблемных ситуаций в сфере религиозных отношений требовало использования эффективных механизмов регулирования конфликтов, оперативного реагирования на возникавшие противоречия и в значительной степени возлагалось на региональные власти и органы местного самоуправления. Деятельность органов власти на местах включала в себя поддержание контактов с представителями религиозных движений, обеспечение конструктивного диалога между государственными и религиозными структурами, информирование и консультирование населения о деятельности религиозных объединений, привлечение объективных экспертов и специалистов различных направлений (религиоведение, медицина, правоведение, образование и др.) к оценке религиозной ситуации, подготовку и обучение профессиональных кадров, осуществлявших взаимодействие с представителями религиозного сообщества.

Важным направлением деятельности органов власти различных уровней явилось прогнозирование возможных рисков и угроз в сфере религиозных отношений, выявление как успешных, так и неэффективных практик регулирования данной сферы. Значительное место в рамках государственной политики отводилось борьбе с экстремистской деятельностью, в том числе на религиозной почве. Поскольку ряд НРД воспринимался в качестве носителей антиобщественных тенденций, активизация борьбы с экстремизмом непосредственно коснулась данных течений, часть которых оказалась включена, как будет показано ниже, в список экстремистских организаций.

3.4. Практика включения религиозных движений в список экстремистских организаций (2003-2015 гг.)

В соответствии с законодательством в России действует практика составления списков, связанных с экстремистской деятельностью. К их числу относятся федеральный список экстремистских материалов и перечень

общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»[588]. Составление и публикация в открытом доступе данных списков закреплено за Министерством юстиции.

По состоянию на конец 2015 г. количество организаций, признанных экстремистскими и внесенных в соответствующий список, составило 48 наименований[589], из них к религиозным можно отнести 17 объединений.

Религиозные движения, внесенные в этот список, имеют разную конфессиональную принадлежность: мусульманские, христианские, неоязыческие, оккультные и мистические. При этом можно отметить, что практически все религиозные организации, внесенные в данный перечень, в российском общественно-политическом дискурсе воспринимаются как нетрадиционные.

Рассмотрим, какие причины указывались в качестве обоснования для включения религиозных объединений в перечень экстремистских организаций.

Первыми в данный перечень попали объединения, связанные с неоязыческим движением. В 2003 г. Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Омской области обратилось в Омский областной суд с исковыми заявлениями о ликвидации местных религиозных организаций Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов[590] в связи с нарушениями ими федерального законодательства. В заявлении отмечалось, что учение общины содержит идеи расового превосходства,

---

[588] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138-139.

[589] Перечень общественных объединений и религиозных организаций в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 17.05.2021).

[590] А.Ю. Хиневич создал свое объединение в начале 90-х гг. XX в. В 1992 г. была организована высшая церковная структура «Духовная миссионерия Орден-миссии Джива Храм-Инглии» (Древнерусская церковь староверов). В 1998 г. были зарегистрированы два религиозных объединения, а в 2000 г. они перерегистрированы как местные религиозные организации.

«положения, побуждающие граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий», а также указывалось на использование свастики и жеста, «идентичного фашистскому приветствию»[591].

Омский областной суд установил, что все три местные религиозные организации староверов-инглингов занимались экстремистской деятельностью, то есть деятельностью по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: унижение национального достоинства; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Судом было принято решение о ликвидации:

- Местной религиозной организации Асгардской Славянской Общины Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов.

- Местной религиозной организации Славянской Общины Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов.

- Религиозной организации Мужской Духовной Семинарии Духовного Учреждения профессионального религиозного образования Древнерусской Инглиистической Церкви Православных Староверов-Инглингов.

Признание указанных организаций в качестве экстремистских и их последующая ликвидация, не остановила участников. Община продолжила свою деятельность без государственной регистрации. Основатель общины А.Ю. Хиневич поддерживал работу сайта церкви, издал книгу «Славяно-Арийские Веды», проводил религиозные мероприятия. В результате последовало уголовное разбирательство. Хинкевичу было предъявлено обвинение в организации деятельности «религиозного объединения, в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации в связи с осуществлением

[591] Решение Омского областного суда от 30 апреля 2004 г. URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2004/04/d8899/ (дата обращения: 17.05.2021).

экстремистской деятельности». В 2009 г. он был признан виновным по ч. 1 ст. 282-2 УК РФ (организация деятельности религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности), получив условный срок[592].

Стоит отметить, что в 2006 и 2008 гг. в Краснодарском крае и Республике Адыгея были ликвидированы и признаны экстремистскими две религиозные группы, члены которых были отнесены к последователям язычества и инглиизма[593].

После истечения условного срока А.Ю. Хиневич вновь занялся распространением своих религиозных идей. В 2012 г. его деятельностью снова заинтересовались правоохранительные органы, спустя два года было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282-2 УК РФ. В ходе проведения следственных действий было изъято более 5 000 экземпляров книг из серии «Славяно-Арийские Веды», которые стали предметом анализа в ходе нового судебного разбирательства, завершившегося признанием этих произведений экстремистским материалом[594].

Примечателен опыт экспертной оценки содержания рассматриваемых произведений, послужившей основой для решений правоохранительных органов.

---

[592] Приговор мирового судьи судебного участка № 93 Центрального административного округа города Омска от 11 июня 2009 г. по делу № 1-18-93/09. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80_%D0%BF%D0%BE_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83_%D0%90._%D0%AE._%D0%A5%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B0_(2009_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) (дата обращения: 17.05.2021).

[593] Религиозная группа «Краснодарская Православная Славянская община "ВЕК РА" (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении» была ликвидирована Краснодарским краевым судом по причине использования символики, идентичной нацистской. См.: Ликвидирована религиозная группа, использующая нацистскую свастику. URL: https://ria.ru/20070410/63389698.html) (дата обращения: 17.05.2021).

Аналогичным образом была ликвидирована в Республике Адыгея в 2008 г. религиозная группа Соколова О.В., Русских В.В. и Петина А.Г., исповедующая, культивирующая и распространяющая идеи доктрины «Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглистов». Признана экстремистской решением Майкопского районного суда Республики Адыгея.

[594] Решение от 30.10.2015 г. Дело № 2-561/2015 Центральный районный суд г. Омска. URL: www.sudact.ru/regular/doc/7K7STPPGfq1J/ (дата обращения: 17.05.2021).

Так, в заключении эксперта отмечалось, что в текстах присутствует «негативная оценка иудаизма и христианства, содержатся призывы, которые побуждают к враждебным действиям относительно конкретных лиц, вероятно, это и (или) христиане, иудаисты, евреи». Присутствует «информация об исключительности славяно-арийской расы», «истинная религия Славян и Ариев противопоставлена чуждым иным религиям (иудаизм, христианство, буддизм, мусульманство). Данные религиозные системы навязаны славянам другими культурами».

Также отмечалось, что в произведениях формируется образ врага «при помощи номинации “Чужеземные вороги” и описания действий и событий, которые связаны с деятельностью данной группы людей. Чужеземные вороги (иудеи и христиане) несут на землю Славян и Ариев смерть, раздор, главные их ценности – материальные в противовес духовным. Основная цель – завладеть материальными ценностями великой расы». По мнению судебных экспертов, в тексте «создается образ целенаправленно действующего врага, которыми являются иудеи и христиане»[595].

В 2015 г. в Ставропольском крае прошли обыски у «последователей неоязыческой общины «Дети Перуна» в городах Кавказских Минеральных Вод, изъята экстремистская литература. Язычники подозревались в возбуждении ненависти по расовому, национальному, языковому и религиозному признаку». Следственное управление подчеркивало, что «подозреваемые – последователи так называемой «Древнерусской инглиистической церкви православных староверов-инглингов», деятельность которой на территории России была признана экстремистской»[596]. После судебного рассмотрения религиозное объединение также было признано экстремистским, а его деятельность запрещена. Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев данное дело по апелляционной жалобе, подтвердил решение.

[595] Там же.
[596] На Ставрополье прошли обыски в языческой общине «Дети Перуна» 26 августа 2015. URL: https://etokavkaz.ru/news/82 (дата обращения: 17.05.2021).

Отметим, что в документах правоохранительных органов выявлялись истоки сложившейся ситуации, что позволяет проследить эволюцию неоязыческого движения в регионе. В 2000-2003 гг. религиозное объединение последователей инглиизма в Ставропольском крае действовало в виде религиозной организации «Пятигорская Славянская Община «Дети Перуна» Скифской Веси Рассении Древнерусской инглиистической церкви православных староверов-инглингов». По решению суда в 2003 г. «организация была признана прекратившей свою деятельность в качестве юридического лица, однако религиозное объединение продолжило свою деятельность». С помощью религиоведческой экспертизы была подтверждена «идентичность вероучения и культа, исповедуемых религиозным объединением последователей инглиизма в Ставропольском крае, вероучению и культу Древнерусской инглиистической церкви православных староверов-инглингов (в том числе наличие в этом вероучении особенностей, касающихся расовой теории и использования свастичных символов)»[597].

В число организаций, признанных экстремистскими, вошло несколько религиозных движений мусульманского направления. Первой организацией, включенной в список в 2007 г., стала группа «Джамаат мувахидов». В отношении представителей группы было возбуждено уголовное дело. По сообщению пресс-службы областного УФСБ, участники группы обвинялись «в возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды организованной группой, участии в экстремистском сообществе, а также в незаконном приобретении, хранении огнестрельного оружия». По данным СМИ, группа планировала совершить террористический акт в г. Астрахань в 2006 г.[598]

[597] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2015 г. №19-АПГ15-11. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1402850 (дата обращения: 17.05.2021).
[598] Передано в суд уголовное дело экстремистов, готовивших теракт в Астрахани 24.12.2007. URL: http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.htm%21id%3D10434528%40fsbComment%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 17.05.2021).

В 2008 г. решением Верховного Суда Российской Федерации в список экстремистских организаций было внесено международное религиозное объединение «Нурджулар»[599]. Данному решению предшествовал судебный процесс, в результате которого в список экстремисткой литературы были включен ряд сочинений С. Нурси[600]. В 2006 г. прокуратура Республики Татарстан подала иск о признании книг С. Нурси экстремистскими в Коптевский районный суд г. Москвы. Судебное разбирательство проходило в закрытом формате. Однако этот процесс вызвал широкий общественный резонанс. В ходе освещения процесса отмечалось, что судом не были приняты во внимание заключения различных российских и зарубежных научных учреждений, экспертные оценки мусульманских организаций России, а также обращение уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации. В суд была представлена справка от МВД Турции, в которой отмечалось, что в Турции С. Нурси «не считают ни экстремистом, ни сектантом, ни нетрадиционным мусульманином, что не существует никакой секты нурсистов “Нурджулар”»[601].

После принятия решения о внесении книг С. Нурси в список экстремисткой литературы и о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» экстремистским на протяжении последующих лет данная

---

[599] Решение Верховного Суда. URL: https://rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html (дата обращения: 17.05.2021).

[600] Саид Нурси (1878-1960) – турецкий богослов, создатель учения, в котором «предпринята попытка разрешить углубившиеся противоречия между ортодоксальными взглядами на мироустройство и современным состоянием общества». Признавая необходимость выполнять все предписания ислама, он и его сторонники переосмысливают традиционную мусульманскую картину мира с учетом достижений современной медицины, астрофизики, географии, биологии. Поскольку учение Нурси в ряде случаев противоречит каноническим богословским воззрениям ислама, последователи богослова нередко становились участниками конфликтов на религиозной почве (Излученко Т.В. Учение С. Нурси как результат богословского диалога в исламе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 295-300. С. 296, 299).

[601] В Москве состоится закрытый суд по запрету религиозных книг 21 мая 2007. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/114736/ (дата обращения: 17.05.2021).

литературы конфисковывалась. Лица, уличенные в связи с данным движением и в распространение его идей, подвергались уголовному преследованию[602].

В 2009 г. решением Верховного Суда было признано экстремистским международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат». По сообщению Генпрокуратуры, «целями указанного религиозного объединения являются установление мирового господства посредством распространения радикальной формы ислама и создание на базе регионов с традиционно мусульманским населением единого исламского государства "Всемирный халифат"»[603]. После принятия решения возбуждались уголовные дела в отношении отдельных представителей данного религиозного движения[604].

В 2010 г. экстремистским было признано международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра»[605]. Генеральный прокурор Российской Федерации обратился в Верховный Суд с заявлением о признании международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» экстремистским и запрете его деятельности на территории России, поскольку данная деятельность угрожала межнациональной и межконфессиональной стабильности и территориальной целостности Российской Федерации. В суде представители ФСБ и Минюста поддержали требования Генерального прокурора и пояснили, что данное религиозное объединение не имеет официальной регистрации в Российской Федерации и действует конспиративно в Волгоградской, Самарской, Тамбовской областях, на приграничных с

---

[602] См.: Кассационное определение Верховного Суда Республики Дагестан № 22-1613/2011 от 15 ноября 2011 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/uud8S7FcLsml/ (дата обращения: 17.05.2021); Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону № 1-405/2014 от 3 декабря 2014 г. по делу № 1-405/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/53dfAoxtSTJK/ (дата обращения: 17.05.2021); Приговор Советского районного суда г. Красноярска № 1-84/2015 1-993/2014 от 3 июля 2015 г. по делу № 1-84/2015 URL: www.sudact.ru/regular/doc/aKW59YVXpilJ/ (дата обращения: 17.05.2021).

[603] Признано экстремистским движение "Таблиги Джамаат" 13.05.2009 https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/05/d15981/ (дата обращения: 17.05.2021).

[604] Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ № 1-211/2011 от 17 марта 2011 г. по делу № 1-211/2011. URL: www.sudact.ru/regular/doc/MIqpmHWWF4h/ (дата обращения: 17.05.2021).

[605] Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. № ГКПИ10-848. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/#1697193 (дата обращения: 17.05.2021).

Казахстаном территориях, в республиках Северная Осетия - Алания, Дагестан, Татарстан.

Как следует из материалов дела, религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра», было создано в начале 70-х гг. прошлого века в Египте В 1977 г. его деятельность была официально запрещена правительством. Идеология «Ат-Такфир Валь-Хиджра» базируется на установках радикальных исламистов, давших теологическое обоснование правомерности использования силовых методов борьбы для создания «чистого исламского общества» посредством «джихада». Свою деятельность религиозное объединение осуществляет на территории Турции, Сирии, Иордана, Судана, Ливана, Алжира, Пакистана, Ливии, государств Персидского залива, Украины, Республики Казахстан. Руководство религиозного объединения поддерживает связи с «Аль-Каидой», алжирской «Вооруженной исламской группой», чеченскими сепаратистами. Участники объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» включены в список лиц, групп и организаций, которые подпадают под решение Европейского союза от 27 декабря 2001 г. 2001/931/YUTP о проведении специальных мероприятий по противодействию терроризму.

Также было отмечено, что российские участники этого объединения не признают светские законы, институты гражданского общества, негативно относятся к официальному мусульманскому духовенству. Конечной целью деятельности объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» является установление мирового господства радикальной формы ислама и создание на базе мусульманских регионов, в том числе России, единого исламского государства «Всемирный Халифат».

В 2012 г. была признана экстремисткой религиозная группа «Файзрахманисты», возглавляемая Саттаровым Файзрахманом Миннахметовичем и Ганиевым Гумаром Гимерхановичем[606]. В августе 2012 г. по поручению Следственного комитета по Республике Татарстан прокуратура Казани, органы

[606] Признана экстремистской заочным решением Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан 21.02.2013 г.

опеки, Роспотребнадзор и МЧС провели совместную проверку деятельности данной общины и установили, что условия проживания её членов не соответствуют требованиям соблюдения общественного порядка. «Глава религиозной группы обязывает членов группы вести изолированный образ жизни, запрещает обращаться в медицинские учреждения, отдавать детей в школы. Вопреки установленному законом порядку он организовал и осуществляет образовательную деятельность детей в своей организации»[607]. По результатам проверки прокуратура обратилась в суд с требованием признать общину экстремистской организацией, которое впоследствии было удовлетворено.

В судебном порядке информационные материалы религиозного движения были признаны экстремистскими и включены в соответствующий федеральный список[608]. Судом было принято во внимание заключение комплексной лингво-психолого-религиоведческой судебной экспертизы, согласно которой «указанные материалы представляют собой единый комплекс средств психологического воздействия, направленного на трансформацию личности читателя, изменение мировоззрения, жизненных ценностей, убеждений, стереотипов поведения. Результатом данного воздействия может стать самоизоляция от внешнего мира, разрушение гармоничного духовного и физического состояния личности и противопоставление себя социальным структурам и нормам, сложившимся в обществе, т.е. социальная дезадаптация. Лингвистические и психологические механизмы воздействия также направлены на формирование негативного восприятия представителей других религиозных групп и агрессивной модели поведения по отношению к ним. Ряд приведенных трактовок религиозных норм, навязываемая форма создания и функционирования религиозной общины не соответствуют классическим понятиям ислама и являются специфическими для

---

[607] Общину файзрахманистов в Казани запретили как экстремистскую организацию. URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2013/02/d26532/ (дата обращения: 17.05.2021).

[608] Описательная часть судебного решения содержит отсылку к событиям 2012 г. - убийству заместителя председателя Духовного управления мусульман Республики Татарстан и покушения на убийство председателя. Выдвигались различные версии причин убийства. Одна из самых распространенных – месть ваххабитов представителю традиционного ислама.

религиозной группы (секты) «Файзрахманисты». Представленные материалы содержат психологические признаки информации, обосновывающей или оправдывающей практику полного или частичного уничтожения религиозных групп. В представленных материалах выявлены побуждения к действиям, предполагающим нарушение прав и свобод, предусмотренных статьями 3 и 18 «Всеобщей декларации прав человека»: «право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», «право на свободу мысли, совести и религии»»[609].

В 2014 г. в список экстремистских организаций была внесена мусульманская религиозная организация поселка Боровский Тюменского района Тюменской области. В мае 2013 г. прокуратурой Тюменского района в рамках осуществления надзора за соблюдением требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности был проведен осмотр мечети в поселке Боровский. В ходе осмотра была обнаружена и изъята литература, признанная федеральным судом Российской Федерации экстремистскими материалами. Эта литература использовалась для обучения и религиозного воспитания прихожан мечети. Имаму религиозной организации К.Ф. Исхакову было объявлено предупреждение о недопустимости осуществления деятельности, содержащей признаки экстремизма и разъяснено, что согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» в случае, если в течение 12 месяцев со дня вынесения предупреждения будут выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма, религиозная организация может быть ликвидирована. В связи с тем, что выявленные нарушения закона не были устранены, в течение 12 месяцев не была пресечена возможность хранения литературы, признанной экстремистским материалом суд

[609] Решение Советского районного суда г. Казани № 2-1400/13 2-6567/2013 2-6567/2013~М-5438/2013 М-5438/2013 от 12 августа 2013 г. по делу № 2-6567/2013. URL: www.sudact.ru/regular/doc/pjSYUx6V15QB/ (дата обращения: 17.05.2021).

удовлетворил иск прокуратуры Тюменского района и решил ликвидировать данную религиозную организацию[610].

Также в список экстремистских были внесены религиозные организации Свидетели Иеговы в Ростовской, Самарской и Краснодарской областях. Первый случай признания «Свидетелей Иеговы» носителями экстремизма имел место в 2009 г. В Ростовский областной суд обратился прокурор с требованием о ликвидации местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Таганрог». В дальнейшем требования прокурора были изменены – он просил признать данную организацию экстремистской; ликвидировать и запретить ее деятельность, а также внести ее литературу в федеральный список экстремистских материалов с последующей конфискацией[611].

Обосновывая свои требования, прокурор указал, что местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Таганрог» при осуществлении своей деятельности допускает склонение к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лиц, находящихся в опасном для жизни и здоровья состоянии, побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий. Также отмечались факты вовлечения в деятельность организации несовершеннолетних детей, что нарушало положения Конвенции о правах ребенка, Конституции Российской Федерации, Семейного Кодекса Российской Федерации, и разрушения семейных и родственных отношений на почве религиозных расхождений в связи с деятельностью организации Свидетелей Иеговы.

Суд признал, что часть литературы и печатных изданий распространяемой местной религиозной организацией Свидетелей Иеговы, содержит признаки формирования негативного, враждебного отношения к другим религиям (прежде всего христианским, например католицизму, православию), призывы покинуть

---

[610] Решение Тюменского областного суда № 3-11/2014 3-11/2014~М-21/2014 М-21/2014 от 6 мая 2014 г. по делу № 3-11/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/FEEfG1BLJFln/ (дата обращения: 17.05.2021).

[611] Решение Ростовского областного суда по делу № 3-1/09 от 11 сентября 2009 г. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/09/d16846/ (дата обращения: 17.05.2021).

другие христианские религии (ложные религии) и присоединиться к Свидетелям Иеговы. Также было выявлено, что для оказания психологического воздействия на сознание верующих использовались манипулятивные приемы.

Суд счел, что доводы прокурора нашли подтверждение в ходе рассмотрения дела. Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Таганрог» была признана экстремистской, ее деятельность была запрещена в Таганроге, Неклиновском, Матвеево-Курганском района Ростовской области, а литература, распространяемая данной организацией, была признана экстремистской[612].

Информационно-аналитический центр «Сова», комментируя данное решение, отмечал: «Если представителям Свидетелей Иеговы Таганрога не удастся его обжаловать (что они намерены сделать в Верховном суде РФ), им угрожает преследование по статьям 282.1 и 282.2 УК РФ. Кроме того, нынешнее решение Ростовского областного суда ставит под удар и свидетелей Иеговы в остальных регионах России, так как экстремистскими признаны 34 материала этой религиозной организации, включая основополагающие»[613].

Примечательно, что в это же время в Верховном Суде Российской Федерации обжаловалось решение Самарского областного суда от 29 мая 2009 г., отказавшего в ликвидации местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Тольятти». Верховный Суд подтвердил решение суда первой инстанции. В ходе судебного процесса были опровергнуты доводы о том, что религиозная организация Свидетелей Иеговы «Тольятти» оказала влияние на гражданина, уклонявшегося от прохождения альтернативной гражданской службы, а также относительно разрушительного влияния организации на семейные отношения, создание предпосылок для распада семьи[614].

В случае с решением суда Ростовской области подобного результата достичь не удалось и в декабре 2009 г. Верховный Суд подтвердил правомерность

---

[612] Там же.

[613] Преследования Свидетелей Иеговы в Таганроге 14.09.2009. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/09/d16846/ (дата обращения: 17.05.2021).

[614] Определение от 18 августа 2009 г. по делу № 03-13/09 Верховный Суд Российской Федерации. URL: www.sudact.ru/vsrf/doc/XnFhl94ekBL9/ (дата обращения: 17.05.2021).

выводов суда первой инстанции. При рассмотрении кассационной жалобы отмечалось, что местная религиозная организация Свидетели Иеговы «Таганрог» побуждала граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей. Это выражалось в распространении среди верующих литературы, содержащей подобные призывы, обсуждении данной литературы на собраниях, пропаганда среди граждан призывного возраста, не исповедующих данную религию, идеи отказа от несения военной службы.

Также судебная коллегия признала обоснованными указания суда первой инстанции на случаи «разрушения семейных и родственных отношений на почве религиозных расхождений в связи с деятельностью данной организации». Отмечалось, что представители общины «в проповедях, книгах, распространяемых среди верующих, обязывают дистанцироваться от семейного окружения, поскольку их близкие не обладают истинным, с точки зрения данного конкретного вероучения, мировоззрением»[615].

Результаты этого процесса положили начало преследованиям «Свидетелей Иеговы» по всей стране. Последовали штрафы, уголовные дела и ликвидация ряда общин. В 2011 г. было заведено уголовное дело по поводу продолжения деятельности членов религиозной организации Свидетелей Иеговы «Таганрог». В 2013 г. начался судебный процесс, в результате которого были признаны виновными 7 человек. Приговор был обжалован обеими сторонами и отменен Ростовским областным судом[616]. В 2015 г. состоялось повторное рассмотрении дела, в ходе которого суд установил, что «преступная деятельность организованной преступной группы выражалась в следующем:

- возбуждение религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства религии за счет унижения других религий;

- организация вербовки новых членов;

---

[615] Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2009 № 41-Г09-29 // СПС КонсультантПлюс.

[616] Ростовский областной суд отменил решение по таганрогскому «делу 16-ти». URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/12/d30841/ (дата обращения: 17.05.2021).

- разрушение семьи, брака и родственных отношений, дистанцирование от семейного окружения, поскольку их близкие не обладают истинным, с точки зрения данного конкретного вероучения, мировоззрением;

- выбор работы только с неполным рабочим днем, в целях посвящения большего времени проповедям и служению, полагая дело организации главным;

- распространение признанной судом экстремистской литературы и материалов экстремистского содержания, а также их хранение в целях массового распространения и использования в богослужениях, проповедях и выступлениях;

- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей, выражающихся в прохождении воинской службы, а также к отказу от исполнения обязанностей по альтернативной гражданской службе;

- побуждение к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи людям, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии, в частности от переливания крови и ее компонентов в любых, самых тяжелых и опасных для жизни состояниях;

- вовлечение несовершеннолетних детей, в частности в проповедническую деятельность, когда малолетние или несовершеннолетние дети вынуждены вместе с родителями длительное время присутствовать при проведении бесед в собраниях».

По итогу судебного разбирательства Таганрогский городской суд вынес приговор, в котором признал всех обвиняемых виновными[617].

Еще одним случаем стало признание в 2014 г. экстремистской местной религиозной организации Свидетелей Иеговы г. Самары. В связи с хранением и массовым распространением экстремистских материалов прокурор Самарской области обратился в суд с иском о признании религиозной организации

[617] Приговор Таганрогского городского суда от 30.11.2015. URL: http://www.sclj.ru/bitrix/templates/uno/img/Prigovor_Iegov_Taganrog.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

экстремистской и ее последующей ликвидации[618]. Аналогичным образом были внесены в список экстремистских местная религиозная организация Свидетелей Иеговы г. Абинска. Основанием послужило решение Краснодарского краевого суда[619] и подтвердившее его определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации[620]. В обоих случаях правоохранительные органы ссылались на факты хранения и распространения материалов из числа тех, которые попали в список экстремистских материалов по результатам процесса 2009 г. в Ростовской области.

В правоприменительной практике можно выявить и случаи судебных разбирательств, объектом которых стали религиозные движения мистического, оккультного характера. Так, в 2010 г. в Верховном Суде Мордовии состоялось рассмотрение дела о признании религиозной группы «Благородный Орден Дьявола» экстремистской организацией и запрете ее деятельности.

Суд обратился к выводам судебной психолого-лингвистической экспертизы, по результатам проведения которой было установлено, что религиозная группа сатанистов «Благородный Орден Дьявола» «имеет присущие всем тоталитарным сектам сходные черты: обман или сокрытие части важной информации об организации при вербовке новых членов; установление жесткого контроля над волей, сознанием и чувствами членов секты (жесткая дисциплина, повышенная секретность, наличие большого круга обязанностей при полном отсутствии прав и т.п.); активное применение методов манипуляции сознанием своих членов с целью переориентации имеющихся у них основных жизненных ценностей на узкогрупповые ценности, исповедуемые данной группой; создание прямой и

---

[618] Решение Самарского областного суда № 3-16/2014 3-16/2014~М-20/2014 М-20/2014 от 29 мая 2014 г. по делу № 3-16/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/UtS76NGn9I6x/ (дата обращения: 17.05.2021); Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2014 № 46-АПГ14-6 // СПС КонсультантПлюс.

[619] Решение Краснодарского краевого суда № 3-19/2015 3-19/2015(3-78/2014;)~М-252/2014 3-78/2014 М-252/2014 от 4 марта 2015 г. по делу № 3-19/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/DcdKidtbjyUT (дата обращения: 17.05.2021).

[620] Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 05.08.2015 № 18-АПГ15-17 // СПС КонсультантПлюс.

скрытой зависимости (психологической, физической и/или финансовой); наличие секретных вероучений, ритуалов и тайных уровней посвящения; создание атмосферы тревоги и страха (новые члены дают клятву, которую обязаны соблюдать всю свою жизнь, жесткая система наказаний); нетерпимость к традиционным конфессиям (к христианству); применение техник контроля сознания для создания у адептов культа менталитета (формируется убеждение, что любое действие приемлемо постольку, поскольку оно способствует целям группы; формируется тоталитарное мировоззрение, приводящее к преобладанию групповых идей над индивидуальными и к одобрению (оправданию) аморального поведения и т.п.); использование малопонятных непосвященному человеку шифров (обозначение уровней, ступеней), наименований на иностранном языке и т.п.».

Решением суда религиозная группа «Благородный Орден Дьявола» была признана экстремистской: «Материалы дела бесспорно свидетельствуют о том, что религиозным объединением сатанистов «Благородный Орден Дьявола» осуществлялась незаконная деятельность, связанная с применением к его членам психологического воздействия, с посягательством на личность, права и свободы граждан, использованием наркотических средств, совершением развратных и иных противоправных действий, а также осуществлением насилия над гражданами по мотивам религиозной вражды, что свидетельствует о наличии в ее деятельности признаков экстремизма» [621].

Отметим, что еще до вынесения этого решения, Октябрьский районный суд г. Саранск признал виновными двух граждан, которые, по мнению суда, «совершали свои преступления в рамках деятельности сатанинской секты “Благородный орден Дьявола”»[622].

---

[621] Решение Верховного Суда Республики Мордовия по делу № 3-11/2010. URL: https://vs--mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=3b42e408-342b-44a7-a78d-71a7a4c72ca1&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=1 (дата обращения: 17.05.2021).

[622] В Мордовии вынесен приговор по делу «банды сатанистов» 19.07.2010. URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2010/07/d19332/ (дата обращения: 17.05.2021).

Также отдельного внимания заслуживает религиозное движение, связанное с практиками нетрадиционной медицины. Последователи данного движения, согласно материалам судебного разбирательства, входили в религиозное объединение «Орда».

Прокуратурой совместно с сотрудниками регионального УФСБ и полиции была проведена «проверка законности существования в поселке Измайловский религиозного кружка “Орда”», по результатам которой было установлено, что деятельность «религиозного кружка тождественна с деятельностью организации «Орда», запрещенной в 2011 году решением районного суда города Уфы, и религиозного объединения «Ата жолы», запрещенного на территории Республики Казахстан»[623].

Члены этого религиозного движения занимались различными практиками нетрадиционной медицины, не имея медицинского образования[624]. По сообщению прокуратуры, «применение участниками данной организации методик, не прошедших проверочных испытаний, может негативно повлиять на состояние физического и психического здоровья граждан»[625].

В деле о признании экстремистским объединения «Орда» в Челябинской области присутствовали отсылки к материалам судебного разбирательства 2011 г. в Республике Башкортостан. В рамках данного судебного процесса по иску прокурора к общественной организации «Орда» (действующей в Республике Башкортостан) о ликвидации, прекращении и запрете деятельности данной структуры было установлено тождество организаций «Орда» и «Путь предков» с исходным религиозным движением «Ата жолы» (согласно идентификационному заключению специалистов). Суд принял во внимание выводы из заключения специалистов о том, что «организации «Ата Жолы» – «Путь предков» и

[623] Признано экстремистским Решением Кизильского районного суда Челябинской области от 21.12.2012 г.

[624] Аникиенко Е. «Орда» под запретом. URL: https://up74.ru/articles/news/38730/ (дата обращения: 17.05.2021).

[625] Суд просят ликвидировать организацию, в которой лечат постукиванием плеткой. URL: https://pravo.ru/news/view/87695/ (дата обращения: 17.05.2021).

организацию «Орда» неоспоримо можно отнести к одному и тому же новому религиозному движению». Деятельность религиозного течения «Ата жолы» была «запрещена на территории Республики Казахстан как подрывающая безопасность государства посредством нанесения вреда здоровью населения Казахстана»[626].

Согласно решению суда, неустранимый характер нарушений федерального законодательства в деятельности общественной организации «Орда» был связан с использованием опасных для здоровья граждан методик лечения. Деятельность членов организации характеризовалась, как «псевдоцелительская», осуществляемая лицами без медицинского образования, вне условий специализированных лечебных учреждений, без соответствующего оформления медицинской документации»[627]. В итоге организация была ликвидирована.

В последующие годы было проведено еще несколько судебных процессов в отношении последователей данного религиозного объединения. В 2013 г. в г. Уфа было возбуждено уголовное дело в отношении последовательницы движения, попытавшейся создать религиозное объединение на основании учения «Орды». Суд признал вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ («Создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением»[628]). В тексте судебного решения религиозное объединение «Орда» многократно характеризовалось как «секта» (56 раз). В то же время определение «экстремизм» по отношению к его деятельности не употреблялось[629].

---

[626] Решение Ленинского районного суда г. Уфы № 2-2409/2011 от 15 июля 2011 г. по делу № 2-2409/2011. URL: www.sudact.ru/regular/doc/VG0evsOSMb5w/ (дата обращения: 17.05.2021).
[627] Там же.
[628] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
[629] Приговор Ленинского районного суда г. Уфы № 1-130/2013 от 9 декабря 2013 г. по делу № 1-130/2013. URL: www.sudact.ru/regular/doc/NgjyJpeA3H6q/ (дата обращения: 17.05.2021).

Следует отметить, что в Уфе неоднократно принимались решения о ликвидации структур последователей движений «Орда» [630] и «Путь предков»[631], имевших статус общественных организаций.

Деятельность данного религиозного движения была предметом судебного рассмотрения и в других субъектах Российской Федерации[632]. В Алтайском крае при рассмотрении дела о ликвидации общественной организации «Орда» судом было принято во внимание заключение комплексного психолого-религиоведческого исследования её деятельности, согласно которому данную группу охарактеризовали как «псевдоцелительскую, псевдошаманскую, неоязыческую секту». Также было «доказано, что организация «Орда» имеет черты тоталитарной секты»[633].

В Оренбургской области при рассмотрении аналогичного дела в суде с пояснениями выступали представители православной и мусульманской конфессий. Так, свидетель имам-хатыб отметил, что «знаком с псевдорелигиозным движением «Ата Жолы», которое ничего общего не имеет с религией ислам. Организация вводит людей в заблуждение, ведет к раздору между родственниками, сектанты направляют угрозы психологического характера в адрес людей о том, что если человек не поедет в святое место, то для него наступят неблагоприятные последствия. На территории Казахстана и Оренбургской области святых мест, почитаемых исламской религией нет». Также

---

[630] См.: Решение Ленинского районного суда г. Уфы № 2-1165/2015 2-1165/2015~М-605/2015 М-605/2015 от 12 марта 2014 г. по делу № 2-1165/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/qkBj82orjzHw/ (дата обращения: 17.05.2021); Решение Баймакского районного суда (Республика Башкортостан) № 2-2074/2014 2-2074/2014~М-2217/2014 М-2217/2014 от 30 декабря 2014 г. по делу № 2-2074/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/VjcForvn3FVa/ (дата обращения: 17.05.2021).

[631] Решение Октябрьского районного суда г. Уфы № 2-3975/2014 2-3975/2014~М-2634/2014 М-2634/2014 от 25 ноября 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/LM7PW4FB7HZx/ (дата обращения: 17.05.2021).

[632] Напр.: Решение Половинского районного суда (Курганская область) № 2-209/2014 2-209/2014~М-187/2014 М-187/2014 от 25 августа 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/oGsdgvcunuH/ (дата обращения: 17.05.2021).

[633] Решение Волчихинского районного суда (Алтайский край) № М-225/2014 2-227/2014 2-227/2014~М-225/2014 от 10 июня 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/8CaE44eYk3ZB/ (дата обращения: 17.05.2021).

в качестве специалиста выступил настоятель православного храма, который изучал движение «Ата Жолы» в связи с работой в информационно-консультационном центре имени священномученика Макария Оренбургского. Священник заявил, что «религиозная группа «Ата Жолы» является псевдорелигиозной, псевдомедицинской организацией, имеющей оккультно-мистический характер. Объединение «Ата Жолы» является деструктивным, тоталитарным движением, разрушает психику человека, наносит вред духовному и физическому здоровью человека»[634].

Подводя итог анализу перечня религиозных объединений, признанных российскими судами экстремистскими в 2004-2015 гг., можно сделать следующие выводы:

1) 17 организаций из этого списка можно отнести к НРД, представляющим разные учения.

2) Основания для внесения в список экстремистских организаций достаточно разнообразны. Вместе с тем в ряде случаев прослеживалась схожая последовательность в принятии мер касательно религиозных движений со стороны правоохранительных органов. Если та или иная структура признавалась экстремистской, а лица, входившие в ее состав, продолжали после этого осуществлять религиозную деятельность в качестве ее последователей, запускались дополнительные правовые механизмы. В отношении данных граждан возбуждались уголовные дела, запрашивалось подтверждение ликвидации религиозного объединения. Своя последовательность действий существовала и при признании религиозной литературы экстремистской.

3) Трудно сделать однозначный вывод относительно того, являлись ли действия правоохранительных органов эффективным средством борьбы с религиозным экстремизмом и насколько было оправдано вмешательство в религиозную сферу на основании законодательства о борьбе с экстремизмом.

---

[634] Решение Оренбургского областного суда № 3А-128/2015 3А-128/2015~М-168/2015 М-168/2015 от 13 октября 2015 г. по делу № 3А-128/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/f5rK5fI3dxP/ (дата обращения: 17.05.2021).

Материалы настоящего обзора позволяют сделать вывод о том, что в ряде случаев действия правоохранительной системы не достигали результата. Деятельность движений, признанных экстремистскими, приобретала конспиративный характер и уходила в подполье.

4) Отдельно отметим активное участие представителей традиционных религий в судебных процессах и экспертизах в качестве специалистов по религиозным вопросам. Они давали комментарии, экспертные оценки, взаимодействовали со СМИ и др.

***

Процесс становления российской модели государственно-конфессиональных отношений в период 1990-2015 гг., сопровождавшийся созданием новых институтов государственной власти, ответственных за регулирование религиозной сферы, являлся неотъемлемой частью происходившей в стране общественно-политической трансформации.

Принятие в 1990 г. нового законодательства, радикально менявшего конфессиональную политику государства, повлекло за собой реформирование соответствующих государственных институтов. В то же время в условиях масштабных преобразований государственного и общественного устройства, обострения кризисных явлений, угрожавших целостности страны, духовная жизнь граждан стала предметом пристального внимания со стороны религиозных, государственных и общественных деятелей. Постепенно в обществе начало нарастать критическое отношение к почти ничем не ограниченной свободе религиозной жизни, от которой ожидали благотворных последствий в период перестройки и демократических преобразований начала 1990-х гг.

Государство постепенно создавало институты, осуществлявшие функции взаимодействия с религиозными объединениями. Проблемы, накопившиеся за 70 лет господства атеистической идеологии, новые вызовы в религиозной сфере ставили перед государством сложные задачи. Все более заметное влияние на

формирование политической повестки дня оказывали и религиозные деятели, особенно представители наиболее многочисленных конфессий.

В середине 1990-х гг. особую остроту обрел вопрос о деятельности НРД, становившихся все более заметным явлением общественной жизни, занимавшим важное место в конфессиональной структуре России. Одной из ключевых задач для государства стало выстраивание отношений с данными группами. Нарастание критического отношения к нетрадиционнымдвиженим, в том числе среди политической элиты, стало важным фактором принятия закона 1997 г., ужесточавшего регулирование религиозной сферы. Органы власти и в дальнейшем весьма настороженно относились к нетрадиционным религиям.

Усиление подобного отношения было связано с нарастанием угрозы, исходившей от террористических и экстремистских групп. В ряде случаев деятельность данных групп опиралась на религиозные идеи. Вызовы со стороны экстремизма (в том числе – носившего религиозный характер), неспособность государства справиться с ними стимулировало формирование представлений о необходимости «диктатуры закона», «сильного государства», способного обеспечить политическую и социальную стабильность в стране.

Косвенным следствием активизации борьбы с экстремизмом стало дальнейшее ужесточение отношения к НРД. Ограничение в правах религиозных организаций, судебные преследования и признание организаций и религиозных материалов экстремистскими стали частой практикой во взаимоотношениях государства с течениями, рассматривавшимися как нетрадиционные.

Система государственных институтов, ответственных за регулирование религиозной сферы, претерпевала в рассматриваемый период сложную эволюцию, подвергалась существенным изменениям. Это обстоятельство мешало проводить последовательную политику по отношению к религиозным структурам, в том числе НРД. На положении последних сказывалось и то, что в обществе все более отчетливо формировалось в целом негативное отношение к нетрадиционной религиозности. Вклад в этот процесс вносили представители крупнейших конфессий, политики, ученые, общественные деятели. Во многом

под влиянием общественного мнения государство все в большей степени ориентировалось на взаимодействие с конфессиями, рассматривавшимися в качестве традиционных, что также негативно сказывалось на положении НРД.

Глава 4. Конструирование образа нетрадиционных религиозных движений в общественном сознании

4.1. Роль средств массовой информации в формировании представлений о деятельности нетрадиционных религиозных движений

Становление и развитие любого социально значимого феномена во многом определяется отношением к нему окружающего общества. Важную роль в формировании общественного мнения занимает осведомлённость населения о сути данного феномена, сложившаяся оценка воспринимаемых явлений (положительная, отрицательная, нейтральная). Важнейшую информационно-коммуникационную функцию выполняют СМИ, призванные освещать все процессы, происходящие в обществе.

Если говорить о восприятии религии, то в советский период значительное влияние на данную сферу оказывала система атеистического воспитания, предполагавшая проведение различных публичных мероприятий (лекций, дискуссий, конференций) с участием ученых и иных специалистов-лекторов, издание атеистических материалов в журналах и газетах, проведение выставок, просмотр фильмов, выпуск радио и телепередач. Партийными органами велся постоянный учет количества верующих, служителей культа различных религиозных объединений, проводились социологические опросы, оценивавшие религиозную обстановку в стране. В советской литературе 1970-80-х гг., ориентированной на помощь лекторам и пропагандистам, отрицался силовой способ воздействия на верующих, провозглашалась необходимость дифференцированного подхода к разным конфессиям. Указывалось, что «одним из главных принципов атеистического воспитания является уважительное и доброжелательное отношение к верующим, исключающее оскорбление религиозных чувств»[635]. Согласно марксистскому учению, бороться с религиями

[635] Коник В.В. «Истины» свидетелей Иеговы. М., 1978. С. 101.

следовало средствами идейного воздействия на сознание ее приверженцев. Подчеркивалось, что «особо эффективны методы предупредительно-воспитательной работы»[636].

Важным механизмом влияния на общественное сознание в советское время были и СМИ. Религиозная и атеистическая тематики освещалась в телевизионных программах «Встречи в молодежном клубе», «Для верующих и неверующих», «Телевизионный экран молодым», «Человек и закон», «Экран народного контроля» и др. На областном радио выходили передачи «Пришло на радио письмо» и «Колокол»[637]. Выпускались тематические печатные материалы, периодические издания, среди которых важное место занимал журнал «Наука и религия». Освещая итоги XXVII съезда КПСС (1986), журнал писал о необходимости решать вопросы атеистического воспитания «в духе ленинских принципов уважения свободы совести». «Верный путь преодоления религиозных предрассудков – это активное участие людей в созидательной трудовой, общественной деятельности, их просвещение, создание и распространение новых советских обрядов. Выступая за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий свободы совести, партия осуждает попытки использовать религию в ущерб интересам общества и личности», – отмечалось на страницах издания[638].

Директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС В.И. Гараджа, отмечал, что ускорение социально-экономического развития страны связано с развитием духовного мира человека и формированием научного мировоззрения. Раскрытию творческих способностей человека должна способствовать «эффективная, действенная атеистическая работа»[639].

В последующие годы процессы демократизации и гласности, постепенное сворачивание партийно-идеологической работы способствовали ослаблению

---

[636] Там же. С. 102.
[637] Сосновских Е.Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985-1997 гг. (на материалах Челябинской области): автореф. канд. ист.н. Челябинск, 2014. С. 19-21.
[638] XXVII съезд КПСС: стратегия ускорения. Во имя человека // Наука и религия. №. 1. 1986. С. 3.
[639] Гараджа В.И. Ключевые проблемы научного атеизма // Наука и религия. № 2. 1986. С. 11.

атеистических установок в общественном сознании, активизации деятельности верующих, увидевших для себя возможность реализации ранее ущемлявшейся свободы вероисповедания. Особенно заметно это стало с 1988 г., когда накануне и в период празднования 1000-летия крещений Руси значительно возросло количество публикаций на религиозные темы. Для участия в юбилейных торжествах прибыло 211 делегаций в составе 451 человека из 89 стран мира. На торжественных мероприятиях было представлено 86 советских органов СМИ и 236 – зарубежных, выпущено 13 пресс-релизов, передано за рубеж по информационным каналам более 676 информационных материалов, организовано 39 зарубежных выставок, отпечатано 365 экземпляров фотоальбома выставки «1000-летие Русской православной церкви», изданы интервью Патриарха Пимена, отснято 18 полнометражных и более 235 коротких сюжетов о жизни РПЦ[640].

Изменение условий общественной и политической жизни способствовало в конце 1980-х – начале 90-х гг. значительной активизации религиозной сферы. Так, в докладе о работе уполномоченного Совета по делам религий по Удмуртской АССР в 1990 г. отмечались выступления религиозных деятелей «в прессе, по радио и телевидению», их участие «в акциях милосердия, в частности, в отношении осужденных лиц»[641]. Также упоминалось, что постоянной критике в СМИ подвергались основные положения существующего законодательства о религиозных организациях, признавалась необходимость таких не предусмотренных законом мер, как открытие воскресных школ. В печати постоянно звучали призывы использовать церковь и религию для повышения нравственного потенциала общества. Посредством радио, телевидения, газет формировалось положительное отношение к религии, что способствовало активизации деятельности религиозных организаций по укреплению материальной базы их структур, распространению религиозной литературы и широкому вовлечению в религию молодежь. Среди верующих распространялись

[640] Информация о работе по подготовке и проведению празднования 1000-летия крещений Руси // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3580. Л. 5-9.
[641] Протокол № 12 от 22.05.1990 г. заседания Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР // ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

представления о необходимости добиться возвращения храмов, в которых ныне размещены учреждения культуры[642].

После принятия новых законодательных актов, в том числе закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», религиозные организации получили доступ к СМИ, стали успешно развивать контакты с зарубежными религиозными центрами. Так, в 1990 г. Советом по делам религий при Совете Министров РСФСР было дано согласие на учреждение нового церковного журнала Объединения церквей евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) в РСФСР «Христианин и время» тиражом 10 тыс. экз., объемом 15 печатных листов и периодичностью 4 раза в год; увеличение тиража ежемесячной газеты «Христианин и время» с 20 тыс. до 50 тыс. экз.; издание «Сборника духовных песен» тиражом 70 тыс. экз.; издание церковного календаря ЕХБ на 1991 г. тиражом 50 тыс. экз.»[643]

По мере разрушения основ советской идеологии и сворачивания атеистической пропаганды население оказалось в состоянии мировоззренческого вакуума. Потеряв ориентиры, люди стали подвергаться воздействию новых доктрин, в том числе религиозного толка, что в свою очередь, привело к расширению влияния религиозных движений на общество. Атеистические публикации в газетах, на радио и телевидении стали вытесняться материалами о деятельности религиозных организаций, о выдающихся религиозных деятелях, об истории религии и другими темами, которые раньше были под запретом. В условиях либерализации государственно-конфессиональных отношений российское общество захлестнула волна зарубежного миссионерства. Возникли десятки нетрадиционных движений, ранее не существовавших на территории Российской Федерации, но быстро распространившихся и заявивших о себе в СМИ, ставших предметом общественных и научных дискуссий. В российских газетах и журналах стали появляться объявления, заметки, распространялись красочные брошюры и листовки с приглашениями на встречи и семинары с

[642] Там же. Л. 47.
[643] Там же. Л. 45.

представителями различных НРД в домах культуры, библиотеках, кинотеатрах, учебных заведениях. Уже в это время стало заметно неоднозначное отношение к нетрадиционной религиозности. Одни расценивали распространение данных движений как наглядный пример подтверждения демократического характера российского общества, а с другой – как проявление религиозно-культурной экспансии[644].

Как отмечают современные исследователи Э.В. Чепкина и О.Ф. Автохутдинова, «начало 1990-х гг. было отмечено ростом доброжелательного интереса к «другому», казалось, происходит «повальное превращение идеологических противников в лучших друзей». В российском медиадискурсе данного периода была распространена идея, что «разнообразие обогащает общество, что социальная дифференциация, типичная для западных обществ, выступает признаком высокой политической, правовой, гражданской культуры»[645].

В целом, в общественном мнении религия стала рассматриваться преимущественно в положительном духе. Она воспринималась как социальное и духовное явление, являющееся важнейшим хранителем общечеловеческих моральных и культурных ценностей. Одновременно выявились крайние точки зрения, которые идеализировали религию, рассматривали ее единственным носителем нравственности и духовности, а материализм и атеизм изображали источником безнравственности и аморализма[646].

Процессы демократизации духовной и идеологической сферы выразились в том числе в нарастании форм и видов СМИ. Собственные периодические издания стали выпускать и религиозные структуры, в том числе НРД, развернувшие

---

644 Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. С. 101.

645 Чепкина Э.В., Автохутдинова О.Ф. Проблема другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «другой» в дискурсе СМИ // Гуманитарные аспекты современных массмедиа. 2015. С. 114.

646 Постановление Секретариата ЦК КПСС «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях» // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 020. Д. 066. Л. 4.

активную прозелитическую деятельность[647]. Газеты «Мирянин» и «Рыцарь веры» издавались Церковью Божией Матери Преображающейся (Богородичный центр)[648], у кришнаитов выходила газета «Харе Кришна Сегодня»[649], международные издания Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) ежемесячно публиковались на 15 языках мира, четыре раза в год – на 5 языках, в том числе русском[650]. Издательство ТОО «ЭЛС» выпускало специальную литературу религиозного учения АУМ Синрикё[651]. Помимо этого, распространялись аудио- и видеокассеты с духовными художественными и документальными фильмами[652].

Отдельные публикации посвящались благотворительным программам, реализуемым религиозными движениями. Так, в рамках программы московской общины кришнаитов «Пища для жизни», проводилась бесплатная раздача духовной литературы и освященной вегетарианской пищи в исправительно-трудовых учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Саратова, Ижевска, Харькова, Луганска, Ташкента, Минска[653]. Публиковались официальные благодарственные письма от имени представителей местных органов власти, на территории которых проводились подобные благотворительные мероприятия: «Администрация г. Нижнего Новгорода выражает благодарность за презентацию программы «Харе Кришна» и благотворительный обед для малообеспеченных жителей города»; «Благодарность кришнаитам от народного депутата

---

[647] Фомичева И.Д. СМИ среди средств социальной коммуникации // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 1. С. 66.
[648] Газета «Мирянин». 1993. Январь-февраль // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, газета «Рыцарь веры». 1992. № 2 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 52. Л. 2-13.
[649] «Харе Кришна Сегодня» Международный бюллетень для СМИ. 1994. №2. ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.
[650] Официальное русское издание Церкви Иисуса Христа Святых последних дней «Лиахона». 1996. Июнь. № 2; Официальное русское издание Церкви Иисуса Христа Святых последних дней «Росток». 1994. Сентябрь. № 3. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
[651] Павлов А. Секта ушла в подполье // Газета «Труд». 1995. 31 августа. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.
[652] Московский комсомолец. 21 октября. 1995. Угроза массовых самоубийств в секте Виссариона // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
[653] Полякова Я. Программа «Дайте этим людям шанс!» // Газета «Мегаполис-пресс». 1994. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 21 Л. 6, 8.

Ленинградского районного Совета народных депутатов г. Москвы О.М. Булыгина за организацию бесплатных обедов для особо нуждающихся жителей Северного АО, Муниципального округа «Аэропорт», м. Сокол»[654] и др. «Медицинская газета» в одной из статей упоминала «об уникальном опыте лечения и профилактики наркомании специалистами Общества сознания Кришны», проводившихся на базе 4-го отделения областного наркологического диспансера г. Днепропетровска в рамках благотворительной программы «Возвращение к жизни»[655].

Широко освещалась в СМИ деятельность стремительно распространявшегося в России религиозного учения «АУМ Синрикё». На канале радиостанции «Маяк» и телеканале «2х2» еженедельно велись трансляции передач российского филиала АУМ Синрикё, по радио метрополитена звучала реклама данной религиозной организации[656]. Массовые мероприятия, организуемые японским движением, проводились во Дворце Съездов, Дворце молодежи и спортивном комплексе «Олимпийский». Ряд московских газет публиковали статьи, в которых деятельность центров АУМ Синрикё расценивалась, как «новый очаг духовности, согревающий души многих людей»[657] или «дело нравственного обогащения москвичей, которое, нисколько не соперничая с другими верованиями, внесет свой достойный вклад в духовное возрождение России и россиян»[658].

На основе материалов Центрального государственного архива города Москвы автором исследования был проведен контент-анализ более 150 публикаций, появившихся в федеральных, региональных и местных печатных

---

[654] Документы о реализации программы «Харе Кришна – Пища для жизни» международного Общества Сознания Кришны // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 4.

[655] Плешаков Ю. Чтобы спасти начинающих наркоманов. Свой рецепт предлагает Общество сознания Кришны // Медицинская газета (МГ). 1995. № 72. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

[656] Сектантские игры // Московская правда. 1995. 21 февраля // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45 Л. 8.

[657] С позиции добра // Вечерняя Москва. 1994. 5 августа // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45 Л. 11.

[658] Дорога к истине // Московская правда. 1994. 30 августа // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45 Л. 5.

СМИ за период с 1991 по 1996 гг. и посвященных деятельности НРД в России. Данный анализ позволил выявить смещение акцента в медийном дискурсе, касавшемся деятельности нетрадиционных движений. Если с конца 1980-х гг. наблюдался интерес и доброжелательное отношение к новому религиозному феномену, то в 1990-е гг. нарастает критика, отторжение российским обществом явления нетрадиционной религиозности. Около 10% публикаций характеризовало деятельность НРД в положительном или нейтральном духе. 17% составляли материалы самих нетрадиционных религиозных организаций и 73% представляли собой статьи с критической или негативной оценкой деятельности указанных движений. Как правило, в заголовках данных статей использовались такие словосочетания, как «капкан для простодушных», «похитители (ловцы) душ», «час мракобеса», «продавцы святости», «как громят еретиков», «опий растет не в поле», «духовный тоталитаризм», «конвертируемое божество», «спрут обезглавлен», «гнездо АУМ», «спасите наших детей», «империя заблудших душ» и т.п. В некоторых газетах были выделены специальные рубрики, где систематически публиковались материалы против НРД, например, «Сектомафия» (Российская газета[659]), «Осторожно секты!» (газета «Рабочая трибуна»[660]), «Осторожно, ловцы душ» (газета «Труд»[661]), «Осторожно! Секта» (Комсомольская правда[662]). Журналисты использовали такие термины, как «религиозная война», «тоталитарные секты», «нетрадиционные религии», «секты и сектантство», «религиозные организации тоталитарного толка».

В данном контексте представляют интерес выводы британского ученого Дж. Бэкфорда, изучавшего процесс формирования образа НРД на материале британских печатных изданий 1975-1985 гг. Автор обнаружил, что «информация о религиозных объединениях подается на основе «конфликта» и проводится экстраполяция на все новые религиозные движения конфликтной ситуации с одним из них». Более того, «любое сообщение о новых религиозных движениях,

[659] Российская газета. 1996. 7 декабря // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 50.
[660] Рабочая трибуна. 1993. 21 сентября // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
[661] Труд. 1995. 26 октября. // ЦГА Москвы. П-8671. Ф. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.
[662] Комсомольская правда. 1995. 9 декабря // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 35.

даже нейтральное, сопровождается напоминанием о предшествующих угрожающих случаях»[663].

В российском медийном пространстве разворачивались дискуссии о потенциальной опасности нетрадиционных форм религиозной деятельности, о разрушении ими традиционных ценностей общества.

Первое время представители НРД пытались бороться с нападками со стороны СМИ, обвиняли журналистов в некомпетентности и оскорблении религиозных чувств. Одна из газет движения Сознания Кришны опубликовала статью, призывавшую журналистов более ответственно относиться к предоставляемой ими информации. «В последнее время в СМИ появился ряд материалов, искаженно представляющих Движение сознания Кришны. Как показывает анализ, это результат не столько злого умысла, сколько элементарной неосведомленности и журналистской недобросовестности. Но сам по себе факт подобных публикаций является оскорблением чувств верующих»[664]. Однако подобные попытки, как правило, не давали результата, тем более что к критике НРД все более активно подключались представители конфессий, воспринимавшихся в качестве традиционных - православия, ислама, буддизма и иудаизма. Используя в качестве одного из ключевых инструментов религиозные СМИ, они вели активную просветительскую, информационную и издательскую работу.

Нередко интервью с участием религиозных деятелей, затрагивавшие деятельность нетрадиционных религий, публиковались в светских СМИ. Так, в газете «Вечерняя Москва» священник храма иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость на Ордынке, отец Олег Стеняев, назвал японскую религиозную организацию «АУМ Синрикё» «откровенной бесовщиной,

---

[663] Beckford J.A. The Mass Media and New Religious Movements // Cresswell J., Wilson B. New Religious Movements: Challenge and Response // Routledge, 1999. 103-120 pp. Цит. по Ясная Т.В. Международное общество сознания Кришны как религиозный феномен в современной России (конец XX – начало XXI в.): дис. … канд. филос. наук. М., 2020. С. 137.

[664] Ответственность прессы // «Харе Кришна Сегодня». Международный бюллетень для СМИ. 1994. № 2 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

замешанной на коммерческой основе» и отметил, что «дети, попавшие под влияние сектантов, – главным образом, из нерелигиозных семей, где их потребность в вере не могла быть удовлетворена»[665]. Представитель Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики, альхадж Шарафутдин Чочаев в интервью газете «Кабардино-Балкарская правда» подчеркнул негативное отношение к «вероотступникам» со стороны Духовного управления мусульман КБР[666]. Весной 1996 г. в ходе одной из передач православной радиостанции «Радонеж» состоялась дискуссия между представителями РПЦ и Обществом сознания Кришны. «Диалог с самого начала принял форму острой полемики. Нельзя было сказать, что вопросы ведущих программы были беспристрастными и дружелюбными», – охарактеризовали впоследствии данную встречу представители Общества сознания Кришны[667].

Усиление критики политического курса, проводимого государством в отношении НРД, выражалось в росте количества статей, обвинявших как светские, так и церковные власти в «бездействии» и «перекладывании ответственности»[668]. В ходе публичных обсуждений меры, применяемые государственными органами по отношению к нетрадиционным движениям, оценивались как нецелесообразные и неэффективные. Для привлечения внимания общественности к данной проблеме проводились публичные мероприятия с участием представителей различных СМИ, в рамках которых формулировались и освещались основные проблемы в сфере регулирования деятельности НРД. Например, по результатам работы международного семинара на тему «Тоталитарные секты и проблемы защиты интересов и прав семьи, детей и

---

[665] Японская дудочка, которой боятся японцы // Вечерняя Москва. 1995. 30 марта. С. 2. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

[666] Ашаева Ж. Вероотступники есть и у нас // Кабардино-Балкарская правда. 1994. 23 июня. С. 2 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.

[667] Дебаты на православной радиостанции «Радонеж» // Ишта-гоштхи. Информационный бюллетень Координационного центра общественных связей. 1996. Март-апрель. №3-4. С. 1 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

[668] Шумский В. Час мракобеса // Газета «Правда». 1996. 26 января-2 февраля. №4 (33). С. 4 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

молодежи России», был подготовлен документ, содержавший перечень проблем, существовавших в данной сфере. К их числу относились следующие:

1. Действующее российское законодательство неадекватно развитию религиозной ситуации и не учитывает мировой опыт. Не действуют на практике механизмы контроля за деятельностью религиозных движений.

2. Неполная информационная база по действующим религиозным движениям, отсутствие полной объективной религиоведческой оценки их деятельности. Неэффективность существующих, унаследованных от СССР, религиоведческих служб.

3. Отсутствие исследований в сфере медицины и психологии, посвященных управлению сознанием личности и групп людей, а также медико-психологической статистике заболеваний, связанных с пребыванием в деструктивных религиозных организациях.

4. Правоохранительные органы не уделяют должного внимания правонарушениям со стороны деструктивных религиозных организаций. Многочисленные заявления родственников по фактам правонарушений рассматриваются органами прокуратуры только как отдельные случаи. Следственные группы, занимающиеся этими вопросами, не укомплектованы специалистами необходимого профиля.

5. Не определена государственная политика по отношению к деструктивным религиозным организациям в области СМИ, что приводит к дисбалансу информационного обеспечения населения по религиозным проблемам.

6. Не анализируются социальные предпосылки создавшейся кризисной религиозной ситуации, не прогнозируется развитие проблем ни в социальном, ни в экономическом аспекте, ни по линии безопасности общества и государства[669].

[669] Итоговый документ международного семинара по теме «Тоталитарные секты и проблемы защиты интересов и прав семьи, детей и молодежи России» // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 66. Л. 174.

Ввиду отсутствия общегосударственной системы мер, направленной на противодействие деструктивной деятельности нетрадиционных форм религиозности, на региональном и местном уровнях предпринимались самостоятельные попытки решения данных вопросов. В различных регионах организовывались массовые мероприятия, в ходе которых звучала критика НРД. «В Санкт-Петербурге прошла небывалая демонстрация православных верующих во главе с духовенством против сектантства»[670]; «по сообщению агентства «Постфактум» в Междуреченске (Кемеровская область) общественный оргкомитет готовит митинг для воздействия на городские власти»[671]. Нередко статьи о людях, попавших под влияние нетрадиционных движений, сопровождались обращениями их близких в органы власти – Министерство безопасности, Министерство внутренних дел – с просьбой оказать содействие в возвращении родственников к нормальной жизни.

С 1995 г. в СМИ все чаще стали появляться публикации о судебных процессах, арестах имущества НРД. Так, в декабре 1995 г. в Санкт-Петербурге прошел первый судебный процесс по делу секты Муна «Вузовская ассоциация по изучению Принципа». Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов подал «гражданский иск о возмещении морального и физического вреда в 20 млрд. рублей, а Управление юстиции подало иск о ликвидации секты»[672]. Имущество Сайентологического центра Санкт-Петербурга – «религиозной организации тоталитарного толка» – было арестовано территориальным Управлением Федеральной налоговой полиции Российской Федерации за невыполнение требования о погашении задолженности по платежам[673].

В целом примерно с 1995 г. публикация материалов, содержащих положительные оценки деятельности НРД, практически прекратилась. Подобные

---

[670] Лебедева Н. Пророков много, всех не переслушаешь // СМ Сегодня. 1995. 21 июня. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 27-28.
[671] Пронина Л. Психотерроризм – новая опасность для людей // Рабочая трибуна. 1993. 30 июня. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.
[672] Архипов И. Депутаты радеют о чистоте веры // Газета «Коммерсантъ». 1995. 2 декабря. С. 5.
[673] Югина Е. // ИТАР-ТАСС Санкт-Петербург. 1996. 31 октября // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 29. Л. 37.

статьи еще встречались в местных газетах[674]. Смещение акцента в риторике СМИ было связано в том числе и с террористическим актом в метро г. Токио в 1995 г. Последовала незамедлительная реакция органов власти: «Государственная Дума поручила вчера думскому Комитету по безопасности войти в контакт с Генеральной прокуратурой и другими правоохранительными органами в связи с деятельностью на территории России религиозной секты АУМ. На канале радиостанции «Маяк» прекращена трансляция передач российского филиала АУМ»[675].

Для анализа тенденций, связанных с формированием образа НРД в СМИ в последующие годы, обратимся к работе американской исследовательницы Д. Фейган. Взяв за основу данные компании «Интегрум», автор рассчитала частоту использования с 1990 по 2010 гг. таких терминов, как «традиционные религии», «тоталитарная секта», «духовная безопасность» и «каноническая территория» в 4103 российских медийных базах данных, включая национальные и региональные газеты и информационные агентства. По мнению Д. Фейган, нарастание частоты использования подобных понятий свидетельствовало о намеренном разжигании общественной вражды по отношению к нетрадиционным религиям посредством СМИ[676]. Результаты исследования показали, что ни один из четырех приведенных терминов не использовался российскими СМИ до 1993 г.

Широкое использование термина «традиционные религии» в медийном дискурсе можно объяснить развернувшейся полемикой вокруг преамбулы нового федерального закона о свободе совести. Наряду с указанным термином быстро распространилось противоположное ему понятие – «нетрадиционные религии», которое в значительной степени придавало негативный оттенок восприятию данного феномена.

---

[674] Сычев К. Только он может спасти Россию // Зеленоград сегодня. 1996. № 4. С. 4 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 51.
[675] Морозова Т. Спасите наших детей // Газета «Правда». 1995. 25 марта // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.
[676] Fagan G. Believing in Russia - Religious Policy after Communism. New York, 2013. P. 95-96.

С точки зрения сторонников использования понятия «традиционные религии», его включение в законодательство способствовало укреплению общественной стабильности. По мнению исследователя журналистики Т.Н. Ивановой, принятие закона 1997 г. «поставило своеобразный заслон тоталитарным сектам». Перечисление в преамбуле закона традиционных для России религий – православия, ислама, буддизма, иудаизма - не означало предоставления им каких-либо привилегий и ущемления в правах других вероисповеданий. «Этим просто подчеркивается то огромное влияние, которое традиционные вероисповедания оказывали и оказывают на духовную и культурную жизнь России»[677]. Между тем в западных и отчасти российских СМИ была широко распространено представление о том, что закон 1997 г. наделил православие, ислам, иудаизм и буддизм особым юридическим статусом. Так, англоязычная газета «The Moscow Times» утверждала, что в Российской Федерации «четыре религии обозначены как «традиционные» в федеральном законе»[678].

Таким образом, в массовом сознании и политическом словоупотреблении прочно закрепилось понятие «традиционных» религий. Это демонстрировало, насколько устойчивыми могли быть стереотипы восприятия даже без формального закрепления соответствующих положений в законодательстве.

Анализ формирования образа НРД посредством телевизионных СМИ, а именно новостных выпусков, документальных фильмов и журналистских расследований центральных телеканалов за период 2002-2012 гг. представлен в работе Н.В. Шангина и М.В. Масловского. Авторы отмечают, что СМИ редко применяли научную терминологию при характеристике нетрадиционных движений (в основном использовались слова «секта» и «культ»), связывая данный факт с тем, что в деятельности отечественных телеканалов преобладала

---

[677] Иванова Т.Н. Религиозные СМИ в системе российской журналистики // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, журналистика. 2001. № 5. С. 73.

[678] Government Proposes Orthodox Holiday // The Moscow Times [Электронный ресурс]. 22 March. 2010. URL: http://old.themoscowtimes.com/sitemap/free/2010/3/article/government-proposes-orthodox-holiday/402244.html (дата обращения: 10.04.18).

пропагандистская функция[679]. Согласно данным исследования, пиками новостной в рамках рассматриваемого периода активности были 2003 и 2009 гг., что было обусловлено резонансными событиями в религиозной сфере (в 2003 г. освещались подробности судебного процесса над лидером «АУМ Синрекё»[680], в 2009 г. был убит священник Д. Сысоев, известный полемическими выступлениями против ислама[681]). Однако взрывной рост количества материалов по данной тематике был зафиксирован в 2012 г. Исследователи связывают данный факт с изменением взаимоотношений государства и РПЦ, которая строила свой образ «на противопоставлении себя другим конфессиям и новым религиозным движениям», а также с активной позицией нового Патриарха Кирилла относительно роли церкви в жизни страны и сближением представителей православной церкви с властными структурами[682]. «Характеристика новых религиозных движений как однозначного зла», «обязательное «разоблачение» лидеров религиозных объединений», «подтверждение массовых страхов и закрепление статусов новых религиозных движений в обществе в целом и на религиозном поле в частности», – именно в этом, по мнению Н.В. Шангина и М.В. Масловского, заключалась основная функция СМИ в отношении НРД[683].

Проблему «диффамации» нетрадиционных религиозных движений в СМИ поднимает В.В. Кунц. По словам исследователя, «некоторые политики отнесли социальные и общественные проблемы к результатам деятельности «сект», активно формируя отрицательный образ религиозных меньшинств. При этом сектофобия отчасти консолидирует общественное сознание – используя образ

---

[679] Шангин Н.В., Масловский М. В Новые религиозные движения современной России в телевизионном СМИ. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9030 (дата обращения: 17.05.2021)

[680] Головнин В. Секо Асахара готов повисеть за веру дело сектанта // Коммерсантъ. 2003. 29 апреля.

[681] Коробов П. Священник убит после исповеди. В Москве застрелен известный православный проповедник // Коммерсантъ. 2009. 21 ноября.

[682] Шангин Н.В., Масловский М. В Новые религиозные движения современной России в телевизионном СМИ.

[683] Там же.

врага, разные группы населения объединяются в некую общность, что весьма выгодно государству»[684].

Критически оценивает отношение СМИ к нетрадиционной религиозности Р.Н. Лункин. «Образ нетрадиционных религиозных групп обостряется до предела, доводится до абсурда. Массмедиа реагируют как на естественное желание массового читателя читать про «страшные секты», так и на импульсы, которые исходят от политиков и религиозных деятелей (православная идеология является во многом обоснованием страхов перед нетрадиционными религиями, а православные сектоборцы – основными экспертами в материалах об инаковерующих). В сообщениях прессы рисуются преступные образы как обезличенных «сект», так и конкретных общин (как правило, иеговистов и пятидесятников)»[685]. По мнению автора, во многих случаях проступки конкретного последователя того или иного течения приписывались движению в целом. Подозрительным казалось, что «харизматы или сайентологи в принципе занимаются религиозной деятельностью, т.е. обучают последователей, в том числе детей, часто совершают эмоциональные молитвы, собирают пожертвования», хотя, согласно российскому законодательству, это является признаками любого религиозного объединения. «Большинство публикаций в массовых изданиях и фильмов о «сектах» на федеральных телеканалах рассчитаны на чрезвычайно низкий уровень понимания того, что такое христианство, церковная жизнь и исполнение религиозных предписаний в целом. Вопросы веры оказываются несущественными»[686].

В качестве примера произвольного и неправомерного отождествления понятия «нетрадиционная религия» с понятием «секта», имеющего явно негативную коннотацию, приведем информацию, размещенную в феврале 2008 г.

---

[684] Кунц В.В. Вопросы национального и религиозного примирения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23. С. 144.

[685] Лункин Р.Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2014. С. 111.

[686] Там же.

на официальном сайте администрации Кемеровской области о деятельности Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов). В распространенном пресс-службой областной администрации сообщении использовались такие термины, как «вербовка», «секта», «адепты» и др., а также призыв «быть бдительными и не поддаваться на уловки сектантских организаций»[687]. Группа верующих, считавших, что информация областной администрации представляла их церковь в образе криминальной организации и нарушала конституционные права, обратилась к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. По оценке последнего, «составители информации, опубликованной на сайте администрации, допустили отступление от норм Федеральных законов «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации», прямо запрещающих государственным и муниципальным служащим публично выражать отношение или оказывать предпочтение той или иной религии (церкви)». В итоге дискриминирующая информация была удалена[688].

Таким образом, не вызывает сомнения факт, что СМИ, освещавшие события религиозной жизни общества, играли ключевую роль в формировании общественного мнения по отношению к НРД. Нельзя отрицать, что, знакомя читателей с публикациями о религии, СМИ выполняли важную информационную функцию. В то же время далеко не всегда журналистом удавалось соблюсти объективность, воздержаться от резких суждений. В этих случаях СМИ могли оказывать дестабилизирующее воздействие на межконфессиональные отношения и общественно-политическую ситуацию в целом. Актуальной представляется мысль отечественного религиоведа Э.Г. Филимонова, который отмечал, что усилиями, в том числе, СМИ общественности активно навязывались крайности. В

---

[687] Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Администрация Кемеровской области предупреждает об активизации деятельности мормонов. 11 февраля 2008 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/362714.html (дата обращения 17.05.2021).

[688] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 17.02.2009 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год» // Российская газета. 2009. № 68.

советский период превалировала атеистическая пропаганда, в последующие годы обрела особую популярность мысль о том, что все социально-нравственные пороки происходят исключительно от атеистического воспитания. В 1990-е гг. усиленно насаждалась симпатия к религии как таковой, затем нетрадиционные религии стали провозглашаться опасными для общества. «Я боюсь этой крайности, потому что о свободе совести говорить не приходится, когда люди скрывают свои убеждения в угоду сиюминутным общественным настроениям»[689], – отметил автор.

Информация, активно транслируемая СМИ в 1990-е гг., на фоне обострения вооруженных конфликтов на Северном Кавказе и распространения терроризма по всей территории России способствовала совмещению в общественном сознании двух феноменов – нетрадиционной религиозности и религиозного экстремизма. В результате негативное восприятие НРД существенно усилилось, что повлияло как на общественное мнение, так и на государственную политику.

Анализ отражения событий религиозной жизни в СМИ в 1990-2015 гг. показывает сложность и конфликтогенность данной тематики. Подобная неоднозначность ярко проявилась в рамках новой общественно-политической ситуации, после провозглашения самой широкой свободы слова и вероисповедания. Нередко эти свободы в ходе своего развития вступали в противоречие друг с другом и оказывались в зависимости от общей ситуации в стране.

4.2. Позиция Русской православной церкви и других традиционных религий России по отношению к нетрадиционным религиозным движениям

Активизация деятельности НРД в конце 1980-х – начале 90-х гг., их энергичные начинания по привлечению максимального количества последователей, массовый приток иностранных миссионеров на территорию

[689] Цит. по: Алексеев В.А. Постперестройка: несвободная совесть? М., 1992. С. 11.

СССР, а затем России вызвал, как отмечалось выше, у представителей традиционных религий напряженность и беспокойство. Особенно это было характерно для крупнейшей конфессии - РПЦ, приступившей к «активной борьбе за религиозное сознание и сердца граждан России после эпохи коммунизма»[690].

Одним из факторов, способствовавших появлению и распространению НРД, по мнению исследователей, являлось кризисное состояние традиционных религий[691]. В начале 1990-х гг. – периода демократических преобразований и религиозных свобод – перед РПЦ, как и перед многими российскими конфессиями, встал вопрос о самоидентификации и определении дальнейших шагов, призванных способствовать духовному возрождению. Избранный в июне 1990 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выступал за полную независимость церкви от светских властей. Проводимый им курс по выстраиванию отношений с органами государственной власти характеризовался как острожный, сдержанный. По замечанию российского религиоведа Б.К. Кнорре, «РПЦ в начале 1990-х годов не решалась воспользоваться некоторыми преференциями со стороны государства, способными существенно расширить ее присутствие в российской жизни за рамками собственно религиозно-культовой деятельности. Например, Алексий II отказался от предложенной Борисом Ельциным полной реституции церковной собственности и церковных земель, испугавшись ответственности, которая легла бы на церковь за использование земельных пространств»[692]. Автор подчеркивает, что такая осторожность со стороны РПЦ была вполне объяснима, поскольку в тот период церковь не рассматривалась политическим руководством в качестве серьезного союзника и партнера, а использовалась в основном в популистских и имиджевых целях.

---

[690] Holland E.C. Competing Interpretations of Buddhism's Revival in the Russian Republic of Kalmykia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. № 6. P. 950.

[691] Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. С. 67.

[692] Кнорре Б.К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира. С. 45.

Характеризуя ситуацию последующих лет, религиовед С.Б. Филатов отмечал, что во время избирательной кампании 1996 г. руководство РПЦ хотя и поддерживало Б.Н. Ельцина, но одобрение не носило ярко выраженного характера, «даже публично декларировалось как бы шепотом». «Перед выборами 1996 г. патриарх Алексий II заявлял, что хотя церковь не может откровенно участвовать в политической борьбе, тем не менее “нужно разъяснять, что пришлось ей пережить при советской власти и какой религиозной свободой она пользуется сейчас”. Духовенству, указывал патриарх, следует на приходском уровне, но не с церковных амвонов, подсказывать людям, что они “должны идти на выборы и поддержать власть”»[693].

Отдельно стоит упомянуть кризис, затронувший общественно-политическую, экономическую и другие сферы жизни страны в начале 1990-х гг. «Моральный климат в обществе был испорчен, страну охватили цинизм, апатия, растерянность, ощущение всеобщей обманутости»[694]. В ходе политического конфликта 1993 г. Президент и Верховный Совет «обратились к Патриарху с просьбой о посредничестве. Прервавший свою поездку за рубеж и досрочно возвратившийся в Москву Алексий II дал согласие, но успеха это посредничество не принесло. Ни одна из противоборствующих сторон не проявила готовности к компромиссу»[695]. Открытое противостояние между конфликтующими сторонами привело к силовому вмешательству, массовому кровопролитию, общественному расколу.

Возможно, охвативший общество кризис способствовал в некоторой степени общему нагнетанию настроений агрессии, недоверия, что повлияло и на позицию РПЦ, ее стремление применять решительные и жесткие меры в борьбе с возникавшими проблемами, в том числе – распространением НРД. Одним из важных шагов в данном направлении стало принятие на Архиерейском соборе 1994 г. специального определения «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и

[693] Малашенко А., Филатов С. Религия и конфликт. М., 2007. С. 18.
[694] Красиков А.А. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб., 2007. С. 166.
[695] Там же. С. 167.

оккультизме», в котором отмечалось возрождение, с одной стороны, религиозных образований отечественного происхождения – старых «гностических культов» и «лжепророков», к которым причислялись Богородичный центр, Белое братство, Церковь последнего завета (Виссариона), а также языческие, теософские и спиритические общества. С другой стороны, указывалось на возникновение религиозных образований западного и восточного происхождения – так называемых «новых религиозных движений», «проповедников лжехристианства и псевдорелигий», а именно Церкви Муна, Новоапостольской церкви, церкви Христа, церкви сайентологии Хаббарда, мормонов, Международного общества сознания Кришны, АУМ Синрикё, трансцендентальной медитации, различных направлений учения «Новой эры», «Эры Водолея». Упоминалось об использовании «проповедниками лжерелигий» в целях расширения сферы влияния и пропаганды их воззрений различных форм воздействия на население, начиная от распространения литературы, организации собственных издательств и выступлений в СМИ, концертных залах, домах культуры до открытия школ, организации курсов и проникновения в светские школы, высшие учебные заведения. Отмечался агрессивный и конфликтный характер деятельности псевдорелигиозных сект, возможность применения угроз в адрес решивших порвать с сектантством, стремление к целенаправленному подрыву многовековых традиций и устоев народов. «Освященный Архиерейский Собор, следуя апостольской традиции, свидетельствует, все вышеперечисленные секты и «новые религиозные движения» с христианством несовместимы. Люди, разделяющие учения этих сект и движений, а тем более способствующие их распространению, отлучили себя от Православной Церкви»[696], – отмечалось в документе.

Обращаясь к особенностям церковной терминологии, используемой в этот период, можно отметить употребление следующих определений: лжерелигии, лжепророки, псевдорелигии, лжехристианство, секты и «новые религиозные

[696] Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html (дата обращения: 17.05.2021).

движения», что свидетельствует об отсутствии единообразия в терминологии, применявшейся представителями РПЦ.

В 1994 г. состоялся Международный христианский семинар, организованный Центром священномученика Иринея Лионского, «Тоталитарные секты в России». В итоговом заявлении была сформулирована общая позиция 227 участников семинара по отношению к НРД. В частности, отмечалось, что «деятельность тоталитарных сект и не ограниченная законодательством проповедь их членов носит неприкрытый характер экспансии, направленной на подрыв безопасности, гражданского мира и всех устоев Российского государства. Мы просим россиян не отождествлять мир западного христианства с миром неоязыческих сект». Перечислялись конкретные религиозные движения, деятельность которых признавалась антихристианской и антигуманной («Церковь объединения», «Сайентологическая церковь», «АУМ Синрикё», «Богородичный центр» и др.). Любая попытка создания «синкретической мировой религии» оценивалась как «антихристианская инициатива»: «Если какая-то религиозная или «культурологическая» группа говорит о себе, что она нашла путь к синтезу всех мировых религий, к объединению христианства с каким-либо восточным или «эзотерическим» культом, то это явный признак того, что перед нами отнюдь не «всепримиряющее учение», а очередная секта, которая пытается насадить тот или иной псевдовосточный культ под маской симпатии к христианству». Помимо этого, участники семинара указывали на «недобросовестность пропаганды проповедников синкретических сект, воинственно требующих «терпимости», использование методов «духовного террора». Государственным органам предлагалось разработать перечень критериев (гласных и юридически обоснованных), отражающих отношение государства к религиозным организациям, «на основании этих критериев должен быть составлен список

культов, с которыми государство не желает вступать в отношения сотрудничества»[697].

Как отмечает доцент Московской Духовной Академии РПЦ, специалист по сектоведению Р.М. Конь, с 1994 г. ситуация в борьбе с сектами стала меняться. После проведения в 1994 г. семинара «Тоталитарные секты в России» получила широкое распространение выдвинутая А.Л. Дворкиным теория тоталитарного сектантства, оказавшая существенное влияние на ряд представителей духовенства. Религиовед критически оценил данную концепцию. По его мнению, «тоталитарная теория является калькой, некритическим заимствованием доктрины светского антикультового движения; и те идеи, которые на Западе не разделялись официальной наукой (Американской психологической ассоциацией, Американской социологической ассоциацией), признававшие ненаучной эту теорию, здесь в России стали выдаваться за позицию Православной Церкви»[698].

В целом в ходе дискуссий по проблемам НРД в православном сообществе выделилось два направления. Одни стремились противодействовать распространению нетрадиционной религиозности с помощью богословской полемики, учитывали как религиозный, так и светский подход к данной проблеме, вырабатывали конкретные формы работы с сектантами (руководитель Центра реабилитации жертв нетрадиционных религий имени А. Хомякова О.В. Стеняев, доцент Московской Духовной Академии, преподаватель сектоведения Р.М. Конь и др.). Основной принцип приверженцев данной позиции заключался «в следовании святоотеческому подходу, в изучении и опровержении лжеучений и критическому отношению к разным сектоведческим теориям, открыто декларирующим пренебрежение к ним как устаревшим и несовременным»[699]. Другое направление было представлено сторонниками теории

---

[697] Итоговое заявление международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России». URL: https://www.pravmir.ru/itogovoe-zayavlenie-mezhdunarodnogo-xristianskogo-seminara-totalitarnye-sekty-v-rossii/ (дата обращения: 17.05.2021).

[698] Конь Р. М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008. С. 321, 324.

[699] «В борьбе с сектантством чрезвычайно важен святоотеческий опыт». Беседа с преподавателем сектоведения, доцентом МДА Романом Конем. URL: https://pravoslavie.ru/34709.html (дата обращения 17.05.2021).

тоталитарного сектантства, опирающееся на идеи А.Л. Дворкина. Данная теория, по мнению Р.М. Коня, в качестве важнейшей черты деятельности сектантов выделяла деструктивность, «определяемую не их верованиями, а их методами деятельности», «неадекватно описывала природу сектантства», основывалась на представлении о «промывании мозгов» приверженцев НРД. Помимо этого, данная теория противопоставлялась «святоотеческому опыту борьбы с ересями». Сторонники теории тоталитарного сектантства заявляли, «пренебрегая свидетельствами из истории Церкви, что практика и способы пропаганды современных сект не имеют аналогов в прошлом, и так как святые отцы не имели представления о «невиданном ранее синкретизме и эклектизме», приспособленности сект к массовой культуре, использовании слабостей демократических систем современных государств, сращивании сект с международным бизнесом, СМИ и спецслужбами государств, то их опыт не может быть востребован в настоящее время»[700]. «В силу поддержки со стороны РПЦ и созвучия государственной идеологии именно радикальная православно окрашенная антисектантская идеология (сектоборчество направлено на борьбу, искоренение и лишение легитимного статуса неправославных конфессий и НРД) стала основанием для реального отношения православных активистов, чиновников и сотрудников правоохранительных органов к «нетрадиционной» религиозности»[701], – отмечает Р.Н. Лункин.

Еще одним направлением деятельности РПЦ явился систематический сбор и анализ информации «о прозелитической деятельности нехристианских религий; о распространении церковных расколов, лжеправославных групп и их деятельности внутри церковной среды; о пара-религиозных группах, эзотерических культах и сектах, прежде всего имеющих тоталитарный и

[700] Конь Р. М. Введение в сектоведение. С. 327-328.
[701] Лункин Р.Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации. С. 109.

автократический характер», который осуществляли специально созданные рабочие группы Священного Синода[702].

Впоследствии Священным Синодом была утверждена Концепция возрождения миссионерской деятельности РПЦ, в рамках которой было принято решение об образовании Миссионерского отдела Московского Патриархата. Одним из направлений деятельности Отдела стала реабилитация жертв «нетрадиционных религий» (данный термин упоминался впервые в материалах Архиерейских Соборов за 1997 г. – Авт.) ввиду «экспансии зарубежных миссионеров» и «появления за последние пять лет многочисленных деструктивных сект и религиозных движений»[703]. С 1996 г. стал выходить общецерковный журнал «Миссионерское обозрение», на страницах которого помимо прочего публиковались информационно-консультативные материалы по сектантству.

С благословения церковного руководства проводились конференции и семинары, посвященные теме сектантства (международная конференция «Тоталитарные секты в России», семинар «Сектантское движение корейского происхождения в России» и др.), где «популяризовалась теория «промывания мозгов» и принудительного обращения в секты» [704]. В 1996 г. на Первом съезде епархиальных миссионеров была организована работа трех секций, в том числе «Секты и здоровье народа», название которой, по замечанию Р.М. Коня, было весьма характерно для того времени и выражало суть подхода к сектантству[705]. В докладах и в итоговых заявлениях использовались термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», обсуждалась необходимость «организовать при Миссионерском отделе Московского Патриархата консультационный центр по оказанию методической помощи епархиальным миссионерам в

---

[702] Определение «О православной миссии в современном мире». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/527258.html (дата обращения: 17.05.2021).
[703] Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html (дата обращения: 17.05.2021).
[704] Конь Р.М. Введение в сектоведение. С. 316.
[705] Там же. С. 327.

противосектантской работе (с почтовым адресом и телефоном), что способствовало бы повышению образовательного уровня епархиальных миссионеров, пригласить для работы в консультационном центре специалистов в сферах психологии, наркологии, психиатрии, законотворчества»[706].

Выступая на Всемирном Совете церквей в ноябре 1996 г., митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл заявил: «Начался поход против Русской Церкви... Толпы миссионеров бросились, веря, что бывший Советский Союз – огромная миссионерская территория. Они вели себя так, как будто никаких поместных церквей не существовало... Они начали проповедовать, даже не прилагая усилий, чтобы ознакомиться с русским культурным наследием или выучить русский язык... Возможно, эти миссионеры искренне верили, что они имеют дело с нехристианским или атеистическим коммунистическим народом, не подозревая, что наша культура была сформирована христианством»[707].

На Архиерейском Соборе 1997 г. Патриарх Алексий II выступил с докладом, в рамках которого были рассмотрены актуальные вопросы деятельности НРД в России. Упоминалось, что широкомасштабные акции, проводившиеся в начале 1990-х гг. иностранными миссионерами на стадионах, в концертных залах и на телевидении, стали редкостью. Теперь акцент перенесен на создание местных общин в отдаленных регионах Российской Федерации в расчете на малое число православных храмов и на рост административной самостоятельности данных территорий. Патриарх отмечал, что в России зарегистрировано около 300 различных миссий, а за последние два года оформились следующие основные группы миссионеров:

1. Представители ведущих протестантских деноминаций Запада, среди которых, наряду с методистами, в Мордовии и Республике Коми

[706] Итоговый документ I (VI) Съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви (1996 г.). URL: http://xn----7sbzamhkhkpaf1p.xn--p1ai/ (дата обращения 17.05.2021).
[707] Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad “Called to One Hope – The Gospel in Diverse Cultures” // World Conference of Churches Conference on World Mission and Evangelism. Salvador, November 1996. Цит. по Fagan G. Believing in Russia — Religious Policy after Communism. P. 185.

миссионерствуют лютеране из Финляндии, на Дальнем Востоке и в Сибири – пресвитериане из США;

2. Корейские миссионеры (только в Москве действовало около 300 корейских протестантских общин);

3. Почти все крупнейшие международные миссионерские организации, в частности Британское миссионерское общество, Служение всемирной миссии и им подобные были представлены в России;

4. Безденоминационные миссионерские структуры, такие как «Кэмпус Крусейд фор Крайст», осуществивший в 1995-1996 гг. широкомасштабные миссии «Урал» и «Сибирь»[708].

В докладе также отмечалось снижение активности псевдохристианских и псевдорелигиозных сект, по сравнению с периодом их наиболее энергичных начинаний в 1990-1994 гг. В качестве одной из причин данной тенденции упоминалось прекращение деятельности «Белого братства» и «АУМ Синрикё» по решению суда. Однако продолжали проявлять активность оккультные группы и движения гностического типа (теософы, антропософы, рериховцы), проводившие пропагандистскую и издательскую работу, а также наблюдался рост сатанизма, сопровождавшийся рядом убийств в Белоруссии и России, осквернением православных святынь в Минске, Санкт-Петербурге, Приозерске, Ставрополе, Москве и других городах. Помимо этого, отмечалось возрождение таких дореволюционных русских сект, как хлысты, скопцы, духоборы.

Среди основных приемов пропаганды сектантов упоминались следующие: обучение основам их вероучения; полемика с другими религиями и конфессиями; профессиональная подготовка проповедников и организаторов; назначение на руководящие должности русскоязычных деятелей, чтобы придать секте облик национальной религии и облегчить юридическое оформление имущества; проникновение в органы государственной власти, образовательные и медицинские учреждения.

---

[708] Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html (дата обращения: 23.03.2021).

Докладчик подчеркнул важность процедуры оценки степени криминализации сект, проводимой Министерством внутренних дел, а также необходимость налаживания контроля за деятельностью псевдорелигиозных организаций и привлечения их к ответственности за нанесение вреда здоровью или достоянию личности.

Анализируя деятельность РПЦ по отношению к НРД, можно отметить, что данный вопрос вызывал значительную обеспокоенность и занимал далеко не последнее место в ряде других проблем, стоявших перед данной конфессией. Это выражалось в выстраивании стратегического плана действий в отношении религиозных оппонентов, проведении постоянного мониторинга деятельности нетрадиционных движений на территории Российской Федерации, попытке систематизировать и терминологически обозначить данное религиозное явление, а также в постоянном упоминании указанной проблемы в ключевых религиозных документах и публичных выступлениях высшего духовного руководства. В словоупотреблении представителей РПЦ присутствовала более или менее четкая типологизация сект, которые подразделялись на отечественные и зарубежные, и деятельность которых оценивалась, как представляющая угрозу для граждан, разрушающая традиции и обычаи. Особо выделялась деятельность иностранных миссионеров («лжемиссионеров»), отношения с которыми варьировались от дипломатического диалога до равнодушного или враждебного на уровне епархий.

Стремясь противодействовать деятельности нетрадиционных движений, РПЦ старалась объединить усилия с другими акторами – органами государственной власти, СМИ, общественными объединениями, иными религиозными организациями. Эти шаги постепенно выстроятся в определенную стратегическую линию, нацеленную на борьбу с нетрадиционной религиозностью. Так, в 1993 г. Патриархом Алексием II было направлено письмо на имя Р.И. Хасбулатова. «С недоумением узнал, - писал Патриарх, - о предстоящем проведении так называемым Богородичным центром своего «собора» в Парламентском центре Российской Федерации. Упомянутая псевдоцерковь, не имеющая ничего общего с Православием или христианством

вообще, изобличенная в попрании христианского вероучения, достоинства человеческой личности, а зачастую и общепринятых норм морали и поведения – представляет собой вызов нравственному здоровью общества. В этом отношении особую тревогу вызывает тот факт, что Богородичный центр отрицает ценность семьи и побуждает своих членов на разрушение семейных связей. Исходя из этого очевидно, что предоставление Богородичному центру помещения Парламентского центра для проведения его собрания послужит созданию иллюзии поддержки этой опасной для общества секты российской государственной властью и использованию для пропаганды идей антихристианского движения, имеющего дерзость именовать себя «православным». Прошу Вас с пониманием отнестись к моему настоящему обращению, продиктованному пастырским попечением о чувствах миллионов православных верующих, а также многих неправославных россиян, озабоченных деятельностью Богородичного центра»[709].

В целях распространения православных ценностей, усиления взаимодействия между церковными структурами и политическим руководством страны под эгидой РПЦ была образована международная церковно-общественная организация «Всемирный русский народный собор»[710]. На проводимые этой организацией форумы приглашались представители властных структур, политических партий, крупных предприятий и другие члены российской элиты.

При обсуждении вопросов по совершенствованию российского религиозного законодательства представители РПЦ неоднократно заявляли «о необходимости ограждения общества от посягательств на жизнь, здоровье, права, свободы и достоинство человеческой личности со стороны экстремистских религиозных и псевдорелигиозных групп», предлагая ужесточение уголовного

[709] Письмо Патриарха Алексия II от 11.03.1993 № 671 Р.И. Хасбулатову // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2978. Л. 130.
[710] Материалы официального сайта Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. URL: https://vrns.ru/ (дата обращения 18.03.2021).

законодательства[711], «о защите сограждан от деятельности псевдорелигиозных групп… проповедующих межнациональную, социальную, межрелигиозную и иную рознь»[712].

На Архиерейском Соборе, проходившем 18-23 февраля 1997 г., руководители РПЦ выдвинули ряд рекомендаций по совершенствованию российского законодательства. В частности, в своем докладе Патриарх Алексий II в качестве важной проблемы обозначил использование «псевдорелигиозными организациями и лжемиссионерами, практикующими «скупку душ» за различные земные блага» тяжелого социального положения российских граждан. В связи с этим, «Отдел церковной благотворительности и социального служения в течение последнего года не только тесно сотрудничал с Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве России, но и организовал совместно с Минсоцзащиты и при поддержке Минздравмедпрома и других российских ведомств подготовку, обсуждение и принятие на Комиссии рабочей концепции отношения к новым религиозным движениям. Следует отметить, что позиция Отдела не вызвала возражений со стороны представителей других конфессий и религий, участвующих в работе Комиссии»[713].

Участники Собора отмечали: «Особо печалит отсутствие в ныне действующем законе «О свободе вероисповеданий» и в подготовленном проекте поправок к этому закону признания того факта, что РПЦ в течение тысячи лет формировала исторический духовно-нравственный лик российского народа и что к ней принадлежит подавляющее большинство верующих граждан страны»[714].

---

[711] Меморандум Русской Православной Церкви к вопросу о рассмотрении в Государственной Думе ФС РФ вопроса о совершенствовании российского законодательства о свободе совести и деятельности религиозных организаций. № 1127 от 12.05.1994 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628. Л. 21.

[712] Определение «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/530460.html (дата обращения: 17.05.2021).

[713] Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html (дата обращения 17.05.2021).

[714] Письмо Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.Н. Селезневу и депутатам Государственной Думы ФС РФ от Архиерейского

Приводилась практика отдельных стран (Болгария, Великобритания, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Финляндия, Швеция и др.), законодательные акты которых, учитывая роль и значение той или иной конфессии, закрепляли их особое положение. Участники Собора выразили убеждение, что законодательное признание роли РПЦ и других традиционных религий на основе принципа равноправия будет способствовать сохранению духовно-нравственных и культурных устоев общества.

Таким образом, в качестве одного из стратегических направлений в работе РПЦ по сдерживанию и противостоянию стремительно распространявшихся на территории всей Российской Федерации НРД можно выделить попытку закрепления за традиционными религиями особого статуса, который бы базировался на особенностях социокультурного и исторического наследия России. Опираясь на поддержку сторонников православных ценностей в политических кругах и властных институтах, православное духовенство выступало за расширение возможностей РПЦ и других традиционных религий в различных областях. По этому поводу Б.К. Кнорре замечает, что «применительно к 1990-м годам, т.е. к начальному этапу православного ренессанса, можно говорить о стратегии, направленной на то, что сегодня называют «публичной религией». В том православии, которое возрождалось после краха советской власти, достаточно быстро сформировались течения, ориентированные на отвоевание общественного пространства для влияния, ведь политика, сфера власти и права несомненно являются не только важнейшей частью этого пространства, но и средоточием его координат»[715]. С середины 1990-х гг. стали активно заключаться соглашения о сотрудничестве между РПЦ и различными государственными структурами и силовыми ведомствами, такими как Министерство внутренних дел, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий,

---

Собора Православной церкви № 1.1-1224 от 24.02.97 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 229. Л. 15-16.

[715] Кнорре Б.К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права. С. 49.

Министерство социальной защиты населения, Министерство обороны, Министерство культуры, Министерство здравоохранения и медицинской промышленности, Министерство иностранных дел, Федеральное агентство правительственной связи и информации, Федеральная пограничная служба и др. В результате заключения соглашений о сотрудничестве, церковные структуры устанавливали прочные каналы связи с государственными институтами на федеральном, региональном уровнях.

В свою очередь, органы власти оказались заинтересованы в межрелигиозной кооперации и создании совместно с представителями религиозного сообщества особых структур, способствовавших гармонизации этноконфессиональных отношений и повышению эффективности государственно-конфессиональной политики в целом. Важная роль отводилась упоминавшемуся ранее Совету по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, в состав которого вошли руководители всех традиционных российских религий. Выступая на заседании Совета 29 сентября 2004 г., Патриарх Московский и всея Руси Алексий II дал высокую оценку деятельности данного органа: «За годы своих трудов Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации зарекомендовал себя как авторитетный, эффективный консультативный орган, не боящийся ставить и решать самые сложные проблемы взаимоотношений религий государства и общества»[716].

В декабре 1998 г. на встрече глав и представителей Московского Патриархата, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России и Буддийской традиционной сангхи России был создан Межрелигиозный совет России[717]. В 2001 г. состав Совета пополнился

[716] Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения / под ред. А.А. Красикова, Е.С. Токаревой. М., 2006. С. 318.

[717] Шмидт В.В., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: принципы организации и опыт к 15-летию межрелигиозного совета России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 2. С. 13.

Координационным центром мусульман Северного Кавказа и Федерацией еврейских общин России, а в 2017 г. – Духовным управлением мусульман Татарстана. Согласно Декларации Межрелигиозного совета России, ключевым направлением работы является «координация усилий религиозных объединений в сферах внутреннего и внешнего миротворчества, развитие взаимоотношений религии, общества и государства, укрепление общественной нравственности, сохранения и воссоздание духовного и культурного наследия народов России, организация и поддержка межрелигиозного диалога по общественно значимым и иным смежным проблемам, сотрудничество с международными межрелигиозными организациями, реагирование на события общественной жизни в России и за ее пределами»[718].

Примером выработки консолидированного мнения представителями традиционных религий может служить их работа по подготовке совместного заявления, посвященного вопросу совершенствования законодательства о свободе совести, имущественных правах и деятельности религиозных организаций. От имени ряда религиозных организаций (Духовное управление буддистов России, Духовное управления мусульман европейской части России и Сибири, Духовное управление мусульман Дагестана, Духовное управление мусульман центрально-европейской части России, Евангелическо-Лютеранская Церковь Ингрии на территории России, Ново-Нахичеванская Российская епархия Армянской Апостольской Церкви, Римско-Католическая Церковь, российские иудейские общины, Российский Совет Древлеправославной Поморской Церкви, Русская Православная Церковь, Союз евангельских христиан-баптистов России, Союз христиан веры Евангельской (пятидесятников) Российской Федерации, Церковь христиан-адвентистов Седьмого дня) был подготовлен общий документ, отражавший достигнутый уровень согласия по отношению к разрабатываемому законодательству. При этом не исключалась возможность для каждого из религиозных объединений представить собственное мнение, касавшееся

[718] Декларация Межрелигиозного совета России (принята 10 сентября 1999 г.). URL: http://interreligious.ru/documents/documents_47.html (дата обращения 18.03.2021).

вопросов, по которым не было достигнуто согласование. Также была выражена готовность сотрудничества с рабочей группой Государственной Думы по вопросу разработки законопроекта (пакета законопроектов) в религиозной сфере[719].

Позиция Межрелигиозного совета России относительно взаимодействия, в том числе, с представителями НРД была отражена в заявлении «О культуре межрелигиозных отношений в России и мире»: «Мы осознаем, что в мире с высокой степенью взаимозависимости неосторожные высказывания или непродуманные действия, касающиеся религиозной жизни, могут очень легко спровоцировать конфликты на межрелигиозной и межнациональной почве. Поэтому важнейшей задачей общения между представителями разных религий должно быть следование правилам уважения религиозных убеждений друг друга… Нужно открыто и честно говорить друг другу о своих религиозных особенностях, различиях во взглядах на общественные проблемы, подходах к миссионерской деятельности. Нас также беспокоит, что все чаще в современном мире со ссылкой на свободу слова и творчества в сфере культуры, образования и СМИ появляются и находят поддержку некоторых политических кругов материалы и произведения, которые намеренно создают негативный образ той или иной религии, искажают нормы ее вероучения, оскорбляют чувства верующих. Если не положить конец подобной практике, то это приведет к радикализации религиозных общин и создаст неприемлемые условия для совместного проживания людей разных убеждений и вер»[720].

Исследователь А.Н. Сыроваткин отмечал по данному поводу, что «все традиционные религии России в целом солидарны между собой, выступая против проведения политики прозелитизма в отношении нетрадиционных религиозных движений. Несмотря на специфически-религиозное понимание толерантности, не

[719] Заявление участников совещания представителей ряда религиозных объединений о проблеме совершенствования российского законодательства о свободе совести, имущественных правах и деятельности религиозных организаций 24.06.94 г. // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 1. Д. 628. Л. 27.
[720] Заявление Межрелигиозного совета России о культуре межрелигиозных отношений в России и мире. URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_33.html (дата обращения: 19.03.2021).

устраняющее необходимости проповеди своей веры, полагающейся истинной, существующие церкви все же осознают, что сохранение социальной стабильности требует определенной веротерпимости»[721].

Таким образом, создание межрелигиозных организаций способствовало не только координации совместных усилий и выработке компромиссных решений в сфере государственно-конфессиональных отношений, но и формированию в некотором роде признанного «пула» российских традиционных религий из представителей тех структур, которые исторически, культурологически, идеологически играли особую роль в общественно-политической жизни страны.

Смена политического руководства страны в конце 1990-х – начале 2000-х гг. способствовала дальнейшему укреплению позиций РПЦ в разных сферах общественно-политической жизни. Светские власти в ходе поиска новой национальной идеи обращались к православной церкви как к хранителю нравственных устоев и традиционных ценностей. Как отмечает В.К. Пинкевич, политическое руководство отнеслось весьма благосклонно к популяризации православных ценностей, «поэтому уже в конце 1990-х гг. Русская православная церковь переходит к внедрению системы взглядов, применимой к широкому кругу общественно значимых тем. Среди них можно выделить три основные:

- идеологическое обеспечение нового «традиционного» взгляда на историю;
- закрепление православной идентичности, отрицание западных ценностей;
- усиление регулирующей функции религиозных норм взамен правовых»[722].

В результате идеологической работы по выработке ценностных установок, определяющих ключевые направления государственного курса в различных сферах общественно-политической жизни и консолидирующих российское общество, традиционные религии, в особенности РПЦ, приобрели особую

---

[721] Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. С. 107-108.

[722] Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 650.

значимость и были призваны заполнить существовавший идеологический вакуум, обеспечив духовно-нравственное возрождение страны.

В августе 2000 г. были приняты Основы социальной концепции РПЦ – документ, содержавший базовые положения учения церкви «по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем», а также отражавший «официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом»[723]. В качестве идеальной формы взаимоотношений между церковью и государством указывалась модель «симфонии», суть которой составляют двустороннее сотрудничество, взаимная поддержка и ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Помимо этого, церковь ожидала, что государство при выстраивании взаимоотношений с религиозными объединениями будет учитывать «их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, количество последователей, их гражданскую позицию». В качестве одной из сфер взаимодействия церкви и государства выделялось «противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества».

Как отмечают исследователи, к началу 2000-х гг. в риторике православных общественных деятелей по отношению к иностранным миссионерам все чаще использовалось понятие «национальная безопасность»[724]. Концепция национальной безопасности Российской Федерации была принята в 1997 г., однако в 2000 г. в связи со сменой политического руководства страны в нее были внесены определенные изменения. В обоих документах закреплялось, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех

---

[723] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 17.05.2021).

[724] Кнорре Б.К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2014. С. 50.

народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения…, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров»[725].

Важным событием в православной жизни в январе 2009 г. стало избрание Патриархом Московским и всея Руси митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла[726]. В ходе одной из встреч с представителями общественности Патриарх Кирилл охарактеризовал сектантство как «очень болезненное явление»: «В сектантской деятельности есть отрицание истории, есть отрицание религиозного опыта других, есть попытка монополизировать религиозный фактор и подчинить его недекларируемым целям. В России это всегда направлено против Русской Церкви. Я не встречал ни одного сектанта, безразличного или доброжелательного по отношению к Русской Церкви»[727]. Патриарх подчеркнул, что «религиозный экстремизм – а речь идет об экстремизме – конечно, должен быть ограничен законодательно». Резкая позиция Патриарха Кирилла в отношении НРД проявилась еще в 1997 г., когда, выступая в качестве управляющего Смоленской епархией, он направил главе Администрации Смоленской области А.Е. Глушенкову послание следующего содержания: «В последнее время на мое имя стали приходить письма о расширении и усилении сектантской деятельности на Смоленщине. Да и в смоленских газетах часто появляются публикации о сектантских акциях и мероприятиях. Например, газета «Смоленские новости», видимо, в качестве рекламы ежемесячно на религиозной полосе дает информацию о сектах и конфессиях, существующих в Смоленске... Совершенно чуждые русскому сознанию секты новоапостолов, кришнаитов

---

[725] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 247; Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

[726] На Московский Патриарший Престол избран митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. 27 января 2009. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/542649.html (дата обращения 17.05.2021).

[727] Святейший Патриарх Кирилл: «В сектантстве всегда есть пафос отрицания своей истории и культуры». 25 августа 2009. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/726813.html (дата обращения 17.05.2021).

разворачивают активную пропаганду своих идей среди молодежи. Я не говорю о религиозных и нравственных аспектах этих действий. Но невозможно не видеть в этом открытой экспансии чуждого нам мировоззрения. Этого невозможно допустить. Россия не может быть экономически и политически самостоятельной, находясь в духовной зависимости. Анатолий Егорович, я надеюсь на Вашу помощь. Действия администрации, пресекающие разгул западных миссионеров, во многом могут изменить сложившуюся ситуацию, Желаю Вам помощи Божией в Вашей многотрудной жизни»[728].

В 2010 г. Патриарх Кирилл выступил с предложением принять закон против «богохульства». Комиссией Межсоборного присутствия по вопросам информационной деятельности Церкви и отношений со СМИ Московского Патриархата был составлен первоначальный вариант данного документа, который впоследствии был принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви[729]. По оценке Р.Н. Лункина, «сама по себе постановка вопроса, выделяющая религиозные чувства как объект, который нужно защищать законодательно, каким бы политическим контекстом это ни дополнялось, показывает, что в сознании апологетов защиты чувств есть заявка на новое маркирование пространства человеческих отношений, на прочерчивание религиозных координат ценностного измерения»[730]. В законодательной сфере эта инициатива была реализована только в 2013 г. и нашла свое отражение в Федеральном законе «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и

[728] Красиков А.А. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб., 2007. С. 201.
[729] Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html (дата обращения 17.05.2021).
[730] Лункин Р.Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации // Монтаж и демонтаж секулярного мира. С. 87.

чувств граждан»[731], принятие которого, согласно мнению экспертов, было вызвано в том числе нашумевшим делом «Pussy Riot»[732]. Новые нормы предусматривали наказание в виде крупного штрафа или лишения свободы за оскорбление религиозных чувств верующих и осквернение мест, специально предназначенных для религиозных обрядов и церемоний.

В первоначальном тексте законопроекта, внесенного на рассмотрение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, содержалось указание на «религиозные объединения, исповедующие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»[733]. В официальном отзыве Правительства на данный законопроект отмечалось, что «содержащееся в законопроекте понятие “религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России” не определено»[734]. Схожее мнение было также отражено в отзыве Верховного Суда, где отмечалось, что использование терминов, «не имеющих правового закрепления (например… религиозные объединения, исповедующие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России), осложнит применение этой нормы на практике, поскольку при рассмотрении каждого такого дела будет возникать необходимость привлекать квалифицированных специалистов в различных сферах

---

[731] Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.

[732] Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // Lex russica. 2017. № 11. С. 111.

[733] Законопроект № 142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения 31.03.2021).

[734] Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний», вносимый в Государственную Думу депутатами Государственной Думы Я.Е. Ниловым, В.В. Жириновским, С.В. Железняком и другими, членом Совета Федерации Б.И. Шпигелем. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения 17.05.2021).

религиозных и философских учений для получения от них необходимых заключений»[735]. В ходе рассмотрения законопроекта в первом чтении депутат М.Ю. Маркелов, описывая в своем выступлении проблемы, связанные с деятельность на территории России «более трёх тысяч деструктивных культовых организаций сектантского характера», отметил, что «именно представители традиционных конфессий, несущие основы веры, сохраняющие объекты и предметы религиозного назначения, преумножающие историческое наследие народов России, становятся мишенью для экстремистов и радикалов различного толка». Один из инициаторов законопроекта Я.Е. Нилов, отвечая на критику в связи с намерением распространить нормы действующего закона только на «религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия нашей страны», согласился, что «исходя из принципа конституционного равенства ко второму чтению такая ссылка может быть убрана, мы поправку подготовим. В этом нас поддержали все традиционные религиозные конфессии, таким образом будет соблюдено равенство перед законом всех существующих сегодня на законных основаниях религиозных организаций в нашей стране» [736].

По замечанию Р.Н. Лункина, «спор вокруг проекта закона и деятельность по его защите выявили дополнительные черты включения православной церкви в общественно-политическое пространство. Официальные церковные лица были включены в консультативные и общественно-наблюдательные инстанции, прежде всего в Общественную палату. По ходатайству патриарха в нее вошли митрополит Саратовский и Вольский Лонгин, председатель Синодального

[735] Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» № 2-ВС-5457/12 от 25.10.2012. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения 17.05.2021).

[736] Стенограмма заседания 88 от 09.04.2013 «О проекте федерального закона № 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения 17.05.2021).

информационного отдела Владимир Легойда, председатель Отдела по взаимодействию церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон, советник председателя Издательского совета РПЦ по связям с госструктурами Кирилл Мирейский, митрополит Калужский и Боровский Климент, бывший референт патриарха Николай Державин, сопредседатель Всемирного русского народного собора Валерий Ганичев»[737].

В 2014 г. была создана общероссийская общественная организация «Российская ассоциация защиты религиозной свободы» (далее – РАРС), которая, как и ранее упоминавшиеся межрелигиозные институты, объединяла представителей традиционных конфессий и выполняла консолидирующую функцию для обеспечения межрелигиозного диалога. В рамках организации проводились совместные мероприятия с участием представителей не только религиозного сообщества, но и органов государственной власти, а также институтов гражданского общества[738]. Примечательной представляется реакция РАРС на ситуацию, связанную с организацией Адвентистов Седьмого Дня. В августе 2015 г. в Нижнем Новгороде психически больной человек с особой жестокостью убил свою семью[739]. Некоторые СМИ связали это преступление с деятельностью адвентистов, поскольку восемь лет назад виновный в этом убийстве посещал данную религиозную организацию. Информация в СМИ вызвала большой общественный резонанс. На территории Нижегородской и Владимирской областей следственные органы, занимавшиеся расследованием данного преступления, провели 34 обыска в религиозных организациях адвентистов. В некоторых публикация СМИ в отношении Адвентистов Седьмого

[737] Лункин Р.Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации. С. 88.
[738] Материалы официального сайта Российской ассоциации защиты религиозной свободы (РАРС). [Электронный ресурс]. URL: https://religsvoboda.ru/ (дата обращения: 20.03.2021).
[739] Берсенева А. Шизофрения, как и было сказано. URL: https://www.gazeta.ru/social/2015/08/05/7669189.shtml (дата обращения 17.05.2021).

Дня употреблялся терминs «секта», «особая религиозность»[740], однако РАРС выступила с заявлением, в котором отвергались любые подозрения в какой-либо связи этого преступления с деятельностью «уважаемой в России конфессии»[741]. Заявление РАРС во многом предотвратило дальнейшую дестабилизацию ситуации и не допустило нарушений религиозной свободы по отношению к Адвентистам Седьмого Дня.

В январе 2015 г. Патриарх Кирилл принял участие в III Рождественских Парламентских встречах, состоявшихся в Государственной Думе. В своей речи Патриарх коснулся темы исторического пути становления российского государства и традиционных ценностей, одобряемых православной церковью и предлагаемых в качестве духовно-нравственных идеалов и основ для благополучного развития страны. Среди них выделялись такие понятия, как «вера», «державность», «стремление к справедливости», «солидарность» и «достоинство», а также «единство, патриотизм, честность, семья, национальные традиции, самоограничение» и др. В качестве одной из базисных ценностей упоминалась идея свободы, но только в определенном контексте. «Сегодня наша страна находится на пороге нового исторического выбора, нового этапа развития. В этот момент мы должны подумать над тем, как, не копируя что-либо по старым шаблонам, а возвышаясь до уровня подлинного социального творчества, прийти к новому мировоззренческому синтезу. Цель его – в том, чтобы взять все лучшее, что было в нашем прошлом, и построить на этой основе фундамент будущего» [742].

---

[740] Селиванов М. В Нижнем Новгороде в Церкви Адвентистов Седьмого дня проводятся обыски. URL: https://tass.ru/proisshestviya/2166249?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=%D0%A2%D0%90%D0%A1%D0%A1 (дата обращения: 17.05.2021); Крылова А. Отца, убившего шестерых детей, уже пытались лишить родительских прав, но не нашли оснований. URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26414/3288944/ (дата обращения: 17.05.2021); Подозреваемый в убийстве детей якобы был отлучен от «церкви» – адвентисты. URL: https://www.nakanune.ru/news/2015/08/05/22410408/ (дата обращения: 17.05.2021).

[741] Доклад Гончарова О.Ю. Решение проблем религиозных организаций в Российской Федерации на площадке РАРС (2015). URL: https://religsvoboda.ru/ (дата обращения: 17.05.2021).

[742] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии III Рождественских Парламентских встреч 22 января 2015 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3960558.html (дата обращения: 17.05.2021).

21 декабря 2015 г. в Храме Христа Спасителя состоялось ежегодное Епархиальное собрание духовенства города Москвы, на котором с основным докладом выступил Патриарх Кирилл. В докладе была затронута тема НРД и их места в жизни российского общества: «Каждый из нас ответственен за то, чтобы созидать целомудренное, сильное верой, свободное общество, не зависящее от деструктивных внешних влияний. Мы призваны к такому соработничеству Церкви, народа и государства, благодаря которому Православие и другие традиционные для нашей страны религии будут иметь возможность нравственно влиять на все, что происходит в стране и ее столице… Необходимо своевременно и качественно отвечать на вызовы нравственным, семейным и патриотическим ценностям, которые хранятся Православием и другими традиционными религиями. Тем более совместными трудами нужно противодействовать экстремизму – в том числе псевдорелигиозному и антирелигиозному». Акцентировалось внимание на необходимости усиления антисектантской работы в Москве: «Сектантская угроза в условиях большого города – это одна из тех тем, на которые должно быть обращено первоочередное внимание»[743].

Подводя итог, отметим, что позиция РПЦ в отношении НРД формировалась под воздействием многих факторов: конкретных исторических событий, политической обстановки, массовых настроений, влияния отдельных личностей, деятельности определенных структур и многих других обстоятельств. В начале 1990-х гг. РПЦ стремилась осуществлять деятельность по возрождению духовной жизни российского общества в целом, выстраивая взаимоотношения с органами государственной власти, решая внутрицерковные проблемы. Тем не менее в тот период представители православной церкви активно включились и в борьбу за верующее население с массово распространявшимися нетрадиционными движениями. Предпринималась попытка закрепления особого статуса «традиционных религий» за представителями организаций, сыгравших важную

[743] Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном Собрании города Москвы (21 декабря 2015 г.). URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4303611.html (дата обращения 17.05.2021).

историческую, культурообразующую роль в жизни российского общества и государства.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в условиях смены руководства страны и изменения общественно-политической ситуации в целом, представители политической элиты стремились найти новую национальную идею, сформулировать ценностные установки, способные консолидировать российское общество. В качестве хранителей духовных ориентиров, основанных на русской культуре и совместной тысячелетней истории, воспринимались представители традиционных религий, в особенности РПЦ.

Начиная с 1993 г. и вплоть до принятия в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» усиливалось давление на властные структуры с целью ужесточения мер в отношении НРД, а также благоприятствования и поддержки деятельности традиционных религий, представленных в Российской Федерации. Оценивая взаимоотношения государства и церкви, протоиерей В. Цыпин писал: «Реальные модели взаимоотношений между Церковью и государством формируются, конечно, на основе исторической реальности, тем не менее юридическую ответственность за правовой характер таких отношений несет государственная власть»[744].

4.3. Антисектансткая (контркультовая) деятельность в Российской Федерации

С начала 1990-х гг. деятельность НРД внесла достаточно серьезные изменения в конфессиональную карту страны. Определенный религиозный вакуум, возникший после падения идеологической монополии коммунистической партии, теперь стремительно заполнялся не только исторически известными (традиционными) религиозными учениями, но и новыми, прежде неизвестными для массового сознания движениями. В условиях политических и экономических

[744] Цыпин В. Каноническое право. М., 2012. С. 821.

перемен в государстве, при нараставшем социальном кризисе нетрадиционная религиозность и действующие в этой сфере акторы воспринимались и оценивались довольно критически различными религиозными объединениями, государственными структурами, общественными институтами. Свое право на существование представители НРД должны были отстаивать не только перед лицом религиозной, но и светской оппозиции. Как отмечалось выше, Россия была далеко не первой страной, столкнувшейся в XX в. с феноменом НРД, поэтому при анализе данного явления уместно обратиться к наработкам западных ученых. Рассматривая опыт восприятия обществом нетрадиционной религиозности, британский социолог Э.В. Баркер выделил 5 направлений (групп), которые, исходя из собственных целей оказывали влияние на деятельность нетрадиционных движений, формировали общественное мнение по вопросу о данном религиозном феномене:

– группы по борьбе с культами (counter-cult groups);
– группы по информированию о культах (cult-awareness groups);
– исследовательские группы (research-orientated groups);
– правозащитные группы (human-rights groups);
– группы защитников культов (cult-defender groups)[745].

Подробнее остановимся на особенностях каждой из выделенных групп, применительно к движениям, объединениям и другим структурам, действующим в Российской Федерации.

1. Группы по борьбе с культами (контркультовые, противокультовые или антисектантские) – ориентированы на критику деятельности нетрадиционных религиозных движений с позиции традиционных религиозных учений. Имеют четкую конфессиональную окраску, представлены, как правило, консервативными христианскими активистами и организациями, относящимися к различным православным, протестантским и католическим деноминациям.

[745] Barker E.V. Watching for Violence. A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching Groups. URL: https://www.cesnur.org/2001/london2001/barker.htm (дата обращения: 17.05.2021).

Контркультисты защищают основы вероучения своей церкви, критикуя догмы иных религиозных групп с позиции их вредности для духовного развития человека и противоречия истинному учению[746].

В рамках данной группы можно выделить несколько направлений:

- консервативный противокульт – предполагает тотальную критику всех иных традиционных мировых религий, НРД, а также «еретических» течений в рамках собственной религиозной организации;

- умеренный противокульт – осуществляет критику исключительно в отношении НРД, допуская возможность мирного сосуществования с традиционными религиями;

- либеральный противокульт – критикует только особо опасные секты и культы и постулирует необходимость мирного сосуществования с мировыми религиями[747].

Как отмечает Е.Э. Эгильский, терминология «контркультовые» движения применима в большей степени к США, а в Европе и в России, чаще используется термин «секта»[748]. Поэтому в Российской Федерации такие движения получили название «антисектантские».

На протяжении многих лет координационным центром христианских сектоведческих исследований в Европе являлся «Диалог-центр» (Dialog Center International – DCI), представлявший международную сеть организаций по изучению сектантства, действующих приблизительно в 20 странах мира (в основном были представлены государства Северной Европы, но представительства также имелись в Индии, Непале и Таиланде)[749]. До 2007 г. президентом «Диалог-центра» и его основателем был Йоханнес Огорд, профессор Королевского Университета Осло, один из самых влиятельных деятелей

---

[746] Там же.

[747] Мартинович В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения: пособие для студентов Института теологии БГУ. Минск, 2008. С. 4.

[748] Эгильский, Е. Э. Контркультовое движение за рубежом и в России // Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. С. 28.

[749] Материалы официального сайта Dialog Center International – DCI. URL: http://www.dialogcentret.dk/ (дата обращения: 17.05.2021).

европейского контркультизма. В число вице-президентов, возглавлявших работу центра, входил известный деятель антисектантского движения А.Л. Дворкин, отмечавший в одном из интервью, что главная задача международной организации состоит в «противосектантской деятельности с христианских позиций»[750]. Е.Э. Эгильский подчеркивает, что свою позицию по отношению к новым религиозным движениям «Диалог-центр» определял как «диалог в конфронтации» или «спор с открытым забралом», т.е. «свидетельствование христианской веры людям других убеждений, не предполагающее ни расплывчатости в формулировании собственной позиции, ни высокомерного отношения к взглядам оппонентов… Акцент на открытости, насколько можно судить, связан с тем, что, по убеждению Й. Огорда, новые религии несут христианской Европе фальшивую духовность, с которой необходимо бороться, срывая маски и обнажая ее истинную сущность»[751]. На сегодняшний день деятельность центра приостановлена, однако обсуждается возможность возобновления его работы.

С 1994 г. Европейская Федерация исследовательских центров информирования о деструктивных культах (European Federation of Centres of Research and Information on Cults and Sects – FECRIS) объединяет неправительственные организации, целью которых является защита пострадавших от злоупотреблений со стороны сект (культов)[752]. По состоянию на сегодняшний день в FECRIS входят организации из более чем 30 стран. Российский Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского, основанный в 1993 г. по благословению Патриарха Алексия

---

[750] Возвращение Диалог-Центра. URL: http://ansobor.ru/news.php?news_id=1729 (дата обращения: 17.05.2021).

[751] Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М., 2013. С. 142.

[752] Материалы официального сайта Европейской Федерации исследовательских центров информирования о деструктивных культах (FECRIS). URL: https://www.fecris.org/ru/ (дата обращения: 17.03.2021).

II, является членом данной международной организации[753]. Возглавляет его А.Л. Дворкин, который является профессором и заведующим кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, а также одним из членов Совета директоров FECRIS.

Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского осуществляет научно-исследовательскую, консультативную, лекционную и издательскую деятельность, а также поддерживает связь с государственными структурами и средствами массовой информации. В 2006 г. на базе центра была создана ассоциация, объединившая действующие в России организации, направленные на противодействие сектам и культам. В Москве в в том же году состоялось совещание руководителей и сотрудников российских информационных и религиоведческих центров, изучающих новые религиозные движения и секты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Твери, Екатеринбурга, Уфы, Саратова, Тулы, Петропавловска-Камчатского и других городов. Участниками совещания было принято решение о создании Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Ключевой целью ассоциации является планомерный мониторинг деятельности новых религиозных движений и сект на территории Росси, аналитическая и исследовательская работа, оказание информационной и консультационной помощи и содействие федеральным, региональным и муниципальным органам власти, общественным организациям, СМИ в вопросах, касающихся деятельности различных религиозных объединений, в том числе посредством издания собственных электронных и печатных СМИ, а также проведения независимых религиоведческих экспертиз[754].

---

[753] Материалы официального сайта Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. URL: https://iriney.ru/main/o-czentre/ (дата обращения: 17.03.2021).

[754] Чайкин В.Н. Противодействие деструктивным культам со стороны Русской Православной Церкви и реабилитация пострадавших // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 1. С. 82.

Помимо этого, центрами борьбы православной общественности с НРД выступают Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С. Хомякова (Москва), Миссионерский отдел Санкт-Петербургской епархии, Новосибирское региональное отделение Центра религиоведческих исследований, Центр по вопросам сектантства при соборе св. благоверного кн. Александра Невского (Новосибирск), Миссионерский отдел Екатеринбургской епархии, Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий во имя св. Иосифа Волоцкого (Екатеринбург), Саратовское региональное отделение Центра религиоведческих исследований, Информационно-аналитический центр св. Марка Ефесского (Тверь), Информационно-консультационный центр по проблемам сект и оккультизма при миссионерском отделе Уфимской епархии, Миссионерский отдел Тульской епархии, Камчатский апологетический центр св. Патриарха Ермогена, Общественный центр «Гражданская безопасность» (Ярославль), Миссионерский отдел Рязанской епархии, Информационно-консультационный центр по вопросам тоталитарных сект (Ставрополь), Антисектантский проект «Гнев» (Великий Новгород)[755].

Также антисектантской деятельностью занимается российский протестантский Центр апологетических исследований (ЦАИ), который был образован в 1993-1994 гг. «совместными усилиями нескольких христианских служений и общин»[756]. Как отмечается на официальном сайте, центр изначально задумывался как внеконфессиональная организация, служащая всем, кто исповедует историческое христианское учение, изложенное во Вселенских Символах Веры. Среди сотрудников Центра были как протестанты, так и православные. В настоящее время организация активно сотрудничает со всеми традиционными христианскими конфессиями.

В Санкт-Петербурге с 1993 г. действует католический информационно-просветительский центр «Militia Dei», который занимается антисектантской

[755] Волков Е.Н. Исцеление от рая: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости. СПб., 2008. С. 372-376.

[756] Материалы официального сайта Центра апологетических исследований. URL: https://apologetika.ru/ (дата обращения: 16.03.2021).

деятельностью, в частности, распространением информации о сектах[757]. Центр активно сотрудничает с такими христианскими радиостанциями, как «Мария», «Теос», «Град Петров» в эфире которых регулярно выходят передачи, посвященные проблемам сект, например, цикл передач «Щит веры», «Свет истины», «Осторожно: секта!», «Католическое обозрение».

Наличие большого количества антисектантских центров в России свидетельствует о настороженном отношении традиционного религиозного сообщества к деятельности НРД, стремлении к консолидации всех общественных сил для противостояния их начинаниям. Осуществляя антисектантскую деятельность, центры активно взаимодействуют с государственными структурами, представителями СМИ и научных учреждений. В качестве мер поддержки данных институтов можно отметить предоставление им субсидий из государственного бюджета по результатам грантовых конкурсов. Так, например, в 2011 г. Центру религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского в рамках гранта на реализацию проекта «Оказание помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект»[758] были выделены денежные средства в размере 2,5 млн. на основании распоряжения Президента Д.А. Медведева «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества»[759].

В деятельности антисектантских движений можно выделить несколько основных направлений, таких, как информационно-просветительская работа, предполагающая подготовку и публикацию материалов, разоблачающих деятельность НРД и предостерегающих граждан от опасных последствий; издание

---

[757] Материалы официального сайта Санкт-Петербургского Католического Информационно-просветительского Центра «MILITIA DEI». URL: http://www.militia-dei.spb.ru/ (дата обращения: 27.03.2021).

[758] Центр религиоведческих исследований им. св. Иринея Лионского получит государственный грант на оказание помощи пострадавшим от «тоталитарных сект». URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87371 (дата обращения: 17.05.2021).

[759] Распоряжение Президента РФ от 02.03.2011 № 127-рп «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1370.

учебной и методической литературы; проведение конференций и дискуссий, посвященных вопросам НРД, в которых принимают участие не только священнослужители, но и представители органов власти, средств массовой информации и экспертного сообщества. Так, участники межконфессиональной конференции «Христианская вера и человеческая вражда», состоявшейся летом 1994 г. в Москве, в своем итоговом документе выразили «озабоченность возникновением псевдорелигиозных групп, посягающих на жизнь, здоровье, права, свободы и достоинство человеческой личности». Участники второй аналогичной конференции (ее девиз: «Призваны к одной надежде в союзе мира»), проводившейся в октябре 1996 г. в Минске, выступили за «противостояние навязчивой пропаганды оккультизма»[760].

В марте 1996 г. в центре реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С. Хомякова при храме Всех скорбящих Радости на Большой Ордынке состоялся диспут с представителями Церкви Последнего Завета и лидером общины – Виссарионом[761]. В качестве организатора и координатора мероприятия выступил председатель центра, православный священник Олег Стеняев. В ходе дискуссии участниками обсуждались вопросы, связанные с особенностями «нетрадиционного» для России учения Виссариона, с синтезом религий и миссионерской деятельностью.

Особое место в деятельности антисектантских центров занимает реабилитация пострадавших от воздействия НРД. Нередко людям, покинувшим религиозные движения, требуется квалифицированная помощь специалистов, чтобы вернуться к полноценной жизни в обществе. Некоторые «нетрадиционные религиозные организации могут использовать в своей практике опасные методы воздействия на физическое и психическое состояние людей, предполагающие воздействие на сознание через управление поведением, мыслями и чувствами,

---

[760] Зуев Ю.П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Полития. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 1997-1998. № 4. С. 62.

[761] Истинное добро – это сказать человеку правду // Миссионерское обозрение. Приложение к газете Православная Москва. 1996. Март. № 7-8 // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 32. Л. 44.

контроль за окружением, пищей и сном, зомбирование, гипноз и т.п.»[762]. Ввиду нехватки медицинских работников и специалистов, способных оказать своевременную психическую поддержку, организуются пункты медико-психологической помощи пострадавшим от деятельности подобных религиозных организаций.

Еще один аспект деятельности антисектантских центров заключается в возможности оказывать влияние на текущее законодательство и деятельность государственных органов власти в попытке пресечения противоправных действий со стороны религиозных организаций и защиты гарантий основных прав человека.

2. Группы по информированию о культах (антикультовые движения), в отличие от контркультовых, являются светскими по происхождению. Стремятся ограничить влияние культов на окружающее общество ввиду использования ими неэтичных и опасных методов воздействия на психику людей. Одним из главных методов борьбы антикультовых движений является формирование в общественном сознании негативного образа НРД, подкрепленного компрометирующими материалами о способах психического воздействия и других формах работы с последователями сект и культов. Негативным последствием такого рода деятельности является опасность культивирования в обществе страха перед любыми проявлениями нетрадиционной религиозности. Зачастую членами антикультовых организаций становятся бывшие члены сект и люди, в той или иной мере пострадавшие от их деятельности. Немало среди них также журналистов, социальных психологов, психотерапевтов и др.[763]

Ярким примером антикультового движения в России, являлась деятельность благотворительного общественно-просветительского фонда «Комитет по спасению молодежи от деструктивных культов». Это наиболее крупная и

[762] Справка Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации «О социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье личности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим» // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 4578. Л. 64-69.
[763] Эгильский Е.Э. Контркультовое движение за рубежом и в России. С. 28.

политически активная организация, образовавшаяся в конце 1992 г. «как следствия полного бездействия госструктур в отношении негативных последствий деятельности сект и объединяющая родителей и родственников лиц, пострадавших от психопаталогических воздействий различных околорелигиозных структур»[764]. К основным направлениям деятельности Комитета относилась помощь родителям и родственникам в поисках родных, покинувших семью под влиянием сект, оказание медицинской, юридической и материальной помощи, координация деятельности аналогичных родительских комитетов России и стран СНГ, создание медицинских реабилитационных центров, поиск и пропаганда методов защиты от психотеррористических воздействий и т.п.

В рамках работы Комитета проводились круглые столы и конференции, посвященные проблемам негативных последствий деятельности деструктивных религиозных структур с участием специалистов в области психиатрии, религиоведения, богословия и правоведения, а также представителей объединений родителей из других регионов России. С целью совершенствования российского законодательства в сфере свободы совести по результатам конференций и обсуждений, как правило, формулировались итоговые документы с конкретными выводами и предложениями, которые направлялись в различные инстанции. С момента учреждения Комитетом были подготовлены многочисленные обращения в государственные структуры (Администрацию Президента, Государственную Думу, Прокуратуру г. Москвы и др.) с целью препятствования деятельности тех НРД, которые, по мнению членов Комитета, систематически нарушали законодательно закреплённые права и свободы граждан. Наиболее часто упоминались такие течения, как Белое Братство, Богородичный центр, Церковь Единой религии Виссариона-Христа, Общество сознания Кришны, Школа Столбуна, АУМ Синрикё. В рамках борьбы против воздействия НРД на сознание молодежи Координационный Совет родительских

[764] Докладная записка Московского «Комитета по спасению молодежи» о негативных последствиях деятельности псевдорелигиозных сект // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

комитетов Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Новосибирска, Обнинска, Перми, Пятигорска и Уфы обращался к депутатам Государственной Думы с просьбой «встать на защиту семьи и общества от посягательств, действующих под видом религиозных объединений, культурно-просветительских, педагогических и целительных центров, сект, которые используют методы психологического воздействия, приводящие к разрушению личности и сознания человека, а также носящие деструктивный характер для семьи, общества и государства в целом»[765].

Заявление Комитета по спасению молодежи от деструктивных культов способствовало возбуждению судебного дела против московского филиала религиозной корпорации «АУМ Синрикё», обвиняемого в совершении актов психического насилия[766].

По мнению ряда исследователей, в современной России не сформировалось консолидированного антикультового движения. Действуют представители церковных институтов, специализирующиеся на борьбе с сектантством и светские ученые «одиночки, каждый из которых пытается решить проблему культов своим единственным правильным способом»[767].

3. Исследовательские группы, к которым можно отнести научно-исследовательские институты, кафедры различных учебных заведений и др. Их деятельность ориентирована на научное изучение нетрадиционных религиозных движений, направлена на глубокий анализ данного религиозного феномена, состоит в изучении принципов функционирования, структуры, истории развития, особенностей вероучения и других элементов, составляющих суть деятельности НРД, а также ориентирована на ученых, профессионально занимающихся вопросами изучения нетрадиционных религиозных движений в различных

[765] Обращение к депутатам Государственной Думы РФ. Май 1995 г. // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.
[766] Пронина Л. Эти благочестивые пострашнее мафии // Рабочая трибуна. 1995. 20 мая // ЦГА Москвы. Ф. П-8671. Оп. 1. Д. 45. Л. 15.
[767] Вершинин М. Антикультовые движения в России: 2011 г. URL: https://saosa.ru/anticult-2011 (дата обращения 17.05.2021).

областях знаний: психология, религиоведение, социология, история, политология, право и др.[768] Использование научной методологии привносит объективный характер в оценку деятельности НРД, исключая обобщающие суждения и устоявшиеся в общественном сознании образы и клише.

4. Правозащитные группы – выполняют миссию по защите прав и свобод человека в сфере свободы совести и вероисповедания. К основным формам и методам работы представителей правозащитных организаций относятся сбор и распространение информации о фактах нарушения прав и свобод, информирование общественности, публикация статей, проведение конференций и других публичных мероприятий для обсуждения вопросов по рассматриваемой тематике[769].

В качестве примера деятельности по защите конституционных принципов свободы совести и светскости государства в Российской Федерации можно рассмотреть работу Института свободы совести, который начал свою деятельность с 2001 г. (официально зарегистрирован в 2002 г.) К приоритетным задачам Института свободы совести относятся следующие положения:

- «содействие на уровнях науки и образования, законотворчества и правоприменения реализации каждым индивидом права на свободу совести, включая свободу вероисповедания;

- формирование в обществе представления о необходимости реализации свободы совести как глобальной проблемы, системообразующем праве, являющимся основой построения открытого гражданского общества, правового демократического государства;

- формирование правовых механизмов защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур, что предполагает

---

[768] Мартинович В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения: пособие для студентов Института теологии БГУ. Минск: БГУ, 2008. С. 4.

[769] Barker E.V. Watching for Violence. A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching Groups. URL: https://www.cesnur.org/2001/london2001/barker.htm (дата обращения 17.05.2021).

понятийное и правовое разграничение религии и политики, совершенствование нормативно-правовой базы для реализации свободы совести;

- правовое и религиоведческое просвещение, выработка научно обоснованных рекомендаций в области прав человека, свободы совести и государственно-конфессиональных отношений»[770].

Для реализации обозначенных задач Институт свободы совести осуществляет научно-педагогическую деятельность, включающую проведение социологических исследований и мониторинга реализации права на свободу совести в России и мире, организацию конференций, круглых столов и семинаров; аналитическую деятельность, направленную на сравнительный анализ российского и международного законодательства, разработку и проведение экспертиз законопроектов, проектов изменений и дополнений в действующее законодательство, выработку рекомендаций по совершенствованию правовой системы; редакционно-издательскую деятельность по разработке и выпуску научной и учебной литературы, освещению актуальных проблем свободы совести в средствах массовой информации; а также оказание юридических и информационных услуг физическим и юридическим лицам.

В оценке российской государственной политики в сфере свободы совести, предоставляемой членами Института свободы совести, преобладает резко критическая направленность, которая открыто транслируется в аналитических отчетах, научных статьях и публикациях в СМИ. Так, по мнению Института, «государственная политика в сфере свободы совести на самом деле подменяется религиозной политикой, которая осуществляется посредством самодовлеющих по отношению к правам человека отношений государства с религиозными объединениями, пораженных коррупцией. Суть религиозной политики – привилегии Русской православной церкви (РПЦ) и отчасти так называемым традиционным религиозным организациям, ограничения остальным (нетрадиционным). Привилегии РПЦ носят массовый, системный характер:

---

[770] Материалы официального сайта Института свободы совести. URL: http://libelli.ru/works/lci.htm (дата обращения 17.05.2021).

льготы, квоты, недвижимость, если не прямое финансирование, услуги силовых структур государства.»[771].

5. Группы защитников культов представлены, как правило, самими деятелями НРД или лицами, придерживающихся либеральных взглядов, сочувствующих несправедливым обвинениям в адрес нетрадиционных движений. Их роль заключается в конструировании и закреплении позитивного образа данных движений в общественном сознании. Иногда подобный эффект может создаваться за счет закрепления образа неоправданно гонимых религиозных групп, деятельность которых представлена в ложном свете[772].

Таким образом, на территории Российской Федерации в большей степени проявилась деятельность антисектантских движений, имеющих конфессиональную направленность и представленных в большинстве своем православными активистами. Главным успехом антисектантского движения в России стало его растущее влияние на государственно-конфессиональные отношения. Стремясь объединить усилия по борьбе с НРД, антисектантские движения активно сотрудничают с государственными, общественными, научными, информационными и другими структурами, осуществляя информационно-просветительскую, координационную, социальную и другие функции.

***

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. уходит в прошлое безраздельное господство атеистической идеологии. Развиваются процессы демократизации и гласности, активизировавшие религиозную жизнь общества и пропаганду традиционных ценностей. СМИ стали активно вовлекаться в процесс

[771] Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести (вторая половина 2001 г. - конец 2004 г.). М., 2005. С. 331.

[772] Barker E.V. Watching for Violence. A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching Groups. URL: https://www.cesnur.org/2001/london2001/barker.htm (дата обращения: 17.05.2021).

формирования нового образа религии. Зачастую в условиях кризисного состояния общества их активно использовали представители массово нахлынувших в СССР и затем в Россию нетрадиционных движений, рассматривавших СМИ в качестве инструмента по привлечению новых последователей. Некоторые СМИ, воспользовавшись сложившейся ситуацией и преследуя коммерческие выгоды, представляли религиозные новообразования в самом выгодном свете.

Посредством анализа публикаций в СМИ, посвященных деятельности НРД, удалось проследить смещение акцентов в восприятии данного явления. Если с конца 1980-х гг. был заметен интерес к нетрадиционным движениям как к чему-то новому и экзотическому, то в середине 1990-е гг. стала преобладать тенденция критического осмысления их деятельности. По мере активизации ограничительной политики в отношении нетрадиционных движений в медийном пространстве стал конструироваться образ врага, представлявшего угрозу для российского общества. С 1995 г. публикация материалов, содержащих положительные оценки деятельности нетрадиционных движений, была сведена к минимуму. В СМИ получила широкое распространение терминология, отражающая неприятие как «сект» в целом, так и конкретных религиозных объединений (иеговисты, сайентологи и др.). Начиная с 2000-х гг. можно отметить фрагментарное, точечное упоминание деятельности НРД. Рост публикаций и новостной активности, как правило, был обусловлен отдельными резонансными событиями в религиозной жизни общества, в отличие от периода 1990-х гг., когда данная тематика освещалась в рамках постоянных рубрик.

Выступая в роли защитников и проводников традиционных ценностей, представители исторически укорененных в России религий проводили активную информационную, издательскую и просветительскую работу. Позиция РПЦ в отношении НРД заключалась в обосновании опасности данного явления для духовной, культурной, социальной, государственной и других сфер жизни российского общества. Проводя активную антисектантскую деятельность, церковь фактически взяла на себя функцию публичной оценки других религиозных учений и деятельности их организаций. При этом подобные оценки

не оставались исключительно внутренним делом православной церкви, с ними она шла в «мир» и осуществляла определенную программу действий по борьбе с теми явлениями, которые считала вредными для российского общества. Так или иначе, православный фактор оказал существенное влияние на общественно-политическую жизнь российского общества, принимая различные формы воздействия на общественное сознание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен нетрадиционных религий в каждой стране имеет особенности. Они прошли длительный путь развития, уходящий порой корнями вглубь веков. Причины их появления в определенные периоды жизни общества связаны, как правило, с попыткой выразить протест против исчерпавших себя и устаревших устоев общественной и духовной жизни. НРД приносят в жизнь общества не только духовные открытия и новые практики, но и угрозы, для устранения которых принимаются различные меры. Поэтому изучение и анализ данного явления сохраняет актуальность и в наши дни.

Появление на территории России феномена нетрадиционной религиозности и распространения НРД было обусловлено целым рядом факторов. Преобразования второй половины 1980-х гг. в СССР, приведшие к глубоким преобразованиям и изменениям во всех областях общественной жизни, затронули и религиозную сферу. Новое либеральное законодательство 1990 г., изменение системы государственных органов и их функций по контролю и надзору за деятельностью религиозных организаций, открытие границ для иностранных религиозных миссий и проповедников способствовало тому, что образовавшийся после ослабления официальной идеологии вакуум оказался заполнен растущим религиозным многообразием. В его рамках были представлены не только действовавшие на территории России конфессии, но и новые религиозные учения, пришедшие из-за границы, либо возникшие в период демократических преобразований на фоне масштабных общественных и нравственных потрясений.

После распада СССР становление российской государственной и общественной систем происходило в сложных экономических, социальных и политических условиях, оказывавших непосредственное влияние на формирование правовых основ государственного устройства. Религиозная сфера также испытала сильное влияние трансформационных процессов в условиях формирования нового постсоветского общества.

НРД заняли особое место в рамках складывавшейся ситуации. Часть населения нашла в этих движениях духовную опору и пополнила их ряды. Благодаря привлечению финансовых ресурсов, умению вести активную и агрессивную миссионерскую деятельность представители нетрадиционных религий оказались востребованы определенными кругами общества. Это вызвало негативную реакцию со стороны религиозных организаций, которые стремились занять свое место в новой системе социальных отношений, апеллируя к историческому прошлому. Воспринимая религиозные новообразования как угрозу для российских граждан (в некоторых случаях вполне обоснованно), российские религиозные организации, в первую очередь, РПЦ, выступили инициаторами разделения религиозных организаций на традиционные и нетрадиционные с предоставлением первым привилегированного правового статуса. Первая попытка внесения этих положений в законодательство была предпринята в 1993 г. В дальнейшем они нашли воплощение на региональном уровне, а в 1997 г. были в некоторой степени закреплены в новом законе «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Нараставший в эти годы поток негативной информации в отношении НРД, часто именовавшихся «тоталитарными сектами» или «деструктивными культами», в определенной степени способствовал формированию негативного образа данного явления. Террористические атаки, осуществленные в разных странах мира, в том числе и в России, группами, придерживающимися религиозно-экстремистских взглядов, порождали представления о связи между нетрадиционными движениями и тенденциями религиозного экстремизма, терроризма.

К концу 1990-х гг. российские власти, столкнувшись с серьезными экономическими и даже военными проблемами, а также с усиливавшимся неверием граждан в возможность улучшения ситуации, взяли курс на формирование сильного государства, способного эффективно отвечать на любые угрозы. Одним из таких вызовов являлся религиозный экстремизм. Оставались нерешенными и проблемы духовно-нравственного состояния российского

общества. Подобная ситуация укрепила положение религиозных организаций, рассматривавшихся в качестве традиционных. Руководство страны принимало меры по выстраиванию партнерских отношений с ними. Одновременно усиливая борьбу с экстремизмом, объектом которой стали в том числе и различные религиозные движения и структуры, федеральные и региональные власти пытались найти оптимальную и эффективную модель государственно-конфессиональных отношений. Однако действия государственных органов в отношении НРД зачастую выходили за рамки демократических норм, которые Россия пыталась воплотить в жизнь в 1990-е гг. Множество уголовных дел и судебных процессов, обжалования в Европейском суде по правам человека, активное участие правозащитников в отстаивании конституционных и международных прав и свобод, не менее активная деятельность правоохранительных структур, а также традиционных религиозных организаций и антисектантских движений – всё это стало основой для фактически непрерывного конфликта в религиозном пространстве России, который не мог разрешиться без полного прекращения сопротивления какого-либо участника.

НРД начали активную деятельность в СССР, а затем в России в условиях демократических преобразований, ослабления государственного контроля над жизнью общества, трансформации государственных и правовых институтов. Однако такие исторические потрясения, как распад Советского государства, силовой разгон Верховного Совета, война на Северном Кавказе, нарастание угрозы распада Российской Федерации, духовно-нравственный кризис общества и многие другие явления поставили демократический эксперимент по введению в России неограниченной религиозной свободы под вопрос. Результатом стало усиление ограничений, расширение контроля государства за религиозной сферой.

События 1990-2015 гг. во многом оказались показательным не только по отношению к НРД или конфессиональной сфере. Примечательна была общая трансформация государства и общества. Ее итоги во многом были подведены в ходе мероприятий, посвященных 25-летнему юбилею принятия законов 1990 г., провозглашавших переход к новой системе государственно-конфессиональных

отношений, расширение духовной свободы. На собраниях и конференциях звучали воспоминания о тех событиях, давалась оценка пройденному пути. Однако новых призывов к религиозной свободе не прозвучало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

I. Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы. Оп. 1. Д. 155, 2978.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы. Оп. 4. Д. 3108, 3109, 3125, 3126, 3149.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы. Оп. 5. Д. 155, 363, 466.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10100. Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума Российской Федерации. Оп. 1. Д. 628.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10100. Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума Российской Федерации. Оп. 13. Д. 120.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10100. Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума Российской Федерации. Оп. 14. Д. 221, 229.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10121. Федеральные органы национальной и региональной политики России (1989-1998). Оп. 1. Д. 82.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10200. Правительство Российской Федерации. Оп. 5. Д. 4578.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10259. Министерство юстиции Российской Федерации. Оп. 1. Д. 1672.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-661. Совет по делам религий РСФСР. Оп. 1. Д. 4, 10, 17.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР 1966-1991 гг. Оп. 6. Д. 2917, 2918, 2919, 2923, 2930, 2946, 3193, 3381, 3579, 3580, 3887.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 150. Д. 951.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 163. Д. 930.

14. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2809. Оп. 2. Д. 14.

15. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.). Оп. 008. Д. 039.

16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.). Оп. 011. Д. 005.

17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.). Оп. 020. Д. 066.

18. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-3542. Комитет по связям с религиозными организациями мэрии Москвы (Москорелигия) 04.06.1991-25.05.1993; Правительство Москвы 25.05.1993-21.01.2003. Оп. 1. Д. 1, 9.

19. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-8671. Религиозные объединения (АУМ Синрикё, Богородичный центр,

Великое белое братство и др.). Оп. 1. Д. 2, 9, 13, 17, 19, 21, 29, 32, 45, 51, 52, 56, 66, 68, 70, 71, 72.

II. Нормативно-правовые акты

1. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР. – 1918. – № 18. – Ст. 263.

2. Закон Архангельской области от 18.12.2015 № 384-22-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов шестого созыва. – 2015. – № 22.

3. Закон Архангельской области от 30.01.1997 № 19-6-ОЗ «О регулировании деятельности религиозных сект, представительств (филиалов) иностранных религиозных организаций, отдельных проповедников и миссионеров на территории Архангельской области» // Волна. – 1997. – № 12.

4. Закон Башкирской ССР от 20.06.91 № ВС-6/19 «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР» // Законы Республики Башкортостан. – 1992. – Вып. II.

5. Закон Белгородской области от 02.12.1996 № 95 «О миссионерской деятельности религиозных организаций и проповедников на территории Белгородской области» // Бюллетень Белгородской областной Думы. – 1996. – № 17.

6. Закон Белгородской области от 19.03.2001 № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» // Белгородские известия. – 2001. – № 41.

7. Закон Вологодской области от 30.10.1998 № 307-ОЗ «О признании утратившим силу Закона области "О религиозной миссионерской деятельности на территории Вологодской области"» // Красный Север. – 1998. – № 220-221.

8. Закон Воронежской области от 30.04.1999 № 87-II-ОЗ «О порядке осуществления миссионерской деятельности на территории Воронежской области» // Коммуна. – 1999. – № 87.

9. Закон ДАССР от 05.05.1991 «О свободе совести и религиозных организациях» // Дагестанская правда. – 1991. – № 92.

10. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» // Кабардино-Балкарская правда. – 2001. – № 112.

11. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 04.05.2000 № 6-РЗ «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. – 2000. – № 52.

12. Закон Костромской области от 11.04.2005 № 259-ЗКО «О порядке и условиях осуществления миссионерской деятельности на территории Костромской области» // Северная правда. – 2005. – № 44.

13. Закон Курской области от 18.06.2004 № 23-ЗКО «О миссионерской деятельности на территории Курской области» // Курские ведомости. – 2004. – № 7.

14. Закон Липецкой области от 06.11.1996 № 53-ОЗ «О религиозной (миссионерской) деятельности на территории Липецкой области» // Липецкая газета. – 1996. – № 215.

15. Закон Орловской области от 22.07.1997 № 41-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Орловской области» // Ведомости Орловской областной Думы. – 1998. – № 10-11.

16. Закон Приморского края от 20.03.1996 № 32-КЗ «О миссионерской деятельности на территории Приморского края» // Ведомости Думы Приморского края. – 1996. – № 17-18.

17. Закон Республики Башкортостан от 20.06.1991 № ВС-6/19 (ред. от 16.07.1998) «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» //

Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. – 1998. – № 17. – Ст. 1090.

18. Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 1999. – № 9. – Ст. 3290.

19. Закон Республики Ингушетия от 08.12.1998 № 18-РЗ (ред. от 10.08.2000) «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в Республике Ингушетия» // Ингушетия. – 1999. – № 41.

20. Закон Республики Ингушетия от 23.08.1996 № 13-РЗ «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» // Ингушетия. – 1996. – № 96.

21. Закон Республики Калмыкия от 31.10.1995 № 31-I-З «О свободе совести и вероисповеданий» // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. – 1997. – № 2.

22. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 30.12.2004 № 38-РЗ «О миссионерской деятельности на территории Республики Северная Осетия-Алания» // Северная Осетия. – 2005. – № 12.

23. Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Тувинская правда. – 1995. – 23 мая.

24. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 21. – Ст. 240.

25. Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

26. Закон РФ от 27.08.1993 № 5668-I «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 37. – Ст. 1466.

27. Закон Саратовской области от 25.07.1997 № 48-ЗСО «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Саратовской области» // Саратовские вести. – 1997. – № 33.

28. Закон СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.

29. Закон Ставропольского края от 30.12.2015 № 153-кз «О миссионерской деятельности на территории Ставропольского края» // Ставропольская правда. – 2016. – № 1-2.

30. Закон Тульской области от 14.12.1994 № 5-ЗТО «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области» // Сборник Законов Тульской области. – 1994-1995 гг.

31. Закон УР от 28.05.1996 № 221-I «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. – 1996. – № 124-125.

32. Закон Хабаровского края от 28.06.1995 № 14 «О религиозной деятельности на территории Хабаровского края» // Вестник Хабаровской краевой Думы. – Апрель–июнь 1995 г.

33. Закон ЧР от 20.01.1994 «О свободе вероисповеданий в Чувашской Республике // Советская Чувашия». – 1994. – № 22.

34. Какие государственные органы регулируют вопросы межнациональных отношений в РФ с 1991 г. URL: https://tass.ru/politika/1825929 (дата обращения: 17.05.2021).

35. Конституция (Основной Закон) Кабардино-Балкарской Республики (с изменениями и дополнениями, внесенными на второй, третьей, четвертой, пятой, шестой сессиях Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики двенадцатого созыва 29 августа 1990 г., 31 января 1991 г., 17 мая 1991 г., 26 сентября 1991 г., 10 марта 1992 г.) // СПС КонсультантПлюс.

36. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) // Якутские ведомости. – 1992. – № 7.

37. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 № 28-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. – 1997. – № 177.

38. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // СПС КонсультантПлюс.

39. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

40. Областной закон Новгородской области от 26.12.2014 № 681-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Новгородской области» // Новгородские ведомости (официальный выпуск). – 2014. – № 28.

41. Областной закон от 12.07.1999 № 16-ОЗ «Об осуществлении деятельности религиозных объединений и их представителей на территории Свердловской области» // Областная газета. – 1999. – 16 июля.

42. Постановление Администрации Алтайского края от 27.06.1997 № 392 «Об утверждении Положения об экспертно-консультативном Совете» // Сборник законодательства Алтайского края. – 1997 г. – № 14. – С. 285.

43. Постановление Администрации городского округа город Воронеж от 05.03.2012 № 163 «О создании координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при администрации городского округа город Воронеж» // Берег. – 2012. – № 24.

44. Постановление Администрации Красноярского края от 06.03.1996 № 151-П «Об образовании совета по взаимодействию с религиозными объединениями при администрации края и утверждении Положения о нем» // СПС Консультант Плюс.

45. Постановление Администрации Псковской области от 29.03.2011 № 109 «О создании Совета по межнациональным и межрелигиозным отношениям при Администрации области» // Псковская правда. – 2011. – № 56-57.

46. Постановление администрации Тамбовской области от 31.10.2014 № 1334 «О межведомственной комиссии по вопросам межнациональных (межэтнических) отношений, укрепления гражданского единства, этнокультурного развития народов, населяющих Тамбовскую область, при главе администрации области». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6800201411060006 (дата обращения: 17.05.2021).

47. Постановление ВС РФ от 23.06.1993 № 5231-1 «О проекте Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 29. – Ст. 1117.

48. Постановление ВС РФ от 27.08.1993 «О введении в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 39. – Ст. 1648.

49. Постановление ГД ФС РФ от 16.06.1995 № 893-1 ГД «О мерах по недопущению проявлений терроризма в Российской Федерации (в связи с трагическими событиями в городе Буденновске Ставропольского края)» // СЗ РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2444.

50. Постановление Главы Администрации Астраханской области от 28.06.2001 № 328 «Об упорядочении деятельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий на территории Астраханской области» // Астраханские известия. – 2001. – № 28.

51. Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1991. – № 50. – Ст. 1421.

52. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.12.1997 № 1995-II ГД «Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "К Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину"»// Ведомости ФС РФ. – 1998. – № 1. – Ст. 60.

53. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.01.1994 № 10-1 ГД «Об образовании комитетов Государственной Думы» // Ведомости ФС Российской Федерации. – 1994. – № 1. – Ст. 41.

54. Постановление Губернатора Сахалинской области от 04.07.1996 № 315 «Об упорядочении миссионерской деятельности различных религиозных

конфессий на территории Сахалинской области» // Губернские ведомости. – 1996. – № 52.

55. Постановление Губернатора ХМАО от 09.09.1998 № 381 «Об утверждении Положения об экспертно-консультативном совете и его персональном составе» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. – 1998. – № 9. – Ст. 791.

56. Постановление Законодательного Собрания Тверской области от 15.06.1995 № 219 «Об упорядочении миссионерской и проповеднической деятельности на территории Тверской области» // Тверские ведомости. – 1995. – № 54.

57. Постановление ЗС Краснодарского края от 13.09.1999 № 263-П, ГС - Хасэ Республики Адыгея от 13.09.1999 № 584-1 «Об обращении депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края и Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея» // Советская Адыгея. – 1999. – № 178.

58. Постановление ЗС Краснодарского края от 23.10.2002 № 1757-П «О проекте Закона Краснодарского края "Об упорядочении миссионерской деятельности религиозных организаций на территории Краснодарского края"» // СПС КонсультантПлюс.

59. Постановление ЗС Краснодарского края от 27.03.2002 № 1422-П «Об Обращении депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края к Президенту Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в связи с попытками зарубежных религиозных центров расширить свое влияние на территории Российской Федерации» // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. – 2002. – № 36.

60. Постановление Кабинета Министров РБ от 25.10.1999 № 338 «О деятельности Министерства юстиции Республики Башкортостан по выполнению задач, поставленных в Послании Президента Республики Башкортостан Государственному Собранию Республики Башкортостан» // СПС КонсультантПлюс.

61. Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан от 03.11.98 № 247 «О совершенствовании форм и методов работы Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. – 1999. – № 4. – Ст. 305.

62. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 04.08.1998 № 236 «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями в Чувашской Республике» // Собрание законодательства ЧР. – 1998. – № 7-9. – Ст. 334.

63. Постановление Калининградской областной Думы от 11.01.1996 № 1 «О религиозных объединениях, входящих как структурные подразделения в религиозные зарубежные организации, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации» // Янтарный край. – 1996. – № 38.

64. Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Оренбургской области от 22.09.2005 «О состоянии взаимодействия правоохранительных органов области по противодействию угрозам, связанным с деятельностью нетрадиционных религиозных объединений» // СПС КонсультантПлюс.

65. Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 23.11.2000 № 537-пс «О проекте закона Липецкой области "О признании утратившим силу Закона Липецкой области от 06.11.1996 N 53-ОЗ "О религиозной (миссионерской) деятельности на территории Липецкой области"» // Липецкая газета. – 2000. – № 242.

66. Постановление Мэра города Томска от 30.06.1999 № 454 «О создании координационного совета по вопросам религиозных объединений» // Томский вестник. – 1999. – №27.

67. Постановление Правительства КБР от 27.10.1998 № 540 «О мероприятиях по взаимодействию с религиозными конфессиями и их государственной поддержке» // СПС КонсультантПлюс.

68. Постановление Правительства Москвы от 16.09.2003 № 770-ПП «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями города Москвы» // СПС Консультант Плюс.

69. Постановление Правительства Москвы от 21.12.2010 № 1081-ПП «О создании Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2011. – №1.

70. Постановление Правительства Москвы от 25.05.1993 № 505 «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями Правительства Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. – 1993. – № 14.

71. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 1992 г. № 299 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102016100&rdk=&backlink=1 (дата обращения: 17.05.2021).

72. Постановление Правительства РФ от 01.05.1996 № 547 «Об одобрении и представлении на утверждение Президента Российской Федерации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 19. – Ст. 2312.

73. Постановление Правительства РФ от 03.04.1992 № 214. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.05.2021).

74. Постановление Правительства РФ от 03.06.1998 № 565 «О Порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» // СЗ РФ. – 1998. – № 23. – Ст. 2560.

75. Постановление Правительства РФ от 04.11.1993 № 1187 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 48. – Ст. 4650.

76. Постановление Правительства РФ от 06.05.1994 № 466 «О порядке передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества

религиозного назначения, относящихся к федеральной собственности» // Российская газета. – 1994. – 10 июня.

77. Постановление Правительства РФ от 18.04.2015 № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СЗ РФ. – 2015. – № 17 (ч. IV). – Ст. 2564.

78. Постановление СНД РФ от 24.09.1993 «О принятии Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // СПС КонсультантПлюс.

79. Постановление СП ГС - Хасэ РА от 17.04.2002 № 168-1СП, СР ГС - Хасэ РА от 24.04.2002 № 257-1СР «Об обращении депутатов Законодательного собрания Краснодарского края к Президенту Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в связи с попытками зарубежных религиозных центров расширить свое влияние на территории Российской Федерации» // Советская Адыгея. – 2002. – № 92-93.

80. Приказ Минюста РБ от 27.04.2000 № 81 «О создании Совета при Министерстве юстиции Республики Башкортостан по взаимодействию правоохранительных и контролирующих органов в области деятельности религиозных и общественных объединений» (вместе с «Составом Совета при Министерстве юстиции Республики Башкортостан по взаимодействию правоохранительных и контролирующих органов в области деятельности религиозных и общественных объединений») // СПС КонсультантПлюс.

81. Приказ Минюста РФ от 03.03.2009 № 62 «Об утверждении Порядка регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. – № 13.

82. Приказ Минюста РФ от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» (вместе с «Порядком проведения государственной религиоведческой экспертизы», «Положением об экспертном совете по

проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации») // Российская газета. – 2009. – № 43.

83. Приказ Минюста РФ от 22.07.2009 № 224 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма» // Российская газета. – 2009. – № 141.

84. Приказ Минюста РФ от 30.11.1994 № 19-01-159-94 «Об утверждении Правил регистрации уставов (Положений) религиозных объединений» // Российские вести. – 1995. – № 53.

85. Приказ ФАДН России от 03.08.2015 № 25 «Об утверждении Положения об Управлении мониторинга, анализа и прогноза Федерального агентства по делам национальностей» // СПС КонсультантПлюс.

86. Приказ ФАДН России от 30.07.2015 № 23 «Об утверждении Положения об Управлении по укреплению общенационального единства и профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве Федерального агентства по делам национальностей» // СПС КонсультантПлюс.

87. Распоряжение Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // СПС Консультант Плюс.

88. Распоряжение Мэра Москвы от 30.09.1996 г. № 335/1-РМ «Об утверждении Положения о Комитете по связям с религиозными организациями Правительства Москвы» // СПС Консультант Плюс.

89. Распоряжение Правительства РФ от 17.07.1995 № 971-р «О проекте Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2857.

90. Распоряжение Правительства Тюменской области от 31.03.2011 № 349-рп «О создании Координационного совета по вопросам гармонизации

межэтнических и межрелигиозных отношений в Тюменской области» // СПС Консультант Плюс.

91. Распоряжение Президента Республики Адыгея от 20.11.2000 № 191-рп «О рабочей группе Совета безопасности при Президенте Республики Адыгея по противодействию религиозному экстремизму» // Собрание законодательства Республики Адыгея. – 2000. – № 11.

92. Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.04.1995 № 192-рп // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1644.

93. Распоряжение Президента РФ от 02.03.2011 № 127-рп «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // СЗ РФ. – 2011. – № 10. – Ст. 1370.

94. Распоряжение Президента РФ от 24.04.1995 №92-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1644.

95. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС Консультант Плюс.

96. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

97. Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 31.12.2015 № 411-у «О Совете по межрелигиозным отношениям при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. – 2015. – № 130. – Ч. 3. – С. 358.

98. Указ Губернатора Оренбургской области от 17.09.2009 № 204-ук «Об образовании совета при Губернаторе Оренбургской области по взаимодействию с религиозными объединениями» // Оренбуржье. – 2009. – № 149.

99. Указ Губернатора Орловской области от 23.10.2014 № 390 «О создании координационного совета по вопросам межнациональных и

межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области». URL: https://orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&docid=6165 (дата обращения: 17.05.2021).

100. Указ Президента РБ от 21.05.1996 № 183 «О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» // СПС КонсультантПлюс.

101. Указ Президента Республики Бурятия от 19.08.1997 № 201 «Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия» // СПС Консультант Плюс.

102. Указ Президента Республики Бурятия от 21.05.1996 № 183 «О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» // СПС Консультант Плюс.

103. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 39. – Ст. 3597.

104. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2000. – № 2. Ст. 170.

105. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – № 247.

106. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

107. Указ Президента РФ от 23.08.1994 № 1724 «Об Управлении Администрации Президента Российской Федерации по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания» // СЗ РФ. – 1994. – № 18. – Ст. 2068.

108. Указ Президента РФ от 27.10.1997 № 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – № 211.

109. Указ Президента РФ от 31.03.2015 №168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СЗ РФ. – 2015. – № 14. – Ст. 2106.

110. Федеральный закон от 13.07.2015 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях"» // Российская газета. – 2015. – № 154.

111. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.07.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

112. Федеральный закон от 23.07.2008 № 160-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 30 (ч. 2). – Ст. 3616.

113. Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"» // Российская газета. – 2002. – № 138-139.

114. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета. – 2002. – № 142-143.

115. Федеральный закон от 26.03.2000 № 45-ФЗ «О внесении изменений в пункт 4 статьи 27 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях”» // СЗ РФ. –2000. – № 14. – Ст. 1430.

116. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

117. Федеральный закон от 28.11.2015 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Российская газета. – 2015. – № 270.

118. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия

оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // СЗ РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3209.

119. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

III. Международные правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

3. Модельный закон о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях) (Принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-22 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС КонсультантПлюс.

IV. Официально-документальные и справочные материалы

1. «Открытое письмо» избирателям. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24144 (дата обращения: 17.05.2021).

2. Арапов Д. Ю. Ислам и советское государство (1944-1990): сборник документов. Вып. 3. – М.: Изд. дом Марджани, 2011.

3. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1898.

4. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1902.

5. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1903.

6. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1886.

7. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1899.

8. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1888.

9. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1905.

10. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1910.

11. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903-1904 годы. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1909.

12. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. Санкт-Петербург. Синодальная типография. 1911.

13. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах РФ в 2004 году. Том 1. – М.: изд-во «Проспект». 2005. – 219 с.

14. Декларация Межрелигиозного совета России (принята 10 сентября 1999 г.). URL: http://interreligious.ru/documents/documents_47.html (дата обращения: 17.05.2021).

15. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном Собрании города Москвы (21 декабря 2015 г.). URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4303611.html (дата обращения: 17.05.2021).

16. Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html (дата обращения: 17.05.2021).

17. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г. // Российская газета. – 2011. – № 101.

18. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 17.02.2009 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год» // Российская газета. – 2009. – № 68.

19. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 г.» // Российская газета. – 2002. – № 112.

20. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 г.» // Российская газета. – 2003. – № 140.

21. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2005 г. // Российская газета. – 2006. – № 131.

22. Заключение судебной религиоведческой экспертизы по гражданскому делу № 2-5387/14 г. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=434&ELEMENT_ID=6532 (дата обращения: 17.05.2021).

23. Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" международно-правовым обязательствам Российской Федерации» // Российская газета. – 1999. – № 77.

24. Законопроект № 142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных

убеждений и чувств граждан». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения: 17.05.2021).

25. Законопроект № 781271-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/781271-6 (дата обращения: 17.05.2021).

26. Заседание Совета Безопасности 20.11.2014 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47045 (дата обращения: 17.05.2021).

27. Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 03.08.2010 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/copy/8560 (дата обращения: 17.05.2021).

28. Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 26.09.2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/copy/19298 (дата обращения: 17.05.2021).

29. Заявление Межрелигиозного совета России о культуре межрелигиозных отношений в России и мире. Официальный сайт Межрелигиозного совета России. URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_33.html (дата обращения: 17.05.2021).

30. Иваненко, С. И. Религиозные организации России: справочник. – М.: ТАСС-Обнинск, 1993. – 163 с.

31. Итоговое заявление международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России». URL: https://www.pravmir.ru/itogovoe-zayavlenie-mezhdunarodnogo-xristianskogo-seminara-totalitarnye-sekty-v-rossii/ (дата обращения: 17.05.2021).

32. Итоговый документ I (VI) Съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви (1996 г.). URL: http://xn----7sbzamhkhkpaf1p.xn--p1ai/ (дата обращения: 17.05.2021).

33. Материалы пленума правления всесоюзного общества «Знание» 15.12.1987 г. – М. : Знание, 1987. – 74 с.

34. Медведко, С. В. Религиозная ситуация и законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в России 02.12.2004. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/12/d3053/ (дата обращения: 17.05.2021).

35. Методические рекомендации по применению органами юстиции некоторых положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части регистрации и перерегистрации религиозных организаций» (утв. Минюстом России 27.12.1999 № 10766-СЮ) // СПС КонсультантПлюс.

36. Новые религиозные культы, движения и организации в России (2-е изд., доп. и перераб.). – М.: Изд-во РАГС, 1998. – 346 с.

37. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера : Справ. / Миссион. отд. Моск. патриархата Рус. православ. церкви. Информационно-аналитический вестник № 1. – 2. изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д, 1998. – 464 с.

38. Определение «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/530460.html (дата обращения: 17.05.2021).

39. Определение «О православной миссии в современном мире». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/527258.html (дата обращения: 17.05.2021).

40. Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме». URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html (дата обращения: 17.05.2021).

41. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 17.05.2021).

42. Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html (дата обращения: 17.05.2021).

43. Отчет о ходе выполнения мероприятий Плана деятельности МВД России по реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. на 2013 г. и плановый период 2014-2018 гг., утвержденного 27 июня 2013 г. № 1/6020 (на 30 июня 2015 г.). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/plan_mvd_2018/Hod_vipolnenija_Plana_dejatelnosti_MVD_R/Otchet_o_realizacii_Plana2015/Cel_lV_Zashhita_naselenija_ot_organizova (дата обращения: 17.05.2021).

44. Официальное уведомление Министерства юстиции Российской Федерации № 08-217 от 19 июля 1994 г. об отмене регистрации устава религиозной организации «АУМ Синрикё». URL: http://narovol.narod.ru/_bk_ZDnZ8UGDTD/vost_s/aum/006.htm (дата обращения: 17.05.2021).

45. Официальный ответ председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации В.И. Илюхина депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации №3.14-708 от 3 апреля 1995 г. на поручение от 24 марта 1995 г. URL: http://narovol.narod.ru/_bk_ZDnZ8UGDTD/vost_s/aum/003.htm (дата обращения: 17.05.2021).

46. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения: 17.05.2021).

47. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и

церемоний» № 2-ВС-5457/12 от 25.10.2012. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения: 17.05.2021).

48. Передано в суд уголовное дело экстремистов, готовивших теракт в Астрахани. URL: http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.htm%21id%3D10434528%40fsbComment%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 17.05.2021).

49. Перечень общественных объединений и религиозных организаций в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 17.05.2021).

50. Петров, С. Религиозные организации и законотворческий процесс в России 13.10.2003. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/10/d1123/ (дата обращения: 17.05.2021).

51. Письмо Минюста РФ от 24.12.1997 // Бюллетень Минюста РФ. – 1998. – № 7.

52. Послание Президента РБ Государственному Собранию РБ от 07.04.2001 «К рубежам устойчивого развития (О положении в республике и программе дальнейших действий)» // Республика Башкортостан. – 2001. – № 72.

53. Послание Президента РБ от 31.03.1997 «Новый Башкортостан формируется сегодня (о положении в республике и программе действий на предстоящий период)» // Советская Башкирия. – 1997. – № 66.

54. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1999. – № 60.

55. Пояснительная записка к законопроекту № 480736-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и признании утратившими силу положений отдельных

законодательных актов Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

56. Пояснительная записка к законопроекту № 781271-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" и иные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/781271-6 (дата обращения: 17.05.2021).

57. Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях"» (подготовлен Минюстом России) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.08.2012) // СПС КонсультантПлюс.

58. Проект Федерального закона № 99058804-2 «О противодействии политическому экстремизму» // СПС КонсультантПлюс.

59. Путин, В. В. Заключительное слово на общественном форуме народов Кавказа и Юга России 26 марта 2004 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22397 (дата обращения: 17.05.2021).

60. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. Справочник. – М. : Изд-во РАГС, 1996. – 285 с.

61. Решение Коллегии администрации г. Ростова н/д от 12.02.1998 № 7 «О деятельности иностранных проповедников и миссионеров на территории г. Ростова-на-Дону» // Ростов Официальный. – 1998. – № 10-11.

62. Справка: Московская Центральная церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Эммануил». URL: https://credo.press/54710/ (дата обращения: 17.05.2021).

63. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2014 г. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/602117/ (дата обращения: 17.05.2021).

64. Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных

общин России 8 февраля 2012 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html (дата обращения: 17.05.2021).

65. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации 18 февраля 2000 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2243/ (дата обращения: 17.05.2021).

66. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 7 октября 2014 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

67. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 6 июня 2002 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/1689/ (дата обращения: 17.05.2021).

68. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 10 апреля 1998 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2581/ (дата обращения: 17.05.2021).

69. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2650/ (дата обращения: 17.05.2021).

70. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 18 июня 1997 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/2739/ (дата обращения: 17.05.2021).

71. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 9 апреля 2013 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6 (дата обращения: 17.05.2021).

72. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 3 июля 2015. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6#bh_histras (дата обращения: 17.05.2021).

73. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 21.05.2013. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/247831-6 (дата обращения: 17.05.2021).

74. Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий"» в первом чтении // Бюлл. – 1997. – № 38.

75. Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению законопроекта «О свободе совести и религиозных объединениях» во втором чтении // Бюлл. – 1996. – № 107.

76. Стенограмма заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в связи с отклонением Президентом Российской Федерации // Бюлл. – 1997. – № 117.

77. Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте «О взаимодействии государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодёжи» 11 марта 2009 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3403 (дата обращения: 17.05.2021).

78. Текст внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций) от 25.03.2014 г. https://sozd.duma.gov.ru/bill/480736-6 (дата обращения: 17.05.2021).

79. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. Бюлл. № 9. Заседание Совета Национальностей ВС РСФСР от 27 декабря 1991 г. – М.: Верховный Совет РСФСР, 1991.

V. Материалы периодической печати и Интернет-ресурсов, публицистика

1. 8 декабря состоялся круглый стол на тему «Секты и деструктивные культы как вызов национальной безопасности России». URL: http://duma.gov.ru/news/11595/ (дата обращения: 17.05.2021).

2. XXVII съезд КПСС: стратегия ускорения. Во имя человека // Наука и религия. – 1986 – №. 1. – С. 2-3.

3. Алексеев, В. А. Постперестройка: несвободная совесть? М.: Издательский центр «Россий молодая», 1992.

4. Аникиенко, Е. «Орда» под запретом. URL: https://up74.ru/articles/news/38730/ (дата обращения: 17.05.2021).

5. Антикультовые движения в России: 2011 год. М. Вершинин. URL: https://saosa.ru/anticult-2011 (дата обращения 27.03.2021).

6. Архипов, И. Депутаты радеют о чистоте веры // Коммерсантъ. – 1995. – 2 декабря.

7. Бабасян, Н. Духовенство идет на поводу у мирян // Независимая газета. – 1993. – 30 июля.

8. Берсенева, А. Шизофрения, как и было сказано. URL: https://www.gazeta.ru/social/2015/08/05/7669189.shtml (дата обращения: 17.05.2021).

9. Буйда, Ю. Раздавите гадину! // Независимая газета. – 1993. – 28 июля.

10. «В борьбе с сектантством чрезвычайно важен святоотеческий опыт». Беседа с преподавателем сектоведения, доцентом МДА Романом Конем. URL: https://pravoslavie.ru/34709.html (дата обращения: 17.05.2021).

11. В Госдуме создано межфракционное объединение «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей в России». URL: https://ria.ru/20030122/303710.html (дата обращения: 17.05.2021).

12. В Мордовии вынесен приговор по делу «банды сатанистов» 19.07.2010. URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2010/07/d19332/ (дата обращения: 17.05.2021).

13. В Москве состоится закрытый суд по запрету религиозных книг 21 мая 2007 URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/114736/ (дата обращения: 17.05.2021).

14. Васильев, Ю. Свобода совести в России с изменениями и дополнениями // Независимая газета. – 1993. – 23 июля.

15. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации № 39. Реконструкция невышедшего номера. М. 2013. URL: https://constitution.garant.ru/files/961/39.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

16. Верховский, А. Битва за привилегии. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-06-18/4_privileges.html (дата обращения: 17.05.2021).

17. Вершилло, Р. Свобода совести должна быть ограничена // Сегодня. – 1993. – 25 июня.

18. Волков, Е. Н. Исцеление от рая: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости. СПб.: Речь, 2008.

19. Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви // Правда. – 1988. – 30 апреля.

20. Выжутович, В. В. Экстремизм – понятие не растяжимое. URL: https://rg.ru/2011/06/24/extremism.html (дата обращения: 17.05.2021).

21. Выступление Главы Администрации г. Махачкалы от 08.03.2001 «Три года созидательной работы» // Махачкалинские известия. – 2001. – № 11.

22. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии III Рождественских Парламентских встреч 22 января 2015 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3960558.html (дата обращения: 17.05.2021).

23. Головнин, В. Секо Асахара готов повисеть за веру дело сектанта // Коммерсантъ. 2003. – 29 апреля. – № 75.

24. Доклад Гончарова О.Ю. Решение проблем религиозных организаций в Российской Федерации на площадке РАРС (2015). URL: https://religsvoboda.ru/ (дата обращения: 17.05.2021).

25. Калинин, А. И пришел некто по имени Иоанн // Российская газета. – 1993. – 21 августа.

26. Кокулин, Д. Возвращение Диалог-Центра 15.05.2011 / Миссионерский отдел Новосибирской Епархии Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: http://ansobor.ru/news.php?news_id=1729 (дата обращения: 17.05.2021).

27. Колосовская, С. До конца света осталось три месяца // Московские новости. – 1993. – 29 августа.

28. Коробов, П. Священник убит после исповеди. В Москве застрелен известный православный проповедник // Коммерсантъ. – 2009. – 21 ноября.

29. Крылова, А. Отца, убившего шестерых детей, уже пытались лишить родительских прав, но не нашли оснований. URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26414/3288944/ (дата обращения: 17.05.2021).

30. Кудрявцев, А. И. Государство не может быть нейтральным // Независимая газета. – 1993. – 30 июля.

31. Ликвидирована религиозная группа, использующая нацистскую свастику. URL: https://ria.ru/20070410/63389698.html). (дата обращения: 17.05.2021).

32. Лобанов, С. В. Правда о тантре // Независимая газета. – 1993. – 26 августа.

33. На Московский Патриарший Престол избран митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. 27 января 2009. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/542649.html (дата обращения: 17.05.2021).

34. На Ставрополье прошли обыски в языческой общине «Дети Перуна» 26 августа 2015 https://etokavkaz.ru/news/82 (дата обращения: 17.05.2021).

35. Нежный, А. И. Кто боится человека с Евангелием // Известия. – 1993. – 15 июля.

36. Общину файзрахманистов в Казани запретили как экстремистскую организацию URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2013/02/d26532/ (дата обращения: 17.05.2021).

37. Передано в суд уголовное дело экстремистов, готовивших теракт в Астрахани 24.12.2007. URL: http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.htm%21id%3D10434528%40fsbComment%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 17.05.2021).

38. Подозреваемый в убийстве детей якобы был отлучен от «церкви» – адвентисты. URL: https://www.nakanune.ru/news/2015/08/05/22410408/ (дата обращения: 17.05.2021).

39. Полосин, В. С. О чем шумите заморские мессии // Российская газета. – 1993. – 4 августа. – № 148.

40. Правоторов, В. Ф. Станем ли жить по совести? // Наука и религия. – 1990. – № 11. – С. 2-3.

41. Преследования Свидетелей Иеговы в Таганроге 14.09.2009. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/09/d16846/ (дата обращения: 17.05.2021).

42. Признано экстремистским движение «Таблиги Джамаат» 13.05.2009 https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/05/d15981/ (дата обращения: 17.05.2021).

43. Путин, В. В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – 16 января. URL: https://iz.ru/news/511884 (дата обращения: 17.05.2021).

44. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 17.05.2021).

45. Реабилитация» жителей России по сектантскому сценарию URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/13/28/reabilitaciya_zhitelej_rossii_po_sektantskomu_scenariyu/ (дата обращения: 17.05.2021).

46. Родин, И. ВС РФ решил проблему прозелитизма // Независимая газета. – 1993. – 15 июля.

47. Родин, И. Ельцин закон не подписал // Независимая газета. – 1993. – 12 августа.

48. Родин, И. Итог парламентского лета // Российская газета. – 1993. – 28 августа.

49. Ростовский областной суд отменил решение по таганрогскому «делу 16-ти». URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/12/d30841/ (дата обращения: 17.05.2021).

50. Святейший Патриарх Кирилл: «В сектантстве всегда есть пафос отрицания своей истории и культуры». 25 августа 2009. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/726813.html (дата обращения: 17.05.2021).

51. Себенцов, А. Е. Противоречия в законодательстве о свободе совести. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/02/d1716/ (дата обращения: 17.05.2021).

52. Селиванов, М. В Нижнем Новгороде в Церкви Адвентистов Седьмого дня проводятся обыски. URL: https://tass.ru/proisshestviya/2166249?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=%D0%A2%D0%90%D0%A1%D0%A1 (дата обращения: 17.05.2021).

53. Сиделева С., Батракова А., Левченко О. Помогите вернуть сыновей // Российская газета. – 1993. – 6 августа.

54. Сироткин, В. Свобода совести без православия и ислама // Независимая газета. – 1993. – 20 августа.

55. Собакина, Д. Совет при Минюсте и его критики. URL: http://politcom.ru/8099.html (дата обращения: 17.05.2021).

56. Сорокотягин, И. Рецензия специалиста в области теории и практики назначения и производства судебных экспертиз по гражданскому делу о соответствии религиозного объединения «Сайентологическая церковь Москвы»

религиозной деятельности. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33462/ (дата обращения: 17.05.2021).

57. Суд просят ликвидировать организацию, в которой лечат постукиванием плеткой. URL: https://pravo.ru/news/view/87695/ (дата обращения: 17.05.2021).

58. Таратута, Ю. Дмитрий Медведев встанет во главе церковных дел. Статус совета по религиозным объединениям повышен до президентского. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1136162 (дата обращения: 17.05.2021).

59. Тихонравов, Ю. Отзыв на судебно-религиоведческую экспертизу Астаховой Л. С. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33476/ (дата обращения: 17.05.2021).

60. Только он может спасти Россию // Зеленоград сегодня. – 1996. – № 4.

61. Центр религиоведческих исследований им. св. Иринея Лионского получит государственный грант на оказание помощи пострадавшим от «тоталитарных сект». URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87371 (дата обращения: 17.05.2021).

62. Чиновник для борьбы с чиновниками. Беседа с Олегом Мироновым. 29 сентября 2009. URL: https://polit.ru/article/2009/09/29/mironov/ (дата обращения: 17.05.2021).

63. Шакиров, М. Экспертов подвергли анализу. 10 апреля 2009. URL: https://www.svoboda.org/a/1606433.html (дата обращения: 17.05.2021).

64. Government Proposes Orthodox Holiday // The Moscow Times [Электронный ресурс]. 22 March. 2010. URL: http://old.themoscowtimes.com/sitemap/free/2010/3/article/government-proposes-orthodox-holiday/402244.html (дата обращения: 10.04.2018).

VI Материалы судебной практики

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2015 г. №19-АПГ15-11. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1402850 (дата обращения: 17.05.2021).

2. Кассационное определение Верховного Суда Республики Дагестан № 22-1613/2011 от 15 ноября 2011 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/uud8S7FcLsml/ (дата обращения: 17.05.2021).

3. Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2009 № 41-Г09-29 // СПС КонсультантПлюс.

4. Определение от 18 августа 2009 г. по делу № 03-13/09 Верховный Суд Российской Федерации. URL: www.sudact.ru/vsrf/doc/XnFhl94ekBL9/ (дата обращения: 17.05.2021).

5. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2015 № 84-АПГ15-8 // СПС КонсультантПлюс.

6. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2014 № 46-АПГ14-6 // СПС КонсультантПлюс.

7. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 05.08.2015 № 18-АПГ15-17// СПС КонсультантПлюс.

8. Постановление ЕСПЧ от 01.10.2009 «Дело "Кимля и другие (Kimlya and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 4.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения "Христианская церковь Прославления"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 6.

10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ № 1-211/2011 от 17 марта 2011 г. по делу № 1-211/2011. URL: www.sudact.ru/regular/doc/MIqpmHWWF4h/ (дата обращения: 17.05.2021).

11. Приговор Ленинского районного суда г. Уфы № 1-130/2013 от 9 декабря 2013 г. по делу № 1-130/2013. URL: www.sudact.ru/regular/doc/NgjyJpeA3H6q/ (дата обращения: 17.05.2021).

12. Приговор мирового судьи судебного участка № 93 Центрального административного округа города Омска от 11 июня 2009 г. по делу № 1-18-93/09. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80_%D0%BF%D0%BE_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83_%D0%90._%D0%AE._%D0%A5%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B0_(2009_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) (дата обращения: 17.05.2021).

13. Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону № 1-405/2014 от 3 декабря 2014 г. по делу № 1-405/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/53dfAoxtSTJK/ (дата обращения: 17.05.2021).

14. Приговор Советского районного суда г. Красноярска № 1-84/2015 1-993/2014 от 3 июля 2015 г. по делу № 1-84/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/aKW59YVXpilJ/ (дата обращения: 17.05.2021).

15. Приговор Таганрогского городского суда от 30.11.2015. URL: http://www.sclj.ru/bitrix/templates/uno/img/Prigovor_Iegov_Taganrog.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

16. Решение Баймакского районного суда (Республика Башкортостан) № 2-2074/2014 2-2074/2014~М-2217/2014 М-2217/2014 от 30 декабря 2014 г. по делу № 2-2074/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/VjcForvn3FVa/ (дата обращения: 17.05.2021).

17. Решение Верховного Суда Республики Мордовия по делу № 3-11/2010. URL: https://vs--mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=3b42e408-342b-44a7-a78d-71a7a4c72ca1&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=1 (дата обращения: 17.05.2021).

18. Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. № ГКПИ10-848. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/#1697193 (дата обращения: 17.05.2021).

19. Решение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.03.1997 «О признании недействующим Закона УР от 28.05.1996 № 221-I "О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики"» // СПС КонсультантПлюс.

20. Решение Верховного Суда. URL: https://rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html (дата обращения: 17.05.2021).

21. Решение Волчихинского районного суда (Алтайский край) № М-225/2014 2-227/2014 2-227/2014~М-225/2014 от 10 июня 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/8CaE44eYk3ZB/ (дата обращения: 17.05.2021).

22. Решение Головинского районного суда Северного АО г. Москвы от 26 марта 2004 г. по религиозному объединению «Свидетели Иеговы». URL: http://stolica.narod.ru/pseudo/jw/120.htm (дата обращения: 17.05.2021).

23. Решение Краснодарского краевого суда № 3-19/2015 3-19/2015(3-78/2014;)~М-252/2014 3-78/2014 М-252/2014 от 4 марта 2015 г. по делу № 3-19/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/DcdKidtbjyUT (дата обращения: 17.05.2021).

24. Решение Ленинского районного суда г. Уфы № 2-1165/2015 2-1165/2015~М-605/2015 М-605/2015 от 12 марта 2014 г. по делу № 2-1165/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/qkBj82orjzHw/ (дата обращения: 17.05.2021).

25. Решение Ленинского районного суда г. Уфы № 2-2409/2011 от 15 июля 2011 г. по делу № 2-2409/2011. URL: www.sudact.ru/regular/doc/VG0evsOSMb5w/ (дата обращения: 17.05.2021).

26. Решение Московского городского суда от 23.11.2015 по делу № 3а-0001/2015 // СПС КонсультантПлюс.

27. Решение Новгородского областного суда от 07.07.2015 по делу № 03-55/15 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими частей 1, 2 статьи 3 областного закона от 26.12.2014 № 681-ОЗ "О миссионерской деятельности на территории Новгородской области"» // СПС КонсультантПлюс.

28. Решение Октябрьского районного суда г. Уфы № 2-3975/2014 2-3975/2014~М-2634/2014 М-2634/2014 от 25 ноября 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/LM7PW4FB7HZx/ (дата обращения: 17.05.2021).

29. Решение Омского областного суда от 30 апреля 2004 г. URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2004/04/d8899/ (дата обращения: 17.05.2021).

30. Решение Оренбургского областного суда № 3А-128/2015 3А-128/2015~М-168/2015 М-168/2015 от 13 октября 2015 г. по делу № 3А-128/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/f5rK5fI3dxP/ (дата обращения: 17.05.2021).

31. Решение Половинского районного суда (Курганская область) № 2-209/2014 2-209/2014~М-187/2014 М-187/2014 от 25 августа 2014 г. URL: www.sudact.ru/regular/doc/oGsdgvcunuH/ (дата обращения: 17.05.2021).

32. Решение Ростовского областного суда по делу № 3-1/09 от 11 сентября 2009 г. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/09/d16846/ (дата обращения: 17.05.2021).

33. Решение Самарского областного суда № 3-16/2014 3-16/2014~М-20/2014 М-20/2014 от 29 мая 2014 г. по делу № 3-16/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/UtS76NGn9I6x/ (дата обращения: 17.05.2021).

34. Решение Советского районного суда г. Казани № 2-1400/13 2-6567/2013 2-6567/2013~М-5438/2013 М-5438/2013 от 12 августа 2013 г. по делу № 2-6567/2013. URL: www.sudact.ru/regular/doc/pjSYUx6V15QB/ (дата обращения: 17.05.2021).

35. Решение Тюменского областного суда № 3-11/2014 3-11/2014~М-21/2014 М-21/2014 от 6 мая 2014 г. по делу № 3-11/2014. URL: www.sudact.ru/regular/doc/FEEfG1BLJFln/ (дата обращения: 17.05.2021).

36. Решение Центрального районного суда г. Омска от 30.10.2015 г. по делу № 2-561/2015. URL: www.sudact.ru/regular/doc/7K7STPPGfq1J/ (дата обращения: 17.05.2021).

VII Научная литература

1. 25 лет по пути свободы совести : материалы научно-практической конференции / Российская ассоц. защиты религиозной свободы ; [отв. ред. В. В. Гриб]. – М. : Юрист, 2015. – 247 с.

2. Айвазов, И. Г. Материалы для исследования русских мистических сект / И.Г. Айвазов. Т. 1. – Петроград : тип. П.Я. Синченко, 1915. – 648 с.

3. Александров, И. А. Категория «особенно вредные ереси» согласно уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Вектор науки ТГУ. – 2014. – № 4. – С. 55-59.

4. Алексеев, А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4. – С. 22-34.

5. Амбарцумов, И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 5 (42). – С. 30-47.

6. Арестов, В. Н. Антиобщественная направленность идеологии и практики групп последователей нетрадиционных культов в СССР // Критика идеологии и практики нетрадиционных культов и неомистицизма (Тезисы Всесоюзной научной конференции 19-21 декабря 1989 г.).

7. Арестов, В. Н. Религиозный экстремизм. Содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. – Харьков: Вища шк. : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1987. – 147 с.

8. Арзуманов, И. А. Культурно-правовые детерминанты трансформации религиозного пространства Байкальского региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – Т. 6. – № 14. – С. 106-116.

9. Ахмадулина, С. З. Формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX века: исторический анализ и политико-правовой аспект // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3. – С. 52-56.

10. Балагушкин, Е. Г. Новые религиозные движения России: структурно-функциональный и семантический анализ. – М.: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 488 с.

11. Балагушкин, Е. Г. Проблемы морфологического анализа религий. – М.: ИФ РАН, 2003. – 218 с.

12. Балагушкин, Е. Г. Религиозные искания и социальный протест (вторая половина XX века): Очерки марксистского религиоведения. Нетрадиционные религии и молодёжное движение протеста. Аспекты изучения новых религиозных движений. – М.: Ленанд, 2016. – 320 с.

13. Балагушкин, Е. Г. Сущность и структурное разнообразие мистики // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 102-113.

14. Балагушкин, Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). – М., 1984. – 286 с.

15. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. – М., 1980. – 103 с.

16. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. – М., 1999. – 245 с.

17. Балагушкин, Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 81-93.

18. Балагушкин, Е. Г. Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России. – М.: Ленанд, 2014. – 256 с.

19. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. – Ч. 1. – М., 1999. – 244 с.

20. Баркер, А. В. Новые религиозные движения : Практ. введ. : [Пер. с. англ.] / Айлин Баркер; [Вступ. ст. протоиерея В. Федорова, с. V-XXXIX]; Православ. исслед. ин-т миссиологии, экуменизма и новых религиоз. движений. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997. – 281 с.

21. Бартольд, В. В. Улугбек и его время // Соч. В 9 т., Т. 2. – М., 1963-1977.

22. Белорусов, С. А. Психология духовности, веры и религии // Психология религиозности и мистицизма. – 2001. – С. 94-118.

23. Бессарабов, В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02, 12.00.11 / Бессарабов Владимир Григорьевич. – М., 2001. – 46 с.

24. Бессонов, М. Н. Православие в наши дни. – М.: Политиздат, 1990. – 303 с.

25. Бимбинов, А. А. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин // Lex russica. – 2017. – № 11. – С. 111-122.

26. Боева, Е. С. Эволюция развития сект и нетрадиционных религиозных движений в России // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 4. – С. 1-7.

27. Бурьянов, С. А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести (вторая половина 2001 г. – конец 2004 г.) / С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой. – М.: Институт свободы совести, 2005. – 524 с.

28. Буткевич, Т. И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего / Проф. прот. Т.И. Буткевич. – 2-е изд., испр. и знач. доп. – Петроград : И.Л. Тузов, 1915. – 566 с.

29. Воробьева, И. Б. Термин «секта» и его использование в юриспруденции // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 3. – С. 160-165.

30. Воронцов, В.С. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии / В. С. Воронцов, С. И. Ильинский, Ю. В. Семенов // Вестник

Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2010. – Вып. 3. – С. 121-129.

31. Воропаев, Д. Н. Методологические проблемы исследования нетрадиционных религиозных движений // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2007. – № 4. – С. 88-98.

32. Воропаев, Д. Н. Религиозный нетрадиционализм. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 157 с.

33. Гараджа, В. И. Ключевые проблемы научного атеизма. // Наука и религия. – № 2. – 1986. – С. 11-13.

34. Гидденс, Э. Социология. – М.: URSS, 2005. – 629 с.

35. Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям / Ю. В. Зорин, С. А. Орешин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 51 с.

36. Градировский С., Малахова Е. Противоречия статусности религиозных организаций и объединений. URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/02/d1697/ (дата обращения: 17.05.2021).

37. Григорьева, Л. И. Идея русской соборности и современное сектантство // Индивидуализм, коллективизм, соборность в структуре русской духовности: Тез. докл. респ. науч.-техн. конф., 13-14 мая 1994 г., Комсомольск-на-Амуре / Науч. ред. Р. Л. Лившиц. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комс. на-Амуре гос. пед. ин-та, 1994. – 125 с.

38. Григорьева, Л. И. История возникновения, особенности вероучения и культовой практики, способы воздействия на психику в религиозном движении «Белое Братство» // Религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень РАГС. – 1994. – № 2. – С. 22-30.

39. Григорьева, Л. И. Религии «Нового века» и современное государство» (Социально-философский очерк). – Красноярск.: СибГТУ, 2002. – 400 с.

40. Григорьева, Л. И. Ушедшие в город Солнца // Наука и религия. –1999. – № 2. – С. 14-16.

41. Григулевич, И. Р. Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. – М., 1983.

42. Гуревич, П. С. Культурология: учебник. – М.: КноРус, 2011. – 488 с.

43. Гуревич, П. С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. – М., Знание, 1985. – 64 с.

44. Гуревич, П. С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире. Философско-публицистический очерк. – М., 1981. – 272 с.

45. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Издательство братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 814 с.

46. Джабраилов, Ю. Д. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Дагестан: теория и практика // Российский Кавказ: вчера, сегодня, завтра. Т.2. По материалам Международного политологического форума. Махачкала, 2014.

47. Дударенок, С. М. Нетрадиционные религии на российском Дальнем Востоке: История и современность: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Дударенок Светлана Михайловна. – Владивосток. 2005. – 543 с.

48. Ефремов, Е. Н. Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990-1993 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 62-73.

49. Заметина, Т. В. Вопросы компетенции федеральных органов исполнительной власти в сфере федеративных и национальных отношений в постсоветской России // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 176-184.

50. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество. – М.: Институт Ди-Дик, 2016. – 711 с.

51. Зуев, Ю. Церковь и государство: новые акценты старой темы // Наука и религия. – 1991. – № 6. – С. 2-4.

52. Зуев, Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Полития. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». – 1997-1998. – № 4. – С. 60-67.

53. Иваненко, С. И. Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. – СПб: Издательство «Древо жизни», 2012. – 51 с.

54. Иванова, Т. Н. Религиозные СМИ в системе российской журналистики // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, журналистика. – 2001. – № 5. – С. 73-78.

55. Ивановский, Н. И. Секта хлыстов в ее истории и современном состоянии : (Публ. лекция) / Проф. Н.И. Ивановский. – Киев : журн. Миссион. обозрение, 1898. – 47 с.

56. Исаева, А. А. Внедрение «двухуровневой системы» религиозных объединений в России: анализ и оценка // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 6. – С. 106-124.

57. Исаева, А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 16-20.

58. Казакова Н. А. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. / Н. А. Казакова, Я. С. Лурье ; Акад. наук СССР. Музей истории религии и атеизма. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 544 с.

59. Калинин, В. Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. – М.: Знание, 1989. – 62 с.

60. Кантеров И. Я. Деструктивные, тоталитарные... и далее везде // Религия и право: информационно-аналитический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27-29.

61. Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в США и России: сравнительный анализ // Религиоведение. – 2001. – № 1. – С. 61-72.

62. Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985-1991 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 109-115.

63. Кирьянов, А. Ю. Общая характеристика понятия «безопасность». Подходы к определению и виды // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 1. – С. 34-37.

64. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. – 256 с.

65. Кнорре, Б. К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С. 42-102.

66. Колосова, И. В. Новые религиозные движения в России и СНГ // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2016. – № 11. – С. 19-35.

67. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е издание / под ред. В. Д. Зорькина. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 634 с.

68. Конев, Е.В. Адвентисты седьмого дня Западной Сибири в 40-60-е гг. XX века // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 6. – С. 20-25.

69. Коник, В. В. «Истины» свидетелей Иеговы. – М.: Политиздат, 1978. – 111 с.

70. Конь, Р. М. Введение в сектоведение. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2008. – 495 с.

71. Копысов, Д. Ю. Современные нетрадиционные религии. Ижевск: Удмуртия, 2000. – 135 с.

72. Королев, А. А. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991-2000 гг.) / А. А. Королев, О. В. Мельниченко // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 725-731.

73. Краснов, М. А. Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. – 2000. – № 1.

74. Крестьянинов, В. Ф. Книга о секте меннонитов. – М., 1967. – 223 с.

75. Критика идеологии и практики нетрадиционных культов и неомистицизма: (Тез. всесоюз. науч. конф., 19-21 дек. 1989 г.) / [Сост. А. А. Чечулин; Авт. предисл. А. Т. Москаленко]. – Новосибирск: Б. и., 1989. – 121 с.

76. Кублицкая, Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 95-103.

77. Куницын, И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М.: Православное дело : Отчий дом, 2000. – 460 с.

78. Кунц, В. В. Вопросы национального и религиозного примирения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 23. – С. 142-146.

79. Лебединец, И. Н. Свобода совести – абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 10. – С. 168-174.

80. Лещинский, А. Н. Вероисповедная политика и религиозная ситуация в современной России // Социальная политика и социология. – 2004. – № 2. – С. 90-103.

81. Ловинюков, А. С. Закон СССР 1990 г. о свободе совести и религиозных организациях // Советское государство и право. – № 4. – 1991. – С. 23-35.

82. Логинов, А. В. Религиозная ситуация в России и принятие закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Полития: Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». – 1997-1998. – № 4. – С. 85-94.

83. Логинов, А. В. Толерантность в государственно-конфессиональных отношениях // Толерантность / Под общ. ред. М. П. Мчедлова. – М.: Республика., 2004. – С. 110-141.

84. Лункин, Р. Н. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации // Монтаж

и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С. 103-170.

85. Лункин, Р. Н. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова ; Моск. Центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 329-394.

86. Лункин, Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. – 2014. – № 3. – С. 133-143.

87. Макоева, А. А. Нетрадиционные религиозные движения в современном российском обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Макоева Алла Александровна. – Нальчик, 2010. – 233 с.

88. Мальцев, А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII - начале XIX в.: проблема взаимоотношений. – Новосибирск: Сова, 2006. – 571 с.

89. Марданов, М. Х. Федеральное агентство по делам национальностей как инструмент общественной безопасности // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма (г. Мелеуз, 17 мая 2016 г.). Сост.: Д. М. Абдрахманов, Г. В. Балягова, З. Л. Сизоненко и др. – Уфа: Мир печати, 2016. – С. 118-122.

90. Мартинович, В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения: пособие для студентов Института теологии БГУ. Минск: БГУ, 2008. – 103 с.

91. Маслов, П. Перелом крестьянского мировоззрения // Современный мир. – 1907. – № 12. – С. 138-160.

92. Маслова, И. И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985-1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 43-54.

93. Мельниченко, О. В. Государство и Русская Православная церковь в России. 1985-1990 гг.: эволюция взаимоотношений // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 827-832.

94. Митронин, Л. Н. Религии «Нового века». – М.: Сов. Россия, 1985. – 157 с.

95. Митрохин, Л. Н. Религиозные «культы» в США. – М.: Знание, 1984. – 64 с.

96. Митрохин, Л. Н. Социально-психологическая природа «религий нового века» // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Антология отечественного религиоведения. Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. – М., 2009. – С. 334-336.

97. Муртазин, М. Ф. Государство и мусульманские религиозные организации Северного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. – 2016. – № 3. – С. 42-56.

98. Набиев, Р. А. Власть и религиозное возрождение. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 304 с.

99. Неронов, А. В. Социологические исследования нетрадиционной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – № 1. – С. 187-196.

100. Никольский, Н. М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1985. – 248 с.

101. Новак, М. Допустимые ограничения свободы религии и убеждений / М. Новак, Т. Восперник. // Свобода религии и убеждений: основные принципы / под. ред. Линхольма Т., Дурэма К., Тахзиб-Ли Б. – М.: НИЧУ Институт религии и права, Центр по изучению религии и права Университета Бригама Янга, ТЦ Юнеско, 2010. – С. 165-204.

102. Новые церкви, старые верующие - старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т евангелической лютеранской церкви Финляндии; под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. – М.; СПб: Летний сад, 2007. - 399 с.

103. Одинцов, М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России 1985-1997 гг. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. – 441 с.

104. Одинцов, М. И. Об истории принятия Закона о свободе совести // Российское объединение исследователей религии. URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-273/ (дата обращения: 17.05.2021).

105. Одинцов, М. И. Религиозный фактор и политический конфликт: в прошлом и настоящем России // Религия, национальное согласие и возрождение. – 1993. – С. 99-106.

106. Одинцов, М. И. «Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой...» : история Пятидесятнической церкви в России, XIX-XX вв. / М.И. Одинцов ; Российское об-ние исследователей религии. – СПб. : РОИР, 2012. – 498 с.

107. Одинцов, М. И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!»: Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951-1985 гг.). – М.: Объединение исследователей религии, Арт-Бизнес-Центр, 2002. – 240 с.

108. Осипова, В. В. Государственно-конфессиональные отношения перестроечного периода: формирование предпосылок российской религиозной политики // Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология. – 2020. – № 8. – С. 104-116.

109. Осипова, В. В. Понятие «нетрадиционные религии» в общественно-политическом дискурсе 1990-2010-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 70. – С. 133-148.

110. Осипова, В. В. Проблемы правового регулирования нетрадиционных религиозных движений: исторический анализ // Клио. – 2020. – № 10 (166). – С. 80-87.

111. Осипова, В. В. Русское сектантство как форма религиозного инакомыслия в дореволюционный период // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76. – С. 136-150.

112. Осипова, В. В. Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России

(1990-1997 гг.) // Вестник Московского университета. Серия XXI. Управление (государство и общество). – 2020. – № 3. – С. 76-93.

113. Панченко, А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М.: ОГИ, 2004. – 541 с.

114. Петрова, Н. В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций: дис. … канд. соц. наук : 22.00.08 / Петрова Наталья Вячеславовна. – Уфа, 2006. – 188 с.

115. Пинкевич, В. К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 647-663.

116. Полосин, В. С. На пути к свободе совести (Российское законодательство о религии в конце 80 - начале 90-х гг.) // Свобода совести – в духовном возрождении отечества. – М., 1994. – С. 141-152.

117. Полунов, А. Ю. Победоносцев. Русский Торквемада. – М. : Молодая гвардия, 2017. – 334 с.

118. Прокурорский надзор за исполнением законов о свободе совести, религиозных объединениях и противодействии религиозному экстремизму: пособие / Под ред. В. В. Меркурьева. – М., 2013. – 175 с.

119. Пронина, Т. С. Нетрадиционные, новые религиозные движения: региональный опыт исследований / Т. С. Пронина, Ю. С. Федотов. – Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2012. – 226 с.

120. Пругавин, А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 94 с.

121. Религии народов современной России: Словарь : А-Я. – М.: Республика, 2002. – 623 с.

122. Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения / под ред. А. А. Красикова, Е. С. Токаревой. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2006. – 325 с.

123. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. – М., 2001. – 439 с.

124. Религия и конфликт / Московский центр Карнеги; под ред. А. Малашенко, С. Филатова. – М.: РОССПЭН : Московский центр Карнеги, 2007. – 286 с.

125. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. Гараджа В. И., Руткевич Е. Д. – М.: Наука, 1994. – 775 с.

126. Романова, Е. Г. Некоторые вопросы взаимодействия современного государства и новых религиозных организаций // Вестник МГЛУ. – 2013. – Вып. 11. – С. 3-19.

127. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.

128. Савицкая, Т. Е. Изменение роли религии в культуре буржуазного общества (60-е и 70-е гг.). – М., 1982.

129. Сафронов, Р. О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2013. – № 5. – С. 96-113.

130. Смелзер, Н. Д. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.

131. Смирнова, Т. С. История формирования и эволюции новых религиозных движений в России в 1990-е годы: дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнова Татьяна Сергеевна. – Воронеж, 2012. – 193 с.

132. Смолин И. В. Краткие исторические сведения о русских сектах и их вероучении. Санкт-Петербург : типо-лит. т-ва «Свет», 1911.

133. Совет Европы и Россия : сб. док. / Сост. : Л. И. Брычева, М. В. Винорадов, Д. В. Юзвиков. – М. : Юрид. лит., 2004. – 925 с.

134. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М.: Логос, 2005. – 464 с.

135. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 366 с.

136. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов – М.: Логос, 2003. – 480 с.

137. Сосновских, Е. Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985-1997 гг. (на материалах Челябинской области): автореф. канд. ист. наук : 07.00.02 / Сосновских Елена Геннадьевна. – Челябинск. 2014. – 30 с.

138. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М.: Статут, 2012. – 335 с.

139. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика // СПС КонсультантПлюс.

140. Сыроваткин, А. Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – 123 с.

141. Топчиев, М. С. Анализ и типологизация основных мировых моделей регулирования государственно-конфессиональных отношений. // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 3. – С. 230-236.

142. Тощенко, Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. – 662 с.

143. Трофимчук, Н. А. Чего добиваются борцы с «сектами»? // Религия и право. – 1999. – № 3. – С. 136-138.

144. Ухтияров, А. И. Уполномоченный по правам человека как публично-правовой институт защиты прав граждан // Омбудсмен. – 2013. – № 1. – С. 29-33.

145. Федирко, О. П. Постсоветская трансформация на Дальнем Востоке России в источниках и историографии // Электронный научный журнал Архонт. – 2018. – № 3. – С. 77-87.

146. Фетисов, А. С. Развитие конфессиональной ситуации в Горном Алтае в 1991-2001 гг.: дис. … канд.ист.наук : 07.00.02 / Фетисов Антон Сергеевич. – Горно-Алтайск, 2011. – 204 с.

147. Филатов, С. Б. Религия и политика в посткоммунистической России. М.: ИФ РАН, 1994.

148. Фомичева, И. Д. СМИ среди средств социальной коммуникации // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 60-72.

149. Фурман Д. Е. Трагедия Джонстауна и Американские секты // США: Экономика, политика, идеология. – 1979. – № 6. – С. 27-36.

150. Фурман, Д. Е. Наша странная революция // Свободная мысль. –1993. – № 1. – С. 9-19.

151. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 298 с.

152. Харитонова, В. И. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм) / В. И. Харитонова, А. А. Ожиганова, Н. А. Купряшина // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2008. – Вып. 207. – С. 3-47.

153. Цыпин, В. Каноническое право. 2-е изд. – М.: изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 864 с.

154. Чайкин, В. Н. Противодействие деструктивным культам со стороны Русской Православной Церкви и реабилитация пострадавших // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 79-84.

155. Чепкина, Э. В. Проблема другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «другой» в дискурсе СМИ // Э. В. Чепкина, О. Ф. Автохутдинова // Гуманитарные аспекты современных массмедиа. – 2015. – С. 113-119.

156. Чеснокова, В. Ф. Язык социологии. Курс лекций. – М.: ОГИ, 2010. – 544 с.

157. Шангин, Н. В. Новые религиозные движения современной России в телевизионном СМИ / Н. В. Шангин, М. В. Масловский // Электронный научный журнал Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. URL:

http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9030 (дата обращения: 17.05.2021).

158. Шахов, М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.

159. Шахов, М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / Сретенская духовная семинария. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.

160. Шахрай, С. М. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Документы и материалы (1994-1997). Фонд современной истории, Академический учебно-научный центр РАН-МГУ. – М., 2013. – 960 с.

161. Шмидт, В. В. Межрелигиозный диалог: принципы организации и опыт к 15-летию межрелигиозного совета России / В. В. Шмидт, С. В. Мельник // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – № 2. – С. 5-31.

162. Шмидт, В. В. Религия: к проблеме дефиниции // Философия религии. – 2018. – № 4. – С. 80-91.

163. Шнирельман, В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Изд-во ББИ, 2012. – 302 с.

164. Шутов, О. С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. URL: http://rhga.ru/science/conferences/bchm/gmw_2000/shutova.php (дата обращения: 17.05.2021).

165. Эгильский, Е. Э. Контркультовое движение за рубежом и в России // Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 1. – С. 28-31.

166. Эгильский, Е. Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения / Е. Э. Эгильский, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. – М.: КноРус, 2013.

167. Яблоков, И. Н. Социология религии. – М.: Мысль, 1979. – 182 с.

168. Ясная, Т. В. Международное общество сознания Кришны как религиозный феномен в современной России (конец XX – начало XXI в.): дис. … канд. филос. наук: 09.00.14 / Ясная Татьяна Валерьевна. – М., 2020. – 177 с.

169. Barker, E. V. Watching for Violence. A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching Groups. https://www.cesnur.org/2001/london2001/barker.htm (дата обращения: 17.05.2021).

170. Chryssides, George D. Defining The New Age / Handbook of New Age, edited by Daren Kemp and James R. Lewis. Brill. – 2007. – P. 5-24.

171. Dawson, L. L. Comprehending Cults: The Sociology of New Religious Movements. Oxford University Press, 2006. – 272 p.

172. Fagan, G. Believing in Russia – Religious Policy after Communism. New York, 2013. – 316 p.

173. Glanzer P. L. Postsoviet Moral Education in Russia's State Schools: God, Country and Controversy // Religion, State and Society. – 2005. – Vol. 33. – №. 3. – P. 208-210.

174. Hanegraaff, W. J. New Age religion and Western culture: esotericism in the mirror of secular thought. Leiden: Brill, 1996. – 594 pp.

175. Holland, E. C. Competing Interpretations of Buddhism's Revival in the Russian Republic of Kalmykia // Europe-Asia Studies. – 2015. – Vol. 67. – № 6. –P. 948-969.

176. Krindatch, A. D. Patterns of Religious Change in Postsoviet Russia: Major Trends from 1998 to 2003 // Religion, State & Society. – 2004. – Vol. 32. – № 2. – P. 115-136.

177. Luehrmann, S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York: Oxford University Press, 2015. – 256 p.